

С.Г. ШУЛЕЖКОВА

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебное пособие

Четвертое издание

*Рекомендовано Министерством образования и науки РФ
в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся
по специальностям «Филология», «Иностранный язык»,
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2008

УДК 81(075.8)
ББК 81я73
Ш95

Рецензенты:

д-р филолог. наук, проф. *Т.А. Амирова*,
д-р филолог. наук, проф. *Л.А. Глинкина*,
д-р филолог. наук, проф. *Л.Я. Костючук*,
д-р филолог. наук, проф. *Л.А. Шкатова*

Шулежкова С.Г.

Ш95 История лингвистических учений : учеб. пособие / С.Г. Шулежкова. — 4-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 408 с.
ISBN 978-5-89349-725-0 (Флинта)
ISBN 978-5-02-033154-9 (Наука)

Пособие отражает содержание федеральной дисциплины «История лингвистических учений» и первой части курса «Общее языкознание». В увлекательной доступной форме, опираясь на новейшие достижения научной мысли конца XX — начала XXI в., автор излагает историю лингвистических учений от филологии классической древности до современного языкознания, представленного широким спектром школ и направлений.

Книга рассчитана на студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков университетов.

ISBN 978-5-89349-725-0 (Флинта)
ISBN 978-5-02-033154-9 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2004

ВВЕДЕНИЕ

История лингвистических учений как учебная дисциплина

§ 1. Место истории лингвистических учений среди других лингвистических дисциплин и её учебно-методическое обеспечение

Курс **истории лингвистических учений** предваряет изучение теории языкознания, которым завершается лингвистический цикл в системе высшего филологического образования России. История лингвистических учений традиционно рассматривалась в вузовских программах как составная часть общего языкознания. Это отразилось не только в Государственном стандарте высшего профессионального образования, действующем и поныне, но и в содержании учебников, а также учебных пособий по общему языкознанию, или по теории языка (В.И. Кодухов 1974; Ф.М. Березин, Б.Н. Головин 1979; А.Т. Хроленко 1981, 1989; А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов 2004 и др.), — дисциплине, введённой в учебные планы университетов и педагогических институтов нашей страны в 1963 г. Однако научная, информативная и общеметодологическая значимость истории лингвистических учений оказалась настолько весомой, что во многих университетах и педагогических вузах она была выделена в особый курс. Уже в 1975 г. издательством «Высшая школа» был выпущен первый (и пока единственный) учебник по истории лингвистических учений, подготовленный Ф.М. Березиным (2-е изд., 1984). Серия учебных пособий (Н.А. Кондрашов 1979; В.М. Алпатов 1998, 1999, 2001; Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский 2003; Л.Г. Зубкова 2003; Ю.А. Левицкий, Н.В. Боронникова 2005 и др.) свидетельствует об укрепившихся позициях новой дисциплины и высоком спросе на учебную литературу, отражающую её содержание.

В курсе истории лингвистических учений студенты лингвистических и филологических специальностей возвращаются к «вечным вопросам» языкознания на новом уровне: после освоения историко-лингвистических дисциплин, систематического курса изучаемого языка, диалектологии, стилистики, лингвистического анализа текста и других наук. История лингвистических учений знакомит студентов с множеством фактов, над которыми задумывались выдающиеся умы разных эпох и разных стран; рассказывает о теориях и гипотезах, объясняющих сущность языка и тех процессов, которые с языком связаны.

Готовя студентов к изучению теории языкознания, представляющей собою своеобразную философию языка, история лингвистических учений возвращает слушателей в круг проблем и вопросов, которые были поставлены ещё в курсе «Введение в языкознание». Что такое язык? Как возник язык? Как он устроен? Как язык развивается? Из каких элементов он состоит? Как эти элементы взаимодействуют? Можно ли мыслить без языка? Почему люди говорят на разных языках? Что позволяет всем языкам, таким разным, одинаково успешно описывать мир? Возможно ли совершенствование языка? Как языки действуют? Что помогает человеку без видимых усилий из огромного набора слов и выражений выбирать именно те, которые соответствуют данной ситуации? В курсе истории лингвистических учений ответы на эти вопросы студенты будут находить, знакомясь с концепциями учёных разных стран и эпох.

Учебные книги по истории лингвистических учений, изданные в 1970—1980-е гг. и справедливо высоко оценённые студентами и преподавателями тех лет, уже перестали удовлетворять современного читателя. Причина такого положения вещей кроется не столько в идеологической окраске излагаемого в учебниках и учебных пособиях материала, сколько в логике развития самой истории лингвистической науки. «История науки <...> должна критически составляться каждым научным поколением, — писал В.И. Вернадский, — и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются документы или находятся новые приёмы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что благодаря развитию современного знания в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит

в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперёд, наука не только создаёт новое, но неизбежно переоценивает старое, пережитое» (*Вернадский В.И.* Очерки и речи. Вып. 2. Пг., 1922. С. 112 // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 5). Опираясь на открытия последних десятилетий, исследователь расставляет иные акценты, иначе смотрит на, казалось бы, давно известные события из истории лингвистических учений, избавляется от стереотипов, доставшихся науке в наследство от недавнего прошлого, ищет в древних трактатах импульсы для новых гипотез, новых концепций.

К сожалению, учебные пособия 1990–2000-х гг., выполненные высококвалифицированными лингвистами-исследователями на огромном фактическом материале с учётом новейших открытий в области языкознания, освещают далеко не все вопросы истории лингвистических учений, обязательные для изучения в соответствии с вузовскими программами. Так, например, в них обычно нет раздела, посвящённого современному этапу развития языкознания (1970-е гг. — наши дни); в большинстве учебных пособий периода 1990–2000-х гг. неадекватно отражена история советского языкознания, особенно второй половины XX в.

Предлагаемая вниманию студентов и преподавателей новая учебная книга не только заполняет обнаруженные лакуны, но и облегчает восприятие достаточно сложного курса с помощью тщательно выверенного теоретического материала; специально подобранных списков обязательной и дополнительной литературы, которыми сопровождается каждая глава; вопросов для самоконтроля, рассчитанных как на осмысление различных концепций, так и на решение практических задач, на поиск новых источников знаний, на овладение приёмами лингвистического анализа. Это позволяет использовать пособие и в условиях обучения без отрыва от производства.

§ 2. Предмет и задачи курса «История лингвистических учений»

Современная проблематика теории языкознания вряд ли может быть понята без знакомства с историей её развития. Если теория языкознания содержит общую характеристику современных воззрений на сущность языка, его структуру, на его роль в жизни

общества, то **предметом изучения курса истории лингвистических учений** является сам *процесс познания языка*, начиная с древнейших времён до наших дней. Он знакомит студентов с обстоятельствами, в которых зарождались знания о языке; характеризует ведущие лингвистические направления и школы, возникавшие в разные периоды мировой и отечественной истории; описывает достижения выдающихся лингвистов; анализирует методы и приёмы лингвистического анализа, применявшиеся на разных стадиях развития языкознания.

История лингвистических учений теснейшим образом связана с теорией языка. С.Д. Кацнельсон в предисловии к монографии «История лингвистических учений. Древний мир» (1980) справедливо пишет: «В некотором смысле можно даже сказать, что обе науки имеют дело с различными аспектами **одного и того же объекта**. Обе они прямо или косвенно вырастают на основе социально-исторического процесса познания **языка**. Но если теория языка главным образом интересуется результатами познавательного процесса и стремится упорядочить их, опираясь на объективные связи элементов языковой системы, то история языка поглощена изучением того же *процесса в его становлении* <...> В сущности говоря, теория языка — это та же история языкознания, но очищенная от проявлений субъективного фактора и систематизированная по объективным основаниям и, с другой стороны, *история языка — это персонифицированная и драматизированная теория языка*, в которой каждое научное понятие и теоретическое положение снабжено ярлыком с указанием лиц, дат и конкретных обстоятельств, связанных с их появлением в науке» (выделено мною. — С. III.).

Языкознание прошло долгий, полный противоречий путь развития, который и описывается в курсе «История лингвистических учений». История каждой научной дисциплины знает два способа изучения своего объекта. «Один способ, очень решительный и смелый, направлен на то, чтобы свести всю пестроту и многообразие фактов мира, природного или общественного, к одному закону, одной формуле, одному понятию. Так, древнегреческий философ Фалес из Милета считал первоосновой всего сущего воду, для Гераклита единым первоначалом всех вещей был огонь, для Дарвина причина эволюционного развития живой природы заключалась в естественном отборе» (см. Энциклопедический словарь юного филолога, 1984, с. 5). Этот способ

исследования можно было бы условно назвать дедуктивным. Учёный создаёт теорию, стремясь к тому, чтобы она была непротиворечивой, а потом ищет подтверждение своей правоты в фактах. Так возникло учение швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра о языке и речи, совершившее переворот в европейской лингвистике начала XX в. Таким же способом создавалась глоссематика, одно из самых оригинальных учений о языке, автором которого был талантливый датский учёный-структуралист Луи Ельмслев.

Другой способ научного исследования состоит в тщательном собирании всех фактов, скрупулёзном их описании и систематизации. Так нередко изучают фауну ботаники, подводный мир — океанологи, животный мир — биологи и т. д. Иногда сведения, добытые таким путём, оказывались ценнее самых красивых и изящных теорий. В.И. Даль, всю жизнь кропотливо собиравший слова, оставил после себя прекрасный памятник — «Толковый словарь живого великорусского языка». Автора многочисленных теоретических заметок и статей И.И. Срезневского сейчас больше знают как составителя «Материалов для Словаря древнерусского языка».

Если в целом окинуть взглядом путь, пройденный языкознанием, можно убедиться в том, что оба способа изучения языковых фактов активизировались, заменяли друг друга в зависимости от потребностей развивающегося общества, от логики развития самой науки о языке.

В античную (древнюю греко-римскую) эпоху философы решали проблемы происхождения языка, взаимодействия языка и мышления, сущности слова. В Средние века, в эпоху Возрождения и в Новое время шла титаническая работа по сбору и описанию языковых фактов, пока общетеоретические проблемы снова не стали ведущими в языкознании начала XIX в., чтобы смениться частными исследованиями отдельных явлений в трудах младограмматиков. Языкознание XX—XXI столетий стремится не столько к тому, чтобы собрать факты многих языков мира и рассмотреть их под определённым углом зрения, сколько к тому, чтобы выработать *теорию*, применимую для объяснения многих языков вместе и каждого в отдельности.

История лингвистических учений имеет свои специфические **задачи**. Всем своим содержанием она должна

1) объективно и, по возможности, полно воссоздать систему общелингвистических взглядов учёных прошлого и оценить их

вклад в разработку общетеоретических проблем языкознания (таких, как *объект, предмет, метод и структура языкознания; место языкознания в системе других наук; функции языка; язык и общество; язык — мышление — действительность; сущность языкового знака; взаимосвязь языка и речи; система и структура языка; природа межъязыковых различий; развитие языка*) (Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии, 2003, с. 6);

2) продемонстрировать тесную взаимосвязь между создававшимися в разные эпохи теориями и методами лингвистического анализа, с одной стороны, и философскими воззрениями их авторов — с другой;

3) обеспечить понимание законов развития научной лингвистической мысли;

4) показать противоречивость взаимоотношений между рождающимися научными концепциями и явлениями социальной, культурной, политической и производственной жизни человеческого общества на разных этапах его развития;

5) ответить на вопрос о причинах развития науки о языке.

Что же стимулировало поступательное развитие языкознания?

Во-первых, как и любая наука, она подчинялась потребностям развивающегося общества. В эпоху Великих географических открытий и колониальных завоеваний работа лингвистов приобретала колоссальное политическое и культурное значение. Надо было изучать языки завоёванных народов и в то же время обучать их языку метрополии. Это не могло не стимулировать лингвистические исследования. Масштабная задача ликвидации безграмотности в послеоктябрьской России побудила лучших языковедов страны взяться за создание азбук и грамматик для многочисленных бесписьменных народов Кавказа, Сибири и Крайнего Севера. Кроме того, языкознание постоянно испытывало влияние со стороны успешно развивающихся других наук. Оно пережило мощное воздействие логики в XVIII—XIX вв., увлечение дарвинизмом в середине XIX — начале XX в. Расцвет социологии отразился в формировании социологического направления в языкознании; математизация общественных наук послужила толчком к возникновению структурализма — ведущего направления 20—60-х гг. XX столетия.

История языкознания полна драматизма. Она знала ожесточённые споры между идеалистами и материалистами, между ло-

гицистами и «натуралистами», между структуралистами и компаративистами. Какие глубокие последствия могут вызвать неправильные общественные оценки этих противоположных позиций, мы можем проследить на истории отечественного языкознания. Во времена культа личности (1930-е — начало 1950-х гг.) пресекались всякие попытки структурального изучения языков, под запретом была кибернетика, и в СССР структуральная школа сформировалась на три десятилетия позже Пражской и Копенгагенской лингвистических школ. И хотя идея машинного перевода принадлежит русскому инженеру П.П. Троянскому, первый эксперимент по машинному переводу прошёл в США в Джорджтаунском университете, где машина в 1954 г. перевела несколько фраз с русского языка на английский. Запретом на структурализм и кибернетику во многом объясняется отставание наших систем управления в производстве от мировых стандартов. Потребности производства в современной России вынуждают государство вкладывать деньги в прикладную лингвистику. Интерес российского общества к справочным изданиям и словарям вызвал в 1980—2000-е гг. активное развитие лексикографии, а демократизация политической жизни, которая сопровождается «раскованностью» языка средств массовой информации, способствовала расцвету «жаргонологии».

Во-вторых, языкознание развивается из необходимости создать внутреннюю логику науки, преодолеть противоречия, усовершенствовать методику лингвистического анализа, накопить знания о языках. Практически каждая новая лингвистическая школа XIX—XX вв. возникала в противовес уже устоявшейся теории в силу неспособности последней адекватно истолковывать факты известных языков или описывать прежними методами только что открытые языки. Так, знаменитый немецкий учёный Вильгельм фон Гумбольдт, изучивший множество языков (от индоевропейских до китайско-тибетских, индийских и малайско-полинезийских), нанёс сокрушительный удар по логической теории, которая до него занимала господствующее положение в европейской лингвистической науке. Он доказал несостоятельность одностороннего подхода при описании различных языков, разработал универсальную типологическую классификацию языков мира и создал философию языка, которая способствовала выделению общего языкознания в самостоятельную дисциплину.

Развитие лингвистических учений от античности до наших дней, как верно пишет Л.Г. Зубкова, «задаётся» эволюцией философской мысли, эволюцией взглядов «на соотношение бытия, мышления и языка». Так, в соответствии с изменением взглядов на соотношение бытия, мышления и языка изменяются представления о функциях языка по отношению к бытию и мышлению. Сначала в языке видели совокупность имён и вещей и, следовательно, средство обозначения вещей, затем — средство выражения и передачи универсальной мысли. «Только потом язык предстаёт как средство образования идей и, наконец, как средство членения и восприятия бытия, причём у каждого народа своё» (Общая теория языка, 2003, с. 19).

§ 3. Периодизация истории лингвистических учений

Периодизация истории лингвистических учений отражает наиболее важные вехи на пути совершенствования знаний о языке. Как и всякая периодизация, она носит, в известном смысле, условный характер, и границы между этапами нельзя признать жёсткими. С различными вариациями историю развития лингвистической мысли описывают, выделяя пять этапов, предшествовавших современному этапу, шестому.

I. Начальный этап (VI в. до н. э. — XVIII в.). В это время были сформулированы важнейшие проблемы языкознания, заложены основы лингвистической терминологии, накоплен огромный фактический материал по изучению самых разных языков мира.

II. Возникновение сравнительно-исторического языкознания и философии языка (конец XVIII — начало XIX в.). На этом этапе языкознание определило свой объект и свой предмет исследования, выработало специальный метод анализа языкового материала и выделилось в самостоятельную науку.

III. Расцвет сравнительно-исторического языкознания, отражённый в деятельности натуралистического, логико-грамматического и психологического направлений в лингвистике XIX в.

IV. Неограмматизм и социология языка (конец XIX — начало XX в.). Отмеченный критикой сравнительно-исторического метода, данный этап можно считать кризисным, подготовив-

шим почву для формирования структурального метода в мировом языкознании.

V. Структурализм (1920—1960-е гг.). В эти годы все структуральные школы в мировой науке достигают значительных успехов при изучении языка в его синхронном состоянии как системного явления.

VI. Современное языкознание (1970-е гг. — наши дни). Большинство лингвистических школ конца XX — начала XXI в., критикуя структурализм за формальный подход к языку, за игнорирование человеческого фактора, за сужение предмета языкознания, строит свои теории, основываясь на принципе антропоцентризма, и расширяет границы лингвистических исследований за счёт интеграции с другими науками (психологией, социологией, философией, этнографией, культурологией, информатикой и др.).

Как и в других областях знаний, при переходе от одного этапа к другому в языкознании действовал диалектический закон отрицания отрицания. Так обеспечивалась преемственность в накоплении и совершенствовании знаний; последующая фаза всегда была связана с предыдущей, но одновременно была прямо противоположна ей. Языкознание развивалось по спирали: возвращалось к старым задачам на новом уровне, исходя из потребностей общества. Учёные начинали с описания языка и его логико-философского осмысления, затем пытались открыть тайну происхождения языков и устанавливали их родственные связи. Структуралисты XX в. вновь вернулись к общетеоретическим проблемам, которые волновали учёных в античные времена: они также искали инвариантное (самое общее) в языках мира. (Для датских структуралистов формализация доказательства была не менее важна, чем знания о реальном языке.) Но то, что было всеобщим для лингвистов античности, никак не равно всеобщему в работах структуралистов. И дело здесь не только в развитии объекта исследования — самого языка, но и в развитии науки о языке. На современном этапе лингвистов волнуют те же вопросы, над которыми задумывался Вильгельм фон Гумбольдт, но лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика и другие лингвистические дисциплины конца XX — начала XXI в. обогащены достижениями структуральных, психологических, логических и других школ прошлого.

Вопросы для самоконтроля

1. Какое место занимает история лингвистических учений среди других лингвистических дисциплин?
2. Что является предметом изучения курса «История лингвистических учений»?
3. Какие задачи призвана решать история лингвистических учений?
4. Как связаны между собой история лингвистических учений и теория языкознания?
5. В чём заключается смысл периодического пересмотра истории лингвистических учений?
6. Какие причины побуждают науку о языке развиваться, совершенствоваться?
7. На чём основана периодизация истории лингвистических учений? Назовите основные этапы развития мировой лингвистической мысли.
8. Справедливо ли утверждение, что развитие знаний о языке идёт по спирали, в соответствии с гегелевским законом отрицания отрицания?

ЛИТЕРАТУРА

Основная

Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 7—9; 3-е изд., доп. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 7—9.

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: ИЦ «Академия», 2003. С. 6—17.

Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: Учебник. М.: Наука, 1979. С. 4—5.

Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учебник. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1984. С. 3—5.

Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии: Учеб. пособие. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. С. 5—24.

История лингвистических учений. Древний мир / Под ред. А.Д. Десницкой, С.Д. Кацнельсона. Л.: Наука, 1980. С. 3—5.

Кодохов В.И. Общее языкознание: Учебник для студентов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. шк., 1974. С. 3—6.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1979. С. 3—6.

Левицкий Ю.Я., Боронникова Н.В. История лингвистических учений: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2005. С. 3—5.

Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка: Учеб. пособие / Под ред. В.Д. Бондалетова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 3—12.

Дополнительная

Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание: Учеб. пособие для студентов филол. спец. Волгоград: Перемена, 1998. С. 3—11.

Будагов Р.А. Чему учит нас история науки о языке // Филологические науки. 1986. № 3. С. 13—25.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 618—621; 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 618—621.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 5—11.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1998. С. 658—660.

РАЗДЕЛ I

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Долгое время историю языкознания как науки (совокупности достоверных, подлинных знаний) начинали с XIX в., со времени появления сравнительно-исторического метода. Предшествующий период обычно называли донаучным, так как это был период накопления, описания фактов и интуитивных попыток их объяснения. Но уже в глубокой древности были поставлены основные проблемы языкознания: происхождения и природы языка, связи языка и мышления, соотношения частей речи и членов предложения, знака и значения. Даже костяк лингвистической терминологии был создан представителями греко-латинских грамматических школ. Именно поэтому корректнее было бы говорить о начальном этапе в истории развития языкознания. Этот этап был самым длинным, ибо само накопление и описание фактов — всегда более трудоёмкий и более длительный процесс, чем их теоретическое осмысление.

На начальном этапе языкознание было представлено пятью лингвистическими традициями: древнеиндийской, классической (греко-латинской), арабской, китайской и японской. Правда, китайское и японское языкознание развивались слишком обособленно и заметного влияния на развитие мирового языкознания не оказали.

В хронологическом плане начальный этап можно рассматривать по четырём периодам:

- 1) зарождение знаний о языке, формирование лингвистических традиций (VI в. до н. э. — 476 г., год падения Рима);
- 2) языкознание Средних веков (476 г. — XIV в.);
- 3) языкознание эпохи Возрождения (2-я половина XIV—XVI в.);
- 4) языкознание Нового времени (XVII—XVIII вв.).

ГЛАВА I

**Зарождение знаний о языке,
формирование лингвистических традиций
(VI в. до н.э. — 476 г.)****§ 4. Веды и грамматика Панини**

Лингвистические труды появлялись тогда, когда необходимо было решить конкретные практические задачи, связанные с языком. В.М. Алпатов справедливо пишет о том, что «важнейшей целью создания и развития лингвистических традиций была задача обучения языку культуры, не являвшемуся материнским либо для всех, либо для части людей, находившихся в сфере данной культуры» (*Алпатов В.М. История лингвистических учений*, 2-е изд., с. 18). Кроме того, лингвистические исследования предпринимались в связи с необходимостью толковать тексты, язык которых устарел и был не до конца понятен членам общества, для кого эти тексты представляли высокую ценность (религиозную или этнокультурную). Не случайно лингвистические сведения входили в состав синкретичной науки, которая объединяла философские, религиозные, филологические, астрономические и прочие знания.

Так, примерно 2500 лет тому назад, в VI в. до н. э., в Древней Индии были записаны священные тексты, в которых сохранилась сущность индуизма. Каноны, легенды индуизма были воплощены в религиозных гимнах — **ведах**, предназначавшихся для пения. Веды были сочинены задолго до этого времени и передавались из уст в уста — от учителей к ученикам, но затем они обрели и письменную форму. Веды до сих пор признаются основными священными книгами индуизма. Древнейшая из них — «Ригведа», или веда гимнов — состоит из 1028 высокохудожественных поэтических произведений и равна по объёму «Илиаде» и «Одиссее» вместе взятым.

Язык вед называют **ведийским**. Он постепенно сближался с древнеиндийским литературным языком — **санскритом**. В VI в. до н. э., когда веды получили письменную фиксацию, ведийский язык, священный язык индуизма, обработанный поэтами в древнейшие времена, как и санскрит, уже резко отличался от разговорных языков Индии — пракритов.

В целях ограждения ведийского языка от пракритов, обеспечения точного произношения и понимания священных гимнов начинается филологическое изучение и описание вед. Ф. де Соссюр писал, что толчком к такого рода исследованиям послужила *звукопись* — характернейшая черта древнеиндийской поэзии. Так, в ведах любой читатель или слушатель без труда обнаружит многочисленные анаграммы — звукопись, направленную на определённое имя и стремящуюся воспроизвести это имя; игру слов и звуков. Ключевое слово (имя бога) расщеплялось на слоги, его звуки повторялись в соседних словах. Например, АГНИ — ‘огонь’; АНГИРАС — ‘бог огня, посредник между богом и людьми’; *gīrah — ‘песни’; *anga — ‘соединение’. Так что толкователям вед приходилось овладевать фонетикой, постигать акустические и физиологические свойства звуков, заниматься фонетико-поэтическим анализом вед. Ф. де Соссюр подчёркивает, что «поэт полностью отдавался звуковому анализу слов, который становился его обычным занятием» (*Соссюр де Ф.* Отрывки из тетрадей, содержащих записи по анаграммам... 1977, с. 639).

Авторы вед «играли» не только звуками, но и формами слов. Уже первый гимн «Ригведы», замечает Ф. де Соссюр, «является свидетельством очень древнего *грамматико-поэтического анализа*, вполне естественного в тех текстах, где производился фонетико-поэтический анализ. Этот гимн положительно склоняет имя Агни...» (там же, с. 640). Данные поэтические традиции не могли не повлиять на формирование морфологического учения в Древней Индии.

Когда начались лингвистические исследования в Древней Индии, сказать трудно. Но уже в самих ведах даются ответы на многие вопросы языкознания. Так, в ведангах, объединённых под названием «Шикша», рассматриваются вопросы фонетики; в «Чаанде» — вопросы орфоэпии, метрики и стихосложения; во «Вьякарне» (от ‘анализ’, ‘расчленение’) — грамматические проблемы; в «Нирукте» — вопросы этимологии и лексикологии. За тысячу лет до н. э. в Древней Индии появились первые словари, в которых толковались непонятные слова из вед.

Однако самым выдающимся достижением индийского языкознания является **Грамматика Пáнини**.

Пáнини в своей Грамматике описывает фонетический и грамматический строй классического **санскрита**. Об авторе этой уникальной Грамматики практически ничего неизвестно, кроме того,

что он не знал грамоты (не владел техникой письма). Даже время создания знаменитой Грамматики Пáнини точно не установлено. Предполагают, что она была сочинена (не написана!) приблизительно в IV в. до н.э. Это поэтический труд, состоящий из 3996 стихотворных правил — **сутр**, которые распределены по восьми книгам, поэтому Грамматику Пáнини иногда называют «Восьмикнижием». Сутры легко запоминались и предназначались, очевидно, для заучивания наизусть. Лишь через несколько веков Грамматика Пáнини была записана.

Пáнини не делит свою грамматику на привычные для современной науки разделы. Фонетические, морфологические, этимологические сведения чередуются, переплетаются без видимой системы. Автор строит языковой анализ на выявлении сходства и различия языковых единиц. Он сравнивает санскрит с восточными индийскими диалектами и выявляет специфические особенности языка вед. Синтаксис почти не разработан, хотя предложение признано важной языковой единицей, которая способна выражать мысли. Слово же ни по форме, ни по содержанию не признаётся самостоятельной единицей, хотя предложение и делится для удобства на слова.

В Грамматике Пáнини выделяются четыре части речи: **имя** (слово, обозначающее идею субстанции), **глагол** (слово, обозначающее действие), **частицы** и **предлоги** («обслуживающие» в предложении глаголы и имена). Местоимения и наречия особо не рассматриваются: хотя об их свойствах даются отдельные сведения, они распределяются между глаголами и именами.

Большое значение в Грамматике придаётся описанию способов словоизменения (склонения, спряжения). Выделяется семь падежей, но у них пока нет названий, хотя каждый из них снабжён порядковым номером.

Много внимания Пáнини уделяет членению слова на морфемы. Этому способствует прозрачная структура санскритского слова: оно обычно состоит из корня, суффикса и окончания. Пáнини даёт представление о нулевой флексии, о нулевой морфеме, говорит о роли ударения в слове и интонации в предложении. При сравнении сходных слов он выделяет основу и окончание; все корни сводит к глагольным корням, далее неделимым. Таким образом ему удалось обнаружить 1993 глагольных корня, из которых путём присоединения первичных или вто-

ричных окончаний местоимённого происхождения, по мнению Пáнини, образуются все части речи. В Древней Индии не случайно традиционно создавались словари корней.

Необыкновенно высокого уровня достигла в Грамматике Пáнини точность фонетического анализа, тесно связанная с физиологией. Уже в самих ведах, язык которых Пáнини анализировал, дано понятие артикуляции, артикулятора (как артикуляторы указываются мягкое нёбо, твёрдое нёбо, зубы, альвеолы, верхняя губа, корень-середина-кончик языка).

Все звуки Пáнини разделил на **гласные** и **согласные**. В Грамматике Пáнини указывается, что гласные образуются сближением органов речи, а согласные — их смыканием. Наряду с гласными и согласными, описываются **полугласные** звуки. Среди согласных различаются взрывные и фрикативные. В образовании **слога** ведущая роль признаётся за гласным звуком, согласному же приписывается в слогe подчинённая роль (самостоятельно слоги образовать они не могут).

Грамматика Пáнини на многие века стала образцом для индийских учёных. В III в. до н. э. Вараручи Катъяяна комментирует Грамматику Пáнини и создаёт на её основе первую грамматику пракрита.

Грамматика Пáнини была опубликована в Европе в начале XIX в. «Высота, которой достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, — справедливо пишет Вильгельм Томсен, автор первого пособия по истории лингвистических учений, — и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев» (Томсен В. История языковедения до конца XIX в., 1938, с. 10). Ещё более основательно оценивает Грамматику Пáнини автор лучшего современного учебного пособия по истории лингвистических учений Владимир Михайлович Алпатов: «Пáнини создал почти исчерпывающее описание грамматики и фонетики санскрита. По точности и математической строгости его труд не имел себе равных не только в Индии, но и во всём мире по крайней мере до XX столетия, а в некоторых отношениях не превзойдён до сих пор. Сам способ описания языка через правила построения (или, как говорят в современной науке, рождения) текстов не применялся в науке до самого последнего времени <...>. И лишь в середине XX в. этот способ открыли независимо от Пáнини» (Энциклопедия для детей. Т. 10. Язы-

кознание. Русский язык, 1998, с. 604). К сожалению, в самой Индии лингвистические труды после такого блестящего взлёта стали носить по преимуществу характер комментирования Грамматики Пáнини, и индийская наука о языке ничего существенного в мировое языкознание после Пáнини не внесла.

§ 5. Древнегреческая философия и вопросы языкознания

В отличие от эмпирического индийского языкознания в греческом учении о языке прослеживается философский подход. Важнейшими проблемами, которые волновали древнегреческих философов, были 1) происхождение языка и 2) взаимоотношение слова и вещи. Древнегреческие философы понимали, что речь — уникальное явление, свойственное только человеку, что речь могла быть создана лишь сознательными и разумными усилиями. Поэтому вопрос о происхождении языка приобретал в Древней Греции особый вид: **«Кто создал язык и каким «материалом» он при этом пользовался?»**

В античном мире этот вопрос формулировался так: «Создан ли язык **«по природе»** (physei) или **«по установлению»** (thesei)?» Этот спор заложил основы многочисленных гипотез, касающихся происхождения языка. Античная философия фактически высказала почти все возможные точки зрения по выдвинутым проблемам, которые впоследствии только углублялись и комбинировались. Вполне естественно, что гипотезы о происхождении языка уже в античности распадались на две группы:

1-я — **«по природе»** (physei) — связывала имена с природой вещей и людей, свойства которых отражаются в звучании или в значении имён;

2-я — **«по установлению»** (thesei) — исходила из того, что имена людям и вещам (это не различалось) дают искусные в своём деле установители имён.

Основоположителем теории «отприродности» имени был, видимо, **Гераклит Эфесский** (540—475 гг. до н. э.), философ-пантеист, сформулировавший ряд принципов диалектики. Это ему принадлежат знаменитые афоризмы: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» и «Всё течёт, всё изменяется». По Гераклиту, восприятие вещей определено их природой. Иными словами, **природа создала имена**. Люди должны открыть правиль-

ное имя, созданное природой. Но это удаётся далеко не всем. Истина жива, поэтому она подвижна и прячется от людей. Только лучшие люди, из которых один стоит тысячи, могут познать вечный закон природы и высказать его. Они-то и открывают правильные имена, соответствующие природе вещей. Истинные названия — это тени или отражения вещей.

Доказывая свою правоту, сторонники Гераклита выдвинули ряд тезисов:

1) названия вещей определены их природой, поскольку люди не могут произвольно менять названия предметов;

2) проклятия и молитвы действуют на названных в них людей именно потому, что их имена связаны с их природой;

3) «отприродность» имени состоит в том, что и имя, и глагол есть звуки, а звуки — явления природы; следовательно, имена и глаголы «отприродны».

Против теории «отприродности» имени выступил философ-материалист **Демокрит** из города Абдера во Фракии (ок. 460 до н. э. — год смерти неизвестен). Он выдвинул стройную аргументацию в защиту своей теории происхождения слов по обычаю, «по установлению» людей:

1) если бы все названия давались «по природе», то у разных вещей не могло бы быть одинаковых названий (Демокрит имеет в виду явления омонимии и полисемии, называя их общим термином — «равноимённость»);

2) при «отприродном» характере языка многие вещи не могли бы иметь по несколько названий (речь идёт о синонимии, которую Демокрит именует «многоимённостью» или «равновесием»);

3) если бы названия давались «по природе», невозможно было бы переименовывать людей (нельзя было бы, например, переименовать Аристокла в Платона: подлинным именем знаменитого философа было *Аристокла*, а *Платон* ‘широкий’ — лишь прозвищем);

4) многие вещи безымянны.

Последователи Демокрита, демонстрируя произвольность установленных имён, называли своих рабов не полными словами, а союзами и частицами; обыгрывали имена собственные своих оппонентов. Так, по свидетельству древнегреческого историка философии Диогена Лаэртского, философы IV в. до н.э. Стилпон и Феодор-Безбожник поссорились из-за имени Феодор. «Скажи, Феодор, — спросил Стилпон, — что в твоём имени, то ведь и в тебе?» Феодор согласился. «Но ведь в имени

твоём бог?» (Theodoros — ‘божий дар’). Феодор и с этим согласился. «Стало быть, ты и есть бог?» Феодор и это вынужден был принять. Стильпон расхохотался и сказал: «Негодник ты эдакий, да ведь с таким рассуждением ты себя признаёшь хоть галкой, хоть чем угодно!» Добавим, что Феодор был известен как атеист, за что и получил прозвище «Безбожник».

Спор между сторонниками двух разных гипотез о происхождении имён был изображён крупнейшим философом-идеалистом Древней Греции **Платоном** (427—347 гг. до н.э.) в диалоге «Кратил, или О правильности имён». Здесь Платон, собрав все известные в его время гипотезы о происхождении имён, в той или иной форме отвергает или высмеивает каждую из них. В диалоге участвуют Гермоген — сторонник теории происхождения имён «по установлению», Кратил — сторонник теории «отприродности» имён и Сократ — выразитель авторских идей, учитель Платона. Сократ вступает в спор с Гермогеном и переубеждает его, затем в споре с Кратилом доказывает несостоятельность и второй теории. В итоге Сократ пытается примирить полярные точки зрения. Он говорит, что слова могут отражать сущность вещей и приводит тому доказательства. Так, по его мнению, звук (буква, по Сократу) *ρ* подобен порыву, и язык при его произнесении приходит в сильное сотрясение. Поэтому *ρ* входит в слова *rein* ‘течь’, *tromos* ‘дрожь’, *trechein* ‘бежать’. *Ι* использовался установителем для всего тонкого, что может пройти через всё, *Ι* (лямбда) — для всего гладкого, лоснящегося.

Сократ (как и Платон) думает, что изначально связь между вещью и названием была, но потом от первоначальных слов образовалось много новых, и эта связь утратилась. Платон устами Сократа пришёл к выводу: установители имён могут быть более или менее способными. В результате имя может быть создано и правильно, и неправильно. Однако и неправильные имена показывают вещи, но не благодаря сходству с ними, а по обычаю. И всё же для имён лучше, когда большинство их звуков (букв, по словам Платона) являются сходными с вещами, и плохо — в противоположном случае. Таким образом, слова — символы, но если установитель именует правильно, то они соответствуют природе вещей.

Доказательства из диалога «Кратил» способствовали развитию общетеоретических основ языкознания. Платон продемонстрировал несостоятельность одностороннего подхода в оценке языка и языковых знаков. Только синтез «отприродного» тол-

кования и толкования «по установлению» может дать истинный ответ на вопрос о происхождении языка и сущности имён, т. е. языковых знаков.

Ученик Платона **Аристотель** (384—322 гг. до н.э.), философ-энциклопедист, колебавшийся между идеализмом и материализмом, продолжал развивать идеи Платона. Он известен в истории философии как создатель формальной логики. Аристотель пишет, что вещи и вызываемые ими впечатления везде одинаковы, но знаки везде разные. Отсюда следует, что ни одно имя не существует от природы. Слова лишь случайным образом связаны с вещами.

Аристотель отнёсся к языку как к отдельному предмету исследования и заложил основы системного изучения языка (он пишет о звуках, из которых строятся слоги, о словах, состоящих из слогов, о предложениях, состоящих из слов). В своей знаменитой работе «Поэтика» Аристотель разрабатывает грамматическую терминологию. Во всяком словесном изложении он выделяет восемь частей речи: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение — и закладывает основы синхронического описания языка.

Под **словом** Аристотель понимает символ, который представляет собой единство психического (представления, находящиеся в душе) и звукового (произвольного материального облика). **Глагол**, в отличие от **имени**, по Аристотелю, указывает на время. Например, *здоровье* — имя, *здоров* — глагол (ибо обозначает присутствие признака в данное время). Глагол, как пишет Аристотель, служит обозначением сказанного об ином, например, о подлежащем. Таким образом, древнегреческий философ даёт логическое объяснение частям речи как субъекту и предикату суждения.

Изменения глаголов и имён (по лицам, числам, временам, падежам) все вместе Аристотель называет **падежами**. Под **элементами** он понимает звуки речи и делит их на гласные, согласные и безгласные; **слог** характеризует как сочетание гласного и согласного, **союз** и **член** — как служебные части речи. В «Риторике» Аристотель рассуждает о простых и сложных **предложениях** с логической точки зрения.

После Аристотеля в греко-латинском мире стало возможным лингвистическое описание системы языка, а логико-грамматический взгляд на структуру языка преобладает в европейской науке вплоть до XVIII в.

Дальнейшее развитие языкознание получило в трудах **стоиков** (III в. до н. э.). Стоики — это античные философы, которые возродили учение Гераклита об огне-логосе, первооснове всего сущего, и рассматривали мир как живой организм, пронизанный творческим первоогнём. В решении лингвистических проблем они следовали за Аристотелем. Стоики, особенно их глава **Хрисипп** (280—206 гг. до н. э.), уточнили многие лингвистические термины. Они описали 24 звука, пять частей речи: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз, член. Падежи стоики стали относить только к именам, причём каждому падежу, в отличие от индийских грамматистов, дали название и разделили их на прямые и не прямые. Эти названия падежей (именительный, родительный, дательный, винительный и пр.) через старославянский язык проникли и в современную русскую грамматику. Особое внимание стоики уделяли формам слов — акциденциям.

В споре о природе названий вещей стоики были на стороне Гераклита: слова изначально истинны. Доказывая эту точку зрения, стоики попытались заложить основы этимологии, так как занимались поисками первоначального названия — **этимона** ‘истины’.

Этимологические изыскания продолжались в Древнем Риме и в средние века. Так, древнеримский грамматист **Варрон** (116—27 гг. до н.э.) определил этимологию как науку, которая устанавливает, «почему и отчего появились слова». Его этимологии иногда бывали удачными, иногда нет. Латинское слово *luna*, например, он делил на две части (*lu* и *na*), из которых первую связывал со словом *lucere* ‘светить’, а вторую — со словом *nox* ‘ночь’. *Luna*, в соответствии с этим объяснением, является небесным телом, которое светит ночью. Связь слова *luna* с глаголом *lucere* Варроном была установлена правильно, но слово *nox* никакого отношения к происхождению слова *luna* не имеет. Забавной выглядит гипотеза Варрона, объясняющая происхождение слова *aqua* ‘вода’: он считал, что *aqua* возникло из слов *a* ‘от’ и *qua* ‘которая’, а потому означает ‘жидкость, от которой или с помощью которой поддерживается жизнь’. Не имея твёрдых критериев, не пользуясь сравнительно-историческим методом, лингвисты Средних веков давали произвольное толкование многим словам. Так, например, значение латинского слова *hostis* ‘враг’ связывалось с начальной буквой *h*, которая графически якобы похожа на двуручный меч.

Последователи Варрона в средние века и в Новое время продолжали этимологические исследования в таком же анекдоти-

ческом духе. Так, Фосс, автор этимологического словаря, вышедшего в Амстердаме в 1662 г., и не отличавший букв от звуков, утверждал: а) любая гласная буква может превратиться в любую другую гласную; б) любая согласная может превратиться в любую другую согласную; в) любая гласная может превратиться в любую согласную и наоборот. Историк А.А. Шлёцер в России XVIII в. возводил слово *князь* к немецкому Knecht ‘слуга’, а слово *дева* — к немецкому Dieb ‘вор’. В итоге за этимологией закрепилась дурная репутация, что дало основание Вольтеру, выдающемуся французскому писателю и философу XVIII в., язвительно заметить: «Этимология — это наука, в которой гласные ничего не значат, а согласные почти ничего не значат». «Реабилитация» этимологии стала возможной только с открытием сравнительно-исторического метода в начале XIX в.

§ 6. Александрийские грамматисты

Александрийская школа сформировалась в эпоху эллинизма, которая характеризовалась синтезом греческой (эллинской) и восточных культур. Эта эпоха наступила после смерти Александра Македонского (323 г. до н. э.) на обломках созданной им империи (при жизни знаменитого полководца она простиралась от Египта до реки Инд) и длилась до захвата Египта Римом (30 г. до н. э.). Промежуток времени между 323 и 30 гг. до н. э. принято считать вторым, «грамматическим» периодом античного языкознания. В это время греческая культура распространилась на Восточном Средиземноморье, в Передней Азии и в Причерноморье в результате завоеваний Александра Македонского. Наивысшего расцвета греческая культура достигла в Египте с его столицей **Александрией** и в Малой Азии с центром в **Пергаме**. В Александрии и Пергаме были созданы крупнейшие библиотеки. Только в Александрийской библиотеке насчитывалось около 700 тыс. рукописных книг (произведения греческой литературы и науки, переводы произведений восточных авторов). **Александрийская грамматическая школа** возникла под влиянием практических потребностей: необходимо было усвоить, осмыслить и сохранить традиции греческой культуры и греческого языка эпохи их расцвета в условиях многоязычной империи, где греческий язык для большинства жителей не был родным. Необходимость обучения греческому языку как языку искусства, культуры, науки побуждала учёных заниматься прежде всего его грамматикой.

Между пергамскими и александрийскими филологами возникли споры по вопросу об **аномалии и аналогии**. Это было продолжение древнего спора о взаимоотношении вещи и её названия. Пергамские филологи следовали в своих взглядах на язык за стоиками (название должно соответствовать природе вещи) и, находя сплошные отклонения в языке, противоречащие защищаемой концепции, возводили в абсолют аномалию, т.е. несоответствие между словом и вещью.

Александрийские грамматисты тоже видели несоответствия в языке: имена женского рода *черепаха* и *муха* называют особой не только женского, но и мужского пола; Афины — один город, а имеет форму множественного числа и т.д. Но аномалии, как доказывали александрийские грамматисты, — это исключения из общего правила, основанного на грамматической аналогии.

С помощью понятий аналогии и аномалии учёные эпохи эллинизма вскрывали системность языка, не прибегая к самому термину *системность*.

Труды александрийских учёных дошли до нас в отрывках и пересказах. **Аристарх Самофракийский** (II в. до н. э.), **Дионисий Фракийский** (II в. до н. э.) обратились к фонетике, но на менее высоком уровне, чем индусы. Звуки характеризовались александрийцами преимущественно со стороны акустической (гласные, согласные, полугласные), а буквы и звуки не дифференцировались. **Слово** рассматривалось как наименьшая часть речи, **предложение** — как соединение слов, выражающее законченную мысль.

Аристарх выделяет восемь частей речи: имя, глагол, причастие (причастно имени и глаголу), местоимение, наречие, предлог, союз, член (у римлян — междометие). **Имена**, пишет Аристарх, изменяются по падежам и числам, **глаголы** — по временам, наклонениям (их насчитывалось пять), числам (ед., мн., дв.), лицам (речь кого, к кому, о ком), видам (их называлось четыре). Но до морфемного состава слов александрийцы не дошли, синтаксис исследовали поверхностно, в фонетике постоянно смешивали буквы и звуки, а в грамматике в целом подменяли грамматические понятия логическими понятиями.

Учение александрийских грамматистов получило дальнейшее развитие в трудах римских учёных: в исследовании «Латинский язык» Марка Теренция Варрона, жившего в I в. до н. э.; гигантском труде Присциана «Грамматические наставления в 18 книгах», появившемся в начале VI в., и др. Римляне, завоевавшие

во II—I вв. до н. э. Грецию и всё Средиземноморье, активно осваивали греческую культуру и приспособляли греческие грамматики к латинскому языку, очень похожему на греческий язык.

Античное (древнее греко-римское) языкознание, хотя и не может сравниться с грамматикой Панини, достигло значительных успехов в области морфологии и практической фонетики. Заслугой александрийских учёных является описание метафор, синекдохи, метонимии, развитие основ метрики. В заслугу им можно поставить борьбу за ясность и чистоту речи, за её правильность. Но, пожалуй, самое главное, за что европейская наука должна с благодарностью вспоминать древнегреческих и латинских грамматистов, — это то, что именно на их трудах выросла современная лингвистика. Именно они выработали терминологический аппарат, который, пусть и в усовершенствованном виде, используется в современном языкознании.

Подводя итоги достижениям классического периода в истории развития лингвистической мысли, следует подчеркнуть, что учёные античности решали вопросы, связанные с языком, в явной зависимости от своих философских воззрений. Античное сознание воспринимало окружающий мир только как чувственно-материальную действительность. «Абсолютный вещевизм» (термин А.Ф. Лосева) античного мифологического мышления распространялся и на сферу идеального: «...всё идеальное дано в нём вещественно <...> целиком материально и целиком зримо физическим зрением» (Античная философия и общественно-исторические формации, 1988, с. 23). Потому язык в античных трактатах определялся как совокупность имён вещей, а важнейшей лингвистической проблемой для представителей разных школ греко-римского мира было взаимоотношение имени и вещи. «Споря о сущности именования, античные философы исходили из противопоставления совершенной природы несовершенному человеческому обычаю, закону, установлению, которому свойственны произвол, условность, случайность» (Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии, 2003, с. 33).

Вопросы для самоконтроля

1. Можно ли начальный этап развития языкознания назвать донаучным? Если нет, то почему?
2. На какие периоды делится начальный этап развития языкознания?

3. Какие причины побуждали учёных в древние времена заниматься проблемами языкознания?
4. Чем можно объяснить взлёт лингвистической мысли в Древней Индии? Что представляла собою Грамматика Пáнини?
5. Перечислите основные научные достижения древнеиндийского языкознания, отражённые в Грамматике Пáнини. Как развивалось языкознание в Индии после Грамматики Пáнини? Какое влияние эта Грамматика оказала на европейскую науку?
6. Какие лингвистические проблемы волновали учёных Древней Греции? В лоне какой науки решались вопросы языкознания в Древней Греции?
7. Охарактеризуйте основные гипотезы происхождения языка, возникшие в античной философии. Какие аргументы в защиту своих взглядов выдвигали сторонники теории «отприродности имени» и сторонники теории происхождения имён «по установлению»?
8. Как в диалоге «Кратил» Платон пытался «примирить» полярные взгляды на происхождение имён?
9. Какие положения из трудов основателя формальной логики Аристотеля оказались чрезвычайно полезными для дальнейшего развития европейской лингвистической мысли?
10. Оцените вклад стоиков в языкознание.
11. Что представляла собой этимология в момент её зарождения? Чем можно объяснить «дурную репутацию» этимологии в Средние века и в Новое время?
12. Чем был вызван интерес к проблемам языкознания в эпоху эллинизма? Почему школы, возникшие в это время, называют грамматическими?
13. В чём суть споров об аналогии и аномалии между учёными александрийской и пергамской грамматических школ?
14. Как соотносятся лингвистические воззрения учёных классической древности с их философскими взглядами?

ГЛАВА 2

Языкознание Средних веков

§ 7. Языкознание в средневековой Европе

Средними веками условно называют время между падением Рима (476 г.) и открытием Америки Колумбом (1492 г.). Одна-

ко в ряде европейских стран Возрождение пришло на смену Средневековью значительно раньше — в XIV в., поэтому конец Средневековья правильнее было бы датировать XIV—XV вв.

До недавнего времени учёные смотрели на Средние века, по словам Ф. Энгельса, «как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством». Специалисты, которые в прошлом веке воссоздавали историю лингвистической мысли, находясь под впечатлением стремительного развития компаративистики, также были склонны недооценивать достижения средневековых грамматистов и философов, занимавшихся проблемами языка. О Средневековье писали как о целом тысячелетии застоя научной мысли, которое определялось «безраздельным господством латинской грамматики в её соответствии с требованиями схоластики» (*Десницкая А.В. История лингвистических учений. Средневековая Европа, 1981, с. 3*).

Внимание к средневековой лингвистической мысли по-настоящему пробудилось во второй половине XX столетия, когда учёные, разочаровавшиеся в структурализме, вновь заинтересовались общетеоретическими проблемами языкознания. Оказалось, что именно средневековые мыслители, несмотря на засилье церкви, на известные ограничения в тематике, в отборе источников и изучаемых языков, вызванные религиозными убеждениями авторов, предложили ряд оригинальных концепций, которые созвучны современной философии языка.

Центрами философской и грамматической мысли в средневековой Европе были монастырские школы, философские школы и первые университеты. Наука являлась неотъемлемой частью духовной культуры, которая была пронизана пафосом универсализма, обусловленного в значительной степени христианским вероучением. В монастырских и философских школах, в университетах средневековые философы и грамматисты вели бесконечные споры, комментировали Священное Писание и произведения античных авторов, сочиняли трактаты на богословские темы. На их просветительской и научной деятельности не могли не отразиться характерные черты средневекового христианского мира, с его монументальной архитектурой и скульптурой, возвышенной красотой, культивировавшейся в живописи и литературе, и, конечно же, с глобальностью, масштабностью проблем, заданных религиозным культом.

Развитие лингвистической мысли в Средние века было теснейшим образом связано с христианским вероучением. Если в

античное время в центре языческого мировоззрения был принцип «вещи, тела, природы», «чувственно-материальный космос», то в христианстве Средних веков — «принцип личности, общества, истории, или, конкретнее говоря, сотворения космоса сверхкосмической личностью» (Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 1, 1992, с. 62). Отцы Церкви, христианские мыслители **Василий Великий** (IV в.), **Григорий Нисский** (IV в.), **Аврелий Августин** (IV—V вв.), **Иоанн Дамаскин** (VII—VIII вв.) и др. считали язык отличительным признаком человека как разумного существа. В патристике (сочинениях отцов Церкви) доказывалась *неразрывность* и одновременно *неслиянность* ума и слова. В акте именования первичного по отношению к языку миру вещей, считали отцы Церкви, между объектом и его именем неизменно стоит человек, установитель и интерпретатор.

Средневековые стало связующим звеном между античным миром и эпохой Возрождения. Именно с этих позиций современная историография склонна оценивать лингвистические концепции V—XIV вв. Приобщение к великому греко-римскому культурному наследию шло параллельно с христианизацией языческих племён и народов, которые создавали свои княжества и государства на развалинах огромной Римской империи. И в Западной, и в Восточной Европе этот процесс сопровождался изобретением письменностей. В Западной Европе, как правило, они создавались стихийно на базе латинского алфавита (у кельтов, французов, каталонцев, германцев, провансальцев и др. народов). В Восточной Европе, особенно в славянском мире, оказавшемся под влиянием Византии, которая поощряла христианское богослужение на родных языках народов, принявших крещение, появлялись оригинальные авторские азбуки (ср. глаголицу **Кирилла и Мефодия**, изобретённую в IX в., и кириллицу, созданную позднее их учениками в Болгарии). Деятельность по созданию письменностей неизбежно способствовала развитию лингвистической мысли в области фонетики и фонологии, потому что каждый составитель нового алфавита должен был решать, пусть и интуитивно, фонологические проблемы. Появление письменности на родном языке обычно становилось отправной точкой в формировании собственного литературного языка, который использовался наряду с классическим литературным языком, например, латынью, как в Западной Европе. В результате в большинстве стран средневековой Европы

сложился своеобразный «культурный билингвизм» (Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания, 1985, с. 95), и учёные, вынужденные решать проблемы нормирования и грамматического описания родного литературного языка, опирались на грамматику классического литературного языка с её устоявшейся лингвистической терминологией.

Современную историографию с точки зрения общей теории языка больше всего интересуют достижения средневековых учёных в области **грамматики**. И это вполне объяснимо.

Грамматика занимала важнейшее место в системе дисциплин («свободных искусств»), составлявших основу средневекового образования. Эта система состояла из двух частей: 1) тривиум (лат. *trivium*) — грамматика, диалектика (логика), риторика; 2) квадравиум (лат. *quādrivium*) — музыка, арифметика, геометрия, астрономия. Поскольку обучение в Западной Европе шло исключительно на латинском языке, который был унаследован от Римской империи как язык международного общения, как язык церкви, науки и искусства, грамматика в школьном обучении мыслилась прежде всего как грамматика латинского языка. Столетиями грамматика латинского языка была предметом тщательного научного изучения. Наибольшим авторитетом в Средние века пользовалась грамматика Присциана. Её положения из области морфологии и синтаксиса комментировались, уточнялись, развивались; «грамматическая систематизация, грамматическая культура понималась в Средние века как основа, объединяющая, по современным лингвистическим понятиям, разные языки в одно культурное целое» (Там же, с. 96).

Грамматика в Средние века превратилась в самостоятельную научную дисциплину, которая самым тесным образом была связана с логикой, наукой о формах и средствах мышления. Привилегированное положение грамматики объяснялось тем, что и философия, и теология опирались на достаточно развитую теорию языка. На протяжении всего Средневековья неоднократно делались попытки решить вопрос о статусе языка в его соотношении с мышлением и духовной жизнью человека.

Следует учесть, что преподавание в философских и монастырских школах, а также в университетах находилось под жёстким контролем церковных властей. Учёные-преподаватели были, как правило, философами (логиками), имевшими духовное звание. Любое отступление от религиозных догматов жестоко каралось: виновни-

ка могли отлучить от церкви, отстранить от преподавательской деятельности и даже изгнать из страны. Средневековые науки были пропитаны теологией, которая не могла не тормозить развитие не только философской, но и лингвистической мысли. Тем большего уважения заслуживают великие умы Средневековья, которые, оставаясь в рамках схоластики (лат. *scholasticos* ‘школьный, учёный’) — философии, принципиально подчинённой теологии, смогли предложить оригинальные концепции общей философии языка. Главные вопросы, которые оказались в центре внимания средневековых учёных применительно к философии языка, — это вопрос о природе абстрактных понятий (универсалий) и об их отношении к языку, а также вопрос об именовании вещей.

В лингвистической историографии полемика, развернувшаяся вокруг так называемых «универсалий» на пять столетий, получила название спора между **реалистами** и **номиналистами**. Большинство участников этих споров значительную часть своей активной преподавательской и научной деятельности провели в Париже, который был центром научной мысли в средневековой Европе. У истоков спора между реалистами и номиналистами были философские взгляды Платона и Аристотеля, чьи труды постоянно обсуждались и комментировались в школах и университетах. Платон утверждал, что «идеи» не зависят от человеческого ума, но являются самостоятельными реальными и вечными сущностями. Аристотель же считал, что общие понятия зависят от единичных конкретных вещей, в которых они и пребывают. Споры об универсалиях приобрели особую остроту потому, что они задевали самые основы христианского учения. Философы Средневековья обращались к языку в поисках аргументации при спорах с оппонентами.

Наибольшего накала дискуссии между реалистами и номиналистами обрели в XII столетии. Главой реалистов в это время был талантливый высокообразованный философ-теолог **Ансельм Кентерберийский** (1033—1109), выходец из Италии, долгое время преподававший в Париже и оставивший там своих учеников, а затем на склоне лет назначенный епископом в Англии. **Реалисты** утверждали, что реальны универсалии, общие понятия (отсюда и непривычное значение терминов *реализм* и *реалисты*), которые существовали до появления вещей. Вещи — только копии реальных названий. Даже бытие самого Бога Ансельм выводил из понятия о Боге. Эта точка зрения Ансельма вытекала

из его теологических взглядов: он был представителем схоластической школы, для которой вера являлась предпосылкой рационального знания («Не ишу уразуметь, дабы веровать, а верую, дабы уразуметь»). Для Ансельма Бог — высшее абсолютное бытие, благодаря которому существует всё сущее. Бог создал мир из ничего. До того, как Бог создал мир вещей, они уже существовали в его уме. Значит, сотворённые Богом вещи суть отображение божьего слова.

Самым известным представителем учения номиналистов был **Петр (Пьер) Абеляр** (1079—1142), выдающийся философ, теолог, поэт. Абеляр выступил со своими философскими идеями тогда, когда реализм благодаря усилиям Ансельма Кентерберийского и его учеников одержал убедительную победу над номиналистами. Получив прекрасное образование в доме своего состоятельного отца, Абеляр отказался от наследства, от рыцарского звания и отправился в поисках истинных знаний: был школяром, вагантом, учился у номиналиста Росцелина, слушал лекции известных последователей Ансельма Кентерберийского, затем открыл собственную философскую школу.

Номиналисты (от лат. *nomen* 'имя, наименование') утверждали, что реальны вещи с их индивидуальными качествами. Общие понятия (Абеляр называл их универсалиями) не обладают самостоятельной реальностью. Но они получают известную реальность в сфере ума в качестве понятий. Понятия же — результат абстрагирующей деятельности ума, обособления им отдельных свойств вещей, которые человек познаёт через чувственное восприятие. Таким образом, по Абеляру, названия вторичны по отношению к вещам. Этот вывод противоречил Священному Писанию, ибо Евангелие от Иоанна гласит: «В начале было Слово». Общие понятия, по Абеляру, выражаются словами, поэтому слова играют особую роль в познании мира. Но, чтобы правильно применять слова, необходимо знать свойства тех вещей и понятий, которые ими обозначаются, и диалектика (то есть философия) должна изучать «слова как способ выражения мысли, и мысли как понятия, соответствующие вещам».

Как в своё время Демокрит, Абеляр был убеждён, что «слово становится наименованием вещи только в силу человеческого установления». В «Миланских глоссах» он писал: «Вещи естественным образом предшествуют понятиям; человек прежде чем найти слово для именования вещи, постигает её природу. Имя даётся вещи

для того, чтобы могло возникнуть понятие». Так что язык для Абеяра — особая область, отличная от мира вещей и понятий. Правильно употреблённый язык может открыть человеку реальные связи вещей, о которых он раньше и не подозревал. В отличие от прочих номиналистов, своих предшественников, которые рассматривали универсалии как «слово», как «пустой звук», Абеяра всегда видел в слове его значение и «превращал слово в концепт». Будучи священнослужителем, Абеяра полагал, что человеческий разум должен частично обособляться от веры и быть её предварительным условием («Понимаю, чтобы верить»). За свои взгляды Абеяра подвергся гонениям со стороны церкви: дважды на своих соборах католическая церковь осудила его сочинения.

Таким образом, споры по поводу взаимоотношения вещей и названий в Средние века были частью теологических дискуссий.

Высшим достижением лингвистической мысли Средневековья справедливо признаётся **учение модистов**. Своё название это учение получило по ключевому термину *modus significandi* (букв. 'способ обозначения'). Расцвет учения модистов приходится на последние десятилетия XIII — начало XIV в. Центром модизма стал Парижский университет. Наиболее известны труды модистов датского происхождения, которые были связаны с Парижским университетом: **Мартина Дакийского** (*Dacia* — средневековое название Дании), **Бозция Дакийского**, **Симона Дакийского** и **Томаса Эрфуртского**. Учение модистов было подготовлено развитием теологической, философской и грамматической мысли XII — первой половины XIII в. Это был период всеобщего увлечения логикой, время, когда элементы логики под влиянием трудов Аристотеля начали проникать в грамматику, а грамматика постепенно стала приобретать объяснительный характер.

В соответствии с учением Аристотеля грамматисты XII—XIII вв. считали, что подлинным объектом науки могут быть только общие свойства вещей; наука должна находить «единое во многом» и отделять его от случайного, привходящего. Так и в языках: они различаются между собой только внешними звуковыми оболочками, а внутреннее их строение, их глубинная структура одинаковы. Вот почему грамматику средневековые учёные представляли себе как универсальную, что позволяло, по их мнению, считать грамматику подлинной наукой. Уже в середине XIII в. **Роджер Бэкон** писал, что «грамматика по своему существу одна и та же во всех языках, хотя она и различается (в разных языках) привходящими чертами», а **Роберт Кил-**

вордби утверждал, что «объектом грамматики как науки является значащая речь в той мере, в какой она отвлекается от каждого отдельного языка». Эти положения позднее развивались в трудах модистов. Толчком же к появлению нового учения о модусах стал декрет Парижского университета от 19 марта 1255 г., по которому все студенты подготовительного факультета (факультета искусств) должны были изучать философские труды Аристотеля, что ранее было запрещено церковью. Почти все видные модисты конца XIII в. были магистрами искусств и преподавателями факультета искусств, практически ставшего философским факультетом.

Грамматика модистов может быть с полным основанием названа **философской**. Да и сами её авторы писали одновременно не только грамматические сочинения, но и трактаты по логике и философии. Модисты считали, что грамматика одинакова у всех народов, поскольку у всех народов одно и то же мышление, одна и та же логика. Общность же логики, следовательно, и общность грамматики порождена общностью окружающего всех людей материального мира. А поскольку грамматика у всех языков одна и та же, можно ограничиться изучением грамматики одного языка — латинского, языка церкви, науки, искусства. Звуковой строй, по мнению модистов, не должен интересовать грамматистов. Все вопросы, с ним связанные, должны изучаться в физике или в физиологии. Значения же слов можно рассматривать в психологии, но никак не в грамматике.

Подлинным **предметом** своей **науки** модисты считали только формальные грамматические значения (в противоположность материальным значениям, т. е. значениям отдельных слов). Иногда модисты сравнивали грамматику с геометрией, которая рассматривает линии, плоскости, трёхмерные тела в полном отвлечении от того материала, в котором они воплощены. Грамматический строй модисты представляли как жёсткую систему, элементы которой находятся между собой в отношениях тесной взаимообусловленности.

Основной метод модистов — **метод дедукции**: исходные принципы принимаются как аксиомы, все прочие положения выводятся на основе этих аксиом путём умозаключений. Из всех разделов грамматики модисты признавали только *этимологию* (учение о частях речи) и *синтаксис* (учение о словосочетании и предложении). Их грамматики сопровождались всегда введением, где излагались теоретические основы модизма.

Как и в патристике, в трудах модистов подчёркивается вторичность языка по отношению к миру вещей. Они писали о том, что вещь вне сознания имеет множество свойств: общих с другими вещами, частных, побочных. Все эти свойства модисты и называли *модусами существования*. Им соответствуют, по учению модистов, *модусы познания* и *модусы обозначения*. Между всеми этими модусами, полагали ранние модисты, существуют отношения тождества, ибо вещь внешняя, вещь познанная и вещь названная суть одна и та же вещь, хотя они и различаются между собой побочными признаками. Природа вещей, их свойства, а значит, и модусы их существования для всех людей одни и те же. Язык же отражает мир вещей, и его грамматика тоже берёт своё начало от вещей, потому она и является универсальной.

Ключевое понятие учения модистов — **modus significandi** (способ, или модус, обозначения) — опирается на признание того, что у языкового знака, помимо звучания, есть разные типы значений — предметное (лексическое) и грамматическое. **Предметное значение** может быть выражено разными способами (разными модусами) обозначения, а значит, и разными частями речи. Так, предметное содержание страдания может быть выражено языковыми знаками *страдать*, *страдание*, *страдающий*, *страдательный*, *страдая*. **Грамматическое значение** связано с модусом обозначения.

Поскольку модисты исключили из сферы грамматики не только звучание языкового знака, но и предметное его значение, в центре их внимания — только модусы обозначения, в которых «растворены», «расписаны» все грамматические значения. К основным *общим* модусам обозначения модисты относили 1) *модус устойчивого положения* (состояния и покоя), или модус сущего; 2) модус течения, становления, движения, или *модус бытия*; 3) *модус расположения*, характеризующий условия, обстоятельства устойчивого положения или становления. Соответственно в этимологии выделяются и части речи: 1) имя (включая местоимения); 2) глагол (включая причастия); 3) неизменяемые части речи. Дальнейшее членение производится на основе основных *частных* модусов. Так, имена делятся на собственно имена и местоимения на основе противопоставления модуса определённого восприятия и модуса неопределённого восприятия; собственно имена делятся на существительные и прилагательные

на основе противопоставления модуса самостоятельности и модуса примыкания. В синтаксисе модисты чётко разграничивают синтаксическое сказуемое и подлежащее, с одной стороны, и логический предикат и субъект — с другой; грамматическую согласованность/несогласованность, с одной стороны, и логическую, смысловую совместимость/несовместимость — с другой.

В итоге в Европе был создан новый тип грамматики — *философский*. Лучшая из этих философских грамматик была написана модистом Томасом Эрфуртским в начале XIV в. Сильной стороной этих грамматик был их объяснительный характер: у всех описанных явлений авторы грамматик старались установить философскую (чаще — логическую) сущность. Кроме того, они вскрывали системный характер грамматики и её тесную связь с миром реальных вещей. Попытки создания объяснительных грамматик были значительным продвижением вперёд в развитии европейской лингвистической традиции. Они готовили почву для будущего бурного развития языкознания в XIX столетии.

§ 8. Арабское языкознание

В отличие от языкознания средневековой Европы арабское языкознание Средних веков достигло более значительных успехов. Расцвету арабского языкознания способствовало возникновение в VII в. могущественного государства — Арабского халифата. К концу VII в. почти весь Ближний и Средний Восток оказались под арабским владычеством. Арабский халифат объединял страны Передней Азии, Северной Африки, Пиренейского полуострова. Господствующей религией в Арабском халифате был ислам; языком науки, религии и деловых бумаг был арабский — латынь мусульманского мира.

Арабы во многих науках стали посредниками между античным и Новым временем, но среди них выделились также оригинальные учёные (географы, историки, математики, астрономы, медики, филологи). Подобно индусам, арабы изучали язык из потребностей религии, ислама. Ведь главная священная книга ислама (Коран) была написана на древнем арабском языке. Помимо арабов, в Арабском халифате проживали подчиненные им персы, сирийцы, евреи и другие народы. Ислам насаждался среди неарабских народов, отсюда возникла настоящая потребность в обучении арабско-

му языку, не только устному, но и письменному. Арабские учёные быстро откликнулись на эту потребность. Уже в VII в. появились первые грамматические сочинения. Арабы тонко описали фонетику, морфологию, лексику своего языка. Первые грамматические центры сформировались в городах **Басра** и **Куфа**, которые были расположены в бассейне Тигра и Евфрата, затем центром грамматических исследований становится столица халифата **Багдад**.

Завершителем разнородных грамматических исследований стал перс **Сибавейхи**, представитель школы в Басре (VIII в. н. э.), детально знакомый с трудами Аристотеля и индийских грамматистов. Основной труд Сибавейхи — «Аль-Китаб» ('Книга'), написанная, как и Грамматика Пáнини, в стихотворной форме (1000 стихов). Сибавейхи, в отличие от античных грамматистов, чётко разграничивает буквы и звуки благодаря развитию *просодии* (общее название для сверхсегментных свойств речи): высоты тона, длительности (количества) и громкости (амплитуды), метрики. Все эти свойства были важны при чтении Корана.

Сибавейхи даёт физиологическую классификацию звуков. Он отмечает 16 мест образования звуков. Вслед за Аристотелем арабский учёный выделяет три части речи — глаголы, имена, частицы. Как и другие арабские языковеды, Сибавейхи описывал трёхсогласный корень, свойственный семитским языкам, отмечал значение аффиксации и внутренней флексии при формообразовании и словообразовании арабских слов. Именно эти наблюдения оказали потом большое влияние на европейских филологов, особенно на одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания, Франца Боппа.

Самые крупные достижения арабского языкознания связаны с лексикологией и лексикографией. Арабские учёные проделали огромную работу по сбору слов и составлению словарей, которые отразили изумительное богатство арабского языка. Так, для слова *меч* было подобрано 500 синонимов, для слова *лев* — тоже 500, для слова *беда* — 400, для слова *верблюд* — 1000 синонимов.

По объёму нет равных арабским словарям. Так, **аль Фирузабади** составил 60 (или 100)-томный словарь. До наших дней этот словарь не дошёл. Но зато сохранился краткий его вариант, ко-

торый был назван автором «Камус», что означает 'Океан'. Этот словарь был настолько популярен, что позднее все словари в арабском мире стали называться «камусами». Правда, арабские словари имели ряд особенностей:

- в них не отражалось ни диалектное, ни стилистическое, ни социальное членение словарного состава;
- не учитывались временные факторы (устаревшие слова помещались рядом с новыми);
- игнорировалась омонимия, и часто человек, желавший навести справку по поводу значения слова, не мог понять, какое из приведённых толкований подходит к его случаю;
- слова располагались не по алфавиту, а по физиологической характеристике звуков (губные, носовые и пр.), что затрудняло поиски нужного слова даже для хорошо образованного читателя.

Лишь несколько позднее арабские лексикографы выработали принцип расположения слов по последней букве корня, что при арабской манере письма справа налево стало намного удобнее.

Совершенно особое место в арабском языкознании занимает «Словарь тюркских языков» («Дивану луғат ит-түрк») (1073—1074) — труд, созданный в XI в. **Махмудом аль Кашгари** (XI в.). Он затерялся среди старых книг, и только спустя девять веков, в 1912—1915 гг. его случайно нашли и опубликовали в Стамбуле. «Дивану луғат ит-түрк» — настоящая энциклопедия тюркских языков. Побуждаемый патриотическими чувствами, Махмуд аль Кашгари собрал огромный лексический материал из различных тюркских языков и наречий. Он доказал, что

- тюркские языки по своему богатству нисколько не уступают арабскому языку;
- более того, между арабским и тюркскими языками существует сходство, и это может быть связано с их происхождением из общего источника.

В области фонетики Кашгари первым заметил межслоговой сингармонизм тюркских языков; в морфологии выделил характерные аффиксы и инфиксы. Он выявил основные фонетические и морфологические законы тюркских языков и тем самым заложил основы тюркологии. Непостижимым образом Махмуд аль Кашгари на 700 лет раньше европейцев разработал методи-

ку сравнительно-исторического анализа. Весь его труд основан на сравнении слов различных тюркских языков и арабского; повсюду рассыпаны тонкие этимологические замечания; слова анализируются с исторической точки зрения и характера их функционирования. Все эти наблюдения актуальны и сейчас, ибо в мире существует 35 живых тюркских языков, на которых говорит более 100 миллионов человек. Махмуд аль Кашгари с полным основанием мог сказать о себе: «Я написал книгу, которая не имеет себе равных».

Вплоть до XIII в., пока Багдад не был разрушен татаро-монголами, продолжался расцвет арабской филологии.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте политическую и культурную ситуацию в Европе Средних веков. Какие факторы влияли на развитие средневековой лингвистической мысли?
2. Какую роль в развитии знаний о языке сыграло появление письменности у народов Западной и Восточной Европы?
3. Какое место в системе средневекового образования играла грамматика? Справедливо ли утверждение многих исследователей Средневековья о том, что латынь сковывала развитие науки о языке?
4. В чём состояла суть споров между реалистами и номиналистами в Средние века? Охарактеризуйте лингвофилософские взгляды крупнейших философов Средневековья Ансельма Кентерберийского и Петра (Пьера) Абеляра.
5. Каковы были предпосылки возникновения философских грамматик в Средневековье?
6. Почему создателей философских грамматик средневековой Европы называют модистами? На чём было основано учение модистов об универсальности грамматики, о её общности для всех языков мира?
7. Что считали модисты предметом изучения грамматики? Какие разделы в грамматике они выделяли? Какой метод они изобрели для исследования грамматических явлений?
8. Почему в Арабском халифате в Средние века языкознание достигло значительных успехов?
9. Какие достижения в области фонетики, морфологии, словообразования и лексикологии можно поставить в заслугу араб-

ским учёным? Назовите наиболее значительные работы и их авторов, обеспечивших славу арабскому языкознанию.

10. Имел ли основание Махмуд аль Кашгари сказать о себе: «Я написал книгу, которая не имеет себе равных»? Какую книгу он имел в виду?
11. Какое значение для мирового языкознания имеют труды арабских учёных вообще и «Дивану луғат ит-түрк» Махмуда аль Кашгари в частности?

§ 9. Некоторые замечания по поводу языкознания эпохи Возрождения (XIV—XVI вв.)

В эпоху Возрождения (XIV—XVI вв.) в Европе формируются буржуазные отношения, а наука и искусство освобождаются от засилья церкви. Возникает гуманизм как система взглядов на жизнь общества, растёт национальное самосознание. В языкознании возрождается интерес к классической филологии Древнего мира, к греческому языку, а в связи с изучением Библии — к древнееврейскому языку и к семитскому (арабскому) языкознанию. Латынь начала уступать место новым литературным языкам, которые формировались на базе разговорных языков многочисленных европейских государств. Однако ни одно государство не могло подчинить себе прочие страны и навязать им свой язык и свою культуру, как это было во времена Римской империи. В то же время экономические, культурные и политические контакты не прекращались. Чтобы поддерживать дипломатические и торговые связи, теперь уже недостаточно было знания латинского языка: возникла необходимость овладения языками торговых и дипломатических партнёров. Не случайно в эпоху Возрождения появляются грамматики испанского, итальянского, а немного позже — французского, английского, польского, чешского, венгерского и других языков Европы. Кроме того, благодаря миссионерам, в Европе появляются грамматики китайского, турецкого, мексиканского, ацтекского, японского и других языков неевропейских народов.

Филология Возрождения продолжала традиции античного языкознания, однако знакомство европейских учёных с разнообразными языками мира наталкивало их на мысль о том, что все

эти языки — варианты единого человеческого языка. Необходимость описания иностранных языков вынуждала учёных сравнивать не только родственные языки, но и языки, разные по происхождению.

ГЛАВА 3

Языкознание Нового времени (XVII—XVIII вв.)

§ 10. Задачи, стоявшие перед лингвистами в XVII—XVIII вв., и их решение

В языкознании XVII—XVIII вв. назревают новые тенденции, причина которых кроется в общественных изменениях. Великие географические открытия XV в., расширение торговых контактов, путешествия XVI—XVII вв. дали возможность европейцам познакомиться с новыми языками, совсем не похожими на европейские, что потребовало пересмотра языковых теорий, ориентированных преимущественно на латынь. В условиях интенсивного развития национальных языков, бурного развития культуры, просвещения, книгопечатания возникла необходимость осознанного управления языковыми процессами. Перед лингвистами общество поставило множество задач, самыми существенными из которых оказались:

- 1) каталогизация языкового материала;
- 2) создание международного языка;
- 3) решение вопросов, связанных с проблемой происхождения и развития языков;
- 4) разработка всеобщей рациональной грамматики;
- 5) написание нормативных грамматик и словарей.

Учёные Европы и России трудились над решением этих задач неустанно. Если прежде создавались лишь азбучники непонятных слов (в России — церковнославянских, иностранных), то теперь, с конца XVIII в., каталогизация языкового материала осуществляется через издание многоязычных словарей. Первый из них был составлен российским географом-естествоиспытателем, академиком Петербургской Академии наук **Петром Симоновичем Палласом** (1741—1811). Его труд «Сравнительные словари всех языков и наречий» в четырёх томах был опубликован в 1787—1789 гг. Автор дал перевод русских слов на 200

языков. Во втором издании этого словаря (1791) содержались сведения о 276 языках, включая африканские и американские. Спустя несколько лет в 1800—1804 гг. испанский монах **Лоренцо Гервас** в Мадриде издал аналогичный словарь под названием «Каталог языков известных народов, их исчисление, разделение и классификация по различиям их наречий и диалектов», который содержал сведения о 307 языках; среди них были малайско-полинезийские и индейские языки Америки.

Самый знаменитый многоязычный словарь Нового времени «Митридат, или Всеобщее языкознание» (1806—1817) был издан в Берлине немецкими учёными **Иоганном Кристофом Аделунгом** (1768—1843) и **Иоганном Северином Фатером** (1771—1826). Авторы описывали здесь 500 языков и даже перевели на все эти языки молитву «Отче наш» («Pater noster»).

Огромный материал, собранный в этих трудах, стал в дальнейшем благодатной почвой для сравнительного изучения языков мира.

Коренными проблемами языкознания занимались крупнейшие учёные-энциклопедисты Нового времени. Так, английский философ-материалист **Фрэнсис Бэкон** (1561—1626) писал о языке как об одной из знаковых систем. Французский писатель и философ **Жан Жак Руссо** (1712—1778) в «Опыте о происхождении языков (От первобытного крика к упорядоченной грамматике)» (1761) рассматривал проблему взаимоотношения языка и мышления. Немецкий философ, критик и эстетик **Иоганн Готфрид Гердер** (1744—1803) в «Исследовании о происхождении языка» рассуждал об индивидуальном происхождении языка: человек собирал язык из звуков природы; в языке проявляется дух народа; язык возник одновременно с мышлением. Мысли Гердера оказали затем большое влияние на формирование философии языка Вильгельма фон Гумбольдта, который особенно глубоко развил идею о том, что в языке проявляется дух народа, а также идею о взаимосвязи внешней (звуковой) формы языка с внутренней формой. Итальянский философ и историк **Джамбаттиста Вико** (1668—1744) связал историю языка с историей общества. Он считал, что все нации развиваются по циклам, состоящим из трёх эпох: «века богов», «века героев» и «века людей», и каждому из этих веков соответствует свой язык. Карл Маркс и Фридрих Энгельс увидели у Вико в зародыше основы сравнительного языкознания «и вообще немало проблесков гениальности».

§ 11. Грамматика Пор-Рояля

В XVII в. появилось философское направление **рационализма**, и языкознание оказалось под его непосредственным воздействием. Все грамматические явления стали рассматриваться с точки зрения логической. То, что не соответствовало логическим построениям, игнорировалось. Формы языкового выражения логических категорий интересовали учёных только с точки зрения их «правильности», или адекватности логическим построениям. Поскольку законы логики универсальны для всех народов, грамматика тоже должна была быть, по мнению философов-рационалистов, универсальной для всех языков.

Логико-грамматические взгляды наиболее ярко проявились в Грамматике Пор-Рояля, увидевшей свет в 1660 г. Грамматика получила своё название по местечку под Парижем, где находился женский католический монастырь, основанный в начале XIII в., с двумя школами, мужской и женской. Пор-Рояль в XVII в. был одним из крупнейших центров просвещения Франции. Он притягивал к себе талантливых учёных. В стенах монастыря создавались философские трактаты, труды по физике, математике и логике. В школах Пор-Рояля давали прекрасное образование. В них, помимо церковных, теологических знаний, можно было получить и светские знания: здесь преподавались философия, литература и иностранные языки. Грамматика Пор-Рояля была создана двумя выдающимися профессорами из Пор-Рояля — грамматиком-полиглотом **Клодом Ланслэ** (1616—1695) и философом, логиком и математиком **Антуаном Арно** (1612—1694), основателями передовых школ при аббатстве. К Грамматике Пор-Рояля, опубликованной под названием «Всеобщая рациональная грамматика», примыкает труд «Логика, или искусство мыслить», которую Арно написал при участии **Пьера Никбля** (1625—1695). «Логика» увидела свет в 1662 г. Она явилась естественным завершением «Грамматики», ибо в ней были окончательно сформулированы идеи всеобщей рациональной грамматики при анализе синтаксических явлений с позиций логики.

Грамматика Пор-Рояля начинается с фразы, ставшей впоследствии знаменитой, «Грамматика — это искусство говорить», а «Логика» — с фразы «Логика — искусство мыслить». Говорить — значит выражать свои мысли с помощью знаков, которые люди изобрели для этой цели. Но все люди мыслят одина-

ково, значит, грамматики отдельных языков бессмысленны. Арно и Лансло подчёркивают, что язык — изобретение мыслящего человека, плод его интеллектуальной деятельности, что язык — это знаковая система, отражающая мышление человека. И если логика — искусство мыслить, а грамматика — искусство говорить, то законы логики определяют законы грамматики.

У языковых знаков авторы Грамматики Пор-Рояля выделяют внешнюю и внутреннюю стороны. Внешняя — это материальная, природная сторона знака, а внутренняя — его значение. Под природной, материальной стороной знака Арно и Лансло понимали фонетико-морфологический и графический облик слова. Именно в Грамматике Пор-Рояля впервые чётко проводится дифференциация между фонетикой, морфологией и синтаксисом.

Первая часть Грамматики Пор-Рояля, состоящая из нескольких маленьких главок, даёт представление о буквах и звуках, что следует признать чрезвычайно важным шагом в европейском языкознании. Звуки (а не буквы!) делятся на **гласные** и **согласные**. Авторы выделяют пять основных гласных (**а, е, і, о, u**) и показывают разновидности этих звуков в латинском, древнегреческом, древнееврейском, итальянском, испанском, немецком и французском языках. Подробно описываются согласные, общие для названных языков. **Слог** рассматривается как «целостный звук», который обычно состоит из нескольких звуков, один из которых обязательно должен быть гласным или дифтонгом. Гласные или дифтонги, пишут Арно и Лансло, могут образовать слог и без согласного, в то время как согласные сами по себе составить слог не могут: они обязательно должны сопровождаться гласными или дифтонгами, последующими или предшествующими. В первой же части даётся фонетико-графическое определение слова: **словом** называется то, что произносится и пишется раздельно; у слова есть ударение, естественное, или грамматическое, которое отличается от ударения логического.

Первая, «фонетико-графическая» часть завершается наставлением о «новом методе» обучения чтению, где различие звука и буквы декларируется как важнейший педагогический приём.

Вторая часть Грамматики Пор-Рояля посвящена в основном вопросам морфологии. Здесь слово описывается как знак, служащий для выражения (названия) предмета мысли и хода мысли.

Предметы мысли, по мнению Арно и Лансло, обозначаются именами, местоимениями, причастиями, наречиями, предлогами, артиклями. **Ход мысли** обозначают глаголы, междометия, союзы. Имена имеют числа, падежи, а глаголы — время, наклонение, лицо, число, а также инфинитив, безличные формы, супин, герундий, вспомогательные глаголы. Авторы универсальной грамматики стремились к выяснению принципов и законов, общих для всех языков (хотя не отказывались выявлять отклонения от этих принципов в отдельных языках). Это особенно хорошо прослеживается в «Логике» Пор-Рояля. Арно и Николь пишут, что люди говорят с целью выразить своё суждение о вещах. Предложение — это высказанное суждение. В каждом предложении обязательно есть два члена — подлежащее (S), т.е. то, о чём что-то утверждается, и сказуемое (P), а между ними должна быть связка: *Земля есть круглая*. Это правило рациональное и всеобщее. Отступления от него — результат скрытого преобразования. Например, в предложении *Земля круглая* пропущена связка, но она подразумевается. Понятие, по словам Арно и Николя, может быть сложным, включать определение: *Наша земля круглая*.

Авторы приходят к выводу о том, что логическая структура мысли, общая для всех языков, не равна структуре ни одного из реальных языков. Где-то она соответствует латинской, где-то французской, где-то структуре других языков. Таким образом, в отдельных случаях признавалось национальное своеобразие разных языков.

Грамматика Пор-Рояля, которую обычно рассматривают вместе с Логикой Пор-Рояля, оказала огромное влияние на развитие общей теории языка. Идеи системности языка, его знаковой природы блестяще развил впоследствии Фердинанд де Соссюр, а за ним структуралисты и зачинатели математической лингвистики. Идею преобразования глубинных языковых структур реализовал американский учёный Ноам Хомский в трансформационной грамматике.

Таким образом, на начальном этапе развития мирового языкознания с VI в. до н.э. по XVIII в. были выдвинуты важнейшие гипотезы о происхождении языка, о сущности языка, о свойствах языкового знака, о связи языка и мышления. Именно на начальном этапе был создан костяк лингвистической терминологии, определены основные разделы языкознания; значительных успехов достигли фонетика, морфология, лекси-

кология и лексикография. В это время был собран огромный фактический материал, вырабатывалась методика его описания и систематизации. В целом на начальном этапе была создана база для мощного качественного рывка в языкознании XIX в.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие новые тенденции назревали в Европе XVII—XVIII вв.? Какие задачи были поставлены перед лингвистами в это время?
2. Почему учёные Нового времени начали создавать многоязычные словари? Охарактеризуйте наиболее значительные труды XVII — начала XIX в., в которых описывались многие языки мира.
3. Какие лингвистические проблемы решали учёные-энциклопедисты Нового времени?
4. Как и кем была создана Грамматика Пор-Рояля? Почему её называют «Всеобщей рациональной грамматикой»?
5. Как «построили» Грамматику Пор-Рояля её авторы Арно и Лансло? Что нового внесли они в решение вопросов фонетики и морфологии?
6. Почему вопросы синтаксиса рассматривались Арно и Николем не во «Всеобщей рациональной грамматике», а в особой книге — «Логике»?
7. Какое влияние Грамматика Пор-Рояля оказала на европейское языкознание?
8. Оцените важнейшие достижения языкознания на начальном этапе его развития.

ЛИТЕРАТУРА

Основная

Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 7—9; 3-е изд., доп. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 11—14; 17—20; 25—29; 31; 36—43.

Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1984. С. 6—30.

Кодухов В.И. Общее языкознание: Учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. С. 7—19.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1979. С. 7—36.

Левицкий Ю.А., Боронникова Н.В. История лингвистических учений. М.: Высш. шк., 2005. С. 11—112.

Дополнительная

Абеляр П. История моих бедствий. М.: Атик, 1994.

Алпатов В.А. О сопоставительном изучении лингвистических традиций (к постановке проблемы) // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 13—25.

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: ИЦ «Академия», 2003. С. 20—230.

Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / Пер. Ю.С. Маслова, Е.Д. Панфилова, М.В. Гординой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 3-е изд. Ч. I. С. 7—27.

Зубкова Л.Г. Общая теория в развитии. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2003. С. 25—57.

История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980.

История лингвистических учений. Средневековая Европа / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1985.

История лингвистических учений. Средневековый Восток / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1981.

Кононов А.Н. Махмуд аль Кашгарский и его «Дивану луғат ит-түрк» // Советская тюркология. 1972. № 1. С. 3—17.

Лосев А.Ф. Античная философия и общественно-исторические формации. Два очерка // Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992.

Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. М.: Наука, 1985. С. 89—132.

Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее Среднековье / Отв. ред. член-корр. АН СССР А.В. Десницкая. СПб.: Наука, 1991. С. 7—65.

Ригведа. Избранные гимны / Под ред. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1972. Или: Ригведа. Мандалы I—IV / Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова; Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1989.

Соссюр де Ф. Отрывки из тетрадей, содержащих записи по анаграммам // Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 639—640.

Томсен В. История языковедения до конца XIX в. М.: Учпедгиз, 1938. С. 51—81.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1998. С. 602—606; 609; 616—619.

Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1981. С. 7—37.

РАЗДЕЛ II

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ (конец XVIII — начало XIX в.).
ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА
ВИЛЬГЕЛЬМА фон ГУМБОЛЬДТА**

ГЛАВА 1

**Возникновение
сравнительно-исторического языкознания**

**§ 12. Предпосылки возникновения
сравнительно-исторического метода
и его сущность**

До XIX в. языкознание было составной частью либо философии (как в Древней Греции), либо логики (со времён Аристотеля). Выделение же языкознания в особую науку происходит в первой четверти XIX в., и связано это событие с зарождением сравнительно-исторического метода. На начальном этапе развития языкознания учёными был накоплен огромный фактический материал. Географические открытия XV—XVIII вв. позволили ввести в научный обиход множество языков (африканских, североиндейских, экзотических языков Востока), которые разительно отличались от европейских. Философы, учёные-энциклопедисты, особенно в XVI—XVIII вв., приходили к выводу о родстве ряда языков, высказывали предположения об общем языковом предке сходных языков; в воздухе носились идеи сравнитель-

ного изучения языков мира и их типологической классификации.

Однако лингвистические теории до конца XVIII в. находились в плену логики. Ставя и решая общетеоретические проблемы, европейские философы обычно опирались на данные одного-двух языков, преимущественно своего родного и латыни, игнорируя национальное своеобразие прочих языков. Большинство теорий носило характер великих догадок, которые бывали и верными, но конкретными языковыми данными не аргументировались. Прокрустово ложе логики уже становилось тесным для языкознания, мешало дальнейшему развитию лингвистических знаний. Нужен был новый подход к языковым фактам, новый метод описания накопленных данных о языках мира.

Этот метод подготавливался всем ходом развития лингвистики. На начальном этапе, по словам В.М. Алпатова, произошло три переворота в представлениях о языке, которые приближали становление языкознания как самостоятельной науки: 1) создание в Средние века философских грамматик, носивших не только констатирующий, но и объяснительный характер; 2) возникновение идеи сравнения языков и появление сопоставительных грамматик в XVII в.; 3) осознание полезности историзма при описании языков и его реализация в исторических грамматиках XVIII в.

Появление нового метода диктовалось не только потребностями самой науки о языке, оно было обусловлено и характером общественного развития стран Европы и России. Прямыми экстралингвистическими предпосылками формирования нового метода в языкознании следует признать следующие:

1) победу исторического взгляда в различных областях знаний (в философии, политической экономии, правоведении, биологии и других науках);

2) становление романтизма как особого направления в искусстве и в гуманитарных исследованиях; романтики проявляли живой интерес к культурным традициям, к прошлому своего народа, в том числе — к истокам своего национального языка;

3) знакомство с санскритом — языком, дававшим наиболее достоверные представления о древней индоевропейской языковой структуре.

И новый метод был разработан. Он не случайно получил название **сравнительно-исторического**. Основными принципами его применения были **сравнение** (родственных языков!) и **историзм**. При сравнительно-историческом методе сравнение используется как средство

1) для более глубокого проникновения в механизм действия языка, для познания его законов;

2) для воссоздания истории языка с момента его возникновения до современного состояния;

3) для реконструкции праязыка у родственных языков.

Следствием приложения сравнительно-исторического метода к европейским языкам было рождение индоевропеистики — науки об индоевропейской языковой семье, а первые успехи индоевропейского языкознания подготовили почву для «самоопределения» общего языкознания.

С открытием сравнительно-исторического метода языкознание заняло самостоятельное место в системе наук, отделившись от философских и логических рассуждений, не опиравшихся на строго проверенные языковые данные. Теперь лингвисты знали, как относиться к многообразному, накопленному столетиями языковому материалу. Закономерности конкретного языка и исключения из них стали получать отчётливое историческое объяснение благодаря фактам, извлечённым из родственных ему языков.

Справедливости ради стоит сказать, что ещё в XVIII в., наряду с теоретическими рассуждениями о необходимости сравнительного анализа языков, делались и практические опыты их сравнительного описания. Самых значительных успехов в этой области достиг наш выдающийся соотечественник **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711—1765), который в первой половине XVIII в. написал трактат о родстве славянских языков с балтийскими, германскими, греческим и латинским языками. Английский путешественник и востоковед **Уильям Джоунз** (1746—1794), прекрасный знаток индийской культуры, многие годы проживший в Индии (тогдашней колонии Великобритании),



попытался сравнить санскрит с греческим и латинским языками и пришёл к выводу об их родстве. В 1786 г., выступая на заседании Королевского общества в Калькутте, У. Джоунз высказал предположение о том, что санскрит является прародителем европейских языков.

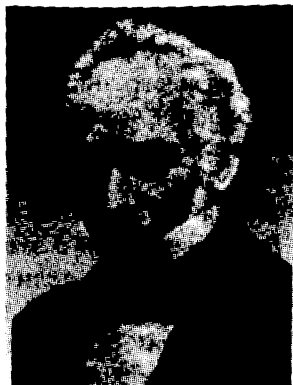
Но подлинный интерес к санскриту у западноевропейских учёных возник после выхода в свет книги немецкого учёного **Фридриха Шлегеля** (1772—1829) «О языке и мудрости индийцев» (1808). Автор, будучи представителем романтизма, высказал в своём исследовании идею о том, что санскрит — это тот источник, из которого позднее развились другие индоевропейские языки. Он усматривал родство с санскритом греческого, латинского, персидского и германских языков. Ф. Шлегель первый ввёл в употребление термин *индогерманские языки*, который затем был заменён термином *индоевропейские языки*. Пафос книги Ф. Шлегеля состоял в призыве к сравнительному изучению языков Европы и санскрита.

§ 13. Санскрит и сравнительная грамматика **Франца Боппа**

Ф. Шлегель был услышан. Сравнительно-историческое изучение европейских языков с привлечением санскрита началось в Германии, Дании, Чехии, России. основоположниками сравнительно-исторического языкознания стали немецкие учёные Франц Бопп и Якоб Гримм, датский лингвист Расмус Раск, чешский филолог Йозеф Добровский и русский исследователь Александр Христофорович Востоков. Больше всех в истории языкознания «повезло» Ф. Боппу и Я. Гримму: их имена и труды фундаментально вошли в научный обиход всех стран Западной Европы. Дело в том, что Р. Раск писал на малоизвестном датском языке, а работы А.Х. Востокова были опубликованы спустя много лет после их создания, причём на русском языке, так же мало доступном западноевропейскому учёному миру, как и датский язык.

Среди основоположников сравнительно-исторического языкознания первым всегда называют имя выдающегося лингвиста Германии **Франца Боппа** (1791—1867), а годом рождения нового метода считают **1816-й**, когда Ф. Бопп, дотоле никому не известный 25-летний учёный, опубликовал во Франкфурте-на-Майне

работу «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского». Этому предшествовали годы страстного увлечения Боппа восточными языками: ещё в гимназии он изучает санскрит, персидский, арабский, древнееврейский языки; с 1812-го по 1816 г. в Париже продолжает совершенствоваться в древних восточных языках и с огромным тщанием исследует санскритские памятники. Работа Боппа носила новаторский характер. Он детально анализирует систему спряжения древнеиндийского литературного языка — санскрита, привлекая в качестве примеров отрывки из древних сказаний индийцев — «Рамаяны», «Махабхараты», «Вед». Затем Бопп описывает системы спряжения греческого, латинского, персидского, германского языков и приходит к выводу, что ни в одном из этих языков нет ни одной глагольной флексии, которой не было бы в санскрите. На этом основании Ф. Бопп сделал несколько очень важных выводов.



1. Поскольку система спряжения не может быть заимствована у случайного языка-соседа, языки, имеющие очень сходные окончания, являются родственными. Так, с помощью детального анализа глагольных флексий Ф. Бопп доказал родство европейских языков с санскритом.

2. Все привлечённые для анализа языки являются родственными потому, что у них был общий предок — индоевропейский праязык.

3. Ближе всего к индоевропейскому праязыку находится санскрит. Все прочие языки, отделившись от индоевропейского праязыка, развивались «ступенчато», под влиянием «механических» и «физических» (фонетических) законов всё больше отдаляясь от своего источника и подвергаясь при этом «порче». Например, готский язык лучше сохранил систему спряжения, чем новогерманские языки; древнегреческий и латинский языки оказались ближе к санскриту, чем соседний с санскритом бенгальский язык, который, сохранив древний лексический состав, резко изменил свою грамматику.

В своих работах Бопп неизменно пишет о грамматическом строе родственных индоевропейских языков. В 1839—1849 гг. выходит его знаменитая «Сравнительная грамматика санскритского, zendского, латинского, литовского, готского и немецкого языков». В центре внимания Боппа оказались корни и флексии родственных языков. В «Сравнительной грамматике...» автор пытается воспользоваться выдвинутой им теорией **агглютинации**. В соответствии с этой теорией в праязыке все корни были односложными и делились на глагольные и местоимённые. Части речи формировались из глагольных и местоимённых корней путём склеивания (агглютинации), причём местоимённые корни превращались в окончания-флексии. Примерами глагольных корней могут служить *da* — ‘давать’, *vac* — ‘говорить’ (санскритское); примерами местоимённых — *ma*, *ta*, *sa*, *va*, *na*, по-разному видоизменявшихся в различных семьях языков. Если применить теорию агглютинации к истории славянских языков, то можно найти косвенное подтверждение правоты Ф. Боппа (ср. прасл. **da-mi* — ст.-сл. **дамь**, прасл. **da-si* — ст.-сл. **даси**, прасл. **da-ti* — ст.-сл. **дати**).

Комбинации 600—700 глагольных корней с небольшим количеством местоимённых корней образуют, по Боппу, механизм языка. Таким образом, все флексивные (склоняемые, спрягаемые) грамматические формы — результат процесса агглютинации первоначально независимых корней. В языкознании XIX в. теория агглютинации Ф. Боппа подвергалась критике, но до сих пор она не может считаться ни абсолютно опровергнутой, ни абсолютно доказанной.

Ф. Бопп постепенно расширял круг сравниваемых языков. Он придавал большое значение славянским языкам в индоевропейской языковой семье, в конце жизни доказал принадлежность к индоевропейским языкам албанского языка, сделал попытку (безуспешную) установить родство между индоевропейскими и малайско-полинезийскими языками.

Ф. Бопп создал сравнительно-историческую морфологию индоевропейских языков (фонетикой он занимался лишь попутно, а синтаксис и лексика остались вне поля его зрения). Своей основной задачей он считал открытие языка-первоисточника, но гораздо важнее оказался открытый им сравнительно-исторический метод. По словам французского учёного XX в. Антуана Мейе, Бопп открыл сравнительную грамматику в по-

исках индоевропейского праязыка, подобно тому, как Колумб открыл Америку в поисках Индии.

После Боппа учёные познакомились с другими индоевропейскими языками; были разработаны сравнительно-историческая фонетика, этимология, фразеология, сравнительно-исторический синтаксис, сравнительно-историческое словообразование индоевропейских языков. Однако вклад Боппа в сравнительно-историческое языкознание в качестве создателя сравнительно-исторической морфологии никем не оспаривается.

§ 14. Зарождение скандинавского сравнительно-исторического языкознания. Лингвистические взгляды Расмуса Раска

Одновременно с Ф. Боппом, но независимо от него, сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков занимался датский учёный **Расмус Раск** (1787—1832). В 1818 г. выходит его работа «Исследования в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка». Вторая часть этой работы — «О фракийском языковом классе» вышла в 1822 г.

Раск создал сравнительно-историческое языкознание скандинавских языков. Во введении к своей первой работе он пишет: «Религиозные верования, обычаи и традиции народов, их гражданские институты в древнее время — всё то, что мы знаем о них, — в лучшем случае могут дать нам лишь намёк на родственные отношения и происхождение этих народов. <...> Но ни одно средство познания происхождения народов и их родственных связей в седой древности, когда история покидает нас, не является столь важным, как **я з ы к**. На протяжении одного человеческого поколения народ может изменить свои верования, традиции, установившиеся обычаи и институты, может подняться до известной степени образованности или вернуться к грубости и невежеству, но язык при всех этих переменах продолжает сохраняться, если не в своём первоначальном виде, то во всяком случае в таком состоянии, которое



позволяет узнавать его на протяжении целых тысячелетий» (*Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях*, ч. I, 1964, с. 40). Так, греческий народ претерпел все превратности судьбы, но в речи греческого крестьянина можно узнать язык Гомера, а арабы понимают Коран, написанный много столетий назад. Лишь полное раздробление или уничтожение народа может привести к совершенному искоренению языка. По мнению Раска, происхождение языка является важнейшим фактором при определении происхождения народа.

Поставив перед собой задачу установить происхождение исландского языка, Раск вначале сравнивает его с ближайшими атлантическими языками (гренландским, кельтским, баскским, финским) и находит, что они не являются родственными. Затем исландский язык сравнивается со скандинавскими языками (норвежским, шведским, датским) и устанавливается их ближайшее родство. Выявив группу родственных скандинавских языков, Раск сопоставляет их с германскими языками и вновь убеждается в родстве теперь уже скандинавских и германских языков. Сравнив же скандинавскую и германскую языковые группы с греческим и латинским языками, Раск убедился в том, что греческий и латинский (т.е. фракийские) языки, ближе всего стоят к языку-первоисточнику.

Основная мысль, пронизывающая работу Раска 1818 г., такова: скандинавские и германские языки являются близкими ветвями и вместе со славянской и балтийской языковыми группами имеют своим источником древнефракийский язык, вымерший праязык юго-восточной Европы.

В отличие от Боппа, Раск занимался преимущественно лексикой и этимологией. В лексике, считал Раск, наиболее устойчивыми являются местоимения и числительные (в английском языке, например, до сих пор сохранились их саксонские корни). Вместе с местоимениями и числительными родственные языки веками, тысячелетиями сохраняют общий лексический состав — «наиболее существенные, материальные, необходимые и первичные слова». Если такие слова окажутся общими, то при общности форм и строения (т.е. грамматики) такие языки, несомненно, являются родственными.

Раск вырабатывает свою методику лексико-семантического анализа и отвергает старый приём сравнительного анализа различных языков по переводам одного и того же текста (как это

было сделано с молитвой «Pater noster» в «Митридате» Аделунга). При переводах, замечает Раск, сходство и различие языков маскируются, каждый из родственных языков слегка изменяется в своём направлении, и родство перестаёт быть очевидным.

В работах Раска ценны лексико-семантические наблюдения. Так, для сравнения исландского языка с латинским, датским и греческим языками Раск выделил 400 слов основного словарного фонда. Раск вполне резонно считал, что семантика однокоренных слов в разных языках может быть различной, но она должна быть связанной с первичным (материальным!) значением «праслова», а сдвиги должны быть объяснимы. Например, лат. *hostis* означало первоначально любого чужого человека, а затем стало употребляться в родственных языках дифференцированно:

1) 'гость' — значение, известное в славянских языках; ср. *гость* (русск.), *gość* (польск.) и т.д.;

2) 'враг' — значение, которое и удерживается в латыни (Там же, с. 44).

Раск предлагает руководствоваться в лексико-семантическом анализе следующими правилами.

1. Если одно и то же слово имеется во многих языках, то следует считать, что оно принадлежит тому языку, в котором оно выступает в своём самом необходимом, материальном и общем значении. Так, шведское *pojke* и датское *paag* ('мальчик') происходят от финского *pojca* ('сын, мальчик'), потому что оно имеет там гораздо более распространённое, древнее и необходимое значение.

2. Если слово встречается в пределах одной группы в одном или нескольких языках, но в граничащей группе языков встречается повсеместно, то слово заимствовано из второй группы.

3. Если слово выступает изолированно в одном языке, а в другом имеет ясные связи (словообразовательные), то слово заимствовано первым языком.

Такого рода анализ, скрупулёзный и точный, привёл, однако, Раска к неправильному теоретическому выводу о наличии фракийской языковой семьи и о фракийском праязыке. Раск не проводил сравнительного анализа языков «фракийской группы» с санскритом, хотя высказывался в пользу их родства и с санскритом, и с армянским, и с древнеперсидским, и со славянскими языками.

Раск заложил основы научной этимологии на базе армянского языка, санскрита и зенда (древнеиранского языка), говорил о важности использования в этимологических исследованиях старославянских и латышских данных.

Несмотря на то что Раск не пользуется термином *индоевропейский*, не реконструирует индоевропейский праязык, его книги гораздо меньше устарели, чем книги Боппа, ибо методика лексико-семантического анализа, выработанная датским учёным, давала ему возможность приходить к верным, истинно научным выводам в конкретной, практической лингвистике.

§ 15. Зарождение германского сравнительно-исторического языкознания. Лингвистическая деятельность Якоба Гримма

Больших успехов в сравнительно-историческом изучении германских языков достиг **Якоб Гримм** (1785—1863), известный в литературе вместе со своим братом Вильгельмом Гриммом (1786—1859) как автор сказок и собиратель немецкого фольклора. Увлечённый идеями романтизма (отсюда интерес к истории национальной культуры, к истории национального языка), Якоб Гримм был, тем не менее, очень объективным и строгим исследователем.

Якоба Гримма, как и Франца Боппа, по праву считают основоположником сравнительно-исторической грамматики германских языков. Главный труд Я. Гримма — четырёхтомная «Немецкая грамматика», над которой он работал почти 20 лет, с 1819-го по 1837 г. Здесь автор не поднимает общих языковедческих проблем, зато тщательно, «с благоговением», как говорит А. Мейе, описывает общие черты и частные отличия родственных германских языков. Он неуклонно применял исторический принцип при изучении языков и, используя древнейшие памятники и современные ему диалекты германских языков, сумел доказать действительное движение форм в германских языках.

Я. Гримм провозгласил знаменитый девиз: «Наш язык — это также наша история» и блестяще реализовал его на практике. Скрупулёзное изучение языковых фактов позволило ему доказать и обосновать один из важнейших законов германских языков (замеченный уже Раском) — закон первого гер-

манского передвижения согласных, по которому система смычных согласных всех германских языков передвинулась на одну ступень:

и.-е. герм.	и.-е. герм.	и.-е. герм.
*bh → b	*b → p	*p → f
*dh → d	*d → t	*t → th
*gh → g	*g → k	*k → h

Ср. лат. *pater* — нем. *Vater*, лат. *Cornu* — нем. *Horn*, лат. *duo* — нем. *zwei* (из *twei*), лат. *ego* — нем. *ich* (из *ik*).

В области морфологии Я. Гримм сумел доказать, что немецкие сильные глаголы древнее слабых, что внутренняя флексия древнее внешней. Позднее Я. Гримм выступил с некоторыми общелингвистическими работами (например, «О происхождении языка»). Для него была характерна романтическая концепция происхождения языка и поэтизированное её изложение. Гримм намечает три стадии развития языка:

- 1) создание корней и слов;
- 2) расцвет законченной в своём совершенстве флексии (абстрактное из конкретного);
- 3) стремление к ясности мысли и снова отказ от флексии.

По мнению Гримма, древнейший язык был мелодичен, растянут, несдержан; язык среднего периода полон сконцентрированной поэтической силы; язык Нового времени заменяет потерю в красоте гармонией целого и, располагая меньшими средствами, достигает большего. Всё это Гримм уподоблял развитию листвы (древнейший язык), цветению цветов (средний период) и созреванию плодов (язык Нового времени). Таким образом, Я. Гримм предвосхитил биологическую концепцию языка Августа Шлейхера, в соответствии с которой виды языка подобны видам животных и растений. Как и А. Шлейхер, Я. Гримм полагал, что в благоприятных условиях язык расцветает, а в неблагоприятных хиреет, но, благодаря целебной природной силе, язык залечивает раны.

Вместе со своим братом Вильгельмом Якоб Гримм составил словарь немецкого языка, где отразил словарный состав от Лютера до Гёте (1-й том вышел в 1838 г., а последний — в ГДР в 1960 г., спустя целый век после смерти авторов). Здесь также последовательно применялся исторический принцип описания.

Исследования Ф. Боппа и Я. Гримма сделали Германию центром компаративистики. В течение всего XIX столетия именно в Германии создаются самые значительные труды по сравнительно-историческому языкознанию.

**§ 16. Зарождение славянского
сравнительно-исторического языкознания.
Лингвистическая деятельность
Й. Добровского, А.Х. Востокова**

Параллельно с формированием сравнительно-исторического языкознания германских и скандинавских языков зарождается сравнительно-историческая славистика. Стимулом к развитию славистики стало знакомство лингвистов с памятниками старославянского языка, изучение языковой культуры и истории славянских народов.



Основоположником сравнительно-исторической грамматики славянских языков был выдающийся чешский учёный и крупнейший общественный деятель **Йозеф Добровский** (1753—1829). Он выявлял истоки славянской письменности, изучал деятельность славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, а в 1807 г. опубликовал книгу о первой славянской азбуке «Глаголитика». В 1828 г. увидел свет труд Добровского «Моравские легенды о Кирилле и Мефодии». Однако для сравнительной грамматики славянских языков особенно ценны его «Основы древнеславянского языка» (1822) — первая научная грамматика старославянского языка. Правда, основой для написания этого труда послужила Острожская библия 1581 года, памятник слишком поздний, чтобы дать вполне объективные свидетельства о древнейшем состоянии восстанавливаемого языка. Добровский много внимания уделял доказательствам родства славянских народов. Сравнивая русский язык с чешским, чешский — со словацким, украинский и болгарский — с русским, он пришёл к выводу: все современные ему славянские языки — диалекты, несмотря на длительный период самостоятельного развития. Эти

диалекты он делил на северную и южную группы в зависимости от того, на кириллице или на глаголице были написаны древнейшие памятники того или иного народа. В северную он включил языки, которые сейчас учёные относят к западнославянским, а в южную — те, которые рассматриваются современной наукой как языки южнославянские и восточнославянские.

Добровский ошибочно возводил старославянский язык к древнему сербскому, но зато глубоко изучил русский язык. Как общественный деятель он приложил много усилий к формированию национальных норм чешского литературного языка.

Подлинный расцвет сравнительно-исторической славистики связан с именем выдающегося русского учёного **Александра Христофоровича Востокова** (1781—1864). Уроженец города Аресбурга, расположенного на острове Эзель (нынешняя Эстония), швед по национальности (его подлинная фамилия Остенек), Востоков получил образование в Петербурге (учился в сухопутном кадетском корпусе, затем в Академии художеств) и с детства увлекался словесностью: собирал русские народные песни и пословицы, написал «Опыт о русском стихосложении», изучал русские народные говоры.



Начинал Востоков как интересный поэт. В его стихах, по словам Вильгельма Кюхельбекера, ясно сказался дух русского народа, «свободный и независимый». Затем Востоков сделал попытку преподавать в университете, но вынужден был отказаться от профессорской карьеры из-за заикания. Это случайное обстоятельство изменило судьбу Востокова. С 1815 г. он определился на службу в Императорскую публичную библиотеку сначала старшим помощником, а потом и главным хранителем отдела рукописей. На смену поэзии приходит увлечение славянскими древностями. Он изучает и систематизирует старославянские и древнерусские памятники. В 1842 г. Востоков сделал обзорное «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея», что выдвинуло его в число выдающихся палеографов XIX в. В 1843 г. он осуществил издание древнейшего древнерусского и старославянского памятника «Остромиро-

во евангелие», снабдив его глубоким научным комментарием. В 1858—1861 гг. Востоков опубликовал фундаментальный «Словарь церковнославянского языка».

Настоящую славу Востокову принесла небольшая работа 1820 г., прочитанная вначале как лекция, — «Рассуждение о славенском языке, служащее введением к Грамматике сего языка». В ней Востоков предлагает собственную классификацию славянских языков. Он настаивает на специальном изучении восточнославянских языков, которые, как известно, Добровский включал в одну группу с южнославянскими. Сравнивая русский, украинский и белорусский языки со старославянским, Востоков описывает фонетические признаки восточнославянских языков, отличающие их от старославянского и других южнославянских языков: полногласия *оро, оло, ере, ело; ч* на месте *tj* и на месте *kt, gt* перед гласными переднего ряда; *ж* на месте *dj* и т.д.

Сравнивая данные живых и мёртвых славянских языков, Востоков не только вычленил общие черты и отличия их друг от друга, но и реконструировал праславянские формы, что было новым методологическим подходом к изучению славянских языков. Востоков доказал, что старославянский язык не может быть праязыком всех славян. Он принципиально различал древнерусский и старославянский языки, хотя и признавал значительное влияние старославянского языка на русский язык. Очень серьёзным оказался вклад Востокова в сравнительно-историческую фонетику славянских языков:

1) на основе сравнения данных старославянского, польского и русского языков он установил, что буквы **Ж** («юс большой») и **А** («юс малый») в древнейших старославянских памятниках обозначали носовые гласные *о* и *е*;

2) сравнение данных славянских языков помогло ему «вычислить» звуковое значение букв **Ъ** и **Ь**;

3) Востоков открыл принцип слогового сингармонизма праславянского языка, хотя и не дал ему названия;

4) проследил судьбу праславянских сочетаний *tj, dj, kti, gti* в славянских языках.

Востоков справедливо считал, что диалектное членение было свойственно уже праславянскому языку (кстати, он был редактором одного из первых диалектных словарей — «Опыта областного великорусского языка», 1852 г.).

Значительны были успехи Востокова и в области сравнительно-исторической славянской морфологии. Он сумел дока-

зать, что краткие прилагательные древнее полных, что деепричастия возникли из кратких действительных причастий, которые выступали в функции добавочных сказуемых.

Идеи Востокова оказались очень плодотворными. «В то время, когда на западе Европы ещё не чуялось свежее дыхание нового исторического направления филологии и языкознания, — писал **Измаил Иванович Срезневский**, — Востоков сделал ряд открытий, которые должны были изменить понятия о славянском языке <...> Этим взглядом на судьбы славянского языка, сошедшимся с последовавшим открытием западноевропейских филологов, Востоков положил прочное основание славянской филологии» (Цит. по: Энциклопедический словарь юного филолога, 1984, с. 297). Нельзя не согласиться с **Владимиром Викторовичем Колесовым**, который, тщательно изучив наследие **А.Х. Востокова**, пришёл к выводу: «Востоков один сделал работу, для исполнения которой германистам или романистам потребовалось несколько поколений учёных» (История русского языкознания, 2003, с. 174).

Вслед за **Востоковым** сравнительно-историческим изучением славянских языков занимались **Измаил Иванович Срезневский** (1812—1880) — автор работы «Мысли об истории русского языка», **Фёдор Иванович Буслаев** («Историческая грамматика русского языка»). В 1852 г. была создана «Сравнительная грамматика славянских языков». Её автор, словенец по происхождению, **Франц Миклошич** (1813—1891), профессор славянской филологии Венского университета, выделил, помимо исторической фонетики, историческую морфологию и исторический синтаксис славянских языков.

Итак, честь открытия сравнительно-исторического метода разделяют немецкие учёные **Ф. Бопп** и **Я. Гримм**, датчанин **Р. Раск**, чех **Й. Добровский** и русский учёный **А.Х. Востоков**. Появление этого метода оказалось естественным завершением огромной работы, проделанной в области теории языка и практики лингвистического анализа в конце XVIII — начале XIX в.

Вопросы для самоконтроля

1. Можно ли считать, что сама логика развития языкознания подготавливала почву для возникновения сравнительно-исторического метода? Если да, приведите аргументы, доказывающие справедливость этого утверждения.

2. Какие общественные явления в Европе стали предпосылками зарождения сравнительно-исторического метода в языкознании? Какую роль при этом сыграло знакомство европейских учёных с санскритом?
3. В чём состоит сущность сравнительно-исторического метода? Прочитайте в 10-м томе «Энциклопедии для детей. Языкознание. Русский язык» (М.: Аванта+, 1998) раздел «Компаративный метод: сравнивая родственные языки» (с. 379—387) и сделайте вывод о том, какие цели ставит перед собой исследователь, пользующийся сравнительно-историческим методом.
4. Назовите учёных, которые являются основоположниками сравнительно-исторического метода.
5. К каким выводам пришёл Ф. Бопп, изучив систему спряжения санскрита и ряда других индоевропейских языков? В чём состоит суть теории агглютинации, разработанной Ф. Боппом?
6. Прав ли был А. Мейе, сказав, что Ф. Бопп «открыл сравнительную грамматику в поисках индоевропейского праязыка, подобно тому как Колумб открыл Америку в поисках Индии»?
7. Почему Расмуса Раска можно считать основоположником скандинавского сравнительно-исторического языкознания?
8. К каким выводам пришёл Р. Раск, когда пытался установить происхождение исландского языка?
9. В чём состоит сущность методики лексико-семантического анализа, предложенной Р. Раском? Должно ли было измениться в научном мире отношение к этимологии после знакомства с трудами Р. Раска?
10. Назовите основные работы немецкого учёного Я. Гримма, прославившие его как основоположника сравнительно-исторического языкознания. Как на деле Я. Гримм реализовал выдвинутый им принцип: «Наш язык — это также наша история»?
11. Какой из фонетических законов германских языков был открыт и доказан Я. Гриммом? Приведите примеры действия этого закона.
12. Почему теорию происхождения языков, предложенную Я. Гриммом, можно назвать и романтической, и «биологической» одновременно?
13. Какой вклад в сравнительно-историческую славистику внёс выдающийся общественный деятель Чехии Й. Добровский? Дайте оценку его классификации славянских языков, а также той роли, которую Добровский отводил старославянскому языку в судьбе всех славянских языков.
14. Как отразилось увлечение А.Х. Востокова славянскими древностями на его научной и издательской деятельности?

15. Что принципиально нового внёс А.Х. Востоков в сравнительно-историческую славистику, опубликовав «Рассуждение о славянском языке...» в 1820 г.? Как была им скорректирована классификация славянских языков? Чем отличается взгляд Востокова на роль старославянского языка в судьбе других славянских языков и в судьбе русского языка, в частности, от точки зрения Й. Добровского?
16. Какие открытия в области сравнительно-исторической фонетики и морфологии славянских языков принадлежат А.Х. Востокову?
17. Кто из отечественных учёных продолжил сравнительно-историческое исследование славянских языков?

ГЛАВА 2

Философия языка Вильгельма фон Гумбольдта

§ 17. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник философии языка

Основы общего языкознания, философия языка были заложены в трудах **Вильгельма фон Гумбольдта** (1767—1835). «Одним из величайших людей Германии» справедливо назвал его датский лингвист Вильгельм Томсен. Лингвистикой Гумбольдт занимался лишь последние пятнадцать лет своей жизни, и многие из его работ увидели свет только после его смерти. Он был разносторонне и блестяще образованным человеком: занимался философией, литературоведением, классической филологией, государственным правом; был выдающимся дипломатом и общественным деятелем. Вместе со своим братом, знаменитым естествоиспытателем и путешественником Александром фон Гумбольдтом, он основал в 1809 г. Берлинский университет, донине носящий их имя, был знаком с И.В. Гёте, Ф. Шиллером, Ф. Боппом, Я. Гриммом и другими выдающимися людьми своего времени. Гумбольдт знал множество языков (индоевропейские, туземные языки Америки, малайско-полинезийские), а также был знаком с китай-



ско-тибетскими и дравидскими (индийскими) языками. Изучал он их параллельно с антропологией, этнографией, историей и эстетикой народов и племён. Это позволило Гумбольдту прийти к замечательным открытиям в сравнительно-историческом языкознании. Однако подлинную славу Гумбольдту принесли не частные лингвистические исследования, а теоретические выводы, которые позволили ему заложить основы общего языкознания и создать оригинальную философию языка.

Философские взгляды В. фон Гумбольдта формировались в эпоху расцвета немецкой классической философии. Идеи великих мыслителей-идеалистов Германии — Иммануила Канта (1724—1804), Иоганна Готлиба Фихте (1762—1814), Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга (1775—1854) и Фридриха Гегеля (1770—1831) — Гумбольдт распространил на языкознание. Особенно близки ему были взгляды Ф. Шеллинга, который ставил перед собой задачу последовательно раскрыть все этапы развития природы в направлении к высшей цели, т.е. рассмотреть природу как целесообразное целое, как форму бессознательной жизни разума, назначение которой — порождение сознания. В учении И.Г. Фихте Гумбольдта привлекала абсолютизация деятельностного характера «Я» (индивида), которое, преодолевая все препятствия, стремится к идеалу, едва ли достижимому (вся человеческая история — лишь бесконечное приближение к идеалу). У Ф. Гегеля В. фон Гумбольдт заимствовал сущность систематической теории диалектики и обострённое внимание к духовной культуре народа. Наследие Гумбольдта явилось философской основой для всех идеалистических школ в лингвистике XIX—XX столетий.

Важнейший труд В. Гумбольдта — «О языке кави на острове Ява» в трёх томах (опубл. в 1836—1840). Наибольшую ценность для современного языкознания представляет введение к первому тому — «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода». Первый том посвящён истории, этнографии, религии (буддизму) народности кави; этот том написан в основном соавтором Гумбольдта — Бушманом. Второй том — обособленная теоретическая часть. Здесь Гумбольдт ставит своей задачей изучать язык не как мёртвый продукт, но в самом акте рождения. Он стремится отвлечься от языка — назывателя предметов, чтобы увидеть связь языка с внутренней деятельностью духа. Третий том содержит сравнительную грамматику малайско-полинезийских языков. Вместе с первой лингвистической работой — докладом «О сравнительном изуче-

нии языков применительно к различным эпохам их развития» (1820) введение к трёхтомному исследованию языка кави стало настольной книгой нескольких поколений лингвистов Европы.

§ 18. Учение В. фон Гумбольдта о «языке» и «духе»

Центральное место в философии языка В. фон Гумбольдта занимает учение о «языке» и «духе». **Язык**, по мнению Гумбольдта, — это внешнее проявление духа народа, нельзя представить себе ничего более идентичного. Если дано одно, можно полностью вывести второе. Разделение человечества на народы и племена, возникновение языков — это результат непрерывной деятельности, непрерывного возрождения духа. Но языки не пассивны по отношению к породившему их духу, они влияют на породивший их дух. В природе и в языке действуют одни и те же закономерности, ибо природа — лишь развитие духовных сил. Учение Гумбольдта о духе, таким образом, — своеобразное преломление гегелевского учения об «абсолютной идее» и её саморазвитии. Связь языка и духа безусловна, но это — необъяснимая тайна, которую постичь до конца человек не может, ибо язык находится в постоянном движении.

Язык, по мнению Гумбольдта, как и дух, находится в вечном движении, поэтому **язык — не законченное дело, а деятельность**: «Язык есть вечно повторяющаяся деятельность духа, направленная на то, чтобы претворить «членораздельный звук в выражение мысли». В языке, как в постоянно вспыхивающих мыслях человека, нет и не может быть покоя».

Так как язык находится в постоянном движении, он проходит определённые стадии развития.

1. Народ творит сам язык (его звуки и формы). Накопление материала языка (звуков и форм) тормозит его развитие, пока не наступает «кажущийся покой».

2. Дух дрехлеет, активность его резко падает. Внимание народа сосредоточивается не на самом языке, а на произведениях, созданных на нём (молитвы, сказания, легенды). Только эти произведения единственно ценны в отличие от обычной речи. Заметнее роль отдельных людей — поэтов, философов, грамматистов. Дело развития духа и языка находится больше в руках индивидов, которые вновь возвращают народу созданное им.

Эта поэтическая концепция основана на учении Гегеля о двух этапах развития языка:

1) когда языки неразвитых народов «достигали весьма высокой степени развития»;

2) когда с прогрессом цивилизации язык становится «более бедным и менее расчленённым».

§ 19. Проблема «Индивид — народ — язык» в философии В. фон Гумбольдта

В. фон Гумбольдт поставил один из центральных вопросов общего языкознания — о взаимоотношении личности и общества в речевой деятельности, в создании языка. После Гумбольдта этот вопрос решался всеми лингвистическими школами. У Гумбольдта индивид не противопоставлен народу, как это делалось в философских трактатах, начиная с античных времён (индивид или народ?). Индивид и народ, по мнению Гумбольдта, составляют единство, в котором ведущая роль принадлежит народу (обществу).

Вместе с тем роль общества предполагает непрерывную деятельность каждого его члена. Каждый человек непрерывно оказывает влияние на язык, сначала неуловимо для наблюдателя (особенно при изменении не самих форм, а их употребления). Проблема взаимоотношения индивида и народа в речевой деятельности поставлена Гумбольдтом диалектически верно, но делает он ошибочный вывод: **язык — не продукт человеческой деятельности, а эманация** (от лат *emanatio* ‘истечение, распространение’) духа, не дело народа, а дар судьбы.

§ 20. Решение Гумбольдтом проблемы «Объективная действительность — мышление — язык»

В начале XIX в. в Европе господствовало примитивное логистическое представление о языке и мышлении. Суть его сводилась к тому, что в языке есть слова и предложения, а в мышлении — понятия, суждения и умозаключения; следовательно, с помощью слов выражаются понятия, а с помощью предложений — суждения и умозаключения. Гумбольдт подорвал монополию логической школы в языкознании, и не без его влияния позднее в Европе появились психологическая и натуралистическая лингвистические школы.

Гумбольдт утверждал, что **«язык есть орудие образования мысли»**. Без языка нет ясности в мышлении, а представление

не становится понятием. Но связь языка с мышлением не механическая, а сложная и противоречивая. Душа постоянно стремится к освобождению от уз языка, ибо слово стесняет обогащающееся восприятие и даже может подавить его. Мышление не может отрешиться от слова, как человек не может скинуть с себя своей физиономии. Эта вечная борьба делает язык всё более и более утончённым, обогащает его духовное содержание. Даже одинокому человеку язык нужен как условие мышления. Но реально язык развивается только в обществе, и человек понимает себя не иначе, как на опыте, убеждаясь в понятности своих слов для других. Однако, оказывается, он «не понимает слова точно так же, как и другие». Например, каждый по-своему представляет себе лошадь. Поэтому каждое понимание есть одновременно непонимание, а согласие в мыслях и чувствах — разногласие. Без учёта этого нельзя понять закономерности функционирования языка. (Позднее Леонид Арсеньевич Булаховский скажет о субъективных и объективных моментах в значении слова. Но отсюда ведут своё начало и субъективно-идеалистические взгляды на значение слова.)

Решая проблему взаимоотношения объективной действительности, мышления и языка, Гумбольдт пишет о **промежуточном языковом мире, языке как особом мировоззрении**. Откуда, например, появляется субъективность в понимании слова индивидом? Слово не отпечаток предмета, а отпечаток порождённого (предметом) в душе образа. У каждого человека субъективное восприятие накладывается на объективное, поэтому каждая человеческая индивидуальность — воплощение особого мировоззрения. Складываясь, родственные индивидуальности общего коллектива воздействуют на язык. Так, в каждом языке заключается своеобразный взгляд на мир. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять и переработать мир предметов, т.е. восприятие окружающего мира зависит от особенностей языка.

Изучение чужого языка аналогично приобретению нового мировоззрения. Правда, лишь отчасти, так как люди переносят на другой язык мировоззрение родного языка. Через 100 лет эти идеи разовьют Лео Вайсгербер (1899—1985) в Германии, Эдуард Сепир и Бенджамин Уорф — в США, а в наше время концепция Гумбольдта трансформировалась в учение о языковой картине мира.

§ 21. Решение В. фон Гумбольдтом проблемы «Язык как система»

В трудах В. фон Гумбольдта содержится одна из первых попыток подойти к языку как к особой системе (ранее такие попытки были сделаны древнегреческим философом Аристотелем и авторами «Всеобщей рациональной грамматики» XVII в.). Гумбольдт наметил и очертил контуры этой проблемы. Так, по его мнению, несмотря на кажущуюся хаотичность, нагромождение правил, форм и звуков, в языке скрывается стройная система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Язык можно сравнить с необозримой тканью, каждая часть которой состоит в более или менее прослеживаемой связи с другими частями, а все они находятся в такой же связи с целым. Человек в процессе речи всегда затрагивает лишь отдельные части этой ткани, но инстинктивно делает так, как будто в тот же момент пред ним оказались сразу все части, с которыми каждая отдельная часть необходимым образом связана. Важнее оказывается место в системе, чем внутренние особенности элемента. Например, свойства звуков важны лишь для их чувственного восприятия, для системы каждого языка важнее их положение (ряд) в системе (как в химической системе положение каждого элемента), их противопоставление другим звукам, так же, как и на других уровнях языка.

Системность, по мнению Гумбольдта, проявляется не только на определённом этапе, но и в процессе развития языка. Система образует «ложе», по которому поток языка катится из одного века в другой. Системность проявляется и в законе компенсации (утрата окончаний, например, влечёт за собой закреплённый порядок слов в предложении). Системна и связь языка с мышлением и вообще с природой человека: мышление и язык допускают развитие лишь тех форм, которые соответствуют друг другу. Всякая речь есть соединение единично воспринятого с общей природой человечества.

§ 22. Учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка

Исключительное место в философии В. фон Гумбольдта занимает учение о форме языка (см. работу «О различии в строевании человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества»). Сама постановка проблемы формы — большая

заслуга Гумбольдта, но из-за туманности и противоречивости её решения последователи Гумбольдта каждый по-своему трактовал и трансформировал его концепцию. Если язык — это вечно повторяющаяся деятельность духа, направленная на претворение членораздельного звука в выражение мысли, полагает Гумбольдт, то **форма языка — это постоянное и единообразное в этой деятельности духа**, взятое в своих связях во всей полноте и представленное систематически.

Форма, по мнению Гумбольдта, — это **живое, индивидуальное расположение народа действовать в образовании языка своим умом и чувством**. При определении формы необходимо рассматривать язык как единое неразрывное целое, находящееся в беспрестанном движении. Нельзя форму сводить к склонению, спряжению и другим грамматическим формам, так как есть языки без спряжения и без склонения, но нет языков бесформенных. Язык и жизнь неразрывны, и язык не может изучаться, как отмершее растение.

Форме в языке противостоит **материя**. Под материей Гумбольдт понимает 1) звуки как физическую категорию и 2) движение духа, предшествующее понятиям (психическая категория). Эта «материя» находится вне языка. **Язык совпадает с понятием формы, ибо он есть форма и только форма**, утверждает Гумбольдт.

Итак, по мнению основоположника философии языка, язык есть чистая форма. Подлинная материя выводится за пределы языка. Это позднее сделают вслед за Гумбольдтом и Фердинанд де Соссюр, и Луи Ельмслев.

Гумбольдт различает внешнюю и внутреннюю форму в языке. **Внешняя форма** — это азбука (т.е. система звуков), словарь, словообразование, синтаксис. Словом, это совокупность всего, что говорится. Но наибольший отклик в языкознании получило до конца не разъяснённое Гумбольдтом понятие **«внутренней формы»**, которая, говорит он, есть нечто «совершенно внутреннее, чисто умственное»; это некий посредник между языком и мышлением, в том числе между словом и понятием (в санскрите, например, *слон* называется то 'животным, дважды пьющим', то 'двузубым', то 'снабжённым рукой'). Совершенный язык, по мнению Гумбольдта, отличается полным синтезом, химическим соединением внутренней и внешней формы. Этим синтезом завершается образование языка, подобно тому как воплощением идеи в материал завершается произведение искусства.

§ 23. Учение В. фон Гумбольдта о строении и совершенстве языков

В работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» Гумбольдт описывает строение множества известных ему языков мира. Убедившись в том, что естественные языки на разных континентах могут иметь и общие черты, и свои специфические особенности, он приходит к выводу о необходимости создания сравнительного языковедения. Эту науку Гумбольдт отграничивает от сравнительно-исторического языкознания, задача которого кажется ему более узкой и более конкретной: доказать историко-сравнительным методом генетическое родство языков внутри одной семьи. Сам же Гумбольдт поставил перед собой задачу создания науки об универсальном сравнении языков и попытался ответить на важнейшие вопросы, волновавшие лингвистов конца XVIII — начала XIX в.:

1. Каковы причины многообразия языков мира?
2. Каковы причины изменений, происходящих в языках?
3. Каковы перспективы развития языков мира?

Ответы на эти вопросы и должны были стать основой сравнительного языковедения — науки об универсальном сравнении языков.

Выделив в языке два «конститутивных» «начала» — смысловое (работу духа) и звуковое, — Гумбольдт полагал, что единство языков обусловлено единством их мыслительной основы: ведь духовное начало стремится выразиться в языке любого народа. **Причина же различия языков** кроется в большем или меньшем успехе того порыва, с каким прокладывает себе путь общечеловеческая способность к созданию речи. «Национальный духовный склад» может благоприятствовать, а может и мешать деятельности духовного начала (порыва). А поскольку язык находится в постоянном движении и каждый индивид влияет на язык, в языке неуклонно происходят изменения.

Каждый язык, убеждён Гумбольдт, характеризуется неповторимой формой. Семья языков и тип языка тоже имеют свою форму, но форму высшего порядка. И, наконец, человеческий язык вообще тоже имеет свою форму. Можно представить себе некую идеальную форму, которая наилучшим образом соответствует духу языка, группы языков или даже языка всего человечества. И степень близости языка к идеалу — это и есть степень его совершенства. Более совершенны языки, с более закономерной свободой

развивающиеся из чистого Принципа (=абсолютной идеи); это удачные плоды языкового начала. А несовершенные языки характеризуются отклоняющейся формой: в ней недостаток силы и односторонность из-за неблагоприятных обстоятельств, ведущих к неудачному строению. Есть решительные различия между языками чисто закономерной формы и языками, форма которых отклонена от этой чистой закономерности.

Гумбольдт отверг саму идею генеалогического подхода к морфологической классификации языков мира, которая сложилась в языкознании под влиянием представителя немецкого романтизма Фридриха Шлегеля. Выделив три морфологических класса языков (изолирующий, агглютинирующий и флективный), Шлегель и его последователи полагали, что языки, как организмы, способны к развитию. В соответствии с концепцией Шлегеля, каждый из названных классов отражает разные ступени развития организма языка: на низшей ступени находятся изолирующие языки, на высшей — флективные (Франц Бопп своим учением об агглютинации лишь поддержал эту ошибочную, по мнению Гумбольдта, точку зрения). К трём описанным немецкими романтиками морфологическим классам Гумбольдт добавил четвёртый — инкорпорирующих языков, образцы которых (в частности, мексиканский) он нашёл у индейцев Северной Америки. В этих языках предложение строится путём склеивания слов, которые попадают в предложение без своих окончаний. Так и возникают слова-предложения (мекс. *Ni-naca-qua* — 'Я мясо ем', хотя в абсолютной форме *мясо* имеет форму *nacatl*). Позднее инкорпорирующие языки (палеоазиатские, например, юкагирский и чукотский) были обнаружены и в Сибири.

В. фон Гумбольдт отказывается признать морфологические классы языков отражением различных стадий развития грамматического строя. Он подвергает критике теорию агглютинации как тенденции в развитии языков от изолирующих к флективным. Ему кажется абсурдным, что китайский язык, например, мог быть исходной ступенькой для санскрита, языка флективного. Гумбольдт убеждён, что у языков разных классов «действуют разные творческие начала», и переход из одного морфологического класса в другой невозможен. Взамен идеи генетической морфологической классификации языков, разработанной немецкими романтиками, Гумбольдт предложил оригинальную теорию поступательного развития каждого языка. «Язык — одно из тех явлений, которые стимулируют человеческую духовную силу к постоянной деятельности. Выражаясь другими словами,

в данном случае можно говорить о стремлении воплотить идею совершенного языка в жизнь» (*Гумбольдт фон В.* Избранные работы, 1984, с. 52). Каждый язык, **оставаясь в рамках своего класса, стремится к некой идеальной форме**, которая наилучшим образом соответствует духу данного языка. Но практически такого идеала нет. Языки лишь стремятся к нему: «...в языке, как в непрестанном горении человеческой мысли, не может быть ни минуты покоя, ни мгновения полной остановки. По своей природе он представляет собой устремлённое вперёд развитие, движимое духовной силой каждого говорящего» (Там же, с. 158).

В предисловии к своему знаменитому труду «О языке кави на острове Ява» Гумбольдт с полной определённой утверждает, что совершенным может стать любой язык, независимо от его принадлежности к морфологическому классу. Он восхищается благородным величием древнего китайского языка, подвижностью и простотой словосочетаний малайского языка, поразительным искусством в тонком различении смысла семитских языков, замечательной силой, проистекающей из краткости и смелости баскского языка.

Гумбольдт выражает глубокое уважение ко всем языкам мира: «Весь мой предшествующий опыт показал, что даже так называемые «грубые» и «варварские» диалекты обладают всем необходимым для совершенного употребления и что они являются теми формами, где, подобно самым высокоразвитым языкам, с течением времени мог выкристаллизоваться весь характер языка, пригодный для того, чтобы более или менее совершенно выразить любую мысль» (Там же, с. 308).

Однако, оценив все четыре типа строения языков как способные достичь совершенства в выражении мысли, Гумбольдт задаётся вопросом о том, какие языки можно считать совершенными. И, отвечая на этот вопрос, он высказывает идеи, которые, с одной стороны, явились объектом критики революционно-демократически настроенной общественности (например, в России), с другой стороны, были использованы сторонниками национализма и даже шовинизма в Западной Европе. Из всех четырёх способов выражения грамматических значений Гумбольдт лучшим признаёт флективный: «... только он придаёт слову подлинную, как смысловую, так и фонетическую внутреннюю устойчивость <...> лишь этот метод хранит в себе чистый принцип языкового строя. Поскольку каждый элемент речи

берётся здесь в его двоякой функции <...> постольку самобытнейшее существо языка, его членораздельность и символичность достигает высших ступеней совершенства» (Там же, с. 160). И далее: «В сравнении с инкорпорированием и с приёмом нанизывания слов, лишённых внутри себя подлинного единства, флективный метод предстаёт гениальным началом порождения верной языковой интуиции» (Там же, с. 161; выделено мной. — С. III.). Из флективных языков наиболее совершенными Гумбольдт считает индоевропейские языки, так как при их посредстве, по его мнению, духовное развитие человеческого рода происходит наиболее счастливым образом. Они служат надёжной основой сравнения для всех других языков. Гумбольдт уверен, что ни один беспристрастный наблюдатель не станет отрицать превосходства санскрита перед китайским, греческого — перед арабским. В санскрите и греческом, думает Гумбольдт, всего полнее проявляется синтез внешней и внутренней формы, в силу чего они действуют на дух наиболее всесторонне и гармонично.

Итак, языки, по мнению Гумбольдта, бывают совершенными и несовершенными. А так как они связаны с духовной жизнью народа, то напрашивается вывод о неравноценности народов — носителей этих языков. Не случайно русский писатель-демократ Н.Г. Чернышевский в статье «О классификации по языку» резко критикует Гумбольдта за его теорию о совершенстве языков, считая, что нет ничего опрометчивей, чем судить о мышлении и духовной жизни народа по строю слов и предложений. Гумбольдт говорил, что он вовсе не расположен к тому, чтобы осуждать какой-либо язык, даже у самых грубых дикарей, ибо такое осуждение почёл бы унижительным для человечества в его самых человеческих способностях. Однако логика его теории даёт основание для сомнения в равноправии всех языков и народов, так как она открыто декларирует превосходство индоевропейских языков над всеми другими языками мира.

§ 24. Общая оценка философии языка В. фон Гумбольдта

Итак, первые успехи сравнительно-исторического метода позволили Гумбольдту сформулировать важнейшие идеи общего языкознания и создать оригинальную философию языка.

Своими трудами Гумбольдт положил конец безраздельному господству в лингвистике логицистического взгляда на язык. Опираясь на диалектику Фихте и Гегеля, он сформулировал важнейшие антиномии лингвистики, которые сыграли значительную роль в дальнейшем развитии философии языка и языкознания в целом. Эти антиномии, или противоречия, — вечные проблемы лингвистики, волнующие и современных исследователей:

1) противоречие между социальным и индивидуальным в языке (см. решение проблемы «Индивид — народ — язык»);

2) противоречие между завершением развития языка в данный момент и его непрерывным развитием (см. учение Гумбольдта о языке и духе);

3) противоречие между языком как совокупностью определённых фактов и языком как вместилищем приёмов, с помощью которых развивается речь (см. учение о внутренней и внешней форме языка);

4) противоречие между языком как определённой системой и в то же время реализацией языка в качестве отдельных актов речевой деятельности;

5) противоречие между языком как средством объективации мысли, доступной благодаря этому и для других, и языком как стимулом мысли слушающего;

6) противоречие между логическими категориями мышления и законами грамматики.

Вклад В. фон Гумбольдта в мировое языкознание трудно переоценить. В его работах можно найти корни многих лингвистических школ XIX—XXI вв., к его идеям возвращается современная лингвистика. Нельзя не согласиться с В.А. Звегинцевым, который писал: «В. Гумбольдт занимает в науке о языке совершенно особое место. Выдвинув оригинальную концепцию природы языка и подняв ряд фундаментальных проблем, которые и в настоящее время находятся в центре оживлённых дискуссий, он, подобно непокорённой вершине, возвышается над теми высотами, которых удалось достичь другим исследователям» (О научном наследии В. фон Гумбольдта, 1984, с. 356).

Вопросы для самоконтроля

1. Какие обстоятельства повлияли на формирование философских и лингвистических взглядов В. фон Гумбольдта? Назо-

вите важнейшие его работы. Что позволило датскому лингвисту В. Томсену назвать Гумбольдта «одним из величайших людей Германии»?

2. Как вы понимаете тезис Гумбольдта «Язык — это внешнее проявление духа народа»? Согласны ли вы с ним?
3. Как Гумбольдт решал проблему «Индивид — народ — язык»?
4. В чём заключается своеобразие решения Гумбольдтом проблемы «Объективная действительность, мышление и язык»? Почему идея о языке как особом мировоззрении народа оказалась столь притягательной для лингвистов многих поколений?
5. Что нового внёс Гумбольдт в учение о системности языка?
6. Почему учение о внутренней форме, предложенное Гумбольдтом, вызывает неоднозначное её толкование в лингвистике XIX—XXI вв.? Что он понимал под внутренней и под внешней формами языка?
7. Какой новый морфологический класс языков ввёл Гумбольдт в научный обиход? Как строятся предложения в инкорпорирующих языках?
8. Почему Гумбольдт отверг генетический принцип, внесённый немецкими учёными-романтиками в морфологическую классификацию языков мира? На чём основывалось сравнительное языковедение, разработанное Гумбольдтом? На какие вопросы оно должно было ответить?
9. Изложите суть учения Гумбольдта о строении и совершенстве языков. Почему это учение было воспринято неоднозначно?
10. Какое место занимает В. фон Гумбольдт в мировом языкознании? Какие общетеоретические проблемы он поставил перед лингвистами?

ЛИТЕРАТУРА

Основная

Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 7—9; 3-е изд., доп. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 54—77.

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: ИЦ «Академия», 2003. С. 297—322.

Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1984. С. 41—57.

Кодухов В.И. Общее языкознание: Учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. С. 20—29.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1979. С. 37—54.

Дополнительная

Востоков А.Х. Рассуждение о славенском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оног письменным памятникам (1820) // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина М.: Высш. школа, 1973. С. 66—69.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем., под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 37—300; 307—323.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 3-е изд. Ч. I. С. 28—104.

Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С.356—362.

Зубкова Л.Г. В. фон Гумбольдт // Общая теория языка в развитии: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2003. С.118—188.

Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 162—237.

Левицкий Ю.А., Боронникова Н.В. История лингвистических учений. М.: Высш. шк., 2005. С. 113—122.

Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем., под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 5—36.

Томсен В. История языковедения до конца XIX в. М.: Учпедгиз, 1938. С. 51—81.

Энциклопедический словарь юного филолога / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 296—298.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1998. С. 379—386; 619—624.

РАЗДЕЛ III

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XIX столетия

ГЛАВА I

Натуралистическое направление. Лингвистическая деятельность Августа Шлейхера

§ 25. Предпосылки возникновения натуралистического направления

Деятельность основоположников сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А.Х. Востокова, а также труды В. Гумбольдта подготовили почву для расцвета компаративистики в XIX столетии. Расширялся круг привлекаемых для сравнительно-исторического изучения языков. Сам метод шлифовался, и выводы, получаемые в результате его использования, оказывались более аргументированными.

Самых значительных успехов компаративисты достигли в романистике и в германистике, ибо романисты могли опираться на данные латинского языка, который сохранил множество древних форм, а германисты располагали огромным количеством древнегерманских памятников разных эпох. Немецкий учёный **Фридрих Потт** (1802—1887) продолжил после Р. Раска этимологические исследования на материале индогерманских языков и в 1833—1836 гг. опубликовал шеститомный труд «Этимологические исследования в области индогерманских языков, с особым упором на переход звуков в санскрите, гре-

ческом, латинском, литовском и готском языках», чем укрепил позиции индоевропейской сравнительно-исторической этимологии.

Адальберт Кун (1812—1881), также живший в Германии, заложил основы индоевропейской лингвистической палеонтологии. Опираясь на историко-лингвистические данные, палеонтология отвечала на вопросы о том, с какими народами тот или иной этнос связан по своему происхождению; какими были его быт и культура в древние времена; с какими народами он соприкасался; что он заимствовал из языков других народов и что отдал сам.

К середине XIX в. немецкий исследователь **Фридрих Диц** (1794—1862) создал сравнительно-историческую романистику: в 1836—1843 гг. он опубликовал «Граматику романских языков», а в 1854 г. — «Этимологический словарь романских языков». В славянских странах продолжается изучение славянских древностей. Словак **Павел Шафарик** (1795—1861), автор книги «История славянского языка и литературы на всех наречиях», в 1837 г. издал труд «Славянские древности», в котором содержался анализ всех упоминаний о древних славянах в письменных исторических источниках. Таким образом, компаративистика одерживала победы в разных областях языкознания.

К середине XIX в. компаративисты изменили своё отношение к проблематике сравнительно-исторических исследований: их больше стали интересовать конкретные языковые факты, нежели общетеоретические вопросы языкознания. Время абсолютного господства немецкой классической философии в лингвистической среде кончилось, ибо в Европе складывалась новая интеллектуальная атмосфера, связанная с успехами естественных наук. В середине XIX в. передовые люди Европы и России находились уже под обаянием идей великого естествоиспытателя **Чарлза Роберта Дарвина** (1809—1882). Влияние Дарвина на лингвистику оказалось настолько серьёзным, что в недрах сравнительно-исторического языкознания сформировалось новое, **натуралистическое** направление. Главой этого направления стал крупнейший компаративист XIX столетия **Август Шлейхер**. Натуралистические взгляды Шлейхера изложены в его трудах: «Языки Европы» (1850), «Немецкий язык» (1859), «Теория Дарвина и языкознание» (1863), «Значение языка для естественной истории человека» (1865).

§ 26. Учение Августа Шлейхера о лингвистике как естественной науке

Август Шлейхер (1821—1868) был образованнейшим человеком своего времени. Он учился философии, увлекался ботаникой, садоводством, историей; всю жизнь вёл экспериментальную научную работу как естествоиспытатель. Но главной его страстью всё же была лингвистика: и в юности, и в зрелом возрасте он много времени уделял изучению языков, мёртвых древних и живых современных. Первым из западноевропейских учёных Шлейхер стал широко вводить в сравнительно-исторические исследования данные о славянских и балтийских языках, особенно о литовском. Будучи немцем по национальности, именно он создал сравнительно-историческую литуанистику и стал ведущим специалистом по славянским языкам в Западной Европе.



По своим философским взглядам Шлейхер был стихийным материалистом. Огромное влияние на него оказали труды Чарлза Дарвина. Отсюда его любовь к естественнонаучным терминам, перенесённым в языкознание (*организм языка, языковые семьи, родословное древо* и др.). Не случайно Шлейхер утверждал, что языкознание по своим методам относится к естественным наукам.

Чем же естественные науки отличаются от исторических наук? На этот вопрос Шлейхер отвечал, используя всю мощь своего философского таланта и естественнонаучных знаний. В области естественных наук, утверждал Шлейхер, господствуют законы, не зависящие от воли людей, а исторические науки не могут избавиться от субъективизма. Так, изучая памятники старины, филолог должен оценивать их, т.е. проявлять к ним субъективное отношение, ибо филология исследует язык произведений разных эпох, чтобы постичь дух народа, понять замысел автора. Лингвистика же имеет дело с объективными, не зависящими от воли людей законами. Таким образом, несмотря на то, что и лингвистика, и филология изучают человеческую речь, цель и средства у них разные. **Лингвистика — наука естественная, а филология — наука историческая.**

Отнеся лингвистику к естественным наукам, Шлейхер оригинально трактует и объект её изучения. В соответствии с его философией, языкознание (= лингвистика) изучает язык как нечто независимое от воли людей. Объект дан исследователю непосредственно. Субъективизм (подделка объекта) является не только излишним, но и вредным. В некоторых областях, правда, лингвистика и филология смыкаются, например, в синтаксисе (где действуют и объективные законы, и воля людей). Стилистика же целиком относится к филологии как область полного господства автора. Шлейхер приводит, с его точки зрения, убедительный пример. Филолог похож на крестьянина, имеющего двух лошадей: крестьянин знает привычки своих лошадей, их рацион, но не интересуется их анатомией, принадлежностью к типу, классу животных. Филолог может знать памятники какой-либо эпохи, страны, характеризовать их особенности, но он не проникает в глубь языкового организма, ему безразличны вопросы, связанные со структурой языка, его типом. Лингвист же похож на зоолога. Зоолога не интересуют индивидуальные особенности каждой лошади. Для него важно изучение биологического вида лошади, т.е. то общее, что объединяет всех лошадей. Так и для лингвиста: он интересуется системой языковых классов и местом данного языка в этой системе.

Раз языкознание — естественная наука, то язык как её объект, считает Шлейхер, не отличается ничем от объектов биологии и ботаники — животных и растительных организмов: языки тоже рождаются, растут, зреют, борются друг с другом за выживание, стареют и умирают. В XIX в. в этой борьбе за существование победили индогерманские языки. Так Шлейхер распространил теорию борьбы за существование и естественного отбора — квинтэссенцию учения Дарвина — на языки.

Натурализм Шлейхера был ответной реакцией на распространение в языкознании идеалистических концепций в первой половине XIX в., идущее от Гумбольдта. Главное, что руководило Шлейхером в борьбе против субъективизма, — это стремление к точности и объективности лингвистического анализа. В полемическом запале Шлейхер даже предлагал избавиться от дискредитировавшего себя термина *языкознание* — *лингвистика* и заменить его новым термином — **глоттика** (от греч. γλωττα ‘язык’). Однако этот термин не вышел за пределы его работ.

§ 27. Типологическая классификация языков. *Концепция развития языков А. Шлейхера*

Если классификация языков В. фон Гумбольдта была связана с его учением о совершенстве языков, то классификация языков А. Шлейхера является неотъемлемой частью его учения о языке как естественном организме. Он возвращается к «тройственному» делению языков мира, которое предложили братья Шлегели, и игнорирует четвёртый тип, описанный Гумбольдтом, — полисинтетический, или инкорпорирующий.

В основе типологической классификации Шлейхера лежит **различие между значением и отношением**. Под значением Шлейхер понимал выражение в языке понятия и представления. Между понятиями и представлениями существуют отношения, которые могут быть выражены с помощью звуков, а могут и не быть выражены. Значение выражается только с помощью корней, а корни есть во всех языках. Отношения же материально (с помощью звуков) выражаются не всегда. Например, в китайском и бирманском языках нет специальных звуковых средств для выражения отношений. Это и есть **изолирующие языки**. В них слово равно односложному корню без аффиксов и подобно кристаллу. Шлейхер сравнивает слова изолирующих (корневых) языков с одноклеточными организмами или зародышами высших животных, у которых нет функциональных органов (ср. кит. *Во бу па та* — ‘Я не боюсь его’; *Та бу па во* — ‘Он не боится меня’).

В **агглютинативных языках** слова состоят не только из корней (передающих значения), но и из морфем (передающих отношения). Эти языки (тюркские, финно-угорские) подобны растениям, с ветвями, листвой. Так, в турецком языке корень *сэв*, обладающий значением ‘любовь’, может «обрастать» морфемами: *сэвмэк* — ‘любить’, *сэвмэмэк* — ‘не любить’, *сэвдэрмэк* — ‘заставлять любить’, *сэвдэрмэмэк* — ‘не заставлять любить’.

Во **флексивных языках**, имеющих часто внутреннюю флексию, отношения могут быть выражены в пределах корня (ср. рус. *лѣг* — прошедшее время глагола *лечь* — и *ляг!* — повелительное наклонение того же глагола). Если учесть, что А. Шлейхер, как и немецкие лингвисты-романтики, рассматривал три морфологических типа языков мира в качестве трёх стадий их развития, то понятно, почему он считает, что во флексивных языках восстанавливается единство, утраченное в агглютинативных языках.

Таким образом, языки, считает Шлейхер, развиваются по закону гегелевской «триады» (тезис — антитезис — синтез), когда 2-й этап — это снятие характерных черт 1-го этапа, а 3-й этап — снятие характерных черт 2-го этапа и возвращение к 1-му этапу на качественно новой основе:

1-й этап — недифференцированное тождество значения и отношения (изолирующие, или корневые, языки);

2-й этап — дифференциация значения и отношения (агглютинативные языки);

3-й этап — различие между значением и отношением включается в единство бесконечно более высокое, так как оно выросло из различия, имеет его своей предпосылкой и включает в себя как снятый момент (флективные языки).

Подобно большинству своих современников, Шлейхер поддерживал концепцию двух периодов в развитии языка. По Гегелю, развитие в природе и в обществе — лишь различная материализация развивающегося абсолютного духа, абсолютной идеи: сначала дух не нашёл себя и воплощается в природе — тогда природа творит, развивается; с возникновением же человека дух покидает природу, и она перестаёт развиваться.

Такие же отношения Шлейхер усматривает между духом и языком. В доисторический период дух народа проявляет себя в языке, и язык развивается стремительно. В историческую эпоху дух уходит из языка. Язык начинает разлагаться под действием физических (главным образом — фонетических — законов). Этот процесс аналогичен воздействию химических законов на растительные организмы.

Таким образом, в своих теоретических воззрениях А. Шлейхер причудливо сочетает стихийный материализм Дарвина с идеалистической философией Гегеля.

§ 28. Август Шлейхер — компаративист.

Реконструкция индоевропейского праязыка

А. Шлейхер занимался не только общетеоретическими проблемами языкознания. Он добился замечательных успехов и в конкретных исследованиях индоевропейских языков. В 1852 г. увидела свет его «Морфология старославянского языка»; в 1856—1857 гг. он опубликовал «Руководство по литовскому языку» — первую сравнительно-историческую грамматику литовского языка,

основанную на изучении сказок, песен и пословиц литовского народа. Но самый значительный труд А. Шлейхера — «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» (1861—1862). Это была вторая после Ф. Боппа сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков. Шлейхер поставил своей целью описать жизнь звуков и форм десяти индоевропейских языков (индогерманского, санскрита, древнеиранского, древнегреческого, латинского, древнекельтского, старославянского, готского и др.) и охарактеризовал её как частную историческую грамматику. В ней самое значительное место он уделит общим законам языкового развития, особенно фонетическим. Шлейхер утверждал, что **фонетические законы** в языках объективны, регулярны и действуют с такой же неукоснительностью, как и законы природы. Но всё, что происходило и происходит в языках, трудно объяснить действием регулярных фонетических законов. Параллельно с ними в языках действует сила, которая ликвидирует многообразие форм, сводя их к наиболее употребительным моделям. Эта сила — **аналогия**. Несмотря на своё страстное увлечение теорией Ч. Дарвина, на любовь к смелым метафорам, при анализе конкретных языковых фактов А. Шлейхер был точен и скрупулёзен. Обширные познания, глубокое изучение множества индоевропейских языков, привлечение материалов литовского и славянских языков позволили ему скорректировать задачи, стоявшие перед компаративистами середины XIX столетия и добиться значительных успехов в их решении.

Первое поколение компаративистов устанавливало родство индоевропейских языков, общность их происхождения, но не восстанавливало их источника. Фридрих Шлегель возводил все индоевропейские языки к санскриту, Расмус Раск — к мёртвому древнефракийскому языку, Франц Бопп, хотя и считал, что у индоевропейских языков был единый предок — индоевропейский праязык, восстанавливал лишь грамматические формы предполагаемого языка-предка.

А. Шлейхер поставил вопрос более масштабно и одновременно более чётко. Он был убеждён, что родственные языки возникли от одного предка — праязыка. В глубокой древности праязыков было множество. Многие из них исчезли в борьбе за существование. Индоевропейский праязык — один из них. Это дописанный язык, не зафиксированный в письменных па-

мятников. Индоевропейский праязык распался на языки, от которых уже сохранились письменные памятники. Задача компаративистики — не только установить родство языков, но и проследить, как из праязыка развиваются позднейшие языки. Для этого необходима реконструкция праязыка (не только отдельных его форм, но и словаря!). И Шлейхер занялся решением этой задачи.

По мнению Шлейхера, фонетика индоевропейского праязыка была проще фонетики живых индоевропейских языков, но она обладала строгой математической симметричностью. Так, он предполагал, что система гласных включала девять элементов: три простых гласных (именно Шлейхер предложил пометать реконструируемые звуки и формы звёздочкой *) — **i, u, a* — и шесть дифтонгов — **āq, aq, āj, aj, āu, au*. В системе согласных индоевропейского языка Шлейхер насчитывал 15 элементов; среди них три глухих смычных (**k, t, p*), три звонких смычных (**g, d, b*), три звонких смычных придыхательных (**gh, dh, bh*).

В морфологии индоевропейского праязыка Шлейхер выделял имя, противопоставленное глаголу. Междометия, по его мнению, возникли на базе звуковых жестов, а наречия, предлоги и частицы выделились из глаголов и имён. Структуру индоевропейского слова Шлейхер представлял себе как соединение корня, суффикса (одного или двух) и окончания (падежного или личного). Приставок, считал Шлейхер, в индоевропейском праязыке не было, а корни состояли из одного слога. Имена склонялись по падежам, и было их девять: именительный, родительный, винительный, отложительный, дательный, местный, инструментальный I, инструментальный II, звательный. У имён и глаголов было три числа (ед., дв., мн.). Кроме того, каждое имя относилось к одному из трёх родов: мужскому, женскому или среднему.

Шлейхер описал систему склонения и систему спряжения индоевропейского праязыка. Он утверждал, что споры о том, что появилось раньше — имя или глагол — беспредметны. Эти части речи могли появиться только одновременно. Язык либо различает имя и глагол, либо не имеет ни того, ни другого.

Одним из первых Шлейхер реконструировал лексический состав индоевропейского праязыка и даже сочинил на этом языке басню «Овца и кони», которую последующие поколения лингвистов признали грубым приближением к формам индоевропейского

праязыка. Текст басни в конце XIX в. уточнил немецкий учёный, последователь Шлейхера, Герман Хирт (1865—1936).

Шлейхер возводил к индоевропейскому праязыку самую частотную форму из известных ему индоевропейских языков, а при равенстве вариантов отдавал предпочтение санскриту. Например, слово *овца* в санскрите звучит как *avis*, в латинском — *ovis*, в литовском — *avis*, в старославянском — **ОВЬЦА**, в немецком — *au*. Значит, делает вывод Шлейхер, в индоевропейском праязыке это слово звучало как *avis*.

Метод реконструкции индоевропейского праязыка, предложенный Шлейхером, широко применялся в компаративистике его последователями. Учёные понимают, что реконструированная форма — всего лишь гипотеза. Доказательством правильности реконструкции может служить праформа, попавшая в соседний язык и случайно сохранившаяся, «законсервированная» в нём. Известно, например, что в германских языках перед сочетаниями *ng*, *nd* гласный **e* переходил в *i*. Но в латинском языке такого перехода не было, поэтому при реконструкции корня слова *ветер* из имеющихся вариантов (немецкого *Wind* и латинского *ventus*) надо опираться на латинскую форму. Аналогично при поиске праформы слова *кудель* старославянское **КЖДЕЛЬ** и финское *kuontalo* подсказывают, что в праславянском языке на месте русского [y] был дифтонгоид с носовым согласным **on*.

§ 29. Учение А. Шлейхера о родословном древе

По Шлейхеру, индоевропейский праязык распадается на диалекты в результате расселения племён. Эти диалекты обособляются в самостоятельные языки и дробятся вновь. Дифференциация продолжается до Нового времени, и Шлейхер исключает возможность их скрещивания. Из этой предпосылки он и исходит, разрабатывая своё учение о родословном древе, применив его к индоевропейским языкам. Индоевропейские языки — родственные, потому что у них был общий предок, индоевропейский праязык. В соответствии с двумя направлениями, по которым устремились индоевропейские племена, Шлейхер делит все индоевропейские языки на две ветви: **северную** (славо-германскую) и **южную** (арио-итало-греко-кельтскую). По Шлейхеру, языки одной ветви всегда ближе друг к другу, чем языки разных ветвей: у языков разных ветвей близкими явля-

ются лишь те черты, которые были унаследованы от праязыка. В доказательство своей правоты Шлейхер приводит ряд фактов:

1) в дат. падеже мн. числа в северных языках в окончании всегда обнаруживается *m* (рус. *волкам*, лит. *vilkams*, гот. *wulfam*);

2) в дат. падеже мн. числа в южных языках в окончании всегда обнаруживается *bh* (санскр. *wrkebhas* — ‘волкам’, *pedibus* — ‘ногам’);

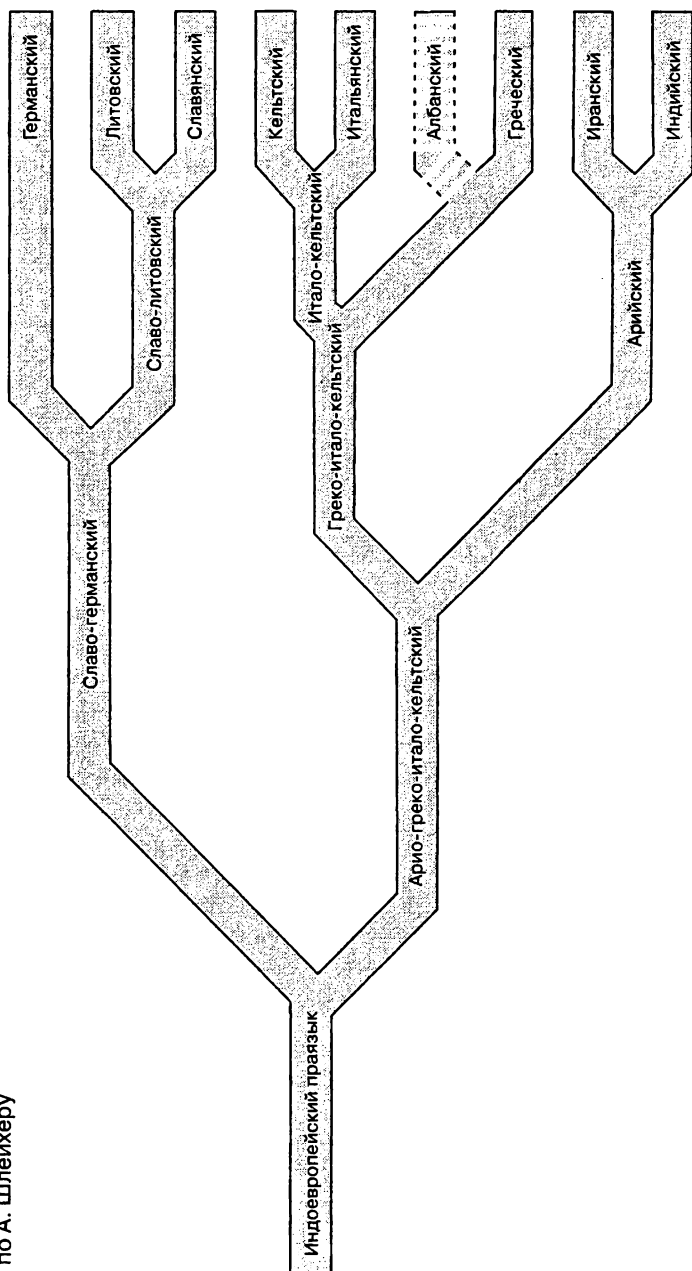
3) только в северных языках встречаются слова *воск* (нем. *Wachse*), *люди* (нем. *Leute*) и др.

Дробление продолжается: северный язык (славо-германский) делится на германский и славо-литовский, славо-литовский — на славянский и литовский; южный язык (арио-греко-итало-кельтский) делится на греко-итало-кельтский и арийский, арийский — на иранский и индийский и т.д. На схеме показано, как выглядит индоевропейское родословное древо в представлении А.Шлейхера.

Компаративисты приняли на вооружение учение Шлейхера о родословном древе, но уточняли и его терминологию, и некоторые его теоретические положения. Уже после смерти Шлейхера стало ясно, что один из основных тезисов его учения о родословном древе — тезис о том, что языки одной ветви ближе друг к другу, чем языки разных ветвей, и что у языков разных ветвей общими могут быть лишь те черты, которые были ими унаследованы от праязыка, — не подтверждается. Так, в словах со значением ‘ухо — уши’ в индоевропейских языках встречается то *r*, то *ch*, которое может превращаться либо в *s* [с], либо в *š* [ш]. С учётом точки зрения Шлейхера следовало бы ожидать, что различия соответствуют делению языков на северные и южные, но оказалось, что появление *r* или *ch* вовсе не связано с принадлежностью языка к северной или южной группе. Ср.: лат. *auris*, нем. *Ohr*, англ. *ear*, гот. *auso*, авест. *usi*, ст.-сл. *оухо* — *оуши*. Поскольку немецкий, английский, старославянский и готский языки относятся к северной ветви, а латинский и авестийский — к южной, нетрудно заметить, что появление *r* или *ch* возможно как в северных, так и в южных языках.

Немецкий компаративист Иоганнес Шмидт (1843—1901), в противовес теории родословного древа пытаясь объяснить подобные противоречия, разработал теорию волн, согласно которой индоевропейский праязык ещё до своего распада делился на диалектные

СХЕМА
РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
 по А. Шлейхеру





группы. Диалектные различия, возникшие в пределах праязыка, расходились из эпицентров инноваций во все стороны, подобно волнам от брошенного камня. Места расположения древних индоевропейских диалектов совпали с будущим размещением групп индоевропейских языков, а связи древних диалектов сохранились. Вот почему одни и те же инновации можно встретить в языках разных ветвей. По Шмидту, соседние диалекты и языки всегда обладают некоторыми общими специфическими чертами.

Теория волн Шмидта и родословная языков Шлейхера взаимно дополняют друг друга, хотя и та, и другая нуждаются в корректировке. Успехи лингвистической географии и социолингвистики показали, что отношения между родственными языками сложнее схемы родословного древа и теории волн. Языки не только дивергируют, т.е. распадаются, но и конвергируют, т.е. взаимодействуют в соответствии с тем, как складываются отношения между народами-носителями этих языков. Общность происхождения обуславливает общность тенденций даже в тех преобразованиях, которые языки переживают после распада праязыка, развиваясь параллельно, независимо друг от друга. Многие явления родственных языков, которые раньше считались архаическими, восходящими к праязыку, на самом деле оказались следствием общих тенденций, параллельных инноваций. Например, формирование корреляции именных и местоимённых прилагательных в балто-славянских языках (рус. *добр* — *добрый* и лит. *geras* — *gerasis*), происхождение изоглоссы *centum* — *satəm*; ср. лат. *centum* (читай k!), *cor*, *cordis* и авестийское *satəm*, рус. *сто*, арм. *sirt*, рус. *сердце*, *зерно*.

§ 30. Вопрос о прародине индоевропейцев

Если был индоевропейский праязык, то была и прародина индоевропейцев. С XIX в. лингвисты, историки, археологи ищут её территорию. Фридрих Шлегель, автор знаменитой книги «О языке и мудрости индийцев», находившийся под обаянием санскрита, считал родиной праиндоевропейцев Индию. Август

Шлейхер полагал, что ею является Средняя Азия, поэтому, якобы, индо-иранцы, живущие недалеко от прародины, говорят на языках, более близких к праязыку, чем языки других индоевропейских народов.

Австрийский учёный **Отто Шредер** (1855—1919) в конце XIX в. выдвинул гипотезу, по которой прародиной индоевропейцев признавались степи южной России (от Дуная до Волги). Немецкий учёный **Герман Хирт** в 90-х гг. XIX в. доказывал, что только центральная Европа может быть колыбелью индоевропейцев. Болгарский учёный **Владимир Георгиев** (1908—1986) назвал в 40-х гг. XX в. прародиной индоевропейцев бассейн Дуная.

У каждого учёного были свои доказательства, нередко подкрепляемые археологическими данными. Но все компаративисты понимали, что искать ответ на вопрос надо в основном словарном фонде индоевропейского праязыка. Наличие слова в словаре говорит о том, что люди были знакомы с предметом, который данное слово называет, хотя отсутствие слова не говорит о том, что этого предмета люди не знали (ведь слово могло быть утрачено). Лингвистическая палеонтология — наука, описывающая на основе данных словаря образ жизни умерших предков, — помогла учёным приблизиться к отгадке.

На основе сопоставления живых и мёртвых индоевропейских языков компаративисты сумели восстановить гипотетический словарный фонд индоевропейского праязыка, и А. Шлейхер одним из первых занялся этой работой. Так, словарь подсказывает, что индоевропейцы знали волка, медведя, кабана, выдру, свинью; жили на территории, где были снежные зимы и тёплое лето. Наличие слова *море*, а также названий морских судов (*navis, nan* — санскр. 'корабль') свидетельствует о том, что индоевропейцы жили недалеко от моря и знали мореплавание. Но какое это было море? Каспийское? Чёрное? Балтийское?

Лингвистическая палеонтология говорит многое об образе жизни индоевропейцев. Главным их занятием было скотоводство: почти во всех индоевропейских языках есть названия *корова, бык, вол, скот, мясо, шерсть*. Индоевропейцы пять-шесть тысячелетий тому назад приручили лошадь (почти у всех индоевропейских народов в языках встречаются слова *игу, ось*). Они занимались обработкой цветных металлов (всем индоевропей-

ским народам известна *бронза*), ткачеством (слова *веретено*, *нить*, *vestis* 'одежда' есть во всех индоевропейских языках). Слова *дом*, *ворота*, *дверь*, встречающиеся, пусть в иных огласовках, в индоевропейских языках, свидетельствуют о том, что наши предки вели оседлый образ жизни, строили укрепления (πολις — polis), селились в деревнях (др.-рус. *вьсь*, лит. *vicus*). Ещё до распада индоевропейского праязыка произошло деление на классы, появились вожди (чеш., кельт. *rig*; санскр. *raś*).

Вместе с лингвопалеонтологическими данными археологические раскопки в Северной Месопотамии заставили ученых **Тамаза Валерьевича Гамкрелидзе** (р. 1929) и **Вячеслава Всеволодовича Иванова** (р. 1929) прийти к выводу о том, что родиной праиндоевропейцев является междуречье Тигра и Евфрата, центром которого некогда был знаменитый Вавилон. Эта гипотеза на конгрессе славистов в 1979 г. произвела эффект разорвавшейся бомбы. Фундаментальная монография Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы», изданная в Тбилиси в 1984 г., — блестящее доказательство жизнеспособности метода реконструкции праязыка, разработанного некогда А.Шлейхером.

При оценке натуралистической концепции А. Шлейхера следует учитывать, что многие его прямолинейные высказывания были данью лингвистической традиции своего времени. Язык уподоблялся живому организму не только в трудах основоположника натуралистического направления, но и в работах Р. Раска (язык — «явление природы»), В. Гумбольдта (язык — это «природный организм»), И.И. Срезневского (язык — это «естественное произведение») и других лингвистов XIX в. Рациональное зерно этой концепции состоит в том, что язык признаётся продуктом естественного развития человечества; что законы, по которым развивается язык, носят объективный, не зависящий от воли человека характер; что в языке, как в живом организме, все элементы взаимосвязаны и что язык способен развиваться. Эти идеи были подхвачены **Максом Мюллером** (1823—1900) и подкреплены его исследованием «Наука о языке». Мировая лингвистическая мысль не отвергла ни одной из этих идей и постоянно возвращалась к ним и во второй половине XIX в., и в XX в., возвращается она к ним и в XXI столетии.

Вопросы для самоконтроля

1. Каких успехов добились учёные-компаративисты к середине XIX столетия? Почему наиболее существенный вклад в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков смогли внести романисты и германисты? Какие новые области знаний разработаны компаративистами в это время?
2. Перечислите основные предпосылки возникновения натуралистического направления в середине XIX в. Какие из них были вызваны логикой развития самой науки о языке, а какие — общественной ситуацией и успехами других наук?
3. Случайно ли Август Шлейхер стал основоположником натуралистического направления в языкознании? Как увлечение трудами Ч. Дарвина отразилось на лингвистических взглядах А. Шлейхера?
4. Почему лингвистику Шлейхер считал естественной наукой?
5. Как Шлейхер интерпретировал морфологическую классификацию языков мира братьев Шлегелей? Удалось ли ему «примирить» в своей концепции развития языков идеалистическую философию Ф. Гегеля и материалистическое учение Ч. Дарвина?
6. Что можно поставить в заслугу А. Шлейхеру как компаративисту — конкретному исследователю?
7. В чём суть учения А. Шлейхера о родословном древе? Какова судьба этого учения в истории компаративистики? Рассмотрите схему родословного древа Шлейхера (*Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях... 1964, с. 110*). Что в ней можно было бы скорректировать с учётом знаний, известных вам из введения в языкознание?
8. Каким виделся А. Шлейхеру индоевропейский праязык? Что представлял собою, по его мнению, фонетический строй индоевропейского праязыка? морфологический? Как, по предположению А. Шлейхера, строились слова в индоевропейском праязыке?
9. В хрестоматии В.А. Звегинцева на с. 122 прочитайте басню на индоевропейском языке, составленную А. Шлейхером. Сравните её с русским переводом. Найдите в тексте Шлейхера слова с известными вам индоевропейскими корнями. Реальной ли была задача по реконструкции индоевропейского праязыка, поставленная А. Шлейхером?

10. Как связано учение А. Шлейхера о родословном древе с вопросом о прародине индоевропейцев? Кажется ли вам убедительной гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова? Аргументируйте свой ответ.
11. Какие идеи А. Шлейхера оказались наиболее востребованными в языкознании XX—XXI вв.?

ГЛАВА 2

Логико-грамматическое направление в языкознании XIX в.

§ 31. Зарождение немецкой логико-грамматической школы. Лингвистическая деятельность Карла Беккера

Сравнительно-исторический метод и философия языка В. фон Гумбольдта нанесли серьёзный удар по монополии логико-грамматического взгляда на язык. Однако логико-грамматическое учение о языке продолжает оставаться привлекательным для многих лингвистов XIX в. Причину такой «живучести» логической трактовки языковых явлений в эпоху расцвета компаративистики можно усматривать в стремлении лингвистов противостоять, с одной стороны, натурализму в языкознании, с другой — субъективному идеализму, идущему от В. фон Гумбольдта. Известно, что корни логико-грамматического направления следует искать в трудах древнегреческого философа Аристотеля, родоначальника формальной логики. Позиции этого направления укрепились благодаря «Всеобщей рациональной грамматике», созданной Арно и Лансло в XVII в., и философским грамматикам более позднего времени.

В первой половине XIX в. развитие общего языкознания, или философии языка, проходило в острой борьбе между логико-грамматическим и психологическим взглядом на язык, с одной стороны, а также между логико-грамматическим и натуралистическим взглядом, с другой. Расцвет трёх направлений — логико-грамматического, натуралистического и психологического — в середине XIX в. исподволь подготавливался в ходе научной полемики первой половины столетия. В центре этой

полемики оказались исследования **Карла Беккера** (1775—1849), основоположника немецкой логико-грамматической школы в компаративистике. В трудах Беккера дальнейшее развитие получили идеи Грамматики Пор-Рояля. В 1827 г. он опубликовал работу «Организм языка», где применил законы логики к материалу современного ему немецкого языка. В отличие от большинства своих предшественников, Беккер занимался не только общими логико-грамматическими проблемами, но подробно анализировал национальное своеобразие немецкого языка и применял сравнительно-исторический метод в своих конкретных исследованиях.

В центре внимания Беккера оказался **синтаксис**, что было вполне естественно. Ведь логические законы удобнее всего рассматривать на синтаксическом уровне. Морфология, называемая в трудах сторонников логико-грамматического направления этимологией, занимает в грамматической системе Беккера подчинённое положение по отношению к синтаксису. Ограничившись замечанием о том, что мысль выражается в формах языка, Беккер приравнял лексическое значение слова к понятию. Он признаёт, что только в предложении логические законы прослеживаются наиболее полно, ибо через предложения выражаются суждения и умозаключения.

Беккер выдвинул логико-семантический принцип как основной принцип распределения слов по частям речи. Этот же принцип был для него ведущим при анализе членов предложения. Язык же в целом Беккер рассматривал как систему органических (полярных) противоположностей, которые не уничтожают друг друга, а необходимы друг другу в развитии организма языка как единого целого. В отличие от Франца Боппа, разработавшего теорию агглютинации, которая в праиндоевропейском языке якобы служила средством образования различных частей речи из глагольных и местоимённых корней (см. § 13), Беккер считал, что вычленению из слов аффиксов предшествовало время, когда слова не делились на морфемы.

Главная проблема для Беккера заключалась в том, чтобы проследить, как законы логики находят своё отражение в национальном языке. И здесь ему изменяло чувство меры. Ф.И. Буслаев не случайно обвинял Беккера в том, что тот «принял ложное направление старинных, так называемых общих грамматик, имевших целью решение весьма странной задачи **оправдать язык**

логически (выделено нами. — *С.Ш.*), т.е. доказать, что параграфы схоластической логики удобно применяются к грамматическим фактам». Поэтому синтаксис Беккера, не будучи основанным на разборе грамматических форм, оказался, по словам Ф.И. Буслаева, не наукою о языке, а отвлечённым рассуждением о применении логики к готовому материалу языка. «Односторонность философской грамматики, — писал Ф.И. Буслаев, — состоит в том, что она видит в языке только одну логику, опуская из виду всю полноту и многосторонность народной жизни» (О преподавании отечественного языка, 1992, с. 196).

Тем не менее логико-семантический принцип после Беккера на долгие годы оставался ведущим при изучении грамматики новых языков.

§ 32. Русская логико-грамматическая школа.

Лингвистические взгляды

Фёдора Ивановича Буслаева

С лёгкой руки Беккера логико-грамматические школы распространились во многих странах Европы. В России же логическая школа в языкознании оформилась раньше, независимо от Беккера. К ней принадлежали замечательные русские лингвисты Николай Иванович Греч (1787—1867), автор «Практической русской грамматики» (1827); Пётр Миронович Перевлесский (? — ум. 1866), создавший «Начертание русского синтаксиса» (1848); Иван Иванович Давыдов (1794—1863), перу которого принадлежит «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1852). Россий-



ские учёные-синтаксисты, опираясь на логический и формальный принципы, подробно описали не только разные типы предложений русского языка, но и части речи, и члены предложения, в том числе второстепенные.

Крупнейшим представителем логико-грамматического направления в России был **Фёдор Иванович Буслаев** (1818—1897). Сын бедного стряпчего, с 14 лет вынужденный работать, чтобы платить за учёбу, Буслаев встретился в Пензенской гимназии с выдающимся литера-

турным критиком Виссарионом Григорьевичем Белинским (1811—1848), который к тому времени был уже автором философской грамматики, основанной на логико-грамматических рассуждениях. В душе Буслаева навсегда остались идеи этой философской грамматики и образ учителя, поддержавшего в нём, гимназисте, интерес к филологии и к русскому языку. В 1838 г. Ф.И. Буслаев закончил Московский университет. Позади остались тяжёлые годы учёбы, когда полунищий студент зарабатывал себе на жизнь уроками: Буслаев получил направление в одну из московских гимназий и начал работать учителем словесности.

В 1844 г. увидела свет первая крупная работа Буслаева — «О преподавании отечественного языка». Алексей Александрович Шахматов назвал её самой увлекательной книгой по русскому языку. Буслаев выступил против схоластической рутины, царившей в преподавании родного языка. Русские грамматики составлялись по образцу латинских и греческих. Буслаев же всюду подчёркивает национальное своеобразие русского языка, показывая, как исторически складывались русская звуковая, грамматическая и лексическая системы.

В первой части книги Ф.И. Буслаев знакомит читателей с достижениями сравнительно-исторического языкознания. Он опирается на работы Ф. Боппа, В. фон Гумбольдта, особенно Я. Гримма. Он подчеркивает наиболее близкое его убеждениям высказывание Я. Гримма: «Всё дело в том, чтобы дать первенство закону перед правильностью и правилу перед исключением».

Наши грамматики, пишет Буслаев, не должны быть уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию. Нужно при обучении родному языку учитывать личность учащегося, чтобы он отчётливо понимал прочитанное и услышанное. Учить родному языку надо, развивая духовные способности учащегося. Уже в этой работе Буслаев проявил себя как учёный, соединивший логический подход к языку с сравнительно-историческим методом его изучения. Даже преподавая в гимназии, Буслаев стремился, чтобы отечественная грамматика как наука в младших классах заменяла логику, а в высших становилась сравнительно-исторической грамматикой. Он был убеждён, что только сравнительное изучение языков и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или иную форму. Вслед за Гумбольдтом Буслаев

полагал, что каждый народ смотрит на вещи по-своему и всякий язык выражает впечатления на свой лад.

Как и немецкие романтики, Буслаев считал, что любой язык в своём развитии проходит два периода. Необходимым достоянием древнейшего периода, по Буслаеву, является «неувядаемая яркая изобразительность»: «всякое слово возбуждало тогда поэтическое впечатление, всякое выражение было творческою попыткою». «Внутреннюю силу старинного языка можно уподобить острому зрению, чуткому слуху, обонянию дикаря, пастуха или охотника, безыскусственно обращающихся к простой природе», — пишет Буслаев. Но со временем, «чем более общечеловеческого просвещения входит в язык, тем более теряет он величия и самобытности своей собственной грамматической природы». Зато новый язык яснее и определённое. «Потеря чувственной живучей силы языка есть не иное что, как преобладание мысли над звуком» (Цит. по: Хрестоматия по истории русского языкознания, с. 139). Отсюда большее подчинение законам логики, отсюда же на смену значительности отдельного слова приходит значительность предложения.

Вторая часть книги «О преподавании отечественного языка» содержит интересные материалы по истории русского языка, по этимологии многих слов. Здесь же помещены стилистические заметки. Интересно замечание Буслаева о том, что **язык** не только средство выражения мыслей, но и **средство обретения мыслей**.

В 1848 г. Ф.И. Буслаев защитил магистерскую диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию». Здесь в полной мере проявился романтизм Буслаева как историка языка и филолога. Особенно ярко обнаруживаются его романтические взгляды в частях диссертации, посвящённых происхождению и развитию языка. Буслаева интересовали «первобытные», «свежие» формы языка. Для этой цели ему нужны были не сухие, бессодержательные окончания спряжений и склонений (как у Ф. Боппа), а сами слова в их связи с религией, бытом, семейной и гражданской жизнью.

В 1858 г. вышла знаменитая «Историческая грамматика» Ф.И. Буслаева, по которой учились многие поколения студентов-филологов России. Здесь историзм автора гармонично соединился с его логико-грамматическими взглядами.

Буслаев (подобно А. Шлейхеру) различал филологические и лингвистические способы изучения языка. Для филолога язык — лишь средство познания памятников. Филологическая грамматика ориентируется лишь на образцовых писателей, ближе к современности. Она рассчитана на развитие памяти и не годится для исследования языков и их преподавания. Осмысление закономерностей языка, объяснение его разнообразия свойственно лишь лингвистическому способу изучения языка. Историзм в подходе к языку объединяет филологические и лингвистические методы, утверждает связь между языком и мышлением, определяет границы логики и грамматики.

Буслаев критиковал Беккера за отказ от историзма и за некритичное следование философским грамматикам. И всё же Буслаев — сторонник логического взгляда на язык. Свою позицию он объяснял тем, что новейшие языки, пройдя начальный этап с его «изобразительностью», всё больше подчиняются логическим законам. И эти логические законы господствуют не только в синтаксисе, но и в этимологии (т.е. в морфологии). Так, в «Исторической грамматике» он писал: «Язык служит нам для взаимной передачи мыслей, т.е. представлений, понятий, суждений. Поэтому должно знать: 1) что́ есть представление, понятие, суждение и 2) как выражаются они в слове для взаимного сообщения мыслей между говорящими. Сведения о первом предмете заимствуются из науки о мышлении, или из **логики**; сведения же о втором собственно принадлежат **грамматике...**» (Там же, с. 152).

Как и все приверженцы логического взгляда на язык, Ф.И. Буслаев полагал, что центром грамматической системы новых языков является **предложение**, которым занимается синтаксис. Этимологию (т.е. морфологию) он считал частью синтаксиса, а **слово** — частью предложения. Буслаев создал **логическое учение о предложении** (простом, сложном, осложнённом и слитном), о его членах — главных и второстепенных, о сокращении и слиянии предложений; заложил основы синтаксической синонимии. «Предмет, о котором мы судим, — писал Буслаев, — называется **подлежащим** (subjectum, subject). То, что мы думаем или судим о предмете (о подлежащем), именуется **сказуемым** (praedicatum, prædicat). Присоединение сказуемого к подлежащему именуется **суждением**. Суждение, выраженное словами, есть **предложение**» (Там же, с. 154). В его синтаксисе содержание гос-

подствует над формой, а содержание подсказывается логическими категориями.

Между тем язык в целом не подчиняется логической модели. Второстепенные члены предложения, например, не классифицируются без остатка по логическим классам (дополнение, определение, обстоятельство); субъект далеко не всегда выражается подлежащим; предложение может и не содержать суждения или умозаключения и т.д.

Выдвигая на первый план универсальные свойства языков, которые следует изучать дедуктивным путём, отождествляя логические и грамматические категории, сторонники логического направления невольно вынуждены были игнорировать своеобразие языкового мышления и не уделяли должного внимания национальной и исторической специфике языков. Наиболее талантливые представители логических школ не могли этого не понимать и, оставаясь в рамках логического направления, они трансформировали учение своих предшественников, учитывая новейшие достижения мирового языкознания.

В конце XIX в. логическое направление перерастает в семантико-смысловую и структурно-семантический синтаксис (у Василия Алексеевича Богородицкого, Алексея Александровича Шахматова, Ивана Ивановича Мещанинова и Отто Есперсена), где большое внимание уделяется разнообразным языковым формам. Затем логическое направление соединяется с математической логикой, с психологической теорией речевой деятельности. И если ранний лингвистический логицизм способствовал борьбе с субъективным идеализмом психологической школы, то в XX—XXI вв. он часто сам становится проводником идеализма или неопозитивизма, как например, в трудах датских структуралистов.

Вопросы для самоконтроля

1. Как можно объяснить существование логических школ в языкознании XIX в.? Каковы истоки логико-грамматического направления?
2. Изложите кратко суть учения основателя немецкой логической школы Карла Беккера. Почему его программная книга названа «Организм языка»?
3. Почему морфология в трудах Беккера занимает подчинённое положение по отношению к синтаксису?

4. В каких трудах Ф.И. Буслаев изложил свои лингвистические взгляды? Почему, несмотря на внимание к истории языка и к его самобытным национальным формам, Буслаева следует признать главой русской логико-грамматической школы?
5. Каковы истоки лингвистических взглядов Ф.И. Буслаева? Что роднит его с немецкими романтиками в трактовке истории развития языка?
6. В чём состоит суть синтаксического учения Ф.И. Буслаева?
7. Какие новаторские идеи предложил Ф.И. Буслаев в преподавании отечественного языка?
8. Как трансформировались идеи логико-грамматического направления в XX—XXI вв.?

ГЛАВА 3

Психологическое направление в языкознании середины XIX столетия

§ 33. Предпосылки возникновения психологического направления. Гейман Штейнталь — основоположник психологического направления

В середине XIX столетия ни логическое, ни натуралистическое объяснение языковых фактов, каждое в силу своей односторонности, не могло удовлетворить большинство лингвистов Европы и России. Внимание учёных начинает переключаться с проблемы инвариантности (общности) внутренней структуры человеческого языка на проблему бесконечного многообразия языков мира. Лингвистов гораздо меньше стали интересовать универсальные черты языков, зато больше внимания они стали уделять причинам изменчивости языков и анализу их вариантности. Как и натуралистическое направление, психологическое возникает в ожесточённой полемике с представителями логицизма, склонного к формализму. Однако биологическая концепция языка также отталкивала многих лингвистов своей прямолинейностью и известной вульгаризацией решения лингвистических проблем. Стремление исследовать язык в его реальном функционировании как индивидуальную речевую деятельность,

без натурализма и без формализма непременно должно было привести лингвистов в лоно чрезвычайно успешно развивавшейся в XIX в. науки — психологии. Язык начинает рассматриваться как результат психической деятельности индивида. Опору для психологического взгляда на язык сторонники нового направления нашли в трудах В. фон Гумбольдта, в его учении о языке и духе, и в психологии **Иоганна Фридриха Гербарта** (1776—1841).

Основоположником психологического направления в сравнительно-историческом языкознании стал немецкий учёный **Гейман (Хейман) Штейнталь*** (1823—1899).

Он прославился как крупный теоретик компаративизма, систематизатор и классификатор знаний о языках мира, как популяризатор и последователь идей В. фон Гумбольдта, как непримиримый оппонент А. Шлейхера и К. Беккера. Свои взгляды Г. Штейнталь изложил в работах «Произведения В. Гумбольдта по философии языка» (1848), «Классификация языков как развитие языковой идеи» (1850), «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855), «Характеристика важнейших типов строя языка» (1860), «Происхождение языка» (1880), «Введение в психологию и в языкознание» и др.

Как и Гумбольдт, Штейнталь решает в своих работах общетеоретические проблемы языкознания: взаимоотношение языка и духа народа; индивид — народ — язык; строение и совершенство языков; системность языка; внутренняя и внешняя форма языка и др. Как и Гумбольдт, он пытается ответить на вопросы о происхождении языка, о взаимоотношении языка и мышления, выступая против логико-грамматического взгляда на язык, и обрушиваясь с критикой на работы своего соотечественника К. Беккера.

Штейнталь убеждён, что слово и понятие, предложение и суждение, грамматические и логические категории не тождественны и вообще столь мало соотносительны друг с другом, как понятие, например, круга и красного. Существует, по его мнению, не один тип мышления, а несколько, и у каждого — своя логика. Язык не идентичен ни мышлению вообще, ни ка-

* В разных учебных пособиях имя Штейнталья пишется по-разному: *Герман* — Н.А. Кондрашов; *Гуго, Хуго* — В.М. Алпатов; *Гейман* — Н.Ф. Алефиренко.

кому-либо его типу: «В теле языка обитает душа языковая, и никакая логическая в него вселиться не может». Язык — это «значащее звучание со своеобразными понятиями и соединениями последних» (Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения, 1855). Так что **язык является совершенно своеобразным мышлением**, и развивается он по известным, присущим только этому мышлению законам. Именно благодаря Штейнталю в языкознании появляется учение об особом «языковом мышлении», о языковом сознании, отличном от логического.

Поскольку, по мнению Штейнталья, язык равен языковому мышлению, языкознание (грамматика) имеет дело только с языковым сознанием, и при исследовании языкового сознания должно опираться на психологию, а не на логику. Штейнталь пересматривает и уточняет взгляды своего учителя Гумбольдта в соответствии с достижениями относительно молодой науки — психологии (термин *психология* появился в XVI в.). Психологические воззрения Штейнталья сформировались под воздействием трудов философа-идеалиста, создателя механистической ассоциативной психологии И.Ф. Гербарта, которого Штейнталь считал отцом научной психологии.

Герbart утверждал, что **психическая жизнь есть механическая борьба представлений**, которая управляется тремя психическими законами: *ассимиляции* (от лат. *assimilatio* ‘уподобление, сходство’; ‘уподобление, слияние, усвоение’); *анперцепции* (от лат. *ad + perceptio* ‘восприятие’; ‘ясное и осознанное восприятие’); *ассоциации* (от лат. *associatio* ‘соединение’; ‘связь, образующаяся между двумя или более психическими образованиями’). Штейнталь, соглашаясь с Гербартом, говорит, будто языкознание давно бы признали психологической дисциплиной, если бы психология существовала как самостоятельная наука. Но теперь, благодаря Гербарту, это время настало. Так как речь — духовная деятельность, **языкознание относится к числу психологических наук**. О чём бы ни писал лингвист: о возникновении языка, его сущности, его положении в развитии и деятельности духа, о различии языков, — он должен, по мнению Штейнталья, находиться «в границах психологии».

Вслед за Гербартом, Штейнталь различает *индивидуальную психологию* и психологию народов, или *этнопсихологию*. Последняя должна изучать нравы, традиции, легенды, песнопения наро-

дов, ибо они-то и отражают народную психологию, дух народа. Важнейший продукт народного духа — язык. Языкознание — наилучшее введение в психологию народа. Задавшись целью пропагандировать идеи психологии народов, Штейнталь вместе с Морисом Лацарусом (1824—1903) основал журнал «Этническая психология и языкознание». И всё же ему не удалось создать этнопсихологию как науку со своим объектом и предметом исследования, со своим методом анализа. Центральное место в этнопсихологии Штейнталья занимало, как и у Гумбольдта, учение о «духе народа». Но это неясное, туманное понятие исследовать практически невозможно. Кроме того, Штейнталью необходимо было ответить на вопросы: «Как соотносятся индивид и общество?»; «В чём состоит общественный характер языка?». И отвечал он на эти вопросы очень своеобразно.

Так, по Штейнталью, общество зиждется на «симпатии», на ней же зиждется и языковое понимание: «То, что всякое понимание основывается на симпатии, следует также из того, что оно простирается не далее границ последней и прекращается там, где это последнее исчезает».

Штейнталь, как говорилось выше, пытался ответить на вопрос о происхождении языка. Он, вслед за Гумбольдтом, ставил знак равенства между происхождением языка и его сущностью. Если язык — это постоянно возобновляющаяся деятельность духа, а не застывшее дело — значит, не было акта рождения языка, так как язык всегда порождается душой человека. Понять, как возник язык, — значит понять, что выигрывает душа, благодаря языковому выражению. Не сообщение, а самосознание является источником языка. «Не труд, не потребность общения, а радость и боль, прекрасные и неразлучные божественные искры, воспламеняют язык», — заключает Штейнталь.

Опираясь на психологическую необходимость различать предметное и языковое мышление, Штейнталь пытался углубить и понятие «внутренней формы» Гумбольдта. Он писал, что в **предметном мышлении** мы оперируем не предметами, а их представлениями, которые базируются лишь на некоторых признаках предметов. В **языковом мышлении** мы оперируем представлениями представлений предметов мышления. Эти вторичные представления и есть внутренняя форма, устанавливающая связь между первыми представлениями и членораздельными звуками. И если первые представления субъективны, то вторые субъективны вдвойне.

Внутренняя форма языка, по словам Штейнталя, исторически изменчива и пережила в своём развитии три этапа:

1-й — древнейший, когда нет слов-названий, а есть лишь междометия (звукоподражательные слова);

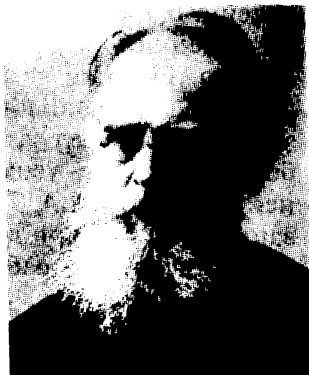
2-й сопровождается расцветом внутренней языковой формы, появлением мотивированных слов (типа *снегирь*, *подсолнечник*);

3-й — исторический, когда звук и значение соединяются без посредника, так как внутренняя форма исчезает из сознания. Она лишь точка, в которой соприкасаются звук и значение, точка без протяжённости и содержания — нулевая форма.

Учение о внутренней форме Штейнталя выглядит стройнее, чем у Гумбольдта, ибо оно отражает моменты отсутствия внутренней формы, её зарождения и «угасания». В целом же философия языка в его трудах была подчинена индивидуальному психологизму. Если Гумбольдт говорил о первичности народа перед индивидуумом в речевой деятельности, Штейнталь расценивал язык как индивидуальный продукт деятельности духа. У советских филологов В.Н. Волошинова и М.М. Бахтина, как, впрочем, и у других учёных, исследовавших традиции Гумбольдта в европейском языкознании, были основания расценивать идеи Штейнталя как «измельчание гумбольдтовских».

§ 34. Лингвистические взгляды Александра Афанасьевича Потебни

В России XIX в. наиболее ярким представителем психологического направления в языкознании был выдающийся русский и украинский учёный **Александр Афанасьевич Потебня** (1835—1891). Философ и лингвист, историк литературы и фольклорист, этнограф и диалектолог, он занимался самыми разнообразными проблемами языкознания: философией языка, синтаксисом, морфологией, фонетикой, семасиологией, сравнительно-исторической грамматикой, языком художественных произведений, эстетическими функциями языка. Потебня знал, кроме русского и украинского, древние языки (старославянский, латинский, санскрит) и несколько живых индо-



европейских языков (немецкий, польский, литовский, латышский, чешский и сербскохорватский).

Долгие годы А.А. Потебня был профессором Харьковского университета и воспитал множество учеников. Взгляды А.А. Потебни на общественную жизнь формировались под влиянием работ Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, В.Г. Белинского. Однако философская основа его лингвистической концепции оказалась гораздо сложнее стихийного материализма революционеров-демократов. Она представляет собой сложное переплетение идей Джона Локка (1632—1704), английского материалиста-эмпирика, считавшего, что знание проистекает только из опыта, и немецкой классической философии, восходящей к Гегелю и Канту. Русский язык и его историю он стремился изучать в свете общей эволюции человеческого языка и мышления. Применяя сравнительно-исторический метод, А.А. Потебня выработал, по справедливому замечанию В.В. Колесова, «научную концепцию, по характеру своему *синтетическую*, а не дробно-аналитическую, которую интересовали бы только частности и “исключения”» (Колесов В.В. История русского языкознания, 2003, с. 239). В отличие от своих предшественников-компаративистов, а также от многих современников, А.А. Потебня избегал крайностей в выборе источников для своих сравнительно-исторических изысканий. Он считал, что для науки о языке одинаково вредно как стремление ограничиться данными только письменных источников, так и ориентации только на данные живых диалектов: «...памятники прошедшего, сами по себе, без сравнения с настоящим, никогда не бывают достаточно ясны» (К истории звуков русского языка, 1876, ч. 1, с. 6). Однако в рассмотрении лингвистических проблем Потебня, последователь Гумбольдта и Штейнталя, опирался на психологический идеализм, точнее — на немецкий классический идеализм, восходящий к Канту и Гегелю. Русский язык, его историю он стремился изучать в свете общей эволюции человеческого языка и мышления.

Потебня успел за свои 56 лет написать много работ, однако большая их часть увидела свет только после смерти автора. Важнейшие труды А.А. Потебни — «Мысль и язык» (1862) и «Из записок по русской грамматике» в четырех томах (1874—1888), над которыми он работал много лет (при жизни учёного были опубликованы лишь два первых тома).

Уже в ранних своих работах Потебня открыто становится на сторону Гумбольдта и Штейнталя. По его мнению, сравнительно-

историческое языкознание подрывало основы общей логической грамматики: «Вино новое потребовало мехов новых». В центре внимания Потебни оказались **семантика и синтаксис** (в то время как у его предшественников-компаративистов это были фонетика и морфология). Механический, примитивный натурализм второй половины XIX в. отталкивал Потебню. Он пытался решать важнейшие проблемы языкознания (особенно взаимоотношения языка и мышления) комплексно, в тесной связи с историей культуры народа, его поэзией, легендами, верованиями, преданиями. Творящая индивидуальность и творящий народ — вот две сферы, в которых Потебня изучал формы словесного творчества. Многие лингвистические идеи Потебни сохранили своё значение до наших дней. Из них важнейшими являются учение о слове, учение о грамматической форме и синтаксическое учение.

Характерная черта лингвистических исследований Потебни — гармоничное сочетание теоретических установок с практическим анализом языкового материала. В грамматике же он всегда видел сложное взаимодействие содержания и формы.

УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

В учении о слове у Потебни много нового, необычного. Он отрицает полисемию, различает ближайшее и дальнейшее значения слова, по-новому ставит вопрос о внутренней форме слова.

Язык — «энергейя», деятельность, пишет Потебня, поэтому о слове надо судить не по словарю, а по действительной жизни его в речи. Он утверждает, что у слова несколько значений бывает только в словарях, а в речи каждый раз, как слово произносится или понимается, оно имеет не более одного значения, так как в речи слово соответствует одному акту мысли. Говоря о многозначности, мы представляем слово независимо от его значения, говорит Потебня, т.е. под словом понимается лишь звук, причём единство звука и значения следует тогда понимать не более как единство дупла и птиц, которые в нём гнездятся. **Реальна не многозначность, а «однозвучность различных слов»** (Цит. по: Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, 1964, с. 143). Сравнивая акты речи *пять вёрст*, *от млады версты* и т.п., Потебня говорит, что здесь разные слова: *верста* — ‘500 сажень’, *верста* — ‘возраст’. Более того, даже разные формы од-

ного и того же слова (*верста, версты, версте*) он также считает разными словами (там же).

Потебня прав в том, что единство звуковой стороны и значения слова не похоже на относительное единство дупла и птиц, в нём гнездящихся. Однако рассматривать словарь как «океан омонимов» нет оснований. Не случайно Потебня обходит проблему омонимии и синонимии в узком, общепринятом понимании, а при описании реальной истории слов показывает, как они «обрастают» всё новыми и новыми значениями и оттенками значений, становясь полисемичными или рождая омонимы.

Потебня различал ближайшее и дальнейшее значение слова, а также социальное и индивидуальное в языке. **Ближайшее значение**, полагал он, народно, так как оно, во-первых, формально (в том смысле, что оно включает лишь самое общее, то, что вместе с представлением позволяет говорящему и слушающему понимать друг друга), во-вторых, общеизвестно. **Дальнейшее значение** лично, так как оно, во-первых, различно по качеству, во-вторых, различно по количеству элементов. В повседневной жизни используется лишь ближайшее значение слова. Отсюда и возможно взаимопонимание между говорящими. Языкознание занимается как раз ближайшим значением слова. Дальнейшее значение слова — предмет других наук.

Дальнейшее значение слова может быть либо индивидуально-субъективным (у поэтов, писателей, людей искусства), либо индивидуально-объективным (в науке). Следуя за Потебнёй, можно привести такой пример. В начале XX в. Казимир Малевич написал самую знаменитую, самую загадочную, самую пугающую картину на свете — «Чёрный квадрат». За «Квадратом» Малевича закрепилось сложное индивидуально-субъективное значение. «Несложным движением кисти» художник «раз и навсегда провёл непреходимую черту, обозначил пропасть между старым искусством и новым, между человеком и его тенью, между розой и гробом, между жизнью и смертью, между Богом и Дьяволом. По его собственным словам, «он свёл всё в нуль». Нуль почему-то оказался квадратным, и это простое открытие — одно из самых страшных событий в искусстве за всю историю его существования <...> Шаря руками в темноте, гениальной интуицией художника, пророческой прозорливостью Создателя он нащупал запрещённую фигуру запрещённого цвета — столь простую, что

тысячи проходили мимо, переступая, пренебрегая, не замечая... Но и то сказать, немногие до него замыслили «победу над Солнцем», немногие осмеливались бросить вызов Князю Тьмы. Малевич посмел — и, как и полагается в правдивых повестях о торговле с дьяволом, о возжаждавших Фаустах, Хозяин охотно и без промедления явился и подсказал художнику простую формулу небытия». Так Т. Толстая в эссе «Квадрат» (2000) описала индивидуально-субъективное значение слова *квадрат*, закрепившееся в искусствоведении XX в. В точных науках это слово имеет индивидуально-объективные значения: геом. *квадрат* — ‘прямоугольник, у которого все четыре стороны равны и каждый из углов равен 90°’; мат. *квадрат* — ‘произведение двух одинаковых сомножителей, или вторая степень числа’.

Потебня конкретизировал учение Гумбольдта о **внутренней форме** слова. Вместе с тем он отвергает учение Штейнтала о трёх периодах в развитии языка, так как образование слов не может прекратиться, а в этом процессе важнейшую роль играет внутренняя форма.

Внутренняя форма относится к значению, как знак к обозначаемому. Когда мы говорим, что **А** *значит* или *означает* **Б**, например, когда, видя издали дым, заключаем: значит, там горит огонь, — то мы познаём **Б** посредством **А**. **А** есть знак **Б**, как дым — знак огня. **Б** есть обозначаемое этим знаком, или его *значение*. Знак важен не сам по себе, он просто доступнее обозначаемого и может приблизить скрытое, отдалённое, трудно познаваемое обозначаемое. Так как любое слово имеет значение, то оно должно иметь и знак. И в качестве знака выступает внутренняя форма слова. Таким образом, в слове не два элемента (звук и значение), а три (звук, знак, т.е. внутренняя форма, и значение).

Значение слова и знак (внутренняя форма) не тождественны. Значение — это сложная совокупность познанных человеком признаков; внутренняя же форма — лишь один из всех признаков: «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; он есть *представитель* того или другого в текущих делах мысли, а потому называется *представлением*». Но лингвистический термин *представление* Потебня не отождествляет с психологическим.

Внутренняя форма всегда связана со значением предшествующего слова (ср. *бел* — *белок*). Но внутренняя форма может и забываться. Например, в словах *рыба*, *окно*, *дым* она неизвестна говорящим. Штейнталь считал, что нет слов без внутренней формы и ввёл понятие нулевой внутренней формы, но Потебня был против навязывания языку сконструированных для стройности искусственных свойств. Он предлагал закон, действующий и в современном языкознании: «...всякое **новое слово** имеет представление, т.е. значение нового слова всегда включает в себе один признак, общий со значением, ему предшествовавшим» (Там же, с. 155). Ср., например, *учить* — *учёба*, *учебник*. Представление об учении (признак, являющийся элементом значения производящего слова) вошло в содержание (в значение) производных слов *учёба*, *учебник*.

Слово — это единство знака (т.е. внутренней формы), значения (т.е. содержания) и звуковой оболочки (т.е. внешней формы). Например, пишет Потебня, содержание, мыслимое при словах *жалованье*, *annuum*, *pension*, *gage*, представляет много общего и может быть подведено под одно понятие платы; но нет сходства в том, как изображается это содержание в упомянутых словах: *annuum* — то, что отпускается на год, *pension* — то, что отвешивается, *gage* (по Дицу, слово германского происхождения) первоначально — залог, ручательство, вознаграждение и проч., вообще результат взаимных обязательств, тогда как *жалованье* — действие любви (ср. синонимич. слова *миловать* — *жаловать*, из коих последнее и теперь ещё местами значит *любить*), подарок, но никак не законное вознаграждение, не «*legitimum vadium*», не следствие договора двух лиц.

В словах языка обычно заключены значения двоякого рода. Так, *верста* — ‘мера длины’ (конкретное ближайшее значение), но *верста* — это и сущ. ж. р. ед. ч. им. падежа (т.е. оно указывает на одно или несколько общих грамматических разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других). Указание на такой разряд определяет постоянное отношение к другим словам. Первое значение Потебня назвал цветным и лексическим, второе значение — общим и грамматическим.

В соответствии с этими значениями все слова в языке делятся на две группы: 1) **слова вещественные и лексические** (существительные, глаголы); 2) **слова формальные и грамматические** (предлоги и союзы).

УЧЕНИЕ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ СЛОВА

Учение о грамматической форме слова у Потебни сложно и противоречиво. Он начал с отказа понимать грамматические формы как звуковое выражение грамматического значения, т.е. выступил против отождествления формы с аффиксами — выразителями определенных грамматических значений. Потебня ставит знак равенства между грамматической формой и грамматическим значением. Грамматическая форма, по его мнению, есть элемент значения слова; она однородна с его вещественным значением; кроме того, она может и не иметь материального выражения (например, вид глаголов *женить* и *атаковать* никак материально не выражен). Формы в языке определяются также по смыслу.

Не признавая лексической многозначности, Потебня столь же решительно отказался от грамматической многозначности. Например, он считал, что всякое новое употребление творительного падежа есть новый падеж (*пишет пером* — орудийный; *смотрит волком* — сравнительный, *идёт лесом* — пространственный).

На основании своего учения о грамматической форме Потебня критикует учение о двух периодах в развитии языка, которое разрабатывали В. Гумбольдт, Я. Гримм, А. Шлейхер, Ф. И. Буслаев. Так как для этих компаративистов грамматическая форма равна окончанию слова, то уменьшение числа флексий рассматривалось ими как старение, порча языка, упадок форм. Между тем, в германских языках число падежных окончаний становится всё меньше (в английском оно сведено фактически к нулю). Но ведь это вовсе не значит, что германские языки хиреют и не способны передавать всё разнообразие грамматических значений.

Потебня настаивает на том, что форма — это значение, а не звук, и число формальных значений в разные периоды жизни языка неизвестны, следовательно, учение о двух периодах в жизни языка должно быть отвергнуто. Кроме того, он настаивал на том, что языки **развиваются**, а не стареют.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Говоря о значении слова, о его грамматической форме, Потебня всегда стоял на синтаксических позициях. Он полагал, что одного изолированного слова в действительности не бывает, а вырванное из речи слово мертво, не функционирует, не обна-

руживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет. Вслед за Штейнталем Потебня критикует логико-синтаксическую школу: «Грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением»; «Слово не одним присутствием звуковой формы, но всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию»; «Грамматических категорий несравненно больше логических» (Там же, с. 167—168).

Но Потебня не принял и модного во второй половине XX в. определения предложения как словесного выражения психологического суждения. Он говорил: «Кто определил бы предложение, например, русского языка, как словесное выражение психологического суждения, сказал бы так же мало, как тот, который определил Сократа как особь зоологического вида» (Из записок по русской грамматике, т. 1—2, 1958, с. 68). Потебня сомневался в возможности универсального определения предложения для всех языков и для всех эпох. Отказавшись от собственного определения предложения, он называет два существенных признака индоевропейского предложения: 1) наличие частей речи вообще, 2) наличие спрягаемого глагола. В настоящее время эта точка зрения не может быть признана истинной (ср. нечленимые, номинативные, генитивные, междометные и другие предложения).

Оба признака индоевропейского предложения, по мнению Потебни, — результат длительного развития. Члены предложения развивались параллельно с частями речи. Они взаимно влияли друг на друга: чёткая дифференциация одних вела к совершенствованию других.

Потебня разрабатывает теорию роста глагольности в индоевропейских предложениях: «В русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола. В древних языках употребляются причастия, формы, промежуточные между именем и глаголом». Их употребление, замечает Потебня, было гораздо обширней, чем в новых языках, и причастия могли иметь такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какая в новых языках возможна в личном глаголе и отчасти в неопределённом наклонении <...> Во всём этом видно <...> стремление сосредоточить предикативность в глаголе за счёт предикативности имени и причастия» (Там же, с. 516—517).

Предложение, по мнению Потебни, — основная языковая ячейка, в которой происходят семантические сдвиги и в которой формируются все смысловые категории языка. Первоначальное предложение представляло собою два существительных, из которых одно воспринималось как определяющее: *Трава — зелень, Вода — свет*. Потом постепенно существительное *зелень (свет)* внедряется в существительное *трава (вода)*, и устраняется двойственность субстанции: *Трава как зелень, Вода как свет* → *Трава зелена, Вода светла*.

С ростом глагольности в предложении укрепляются категории процесса, действия, силы, энергии, поэтому стали возможны безличные предложения: *Как рукой сняло, Меня так и тянет, подмывает* и т.д. То есть начался процесс с ограничения роли существительного как автономного сказуемого, а кончилось тем, что существительное вытесняется и с роли подлежащего.

Таким образом, в трудах Потебни можно найти глубокие грамматические обобщения и наблюдения, интересные для современной лингвистики. В последние годы становится всё более актуальной и эстетика Потебни. В частности, для языкознания важны его рассуждения о взаимоотношении языка и искусства: и слово, и искусство он рассматривал как акт творчества. «Символизм языка, — писал Потебня в работе «Мысль и язык», — по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова <...> Поэзия есть одно из искусств, а потому связь её со словом должна указывать на общие стороны языка и искусства» (Мысль и язык, 1993, с. 124). Если бы в языке русского народа не было поэтических элементов, продолжает Потебня, откуда бы взялось их сосредоточие у Пушкина, Гоголя и др. («Откуда быть грозе, если в воздухе нет электричества?»). Предложение — не воплощение готовой идеи, иначе не было бы стимула для творчества, для создания образа.

Будучи сторонником психологического направления, Потебня неизменно подчёркивал **историзм** как самую существенную черту языкознания и литературоведения: «Так как **историчность** есть существенная черта языкознания, и так как синтаксис есть момент истории языка, то неисторическое языкознание как наука, неисторическая этимология и неисторический синтаксис равно немыслимы» (Там же, с. 48). «История — не тав-

тология, — писал он. — Слово, недосказанное одним, остаётся вечно недосказанным. Утраты в людях, не совершивших полного круга своей жизни, для общества невозвратимы. Всякое существо имеет цену само по себе и другим незаменимо. Это основание сознательного уважения к индивидуальной жизни. Отцы незаменимы детьми. Несовершенство традиции: никогда последующее поколение не усваивает вполне предыдущего <...> Общество, забывчивое, равнодушное к своему прошедшему, просто не умеет пользоваться наследием отцов и потому медленно капитализирует мысль...» (Цит. по: *Пресняков О. П.* Литературоведение и филология в научном наследии А.А. Потебни. Контекст—1977, с. 115).

Потебня оказал огромное влияние на развитие русской лингвистики и шире — филологии. При его деятельном участии сложилась Харьковская лингвистическая школа, представители которой занимались разработкой проблем истории языка на широком культурно-этнографическом фоне: они создали труды по лингвостилистике, лингвопоэтике, историческому синтаксису, диалектологии, исторической морфологии, семасиологии.

§ 35. Психология народов Вильгельма Вундта

Вильгельм Вундт (1832—1920), врач по образованию, знаменитый немецкий учёный, психолог, философ, автор работ по медицине, физиологии, логике, этике. В 1878 г. Вундт основал в Германии первый институт экспериментальной психологии. Предметом психологии он считал непосредственный опыт — доступные самонаблюдению явления или факты сознания, реакцией на которые является поведение человека. В психологическом центре, в Лейпциге, куда к Вундту съезжались ученики со всех концов мира, изучались ощущения, реакции на различные раздражители; ассоциации, внимание, простейшие чувства человека. Вундт пришёл к выводу, что высшие психические процессы, т. е. речь, воля, мышление, недоступны эксперименту; значит, они должны изучаться культурно-историческим методом. И Вундт обратился к социальной психологии, будучи убеждён в том, что одной из форм проявления «коллективной воли», или «народного духа», является язык. Вундт развивал идеи Штейнталя — Лацаруса о психологии народов. В

1900—1920 гг. в Лейпциге вышел его многотомный труд «Психология народов, исследование законов развития языка, мифов и обычаев». Два первых тома имели общий подзаголовок «Язык», причём в первом томе рассматривались «выражающие движения», язык жестов, звуки языка, звуковые изменения, словообразование; во втором томе описывались формы слов, предложения; ставились вопросы изменения значений слов и происхождения языка.

Вундт выдвинул перед психологией народов как перед новой наукой две задачи:

1) отграничение психологии народов от смежных наук (всеобщей истории, антропологии, этнографии);

2) борьба с индивидуализмом.

Герман Пауль, например, считал, что каждое новообразование в языке имеет автора, а затем оно распространяется в силу подражания, моды. Аналогичные мнения высказывались в истории и мифологии. Защищая «психологию народов», Вундт писал о том, что индивидуум не только принимает участие в деятельности общества, но в ещё большей степени зависит от развития той среды, к которой он принадлежит.

Из сферы науки о психологии народов Вундт исключал всё сугубо индивидуальное, и поэтому главный интерес его сосредоточен на психологии первобытных народов (у цивилизованных народов больше ощущается роль учёных, деятелей искусства). Остаются три основные проблемы психологии народов — язык, мифы, обычаи.

Вундт вполне справедливо критикует индивидуалистские теории, но его положительная программа не лишена недостатков. Вундт далёк от понимания законов общественного развития, он игнорирует роль труда в процессе формирования человеческого общества и самого языка, преувеличивает роль психического фактора.

Предметом психологии народов Вундт считает язык, мифы, обычаи. Однако его рассуждения, касающиеся истории происхождения языка, мифов, обычаев, опираются только на достижения экспериментальной психологии, а потому кажутся спорными. По мнению Вундта, все психические процессы связаны с физическими (физиологическими) движениями — выражениями первых. Так, волнение вызывает учащённое сердцебиение, расширение зрачков, дрожь в конечностях и т.д. Это свойствен-

но и человеку, и животным, т.е. «выражающим движениями» своё внутреннее состояние. Не случайно подлинным первобытным языком был язык жестов, более естественный, чем звуковой язык. Жесты бывают, по словам Вундта, 1) указательные и 2) подражательные. В *жестовом языке* возможны свои диалекты, свой синтаксис, своя этимология, своя полисемия, свои предложения (только простые) с их членами, главными и второстепенными, свой порядок следования компонентов. Язык жестов универсален, считает Вундт. Жесты повлияли на первые формы письма: пиктографию, идеографию. Так, в одном из африканских языков символ ≠, означающий 'дитя, ребёнок', возник как отражение жеста (палец, приложенный к губам, — 'не умеющий говорить, молчащий').

Обычная человеческая речь, по мнению Вундта, — это тоже система жестов, только звуковых. И между языком жестов и языком звуковым нет чёткой границы.

Во втором томе «Психологии народов» Вундт рассматривает все вопросы традиционного синтаксиса, но с психологической точки зрения. Он понимает предложение не как соединение слов или «представлений», а наоборот — как разложение на части находящегося в сознании цельного психического комплекса. Так, идущего человека мы воспринимаем цельно, но, сообщая об увиденном, разлагаем это цельное представление на две части и получаем предложение: *Человек идёт*. Предложение, по мнению Вундта, всегда бинарно: оно является результатом произвольного расчленения общего представления на составные части, поставленные в логические отношения друг с другом. Подобно Потебне, Вундт связывает формирование частей речи и членов предложения. Местом возникновения слова он называет предложение. И если древнейшее предложение было именным, то с течением времени оно заменяется глагольным. Каждое предложение интонационно оформлено. Изучению интонации Вундт придавал огромное значение и экспериментально исследовал различные типы интонации.

Таким образом, Вильгельм Вундт создал особую психологическую школу в языкознании XIX в., которую принято называть «психологией народов». Как и Штейнталь, Вундт видел в языке психическое явление. Но если Штейнталь использовал психологию как средство познания языка по преимуществу, то Вундт использовал язык как средство познания психологии народа.

В. Вундт, Г. Штейнталь и А.А. Потебня считали сравнение и историзм ведущими принципами исследований в языкознании, т.е. продолжали развивать и совершенствовать сравнительно-исторический метод изучения языков мира.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы были предпосылки возникновения психологического направления в сравнительно-историческом языкознании середины XIX столетия? Кого можно считать основоположником психологического направления?
2. На чьи труды опирался Г. Штейнталь, закладывая основы психологического учения о языке? В чём состоит суть его психологического взгляда на язык? Какими разделами языкознания он занимался?
3. Как Г. Штейнталь развил идеи В. Гумбольдта о взаимоотношении языка и мышления? о развитии духа народа и совершенстве языков? о взаимоотношении индивида и народа? о внутренней форме?
4. Сумел ли Штейнталь создать новую науку этнопсихологию? Если нет, то почему?
5. Какое влияние оказал Г. Штейнталь на развитие компаративистики в XIX столетии?
6. Какое место в российской науке XIX в. занимает А.А. Потебня? Как формировались его лингвистические взгляды? В каких трудах они с наибольшей полнотой отразились?
7. В чём состоит новизна учения А.А. Потебни о слове? Что он понимал под ближайшим и под дальнейшим значением слова? Под лексическим и грамматическим значением? Дайте критическую оценку этому учению.
8. Как трансформировалось учение о внутренней форме в трудах А.А. Потебни? В чём своеобразие его понимания грамматической формы вообще? Как соотносятся в его трудах грамматическая форма и грамматическое значение?
9. Изложите суть синтаксического учения Потебни. Что нового внёс Потебня в учение об индоевропейском предложении? Дайте оценку синтаксической концепции Потебни с точки зрения современного состояния синтаксической науки.
10. Какие теоретические установки Потебни взяты на вооружение современной наукой?

11. Чем отличается методологически подход В. Вундта к языку как объекту исследования от подходов других представителей психологического направления? Какую роль отводил Вундт языку в своих психологических исследованиях?
12. В чём состоит психологическая сущность языка, по Вундту? Как занятия практической, экспериментальной психологией повлияли на его лингвистические взгляды? Чем можно объяснить интерес Вундта к языкам жестов?
13. Какие задачи ставил Вундт перед психологией народов? Почему его интересовали в первую очередь языки первобытных народов? Укажите уязвимые места теории Вундта.
14. Какова была дальнейшая судьба психологии народов как науки?

ГЛАВА 4

Младограмматизм — ведущая школа сравнительно-исторического языкознания XIX столетия

§ 36. Возникновение младограмматической школы

В 70-е годы XIX столетия в недрах компаративистики сформировалась новая школа, которая заняла лидирующее положение в европейском языкознании, — школа младограмматиков. Это было время, когда в Европе большинство учёных стояло на принципах позитивизма, отказываясь от рассмотрения общетеоретических проблем, не подкреплённых конкретными фактами. В лингвистике такими проблемами были происхождение языка, сущность языка, типологическая классификация языков мира. Обращение к «вечным» проблемам языкознания рассматривалось теперь учёными-позитивистами как увлечение метафизикой, схоластикой. Младограмматики оказались среди них наиболее радикально настроенными.

Термин «младограмматики» — полукалька с немецкого слова, придуманного лингвистом **Фридрихом Царнке** (1825—1881), который полемизировал в 1870-е гг. с основателями новой школы. В 1878 г. младограмматики решили заявить о себе публично. Именно тогда группа учёных Лейпцигского университета опубликова-

ла первый том «Морфологических исследований в области индоевропейских языков», который открывался Предисловием **Георга Остхофа*** (1847—1909) и **Карла Бругмана** (1849—1919). В нём молодые лингвисты резко критиковали старшее поколение компаративистов за стадильную теорию развития языков; за пренебрежение к поздним их периодам, отмеченным якобы, *упадком, разрушением, старением* языков; за неудачные попытки восстановления индоевропейского праязыка; за чрезмерное увлечение «биологизмом» при решении общетеоретических вопросов; за игнорирование фактов живых языков. С подачи Царнке это предисловие получило название «Манифеста младограмматиков», тем более что и сами авторы себя в этом предисловии уже называют младограмматиками.

Школа младограмматиков сыграла большую роль в развитии мирового языкознания, повлияла на формирование научных взглядов Фердинанда де Соссюра (Швейцария), Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ и Филиппа Фёдоровича Фортунатова (Россия), Вильгельма Томсена (Дания), Мишеля Бреалья (Франция), Уильяма Уитни (США). Так же, как Г. Штейнталь, как В. Вундт и А.А. Потебня, учёные-младограмматики создали свою концепцию языка на стыке лингвистики и психологии, поэтому принадлежат к самому мощному в языкознании XIX в. психологическому направлению.

К школе младограмматиков относились, помимо Карла Бругмана и Германа Остхофа, **Август Лескин** (1840—1916), **Бертольд Дельбрюк** (1842—1922), **Герман Пауль** (1846—1921) и некоторые другие лингвисты. Из Лейпцигского университета они разъехались в научные центры Европы, где вырастили целое поколение своих последователей, которые до 1920-х гг. занимали ведущие позиции в европейском языкознании.

§ 37. Историзм и психологизм — основные принципы младограмматической школы

Программными для школы младограмматиков стали три теоретических штудии: уже упоминавшееся Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских

* В ряде источников — **Остгоф**.

языков» Г. Остхофа и К. Бругмана (1878), книга Г. Пауля «Принципы истории языка» (1880) и «Введение в изучение языка. Из истории и методологии сравнительного языкознания» Б. Дельбрюка (1886).

Младограмматики открыто провозгласили основными своими принципами **историзм** и **психологизм**. Собственно, в этом не было ничего нового, ибо теми же принципами руководствовались Г. Штейнталь, В. Вундт и А.А. Потебня. Но младограмматики попытались доказать, что использовать эти принципы следует иначе, чем это было принято в компаративистике до них, когда «с исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало — **говорящего человека**». В своём «Манифесте» учёные Лейпцигского университета отвергают натуралистическое и логическое направления за то, что их сторонники изучают языки как нечто самостоятельное, как вещь, и не изучают **говорящего человека, творца**. Язык — не организм, а общественное установление людей, объединённых в народ, утверждают младограмматики, но по-настоящему язык существует лишь в индивидуе, языковые изменения исходят лишь от индивида, причём принципы усвоения и воспроизведения языка одинаковы во все времена. Отсюда делается вывод: чем гадать об индоевропейских праформах, лучше изучать языки с зафиксированной историей (германские, романские, славянские). На них вернее можно выработать методологические принципы. А еще важнее наблюдение над *живым* языком, так как письменность — лишь фиксация, очень грубое и приблизительное отображение звуковой речи. Если лингвист может собственными ушами услышать, как протекает жизнь языка, почему он предпочитает иметь дело с ненадежными письменными традициями древних языков? Важно лишь самонаблюдение, лучше над родным языком, с опорой на языковое чутьё. И здесь без психологии не обойтись. Достаточно изучить речи индивида или немногих индивидов. Задача лингвиста — не заниматься «туманным» теоретизированием, а тщательно описывать отдельные языковые факты, доступные непосредственному наблюдению. Г. Остхоф и К. Бругман призывают «покинуть душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы и выйти на свежий воздух осязаемой действительности и современности». Реально же младограмматики продолжали заниматься реконструкцией индоевропейских праформ, и именно они в ос-

новном успешно закончили работу, начатую А. Шлейхером, благодаря тому, что изучали не только письменные памятники, но и широко привлекали диалектные материалы.

Индуктивный подход к изучению языка, культивировавшийся младограмматиками, позднее оценили как эмпирический, или как атомизм. Он заключается в выделении возможно большего числа факторов и изучении действия каждого из них в отдельности (Г. Пауль). Младограмматики требовали в соответствии с их методологией изменения «скомпрометировавшей» себя терминологической системы: вместо термина «язык» (который, якобы, прочно был связан с тем, что видят только на бумаге) предлагалось ввести термин **«говорящие люди»**, вместо «изменения в греческом языке» — **«те из греков, от кого исходили указанные изменения»**.

В связи с этим следует подчеркнуть большой интерес младограмматиков к живой неподдельной народной речи с множественством диалектов. В народных говорах, по их мнению, законы действуют более последовательно, и в диалектах лучше сохраняется языковое прошлое. Эти установки младограмматиков способствовали развитию в конце XIX в. диалектологии и лингвистической географии. Наблюдения же над живой речью послужили основой для вывода о том, что и индоевропейский праязык представлял собой диалектное единство.

Младограмматики считали подлинно научным лишь историческое изучение языков. Но под историзмом они понимали и всякий выход за пределы простого сбора фактов. (Всякое объяснение есть историзм, пусть в скрытой форме!) Историческое для младограмматиков важнее логического (А. Лескин, 1871).

Младограмматики различали в речевой деятельности *физиологические* (фонетические) и *психические* процессы. Причем, по Паулю, они причинно не связаны (1880). Физической стороной звуков должна заниматься физиология звуков, а психологическими факторами, которые сопровождают звуковые изменения, — психология. Отсюда внимание младограмматиков к законам, которым эти процессы подчиняются.

§ 38. Учение младограмматиков о языковых законах

Одним из самых значительных достижений младограмматиков стало учение о лингвистических законах. Справедливости ради следует сказать, что по-настоящему они описывали и

изучали лишь *фонетические законы*, хотя и ставили вопросы о синтаксических и семантических закономерностях. Кроме того, оставаясь в рамках сравнительно-исторического метода, младограмматики имели в виду лишь законы исторического развития языка.

Младограмматики были не первыми компаративистами, которых интересовали языковые законы. Но их предшественники пытались вскрыть по преимуществу общие законы языкового развития (ср. учение Гумбольдта о периодах, которые проходят языки на пути к совершенной, идеальной форме, подчиняясь законам развития духа; квалификацию трёх морфологических типов языков мира как отражение разных стадий их развития в трудах братьев Шлегелей и их последователей; натуралистическую трактовку законов жизни языка как естественного отбора и борьбы за существование в трудах А. Шлейхера, выделявшего период развития и период старения языков).

Стремясь повысить научную точность сравнительно-исторической методики описания языков, младограмматики сузили свою задачу до изучения звуковых законов (в фонетике), закона аналогии (в морфологии) и семасиологических закономерностей (в семасиологии), но по-настоящему глубоко разработали лишь учение о фонетических законах.

Характеризуя звуковые законы, младограмматики исходили из жёстких установок:

1) эти законы носят материальный, звуковой характер; они действуют механически и не зависят от смысла слов, в которых обнаруживаются их следы;

2) фонетические законы регулярны, единообразны; они действуют почти с такой же последовательностью, как силы природы, и не знают исключений.

Направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового коллектива, — писали Г. Остхоф и К. Бругман, — кроме случая диалектного дробления, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвуют в этом процессе. Причины же, по которым действуют фонетические законы, носят физиологический характер — стремление к удобству ($t \rightarrow s$, а не наоборот). Эта точка зрения немецкого учёного Георга Курциуса (1820—1885) была поддержана младограмматиками. Кажущееся исключение младограмматика-

ми рассматривалось как результат ещё неизвестной закономерности, а также как результат аналогии или влияния на данный язык других языков и диалектов.

Младограмматики создали, таким образом, надёжную, объективную схему исследования внутри- и межъязыковых соответствий и сами открыли многие законы, действовавшие в истории индоевропейских языков. Так, знаменитый славист Август Лескин описал закон открытого слога, первый и второй законы палатализации, смягчение согласных под влиянием *j* в древних славянских языках и т.д.

Позднее был обнаружен третий признак фонетических законов — социальная обусловленность, которая отличает языковые законы от законов природы (физических, химических): звуковые законы, установленные лингвистами, суть не что иное, как единообразия, возникающие в известном языке и в известное время и имеющие силу только для этого языка и времени. Когда же младограмматики столкнулись с многочисленными отклонениями от открытых ими фонетических законов, они стали предпочитать термину *закон* термин *тенденция*.

Если в фонетическом строе языка (в «физиологии звуков») звуковые законы действуют механически и бессознательно, то законы, которым подчиняется семантика слов и форм, связаны с психическими процессами — с процессами *ассоциации* представлений и *апперцепции* (т.е. зависимости восприятия новых предметов от прошлого опыта). В этой сфере языка, утверждают младограмматики, нередко действует *закон аналогии*, основанный на активном характере речевой деятельности говорящего (не воспроизведение готового, а ассоциация деятельности по типу пропорций, рождающая новые языковые факты). Действие закона аналогии особенно активно изучалось младограмматиками на материале морфологии.

До младограмматиков проблемой аналогии занимались александрийские грамматисты. Компаративисты первой половины XIX в. в аналогии видели лишь порчу языка и рассматривали её как характерную тенденцию, которая начинает действовать на стадии старения, упадка языка. Младограмматики же видели в аналогии вечный механизм речевой деятельности, но полагали при этом, что к аналогии следует обращаться лишь тогда, когда к этому принуждают звуковые законы. Таким образом, фонетические законы и аналогия, по мнению

младограмматиков, являются двумя факторами, совместное действие которых определяет внешний облик языка.

Для возникновения аналогии важна частота употребления формы или слова, сходство, значение и звучание подравниваемых форм. Младограмматики различают аналогию двух типов: 1) среди вещественных групп (выравнивание, например, падежных форм одного существительного); 2) среди формальных групп, основанных на функциональном сходстве (например, все им. падежи, все формы 1-го лица глаголов, все формы страдательного залога, все слабые, все сильные немецкие глаголы и т.д.).

Аналогия действует на флексии, словообразовательные типы, реже — на звуковые чередования. Аналогия и фонетический закон социально обусловлены, исходят от коллектива, но это не уничтожает изменчивости языка, источником которой является *индивид*. Особенно влияет индивид на значение слов. Эта семантическая изменчивость коренится в изначальном несовпадении узуального (нормального, обычного) и окказионального (случайного, единичного) значений слов.

Узуальное значение известно всем членам языковой общности, оно беднее окказионального, оно абстрактно и многозначно.

Окказиональное значение соответственно — значение в акте речи; оно богаче, конкретнее и однозначно (ср. толкование значения слова у Потебни). Регулярное возобновление окказиональных отклонений приводит к превращению индивидуального в узуальное.

Пути семантических изменений слова младограмматики рассматривают как очень разнообразные:

1) *специализация* (за словом, например, закрепляется новое значение, когда оно регулярно используется в какой-либо синтаксической функции. Ср. рус. *Молоток!* в значении ‘Молодец!’);

2) *переход имени нарицательного в собственное* (ср. рус. имена и клички *Любовь, Вера, Шарик, Тузик*);

3) *эксемия* (расширение значения: ср. *комната* — вначале только ‘помещение с камином’, потом ‘любое жилое помещение в доме, квартире’);

4) *переход имени собственного в нарицательное* (ср. *Наполеон* — имя французского императора и *наполеон* — название кондитерского изделия);

5) *метафора* (перенос названия с одного предмета, действия или свойства на другое на основе сходства; ср. *крыло самолёта, тучи ходят, зелёная тоска*);

6) *метонимия* (перенос названия с одного предмета на другой, основанный на связи, смежности этих предметов; ср. *выпил рюмку, выставка хрустала*);

7) *гипербола* (ср. *океан восторга, море цветов*);

8) *литота* (употребление антонима с отрицанием как средство риторического умаления; ср. — *Неплохо, а?* в значении ‘Хорошо!’);

9) *эвфемизм* (ср. *уйти в мир иной, уснуть вечным сном, почить в бозе* — ‘умереть’).

Значения слов, по мнению младोगрамматиков, культурно-исторически обусловлены, но изменение предмета не ведёт к изменению значения слова — его названия (ср., например, значение слов *школа, университет, ученик*, прошедшие через века). Индивидуальное восприятие тоже в лингвистике не учитывается (ср., например, профессиональное отношение к дождю синоптика, агронома, туриста, лётчика).

Языкознание занимается лишь ближайшим (по Потебне) значением слов.

Итак, представители психологического направления, особенно младोगрамматики, решили многие проблемы, стоявшие перед языкознанием середины XIX в.:

1) они уточнили методику сравнительно-исторического анализа, обогатили её учением о конкретных языковых законах;

2) проанализировали взаимоотношение языка и речи, перейдя от зафиксированного в письменных памятниках слова к звучащей речи;

3) доказали, что язык не только индивидуально-психологическое, но и культурно-историческое явление;

4) продолжили изучение семасиологии, фонетики, грамматики индоевропейских языков в сравнительно-историческом плане;

5) широко изучали живые языки с их диалектными разновидностями;

6) подготовили скачок в языкознании рубежа веков, но оставили ему в наследство свои противоречия, недостатки: субъективно-идеалистическое толкование языковых явлений, атомизм в методике анализа.

Следующий этап в истории языкознания прошёл под знаком критики младोगрамматизма и преодоления его ошибок.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы были предпосылки возникновения школы младограмматиков? Какое философское учение оказало влияние на формирование лингвистических взглядов новой школы?
2. Назовите наиболее известных представителей младограмматизма. Какие работы младограмматиков можно назвать программными? Какая из них получила название «Манифеста младограмматиков»?
3. Что не устраивало младограмматиков в трудах компаративистов старшего поколения?
4. Какие принципы считали для себя ведущими младограмматики? Что нового по сравнению с Г. Штейнталем, В. Вундтом и А.А. Потебнёй внесли они в учение о языке?
5. Почему младограмматики отказались от изучения общезыковых законов? Как они трактовали фонетические законы?
6. Как соотносится учение младограмматиков о фонетических законах с учением об аналогии?
7. Какие закономерности в развитии семантики слов обнаружили младограмматики?
8. В чём проявлялся атомизм исследовательских приёмов младограмматиков?
9. Какие достижения в области сравнительно-исторического языкознания можно поставить в заслугу младограмматикам? Почему появление научной диалектологии и лингвистической географии связывают с их идеями?

ЛИТЕРАТУРА**Основная**

Алпатов В.М. История лингвистических учений. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999; 3-е изд., доп. М.: Языки русской культуры, 2001. С.78—93.

Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учебник для филол. спец. вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1984. С. 68—87; 96—113.

Кодухов В.И. Общее языкознание: Учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. С. 29—34; 37—56; 63—92.

Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 237—255.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1979. С. 55—92.

Дополнительная

Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание: Учеб. пособие для студентов филол. спец. Волгоград: Перемена, 1998. С. 15—20.

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: ИЦ «Академия», 2003. С. 332—442.

Березин Ф.М. Русское языкознание конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1976. С. 9—71.

Будагов Р.А. А.А.Потебня как языковед-мыслитель // Портреты языковедов XIX—XX вв.: Из истории лингвистических учений. М.: Наука, 1988. С.74—103.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1992. С.25—395.

Виноградов В.В. А.А. Потебня // Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 315—328.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Кн. 1—2. Тбилиси, 1984; 2-е изд. М.: БКГ им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998.

Десницкая А.В. О лингвистической теории Августа Шлейхера (К 150-летию со дня рождения) // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 3—15.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 3-е изд. Ч. I. С. 105—232.

Зубкова Л.Г. В. фон Гумбольдт // Общая теория языка в развитии: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 188—400.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990; 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 273—275; С. 302; 405—406; 597—598.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. Т. 1—2. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1958; Т. III. М.: Просвещение, 1968; Т. IV. 2-е изд. М.: Просвещение, 1977.

Потебня А.А. К истории звуков русского языка // Филологические записки. Воронеж, 1876. Ч. 1. С. 1—54.

Потебня А.А. Мысль и язык. 4-е изд. Киев: СИНТО, 1993.

Пресняков О.П. Литературоведение и филология в научном наследии А.А. Потебни // Контекст—1977: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. С.105—141.

Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 427—428.

Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1973. С. 135—160.

Чикобава А.С. Проблема языка как предмет языкознания. М.: Учпедгиз, 1959. С. 33—61.

Чурмаева Н.В. Ф.И. Буслаев: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1984 (Люди науки).

Энциклопедический словарь юного филолога / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 126—127; 253.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1998. С. 627—632.

РАЗДЕЛ IV

**КРИТИКА МЛАДОГРАММАТИЗМА
В ЯЗЫКОЗНАНИИ конца XIX — начала XX в.
СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА,
ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ,
НЕОГРАММАТИЗМ**

ГЛАВА I

**Социологическое и эстетическое направления
в языкознании конца XIX — начала XX в.**

§ 39. Полемика с младограмматиками

В последние десятилетия XIX столетия в языкознании Европы разгорелась ожесточённая полемика: обсуждались вопросы, связанные с методикой лингвистического анализа, с определением объекта лингвистического исследования, с сущностью языковых законов; делались попытки найти новые подходы к изучению языкового материала. Время крупных открытий, совершённых с помощью сравнительно-исторического метода, ушло. Адекватно оценить вновь добытые факты и решить задачи, поставленные перед лингвистами общественным развитием, в рамках эмпирической, «атомарной» методики, постулируемой Г. Остхофом, К. Бругманом, Г. Паулем и их сподвижниками, оказалось невозможным. И самая мощная школа сравнительно-исторического языкознания XIX в. — школа младограмматиков — подверглась резкой критике. Одни оппоненты обвиняли младограмматиков в том, что те слишком прямолинейно трактуют звуковые законы и пытаются все разнородные «отступления»

от этих законов свести к явлениям аналогии. Другие считали самым серьёзным просчётом младограмматиков игнорирование социальной сущности языка и чрезмерное преувеличение роли индивида в речевой деятельности. Третьи в стремлении младограмматиков очертить чёткие границы между диалектами внутри одного и того же языка и между различными языками усматривали голый, ничем не оправданный схематизм.

Самым «неугомонным» оппонентом младограмматиков оказался австрийско-германский учёный **Гуго (Хуго) Шухардт** (1842—1927), блестящий полемист и талантливый компаративист. В 1885 г. он опубликовал статью «О фонетических законах (Против младограмматиков)». Она вызвала бурный отклик, и младограмматикам пришлось многое скорректировать в своих взглядах. Шухардт приложил массу усилий, чтобы доказать, что никаких строгих звуковых законов не существует, а возможны только «спорадические звуковые изменения». Он отвергал учение А. Шлейхера о родословном древе, которое поддерживали младограмматики, и выдвинул концепцию скрещивания языков (языки не только расходятся, но и скрещиваются!). Шухардт обвинил младограмматиков в дедуктивном подходе при изучении языковых законов (несмотря на то, что сами они проповедовали отход от «туманных» теорий, превыше всего ценя конкретные языковые факты) и провозгласил индукцию основным научным методом.

Для истории языкознания полемика с младограмматиками оказалась чрезвычайно плодотворной: конец XIX — начало XX в. прошли под знаменем освоения богатейшего опыта младограмматиков, несмотря на отрицание их идей; в научных дискуссиях выкристаллизовывались оригинальные гипотезы, закладывались теоретические основы методов синхронного анализа языкового материала, начинали заявлять о себе новые лингвистические школы. Именно в это время **Г. Шухардт** вместе с **Рудольфом Мерингером** (1859—1931) создавал школу «слов и вещей», где история отдельных слов изучалась в тесной связи с историей предметов, названных этими словами. В это же время социологическая школа противопоставила психологической теории языка младограмматиков идею общественной природы языка; **Карл Фосслер**, отвергнув постулаты младограмматиков, выступил с программой эстетического идеализма; наконец, как дальнейшее развитие идей младограмматиков и одновременно их отрицание, формируется новое направление — неограмматизм.

§ 40. Предпосылки зарождения социологического направления

Социологическое направление начинает складываться в Европе к концу XIX в., хотя общественная сущность языка была уже ранее отмечена английским философом Джоном Локком (1632—1704), итальянским философом Джамбаттистой Вико (1668—1744), основателем философии языка Вильгельмом фон Гумбольдтом и создателями этнопсихологии Гейманом Штейнталем и Вильгельмом Вундтом. Социальная природа языка и необходимость исторического и диалектико-материалистического рассмотрения языковых явлений обсуждалась в трудах классиков марксизма-ленинизма: Карла Маркса (1818—1883), Фридриха Энгельса (1820—1895), Владимира Ильича Ленина (1870—1924).

Наиболее благоприятные условия для победы социологических взглядов на язык сложились во Франции. Французские материалисты уже в XVIII в. рассматривали язык как средство общения людей, как социальное явление. В «Энциклопедии наук, искусств и ремёсел» (1751) философ-материалист, писатель, идеолог французской революционной буржуазии **Дени Дидро** (1713—1784) писал: «Язык — это способ, позволяющий людям обмениваться мыслями при помощи слов, жестов и выражений применительно к их нравам и обстановке, в которой происходит общение». Здесь же, во Франции, значительных успехов достигла и социология, всегда проявлявшая интерес к языку. Французский философ-социолог **Мишель Бреаль** (1832—1915) закладывает основы рассмотрения языка как социального явления. Он относит языкознание не к естественным, а к историческим наукам: «Язык представляет собой человеческий акт и не имеет реальности вне деятельности человека». «Язык, — писал Бреаль, — это прежде всего средство общения, направленное к тому, чтобы понимать людей и быть понятым». У Бреалья-социолога нашлось много последователей не только во Франции, но и в других странах. Своим предшественником считают его и все представители французской социологической школы.

Общественная жизнь Франции конца XVIII — начала XIX в. также создала благоприятные условия для укрепления позиций социологических взглядов в лингвистической научной среде: Франция пережила революционные события 1789—1793 гг.,

1830 г., 1848 г. и, наконец, Парижскую Коммуну 1871 г. В конце XIX в. во Франции распространяется учение основоположника научного коммунизма Карла Маркса. Интерес к социальным проблемам во Франции, вполне понятно, всё это время был достаточно устойчивым.

§ 41. Зарождение социологического направления. Философская основа французской социологической школы

Наиболее откровенно (и раньше других) о своих социологических взглядах заявил друг К. Маркса **Поль Лафарг** (1842—1911), который в 1894 г. написал работу «Французский язык до и после революции» (в русском переводе — «Язык и революция», 1930). Здесь Лафарг характеризует различные процессы во французском языке после революции 1793 г. Он показал, как в результате революции в язык проникло много новых слов (*централизовать, реквизировать, уравнивать, мобилизовать* и т.д.), вызванных к жизни общественной потребностью, а старые слова французского языка получили новые значения. Для Лафарга была совершенно ясна социальная природа языка: «Язык не может быть отделён от своей социальной среды, как растение не может быть отделено от свойственной ему климатической среды». (Естественно-научная терминология была характерна для многих лингвистов второй половины XIX в.: она сформировалась под влиянием трудов А. Шлейхера.) Язык, по мнению Лафарга, отражает каждое изменение в человеке и в социальной среде.

Лафарг дал образцы социологического анализа в лексикологии и семасиологии: описал развитие понятий *справедливости, Бога, души, блага* на разных этапах развития французского языка. Этот анализ убедил Лафарга в классовом расслоении языка, прежде всего — его словарного состава. Он объясняет этот феномен стремлением аристократии отгородиться от народного языка и говорит, что искусственная речь аристократии выделилась из красочного и могучего общенародного языка, развитие которого шло параллельно. Лафарг поднимает вопрос о социальных диалектах и о стилистических различиях в национальном языке: «Язык аристократический, или буржуазный <...> вышли из языка народного, из которого писатели всех эпох черпают сло-

ва, выражения и обороты». Сходство классических языков Лафарг объясняет их общим происхождением. Лафарг доказал, что язык — могучее орудие классовой борьбы. Правда, он преувеличивал роль различий в словарном составе диалектов и социальных вариантов — жаргонов, расценивая их не как разновидности одного и того же национального языка, а как особые языки (его последователи тоже принимали диалектные и жаргонные образования за *языки* социальных групп).

Работа Лафарга, пронизанная революционным пафосом, опирающаяся на диалектический материализм, стоит несколько особняком во французской лингвистике конца XIX столетия. После падения Парижской Коммуны французские учёные, в том числе и лингвисты, отходят от революционных идей. Их философские и социологические взгляды формируются под влиянием трудов О. Конта, Э. Дюркгейма и Г. Тарда.

Философ-социолог **Огюст Конт** (1798—1857), автор «Курса позитивной философии» (1842), является основоположником позитивизма, философского направления субъективно-идеалистического характера, исходящего из того, что подлинное (позитивное) знание может быть получено только на основании опыта в результате описания и систематизации фактов, а не их объяснения, и отрицающего философию как науку, занимающуюся исследованием реальности.

В «Курсе позитивной философии» О. Конт впервые вводит термин «социология». По Конту, **социология** — это новая наука, которая делится на *социальную статику* (общество в равновесии) и *социальную динамику* (воздействие моральных идей на преобразование мира). Она, по словам Конта, последней вошла в число наук, но подчинила себе многие из них, внося свои методы и определения.

Конт-агностик отказывается от проникновения в сущность явления и ограничивается описанием внешнего облика явления: его интересуют лишь соотношения, их последовательности и подобия. Этот агностицизм распространяется и на социолого-лингвистические исследования конца XIX в.

В 90-е гг. XIX в. во Франции становится популярной **теория принуждения** философа-социолога **Эмиля Дюркгейма** (1858—1917) после выхода в свет его книги «Метод социологии» (1895). Эта теория могла возникнуть лишь в условиях спада политической активности французского общества. В соответствии с теорией

принуждения, социальные факты навязываются индивиду в порядке принуждения. К социальным фактам относятся верования, обычаи, система использования монет, образ мыслей, чувств, действий и т.д. Всё это, согласно Дюркгейму, отражает коллективное сознание, в которое включается и язык. Поскольку принуждение носит естественный характер, «волевые» социальные преобразования, по Дюркгейму, в обществе принципиально невозможны.

Французский учёный **Габриель Тард** (1843—1904) противопоставил закону принуждения Дюркгейма **закон подражания**. В любом обществе, писал Тард, есть изобретатели (меньшинство) и подражатели (большинство). Следовательно, изменения в духовной жизни и в языке диктуются изобретателями, остальные же слепо им подражают.

Ни Конт, ни Дюркгейм, ни Тард не вскрывают истинных причин преобразований, происходящих в общественной жизни. Они игнорируют производственные отношения и не верят в возможность сознательного переустройства общества. Эта черта станет общей и для лингвистов, опиравшихся на труды Конта, Дюркгейма и Тарда.

§ 42. Основоположник социологического направления Антуан Мейе и его ученики



Основоположником социологического направления принято считать главу французской лингвистики конца XIX — начала XX в. **Антуана Мейе** (1866—1936), видного специалиста в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, автора 24 книг и 540 статей. Нет ни одной группы индоевропейских языков, которой бы А. Мейе не посвятил специальной работы. В нашей стране широкой известностью пользуются его книги «Сравнительный метод в историческом языкознании» и «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» (1903), а также монография «Общеславянский язык» (1924).

Все сторонники социологического направления исходят из того, что человеческий язык есть социальный факт, мыслимый только как общественный продукт, и что язык должен изучаться в связи с другими фактами и явлениями общественной жизни. «Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могли бы существовать без языка», — писал А.Мейе во «Введении в сравнительное изучение индоевропейских языков» (Цит. по: *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1, с. 420).

А.Мейе глубоко интересовала проблема изменений, которые переживает любой язык в своей истории. Оставаясь на позитивистских позициях, Мейе, как и младограмматики, не пытался обнаружить общие законы языкового развития и при объяснении различных звуковых, грамматических и лексических новаций исходил из социальной природы языка, которая подразумевает активное участие в речевой деятельности самих носителей языка. Как и В. фон Гумбольдт, А. Мейе был убеждён в том, что язык не готовое «дело», а «деятельность», «энергейя»; что он не передаётся непосредственно от одного лица к другому, как вещь. Каждый ребёнок, писал Мейе, **научается** языку после многолетних усилий. И в этом процессе могут появляться какие-либо «новшества», которые исчезают вместе с их творцом, но могут быть подхвачены и другими носителями языка, если «новшества» опираются на общие причины и имеют тенденцию проявляться у всех детей в одной и той же местности в течение длительного промежутка времени.

Таким образом, первый тип изменений в языке, по А. Мейе, часто связан с речью детей, которые учатся говорить в одной и той же местности в течение определённого промежутка времени. У детей может возникнуть артикуляция, отличная от артикуляции взрослых и всецело её вытесняющая. Например, на севере средневековой Франции дети в определённое время оказались неспособными произносить смягчённое *l*, и на его месте на всём севере Франции появляется *y*. Этот тип развития Мейе называет *спонтанным*. Он является результатом естественной преемственности поколений, использования языка и тождества стремлений и склонностей, наблюдаемого у лиц ряда поколений в данный период времени.

Второй тип изменений в языке, по мнению А. Мейе, происходит в результате *заимствований* из других языков: «...лишь

только члены одной социальной группы вступают в торговые, политические, религиозные или интеллектуальные сношения с членами других групп и лишь только некоторые лица приобретают знание чужого языка, тотчас является возможность введения в свой язык новых элементов» (Там же, с. 422). Из языка, резко отличающегося от местного говора, заимствуются обычно только слова; если же это язык близкий, родственный, то заимствуются и другие элементы, особенно если язык осознаётся как господствующий, достойный подражания (в силу более высокого социального положения его носителей).

Третий тип изменений, по Мейе, возникает тогда, когда население *меняет язык* (принимает язык победителей, колонистов) и накладывает на этот язык свой отпечаток. В языке-победителе сохраняются некоторые черты «покорённого» языка, которые лингвисты называют общим термином — **субстрат**. Мейе полагал, что во всех областях с более или менее древней историей язык сменялся в историческую эпоху по меньшей мере один раз, а то два и три раза. Так, на территорию Франции галльский язык проник лишь в первой половине последнего тысячелетия до н. э., а затем в течение первого тысячелетия н. э. был сменён латинским языком.

А. Мейе оставался компаративистом, но требовал совершенствования сравнительно-исторического метода: если предшественники занимались с помощью этого метода реконструкцией праязыка, то Мейе считал главной целью сравнительно-исторического метода установление *отношений*, связей между родственными языками. А так как родственные связи предполагают развитие этих языков из праязыка, то праязык превращался в методическое понятие, служащее основой для изучения родственных языков и их истории. Точно такое же осторожное отношение проявлял Мейе к фонетическим законам, описанным младограмматиками: для него это скорее формулы *регулярных* фонетических соответствий, нежели неукоснительно, без исключений действующие законы.

А. Мейе пытался дать социологическое толкование многим фактам языка, в том числе и звуковым изменениям. Он пришёл к выводу о социальной дробности языка. Социальными причинами Мейе объяснял изменение значений слов: если слово из более широкой сферы переходит в узкую, то его значе-

ние сужается, и наоборот, переход из узкой сферы в более широкую ведёт к расширению значения слова.

Таким образом, оставаясь в рамках компаративистики одним из самых крупных представителей сравнительно-исторического метода, А. Мейе в решении важнейших лингвистических проблем придерживался социологических взглядов. Наиболее определённо он высказался на этот счёт в работе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков»: «Язык, будучи, с одной стороны, принадлежностью отдельных лиц, с другой стороны — навязывается им; благодаря этому он является реальностью не только физиологической и психической, но и прежде всего **социальной**» (Там же, с. 420).

К социологическому направлению примкнули ученики А. Мейе Жозеф Вандриес, Марсель Коэн и (несколько позднее) Эмиль Бенвенист.

Жозеф Вандриес (1875—1960), специалист по индоевропейским языкам, после А. Мейе занял место главы французской лингвистики. Наибольшую известность принесла ему книга «Язык» (1921), где, помимо сравнительно-исторического описания принципов фонетики, грамматики и семантики индоевропейских языков, содержится анализ социального функционирования языка и социальных причин лингвистических изменений. Фактически Вандриес выступает в этой книге как один из предшественников социолингвистики. В отличие от младограмматиков и от своего учителя Вандриес не побоялся поставить общетеоретические проблемы языкознания, которые во времена господства позитивизма для большинства компаративистов утратили всякую привлекательность: «Как возник язык?», «Как язык устроен?», «Как он функционирует?», «По каким законам язык развивается?».

При решении вопроса о происхождении языка Вандриес опирался на теорию «общественного договора» французского мыслителя Жан Жака Руссо (1712—1778): «Язык образовался в обществе. Он возник в тот день, когда люди испытали потребность в общении между собой <...> С языком дело обстоит так же, как и с другими человеческими изобретениями» (Там же, с. 441). Вандриес не сомневался в том, что язык — явление социальное, и эта мысль красной нитью проходит через всю его работу. Он писал, что «язык явился естественным продуктом деятельности человека, результатом приспособ-

соблюдения способностей человека к социальным нуждам»; что «язык есть общественное установление», и только изучая социальную роль языка, «можно составить себе представление о том, что такое язык» (Там же, с. 443). По-новому, с социологических позиций, Вандриес ставит вопрос о значимости языка для общественной группы: «В любой общественной группе вне зависимости от её свойств и величины язык играет важнейшую роль. Он — самая крепкая связь, соединяющая членов группы, в одно и то же время он — символ и защита группового единства. Может ли быть более действительное орудие для утверждения факта существования группы?» (Там же, с. 445).

Отвечая на вопрос об устройстве языка, Вандриес, вслед за Соссюром (о нём см. главу 3 этого раздела), говорил, что **язык — это система знаков**, имеющая естественную природу, и что, в отличие от языка животных, он «принадлежит к более высокому порядку явлений в том смысле, что человек, придав знакам объективную значимость, может её изменять до бесконечности».

Проблема функционирования языка решается Вандриесом в тесной связи с проблемой социальной его природы. В этом плане особенно интересно его учение о языковой норме, которая распространяется им не только на литературную разновидность национального языка, но и на социальные и территориальные его варианты (диалекты, жаргоны). По мнению Вандриеса, «члены данной языковой общины» «всегда инстинктивно и бессознательно сопротивляются произволу в употреблении языка»; «Язык каждой группы приобрёл чёткие грани благодаря этому стремлению к правильности и уверенному закреплению нормы». Члены общественной группы стремятся к идеалу в этой борьбе за «правильность» в употреблении языка, но никогда его не достигают (Там же, с. 446).

Изменения, которые происходят в языке в процессе его функционирования, Вандриес трактует точно так же, как его учитель А.Мейе, но он оригинален в оценке общих закономерностей развития языков. Так, Вандриес отрицал всякую связь прогресса или регресса языка с его морфологическим типом и считал, что относительный прогресс в истории языков можно усматривать лишь в *степени приспособляемости их к различным состояниям культуры*. Своеобразно он отвечал

и на вопрос об общих законах развития языков. В качестве «закона всякого развития языка» он называет борьбу двух противоположных тенденций — **дифференциации** и **унификации**. Дифференциацию Вандриес трактует в духе родословного древа, но видит её предел: «Уменьшая всё сильнее объём групп, общению которых язык служит, эта дифференциация лишила бы язык права на существование; язык должен был бы уничтожиться, став непригодным для общения между людьми». Вот почему, считает Вандриес, *дифференциации постоянно противодействует унификация*, восстанавливающая нарушенные отношения (Там же, с. 448). Он имел в виду не скрещивание языков, а вытеснение возникших в результате дифференциации новых систем теми или иными «старыми», более престижными системами.

Общетеоретические проблемы языкознания, затронутые в книге Вандриеса, по справедливому замечанию В.М. Алпатова, надолго переместились на периферию науки о языке. Лингвисты начала XX столетия увлеклись решением вопросов системности языка, сформулированных Ф. де Соссюром.

Марсель Коэн (1884—1975), ученик Антуана Мейе, как и Поль Лафарг, обосновывал свои социологические взгляды на язык с позиций марксизма. Он стремился доказать, что языки подчиняются законам диалектики. Систему языка Коэн рассматривал как особую структуру с особыми законами эволюции, как структуру, автономную по отношению к обществу — творцу и носителю языка. Коэн наметил обширную программу социологических исследований, где ставил проблемы использования языка в разных социальных группах, усвоения языка детьми, усвоения языка в иноязычной среде, изучения языка города и деревни, билингвизма и языковых контактов, образования языков наций, международных языков и т.д.

Социологические идеи плодотворно развивались не только во Франции, но и в Швейцарии (Фердинанд де Соссюр, представители Женевской школы во главе с Андре Сеше), в Норвегии (Альф Соммерфельт), в Румынии (Йоргу Йордан, Александр Граур), в Польше (Ежи Курилович), в России (И.А. Бодуэн де Куртенэ) и в других странах. Но это не означало, что учёные, интересовавшиеся социальной природой языка, обязательно принадлежали к социологическому направлению.

**§ 43. Эстетическое направление в языкознании
начала XX в. Школа эстетического
идеализма Карла Фосслера**

В начале XX в. параллельно с социологическим в компаративистике формируется эстетическое направление. Его основателем стал немецкий лингвист и литературовед, специалист в области романской филологии **Карл Фосслер** (1872—1947). Затем к нему присоединились немецкие лингвисты Эуген Лерх (1888—1953), Лео Шпитцер (1887—1960), итальянский учёный Джулио Бертони (1878—1942) и др.

Как и многие учёные-языковеды этого периода, Карл Фосслер начал с резкой критики младограмматизма и всей компаративистики в целом. В 1904 г. он опубликовал программную работу «Позитивизм и идеализм в языкознании», затем вышли его исследования: «Язык как творчество и развитие» (1905), «Дух и культура в языке» (1925), «Культура и язык Франции» (1913—1929) и др.

Истоки эстетического идеализма Фосслера можно обнаружить в философии Гегеля, в лингвистических трудах В. фон Гумбольдта и в идеалистической эстетике итальянского учёного-неогегельянца **Бенедетто Кроче** (1866—1952). Основные идеи новой школы сформулированы в первой, программной книге Фосслера «Позитивизм и идеализм в языкознании». Как и все последующие его книги, она написана в остром полемическом ключе. Фосслер критикует всех лингвистов — и предшественников, и современников. Поэтому школа эстетического идеализма более известна своей программой отрицания, нежели своей утверждающей эстетической программой.

Со всей энергией Фосслер обрушивается на позитивизм, которым руководствовалось абсолютное большинство компаративистов второй половины XIX — начала XX в. Позитивисты, пишет Фосслер, как предусмотрительные люди ставят своей целью точное описание наличных фактов, знание «материала». Они-то и создали «сухую» лингвистику, наукообразную, «находящуюся на периферии научных знаний». Вундт, Соссюр, Жильерон, Шухардт, Мейе, Балли и другие лингвисты не создали ничего достойного. Все они в одной компании: «Никто лучше не уживается друг с другом, чем материалисты, позитивисты, мистики и мошенники». Позитивисты (к ним Фосслер относит и младограмматиков) произвели над языком анатомическую опера-

цию, насильственное расчленение и выделили фонетику, морфологию, синтаксис. «В действительности, продолжает Фосслер, дело обстоит приблизительно так же, как в анатомии: если я отделию от туловища нижние конечности и при этом <...> перепилю берцовую кость посередине, — это всегда остаётся механическим разрушением организма, а не естественным расчленением» (Цит. по: Хрестоматия по истории языкознания / Сост. В.А. Звегинцев, 1956, с. 293). Всю совокупность грамматических дисциплин Фосслер представляет как «безграничное кладбище, устроенное неутомимыми позитивистами, где совместно или поодиночке в гробницах роскошно покоятся всякого рода мёртвые куски языка, а гробницы снабжены надписями и перенумерованы»; сторонники же социологического направления, а также Вундт и Пауль заселяют периферию этого кладбища призрачной наукообразностью (Там же, с. 296—297).

Таким образом, К. Фосслер отрицает не только сравнительно-исторический метод познания лингвистов XIX — начала XX в., но и все результаты исследований компаративистов, их достижения в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

Как же выглядела положительная программа эстетической школы?

«Альфой и омегой» языкознания Фосслер объявил идеалистическую эстетику Бенедетто Кроче, который исходил из того, что дух проявляет себя в четырёх формах: в двух теоретических (логика и эстетика) и в двух практических (этика и экономика). Ведущую роль в процессе познания Кроче отводил **интуиции**, которая, в отличие от логического мышления, постигает мир в его конкретной, неповторимой индивидуальности. Своё развёрнутое воплощение интуиция получает в бесконечном множестве произведений искусства. Поэтому *философия интуиции*, по мнению Кроче, *есть эстетика*, которую он определял как «науку о выражении», отождествляя её с «общей лингвистикой».

Вдохновлённый учением Кроче, Фосслер сделал попытку связать языкознание с эстетикой и литературоведением. Он проводил параллель между языком и духовной культурой, главным образом, романских народов (так как сам занимался романской филологией) и при решении всех исследовательских вопросов оставался на сугубо идеалистических позициях.

Противопоставляя позитивистскому подходу идеалистический и эстетический принцип описания языковых фактов, Фосслер,

как и Кроче, главным в познании считал интуицию, *эстетический вкус*. Именно интуиция и эстетический вкус определяют, по его мнению, синтаксическую, морфологическую и фонетическую структуру языка. В эстетической критике, утверждает Фосслер, языкознание имеет своё начало и своё завершение, а эмпирические науки должны постоянно помнить, что правомерность их теоретического существования может быть обоснована исключительно лишь критическим идеализмом.

Язык определяется Фосслером как *духовное выражение*, а **история языка** — как *история духовных форм выражения*, следовательно, как *история искусства* в самом широком смысле этого слова. **Грамматика** же — это *часть истории стилей* или литературы, которая в свою очередь включается во всеобщую духовную историю, или историю культуры. Грамматика входит в состав филологии.

Самодержавной царицей филологии Фосслер называет **эстетику**. Все другие науки — фонетика, антропология, этнология, экспериментальная психология — не более как описательные вспомогательные дисциплины. **Эстетика** — это наука о выражении духа, или интуиции. Задача языкознания — познание духа, единственной действующей причины всех языковых форм. Беда позитивистов, замечает Фосслер, в том, что они исследовали языковые факты, описывали, систематизировали, но не выясняли *причин* языковых явлений. А самая серьёзная ошибка мирового языкознания состоит в том, что оно занимается природными и культурными фактами развития языка (географией, антропологией, экономикой, политикой, социологией), игнорируя лингвистический вкус и эстетическое чувство, которые и есть первопричина всех изменений. *Всякое изменение и развитие*, по мнению Фосслера, *составляет продукт вкуса или эстетического чувства говорящего лица* (это может быть глубоко скрытый эстетический механизм): «Идея языка есть поэтическая идея, истина языка есть поэтическая истина, осмысленная красота».

Как и большинство компаративистов, Фосслера волновал вопрос о прогрессе в развитии языка, и решал он его своеобразно. В языке, полагал он, возможен абсолютный и относительный прогресс. **Абсолютный прогресс** — результат индивидуального духовного творчества (ср. произведения Данте, Гёте). Но даже самая гениальная личность нуждается в окружении, в контактах; **относительный прогресс** — результат коллективного

духовного творчества (правда, роль коллектива сводится к подражанию и повторению того, что создано творческой личностью). Относительный прогресс следует изучать с эстетической точки зрения, а абсолютный — с эстетико-исторической. Если лозунгом Г. Пауля и всех младограмматиков было «**Всякое языкознание должно быть историческим!**», то лозунг Фосслера — «**Всякое языкознание является эстетическим!**».

Иногда Фосслера называют основоположником современной стилистики. Но традиционную стилистику (ведущую начало от Аристотеля) Фосслер отрицал, так как в традиционном смысле стилистика рассматривалась лишь как раздел языкознания, который пересекается с литературоведением. Для Фосслера же *стилистика не может быть частью лингвистики, ибо для него языкознание в подлинном смысле слова является только стилистикой, а стилистика — альфой и омегой филологии.*

Чем же тогда стилистика отличается от эстетики — «самодержавной царицы филологии»? Фосслер не отвечает на этот вопрос. Стилистику он считает частью эстетики, но не называет других частей эстетики. Все лингвистические дисциплины он рассматривает как придаток стилистики: фонетика, морфология имеют, по его мнению, высшие, истинные объяснения лишь в стилистике. Несколько снисходительнее Фосслер относится к синтаксису, но при этом замечает: «Сначала стилистика, а затем синтаксис!».

Фосслер много пишет о стиле, но это образные и логически неопределённые рассуждения: «**Стиль** — это индивидуальное употребление языка в отличие от общего»; «Сколько индивидов — столько стилей». Всякое языковое выражение Фосслер считал индивидуальным духовным творчеством. Он был уверен, что языку нельзя научить, его можно «разбудить» (по Гумбольдту). Повторение — дело попугая, но зато у попугая нет стиля.

Фосслер не только активно выступал против психологического направления (особенно против младограмматиков), но и резко отмежевался от логико-грамматического направления: «Понятиями можно мыслить, но не говорить». Разум, по словам Фосслера, сковывает язык, это сдерживающее начало, а фантазия — созидательное. Рассматривать язык как узус и правило — ненаучно, ибо они не вскрывают души языка. Пока дух довольствуется представлениями (впечатлениями, образами), он

идёт по пути языкового самопознания. Если дух идёт к сознанию, к понятиям, он становится на путь логического мышления. Но понятие в логическом мышлении не может быть выражено ни на одном из человеческих языков.

Как и все лингвисты после Гумбольдта, Фосслер даёт своё определение **внутренней формы**. Под внутренней формой он понимал «лингвистический вкус», «лингвистическое чувство». Из-за того, что сущность языка поэтическая, именно в *поэзии* происходит тесное слияние внутренних и внешних языковых форм. Поэтому поэзия — язык языков.

В своих работах Фосслер решает и извечный вопрос языкознания: «Кто является творцом языка — *индивид* или *народ*?» Гумбольдт отвечал на него диалектически: и тот, и другой, но решающая роль принадлежит народу. Современники Фосслера отвечали по-разному: Вундт отводил решающую роль народу, Пауль — индивиду. Фосслер же был убеждён в том, что язык творит личность как разносторонняя величина, с разными ролями (а не индивид — нечто абстрактное, метафизическое).

Под влиянием идей тех же младограмматиков, которые обратили внимание на живую речь, *на говорение* (на говорящих людей), а также, вероятно, под влиянием Соссюра, Фосслер в работах 1920-х гг. занялся проблемой *говорения, речи*. Но, изучая речь, Фосслер отказывается от услуг психологии: «Языковеду Герbart и Вундт так же мало нужны, как астроном Коперник: тот, кто стремится сделать психологию основой логики и эстетики, “взнуздывает свою лошадь с хвоста”».

В пылу полемики Фосслер поначалу отрицал даже существование языка и провозгласил лозунг: «Есть только говорение, но для говорения не обязательны две личности. Можно говорить и с самим собою, расчленившись на сколько угодно ролей». Правда, в последних книгах Фосслер под давлением фактов и под влиянием социологических идей отходит от крайностей эстетического индивидуализма. Он понял, что язык (а не говорение!) немислим без множества личностей и их общности. А личность, расчлняясь, создаёт лишь разговор, а не язык. Язык предполагает множество личностей в качестве его носителей.

Своеобразно трактует Фосслер сам **язык**: это, в обиходном понимании, осмысленный шорох, общительный шум, чередование знаков, которые люди производят преимущественно ртом и воспринимают посредством слуха, чтобы добиваться взаим-

ного понимания. Языковое общение, по Фосслеру, не ограничивается рамками человеческого коллектива. Люди, персонифицируя весь мир, говорят с животными, с предметами, космосом, Богом. Кроме того, язык охватывает все изящные искусства: танец как язык жестов, музыку как язык тонов, живопись как язык красок и линий, пластику и архитектуру как язык твёрдых тел и поэзию как язык языков. (В современном языкознании все эти сферы оцениваются как вторичные знаковые системы.)

Фосслер любой ценой пытался доказать примат эстетического: раз эстетическое господствует в изящных искусствах, надо и язык приравнять к ним. Почему поэзия — язык языков? При обычном употреблении язык — «нечто имманентное душе», проявляющееся несовершенно (о волнении говорят паузы, заикание и т.д.). В поэзии же как раз имманентно внутреннее, языковое, находит своё выражение. Поэты — это художники, которым дано извлекать из языков народа язык сердца. Они говорят вдвойне, и чтобы правильно понять их, нужно иметь «вторую пару ушей». Обыденная речь не стоит анализа в качестве искусства, но «крошечная словесная капля какого-нибудь болтуна проистекает из того же источника, как бесконечный океан Гёте или Шекспира». Поэтический природный дух присущ всем языкам.

При всех издержках и самовозвеличивании, Фосслер предложил новый взгляд на привычные лингвистические постулаты. Школа эстетического идеализма воспринималась как альтернатива традиционному сравнительно-историческому языкознанию. Этим можно объяснить почти полувековой интерес к ней. В трудах Фосслера и его сподвижников идеи Гумбольдта о языке и духе народа, о языке как творческой деятельности нашли дальнейшее, но одностороннее развитие: Фосслер всегда на первый план выдвигал творческую личность. Школа эстетического идеализма занималась изучением исторической стилистики и индивидуальных стилей писателей и поэтов — тем, что компаративистов вообще не интересовало. Следовательно, в чём-то эта школа опередила младограмматиков. Но многие выводы Фосслера, полученные в результате анализа индивидуально-поэтических стилей, механически переносились им на общелитературные языки, что снижало их теоретическую и практическую значимость.

Вопросы для самоконтроля

1. Чем можно объяснить ожесточённую полемику по коренным вопросам языкознания, развернувшуюся в конце XIX столетия? Почему объектом критики стала методика лингвистического анализа, выработанная младограмматиками?
2. Какие «претензии» предъявлял младограмматикам Г. Шухардт? Почему школа, созданная Шухардтом, получила название школы «слов и вещей»?
3. Какое значение для развития лингвистики имела полемика с младограмматиками, развернувшаяся в конце XIX столетия?
4. Назовите предпосылки возникновения социологического направления в языкознании конца XIX — начала XX в. Почему именно Франция стала родиной социологического направления?
5. Почему основной труд П. Лафарга в переводе на русский язык получил название «Язык и революция»? Чем взгляды П. Лафарга на язык отличаются от взглядов других представителей французской социологической школы?
6. На какие философские идеи опиралось социологическое направление? В чём состоит сущность позитивизма философа-социолога О. Конта, теории принуждения Э. Дюркгейма, закона подражания Г. Тарда?
7. Почему Антуана Мейе считают основоположником социологического направления? Изложите кратко его взгляды на язык.
8. Как можно объяснить тот факт, что А. Мейе не занимался изучением общих законов развития языка? Какие типы языковых изменений он исследовал? Как он скорректировал учение младограмматиков о фонетических законах? об индоевропейском праязыке?
9. Какие общетеоретические проблемы решает Ж. Вандриес в своей монографии «Язык»?
10. Что сближает концепцию М. Козна с позицией П. Лафарга?
11. Какова философская основа школы эстетического идеализма? В чём суть учения Б. Кроче?
12. За что критиковал К. Фосслер всех представителей компаративистики XIX в.?
13. Как интерпретировал К. Фосслер учение В. Гумбольдта о языке как «энергие»? о взаимоотношении языка и духа народа? о роли народа и индивида в творении языка? о внутренней форме?

14. Какую роль в речевой деятельности отводил К. Фосслер языковому вкусу и интуиции? Что представляла собой система лингвистических наук, «выстроенная» Фосслером в его учении об эстетике?

ГЛАВА 2

Формирование неограмматического направления. Казанская и Московская лингвистические школы

§ 44. Общая характеристика неограмматического направления

В конце XIX — начале XX в. крупнейшее, психологическое, направление компаративистики переживало кризис. Наблюдалось вопиющее противоречие между тем, что уже было сделано в области сравнительно-исторического изучения языков, и теми мизерными результатами, которые были получены при изучении живых современных языков. Последнее по традиции оставалось по преимуществу уделом дилетантов: учителей, миссионеров, путешественников, дипломатов. Лингвисты, вооружённые сравнительно-историческим методом, были бессильны перед глобальными проблемами, которые поставило перед ними общество: международные политические, экономические, научные, культурные контакты не могли быть полноценными без знания живых языков партнёров; национальные языки каждой страны нуждались в квалифицированной службе, которая бы поддерживала литературные нормы; языковая политика в многонациональных государствах могла осуществляться только при участии соответствующим образом подготовленных лингвистов-«современников» и т.д. Этот кризисный переходный период от младограмматизма (самой авторитетной школы психологического направления) к структурализму известный российский учёный Виталий Иванович Кодухов в 1975 г. назвал **неограмматизмом**.

К неограмматизму относят три школы: Казанскую (во главе с И.А. Бодуэном де Куртенэ), Московскую (основанную

Ф.Ф. Фортунатовым) и Швейцарскую, или Женевскую (к которой принадлежали ученики Ф. де Соссюра). Единым направлением они себя не осознавали. Более того, в разных исследованиях эти школы относят к разным направлениям: Швейцарскую, или Женевскую, — к социологическому, Московскую и Казанскую — к психологическому. Однако есть целый комплекс характерных черт, позволяющий рассматривать данные школы в русле особого направления.

1. Все эти школы занимались *грамматикой*, хотя понимали грамматику представители разных школ по-разному.

2. Все они признавали *социальный* характер языка, не отрицая при этом его *психологической* и *материальной сущности*.

3. **Предметом языкознания** эти школы считали не только и не столько историю языка, сколько его *структуру*. Казанская школа при этом занималась главным образом фонемами и морфемами, Московская — формами слов и словосочетаний, а Швейцарская — языковыми отношениями (синтагматическими и ассоциативными). Иными словами, все неограмматические школы проявляли интерес к строю живых языков и их единицам.

4. Все названные школы выдвинули на первый план *учение о языковой форме*. Это похоже на лингвистический формализм, но вместе с тем неограмматики не отрицали языковой семантики и анализ грамматических форм сопровождали анализом их значений.

5. Все неограмматические школы считали важнейшим вопросом языкознания уточнение аспектов исследования и классификацию лингвистических дисциплин, а главное — для них существенное значение имело современное состояние изучаемых языков (их статика, или синхрония).

§ 45. Казанская лингвистическая школа.

Лингвистические взгляды

Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ

Казанская лингвистическая школа — одно из самых ярких явлений в отечественном языкознании конца XIX — начала XX столетия. Она объединила учёных, которые с 1875-го по 1883 г. работали в Казанском (по тем временам — провинциальном) университете под руководством выдающегося лингвиста — **Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ** (1845—1929). К числу наи-

более известных представителей школы казанского периода относятся Николай Вячеславович Крушевский (1851—1887), Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941), Сергей Константинович Булич (1859—1921), Александр Иванович Александров (1864—1917 или 1918), Василий Васильевич Радлов (1837—1918). После переезда И.А. Бодуэна де Куртенэ в Санкт-Петербург вокруг него объединились новые ученики и последователи, которые развивали идеи Казанской лингвистической школы. Из петербургских сподвижников Бодуэна всемирную известность приобрели Лев Владимирович Щерба (1880—1954) и Борис Александрович Ларин (1893—1964); видное место в отечественной науке заняли Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931), Алексей Петрович Баранников (1890—1952).



По словам шведского учёного Бьёрна Коллиндера, «молодые казанские лингвисты образовали авангард современного структурализма». Постулаты Казанской лингвистической школы отражены в подробных программах лекций И.А. Бодуэна де Куртенэ, в его «Лингвистических заметках и афоризмах» (1903) и в ряде статей разных лет. Кроме того, основополагающие идеи этой школы изложены в трудах его учеников: в «Очерке науки о языке» (1883) и «Очерках по языковедению» (1891—1893) Н.В. Крушевского; в «Очерках по языкознанию и русскому языку» (1901) и «Лекциях по общему языковедению» (1911) В.А. Богородицкого.

«Казанцы» достигли серьёзных успехов в разных областях лингвистики, особенно в фонетике и морфологии, однако не менее ценными оказались их общетеоретические разработки: Бодуэн де Куртенэ был убеждён, что без обобщения «немыслима ни одна настоящая наука». В заслугу Казанской школе следует поставить учение о статике и динамике языка, о его системности, о языковом знаке, об относительной хронологии языковых изменений, о языковой структуре. Казанские лингвисты настаивали на строгом разграничении букв и звуков, разработали учение о фонеме и заложили основы фонологии; создали стройную теорию чередований звуков и положили начало современной мор-

фонологии; провозгласив необходимость изучения живых языков во всём многообразии их проявлений (жаргонном, диалектном, литературном), способствовали становлению диалектологии и социолингвистики. «Казанцы» усовершенствовали терминологический аппарат языкознания: благодаря им в научный оборот были введены термины *фонема*, *морфема*, *графема*, *кинема*, *лексема*, *синтагма*, *морфологизация*, *семасиологизация*.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (Ян Игнацы Нецислав), потомок французских дворян, обосновавшихся в Польше в XVIII в., считавший себя поляком, волей обстоятельств возглавил целую школу талантливых российских лингвистов. Он родился вблизи Варшавы, в Радзымине — местечке, принадлежавшем в 1845 г. России. С юношеских лет Бодуэн де Куртенэ проявлял завидную работоспособность и упорство в «добывании» лингвистических знаний и в овладении различными языками. В 16 лет, поступив на славянское отделение историко-филологического факультета Варшавского университета, он начал активно заниматься физиологией звуков, санскритом, литовским языком, славянскими языками; в это же время он с большим усердием собирал материалы по истории польского языка. В 1866 г. после окончания университета Бодуэн был командирован за границу. В 1867 г. в Йене он слушал лекции знаменитого компаративиста, главы натуралистического направления, Августа Шлейхера; в Берлине, колыбели сравнительно-исторического языкознания, занимался санскритом.

В 1868 г. на немецком языке вышла первая его работа — «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении». Здесь Бодуэн де Куртенэ (впервые в компаративистике!) перенёс принципы исторического развития и изменчивости языка на морфемную структуру слова: он доказал, что в склоняемых формах индоевропейские основы подвергаются сокращению в пользу окончаний. Причины же этих изменений Бодуэн усматривал в действии аналогии, вызванной психическими процессами. Этот вывод был настолько ошеломляющим, что А. Шлейхер потребовал убрать его из уже готовой к печати работы. В 1868 г. произошло ещё одно важное событие в жизни Бодуэна: его направили в Петербургский университет, где он под руковод-

ством известного слависта И.И. Срезневского должен был написать магистерскую диссертацию. Диссертация «О древнепольском языке до XIV столетия» была защищена в 1870 г. и опубликована затем в Лейпциге. Вакантных мест на кафедре сравнительного языковедения в Петербургском университете не оказалось, и приват-доцент Бодуэн де Куртенэ был отправлен за границу (в Австро-Венгрию и в Италию) изучать словенские говоры.

Эти годы (1872—1875) оказались чрезвычайно полезными для Бодуэна. В Милане он познакомился с итальянским лингвистом, основателем романской и итальянской диалектологии, Грациаджо Изаей Асколи (1829—1907), а в Лейпциге вместе с Германом Паулем, будущим автором «Принципов истории языка», слушал лекции Августа Лескина, который стоял у истоков младограмматизма. Собранные во время многочисленных диалектологических экспедиций материалы Бодуэн проанализировал в своей блестящей докторской диссертации «Опыт фонетики резьянских говоров» (по названию местечка в Италии, где проживали словене), которую защитил в 1875 г. в Петербурге. Новаторской была сама тема, избранная диссертантом (живые говоры, а не письменные памятники); новыми были и приёмы анализа языкового материала: автор последовательно различал статическое состояние языковой структуры и исторические изменения, предшествовавшие ему. Кроме того, он неизменно подчёркивал различие между звуками и буквами. Это была последняя крупная научная работа, опубликованная Бодуэном. В различных периодических журналах и сборниках на русском, польском, литовском, немецком, итальянском и других европейских языках он опубликовал позднее около 600 научных статей, заметок, рецензий, в которых можно найти массу тончайших замечаний, гениальных догадок, научных гипотез. Однако объединить всё это в едином труде ему не пришлось: с 1875 г. начинается напряжённая научно-педагогическая деятельность Бодуэна де Куртенэ, в которой он видел смысл своей жизни.

Бодуэн де Куртенэ был учителем в высшем смысле этого слова. Некоторые его коллеги, «боясь конкуренции молодых учёных <...> старались скорее препятствовать, нежели помогать появлению новых специалистов» («Лингвистические заметки и афоризмы»). Бодуэн же устраивал, помимо университетских

лекций, двойные занятия у себя на дому, от шести до восьми часов в неделю. На этих кружковых занятиях «господствовало общее воодушевление и горячий интерес к науке: и «руководитель», и «руководимые» воздействовали друг на друга и создавали настоящую научную атмосферу» (Там же). Никогда Бодуэн не оберегал ревниво своей «умственной собственности», щедро делился ею со своими слушателями, и часто именно они находили время для реализации идей учителя в своих монографиях, ибо, обучая других, Бодуэн не заботился о собственной славе.

Получив степень доктора сравнительного языкознания, Бодуэн де Куртенэ поочерёдно работал в пяти университетах: Казанском, Дерптском (Юрьевском, или Тартуском), Краковском, Петербургском и Варшавском. И везде вокруг него собирались талантливые коллеги и студенты, увлеченные его идеями и продолжавшие начатое им дело. В своих слушателях он всегда воспитывал смелость мысли, критическое отношение к устаревшим догмам, способность к теоретическим обобщениям, любовь к живым языкам и диалектам. Современники осознавали масштаб его дарования, видели в нём крупного специалиста по общему и индоевропейскому, в особенности славянскому, языкознанию: он был избран действительным членом Краковской Академии наук, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук; почётным доктором Казанского, Дерптского, Варшавского университетов; членом Варшавского, Львовского, Познанского, Вильнюсского, Гельсингфорсского, Парижского научных обществ.

В казанский период (1875—1883) Бодуэн занимался по преимуществу проблемами фонетики в её отношении к физиологии звуков, морфологией и сравнительной типологией языков. В Дерпте (1883—1893) он не только ведёт активную научно-педагогическую работу, но и сам учится: овладевает высшей математикой, армянским, эстонским, арабским, латышским языками. В Краковском университете (1894—1900) Бодуэн читает курсы антропофонии и общей фонетики, сравнительной грамматики славянских, балтийских и германских языков, ведёт семинар по Ригведе. В это время он уже приобретает европейскую известность: переписывается с Фердинандом де Соссюром и главой социологического направления Антуаном Мейе; общается с крупнейшими лингвистами конца XIX — начала

XX в.: Игнатием Ягичем, Гуго Шухардтом, Отто Есперсеном и др.

Однако ни научный авторитет, ни блестящие лекции не спасли Бодуэна де Куртенэ от произвола властей: контракт с ним не был возобновлён по политическим мотивам. Австро-венгерские «патриоты» (Краков в то время входил в состав Австро-Венгрии) расценили его диалектологические исследования словацких говоров как политическую агитацию, и учёный вынужден был вернуться в Россию. Здесь, в Петербургском университете (1901—1918), Бодуэн занимался проблемами фонетики, грамматики, лексикологии и лексикографии (готовил к переизданию словарь В.И. Даля). В 1913 г. за публикацию брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии», где он выступил в защиту угнетённых малых народностей («инородцев»), Бодуэн де Куртенэ обвинили в антигосударственной деятельности и приговорили к двум годам тюрьмы. Только по ходатайству научной общественности во главе с А.А. Шахматовым через три месяца его освободили из Крестов, где обычно содержали самых опасных мятежников. Когда в 1918 г. Польша получила независимость, Бодуэн де Куртенэ уезжает на родину и до конца своих дней преподаёт в Варшавском университете (1918—1929), принимая живейшее участие в научной и политической жизни своей страны.

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Бодуэн де Куртенэ в отличие от большинства лингвистов конца XIX — начала XX в. глубоко интересовался вопросами *философии языка*. Он постоянно стремился к широким теоретическим обобщениям, какие бы частные языковые факты он ни рассматривал. При этом он считал себя «автодидактом», т.е. учёным, не следовавшим никакой лингвистической школе, шедшим в лингвистике своим, непроторённым путём. Но глава Казанской лингвистической школы не был свободен от влияния интеллектуальной атмосферы своего времени. Гений Бодуэна формировался в эпоху господства психологического направления в языкознании. Он был прекрасно знаком с работами Геймана Штейнталя, Вильгельма Вундта, Августа Шлейхера, Гуго Шухардта, а также с исследованиями младограмматиков. *Психоло-*

гизм как ведущий принцип младограмматической школы был и для него одним из основных принципов исследования на всём протяжении научной деятельности. Вот почему долгое время ему приписывали субъективно-идеалистическое мировоззрение. Однако в языке он видел «одну из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова». «Язык, — писал он, — есть слышимый результат правильного действия мускула и нервов». И далее: «Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединённых в одно целое чутьём известного народа...» («Некоторые общие замечания о языковедении и языке», 1870).

Как справедливо замечает Ф.М. Березин, Бодуэн «отталкивался от чрезмерного индивидуального психологизма младограмматиков». Он принял идеи этнопсихологии В. Вундта и психологии народов Г. Штейнталя, в то время как младограмматики решительно от них отказались. Бодуэн постоянно подчёркивал социальную природу языка. В работе «Фонетические законы» (1910) он писал, что «психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц». Анализ многочисленных работ Бодуэна де Куртенэ свидетельствует о том, что он понимал язык прежде всего как психо-социальную сущность, как явление «коллективно-индивидуальное» или «собираательно-психическое».

Бодуэн де Куртенэ не мог согласиться с сторонниками субъективного идеализма, утверждавшими, «будто действительность существует лишь постольку, поскольку мы о ней в данный момент думаем, и будто она развивается в порядке, согласном с порядком нашего мышления» («Szkice językoznawcze», 1904). «Гипотеза, которая предполагает, что вселенная является созданием личности, похожей на человека, не имеет никакого смысла», — говорил он в статье «Фонетические законы». Таким образом, Бодуэн открыто отмежевался и от субъективного идеализма, и от позитивизма, которому безоговорочно «поклонялись» младограмматики.

Не принял Бодуэн де Куртенэ и дуалистической философии А. Шлейхера. Глава натуралистического направления, с одной стороны, будучи стихийным материалистом, причислял языкознание к естественным наукам, ибо рассматривал язык как живой организм; с другой стороны, при описании стадий

развития языков занимал позиции идеализма, ибо первопричиной всех изменений в языке считал дух народа. Бодуэн критиковал Шлейхера за эклектизм, за смешение разнородных явлений: духа и природы, языка и истории, жизни и истории и т.д. («Август Шлейхер», 1870). Дуализму Шлейхера Бодуэн противопоставлял новое «монистическое направление естественных наук» (т.е. материалистическое).

Ф.М. Березин пишет о том, что философской основой учения Бодуэна де Куртенэ был *диалектический материализм*, признающий первичность материи, объективность её существования («Русское языкознание конца XIX — начала XX в.», 1976). С этим положением можно согласиться, несмотря на многочисленные высказывания Бодуэна о *чисто (только, исключительно)* психической природе языка. Как и многим его современникам, ему приходилось особо акцентировать внимание на психической сущности языка из необходимости противопоставить своё учение натуралистическому и логическому взглядам на язык. Огромное внимание, которое уделял Бодуэн акустической стороне языка, противопоставляя её психическим процессам, развитие его учениками экспериментальной фонетики и множество других фактов подтверждают правильность выводов Ф.М. Березина. Материалистическое мировоззрение Бодуэна де Куртенэ сформировалось под влиянием трудов основателя русской физиологической школы, мыслителя-материалиста Ивана Михайловича Сеченова (1829—1905), который доказал, что в основе психических явлений лежат физиологические процессы. Большое воздействие на Бодуэна оказали также философские взгляды стоявшего на позициях антропологического материализма Н.Г. Чернышевского (1828—1889), с которыми глава Казанской школы познакомился через Сеченова.

ОТСТАИВАНИЕ ПРАВА НА НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ. СТРОГОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ БУКВ И ЗВУКОВ

С самого начала научной деятельности Бодуэн де Куртенэ стремился использовать добытые им факты для широких лингвистических обобщений, проявляя при этом предельную независимость и научную дерзость. На вступительной лекции в курс сравнительной грамматики славянских языков (1901) он говорил: «Нет ни европейской, ни американской, ни французской,

ни английской, ни немецкой науки, а есть только одна наука — общечеловеческая. И именно поэтому я полагаю, что право научных открытий и обобщений не взято в аренду западноевропейскими учёными, что и в головах русского или польского происхождения могут возникать самостоятельные мысли и что нет ни малейшей надобности быть покорным рабом так называемой «европейской науки» и повторять бессмысленно и без всякой критики заимствованные из неё положения».

Обречённый, по его собственным словам, «на каторжные работы и по уши в них завязший», Бодуэн сожалел, что за недостатком времени не создал чего-либо цельного и «сочинял какие-то осколки и обрывки» («Заметка об изменяемости основ...», 1902), однако и в этих «осколках» он высказал мысли, которые овладели умами лингвистов XX—XXI вв.

Оценивая достижения созданной им школы, Бодуэн первым назвал **«строгое разграничение букв и звуков»**. Это, казалось бы, «слишком элементарное» требование имело чрезвычайно важное значение для компаративистики XIX в., которая строила свои гипотезы преимущественно на материале письменных памятников, и «даже некоторые знаменитые лингвисты не могли сладить с этим различием надлежащим образом». Будучи педагогом, Бодуэн приложил немало усилий, чтобы косная школьная методика преподавания родного языка и иностранных языков учитывала различие между звуковым строем изучаемого языка и его графическим изображением. Без этого, полагал Бодуэн, не может быть речи о вполне научном, объективном сопоставлении и исследовании фактов языка («Казанская лингвистическая школа», 1903). Только неукоснительно следуя этому правилу, сам Бодуэн де Куртенэ со своими последователями мог решать другие, поистине масштабные задачи, которые он сформулировал для лингвистики нового времени.

ИЗУЧЕНИЕ ЖИВЫХ ЯЗЫКОВ

Глава Казанской лингвистической школы призвал лингвистов к **изучению живых языков**, «новых языков, представлявшихся филологам, воспитанным на древних и средневековых предрассудках, языками вульгарными, языками неблагородными и лишёнными прав». Изучали живые языки и младограмматики, но они искали в современных языках реликтовые явления,

чтобы по ним восстанавливать древние формы. И лишь Бодуэн де Куртенэ поставил вопрос совершенно иначе: **«Нет языков привилегированных, аристократических, все языки заслуживают внимания языковеда и всестороннего изучения»**. Как учёный, у которого никогда теория не расходилась с делом, Бодуэн сам с котомкой за плечами обошёл Литву, Словению, Латвию, записывая диалектную речь. Он разработал развёрнутую систему транскрипции, ещё до публикаций трудов швейцарского учёного Жюль Жильерона читал лекции по лингвистической географии (славянской и балтийской), всячески поощрял у своих учеников интерес к диалектам, к социальным жаргонам, полагая, что, в отличие от литературного языка, в них более свободно проявляются тенденции развития. Да и сама докторская диссертация Бодуэна была написана на диалектном материале. Казанцы изучали живые языки, чтобы вскрыть законы их функционирования и адекватно описать структуру. Однако Бодуэн подчёркивал важность этих данных и для истории языка: **«Только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположения об особенностях языков умерших»** (1897).

УЧЕНИЕ О СИСТЕМНОСТИ ЯЗЫКА

Бодуэн де Куртенэ гораздо раньше Ф. де Соссюра вернулся к проблеме **системности языка**. Она не была новой для языковедения XIX в.: о системном характере языка писал В. фон Гумбольдт, пытался поднять этот вопрос и основоположник психологического направления Г. Штейнталь. Однако под влиянием различных школ, особенно натуралистических, рассматривавших язык как живой организм, а также под влиянием младограмматической «атомарной» методики анализа языкового материала, пренебрегавшей общей теорией во имя отдельных фактов, идея системности языка оказалась на периферии лингвистики XIX в.

В 1871 г. Бодуэн пишет о языке как составленном «из частей, т.е. как о сумме разнородных категорий, находящихся между собой в тесной органической (внутренней) связи». В 1888 г. он анализирует описанные Н.В. Крушевским отношения, характеризующие языковую систему: *ассоциации по сходству* (в соответствии с которыми слова должны укладываться в нашем уме в системы, или гнёзда — семьи слов) и *ассоциации по смежно-*

сти (благодаря которым те же самые слова должны строиться в ряды). Системность, по мнению Бодуэна де Куртенэ, вносится в язык человеческим разумом (1889) и свойственна всем трём (фонетической, семасиологической и морфологической) сторонам языка. В отличие от Соссюра, системность Бодуэн усматривал не только в синхронии (в статике), но и в диахронии (в динамике). Даже изменения в языке он связывал с тягой, стремлением к системности: «В жизни языка замечается постоянный труд над устранением хаоса, разлада, нестройности и нескладницы, над введением в него порядка и однообразия» («Язык и языки», 1904).

УЧЕНИЕ О СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ ЯЗЫКА

Через все работы Бодуэна де Куртенэ проходит последовательное **разграничение статики (синхронии) и динамики (диахронии) языка**. Эта антиномия, включенная в «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, стала затем одной из основных идей, взятых на вооружение структуралистами. Бодуэн исходил из того, что в языке постоянно происходят изменения, совершающиеся в известном направлении: «В языке, как и вообще в природе, всё движется, всё изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. **Статика языка есть только частный случай его динамики**, или, скорее, кинематики» (1897). Учёные Казанской лингвистической школы, в отличие от Соссюра, считали статику и динамику *разными аспектами* изучения *одного и того же языка*, которые тесно связаны между собой. Соссюр говорил, что «противопоставление двух точек зрения — синхронической и диахронической — *совершенно абсолютно и не терпит компромиссов*», что «синхрония знает только одну перспективу, перспективу говорящих субъектов, и лингвист оказывается перед лицом *«состояния»*, которое определяется *отсутствием изменений*». Бодуэн же полагал, что в языке в каждый данный момент его состояния, с одной стороны, есть формы, унаследованные от прошлого и уже не соответствующие данному общему строю, с другой стороны, явления, предвещающие будущее состояние данного племенного языка и ещё не подходящие под современное построение этого языка («Заметки на полях сочинения В.В. Радлова», 1909).

Именно поэтому Бодуэн ставит, например, перед статической антропофоникой задачу *изучения законов и условий жизни звуков* в один данный момент (статика звуков), а перед исторической фонетикой — *изучение законов и условий развития звуков во времени* (динамика звуков).

УЧЕНИЕ О ФОНЕМЕ

Бодуэн де Куртенэ вместе со своими последователями заложил основы современной **фонологии и морфонологии**. Учение главы Казанской лингвистической школы о фонеме и морфеме — прямое следствие его взглядов на язык как на психо-социальную сущность, которая является продуктом физиологической функции органов речи человека и находится в постоянном движении. По традиции принято считать, что на разных этапах своей научной деятельности Бодуэн де Куртенэ даёт разное определение фонеме, и связывают этот факт с эволюцией его лингвистических взглядов.

Судя по дошедшим до нас публикациям, в казанский период деятельности Бодуэн осознал необходимость выделения кратчайших языковых единиц, обладающих смыслоразличительной функцией, которые нельзя отождествлять со звуками (продуктом вибрации органов речи и воздуха). Он назвал их **фонемами**, позаимствовав этот термин у Ф. де Соссюра, но вложив в него совсем иное содержание. Понятие фонемы родилось на основе чёткого противопоставления фонетического (физиологического) и психического элемента в языке, различения статики и динамики языка, а также на основе различения фонетической и морфологической делимости слов, которая подвергается на протяжении веков всевозможным изменениям и обнаруживает себя в разнообразных чередованиях звуков.

Учёный филигранно описывает разнообразные типы чередований звуков (он называет их **альтернациями**), выявляемых на основе общности происхождения морфем, в которых эти звуки находятся. Гомогенные (общие по происхождению) звуки, различия которых объясняются действующими звуковыми законами, он называет **дивергентами** (ср. годы [гóды] — год [гoт], где чередуются *д//т*, находящиеся в разных позициях). Гомогенные звуки, различие которых нельзя объяснить действующими звуковыми законами, Бодуэн назвал **коррелятивами** (ср. *вра-*

та — *вращать*, где чередуются *т//щ*, хотя с точки зрения статической они находятся в одинаковых позициях). Таким образом, коррелятивы — это исторические чередования, которые возникли в предыдущие эпохи под влиянием действовавших когда-то, но уже «умерших» законов. Дивергенты и коррелятивы одного языка отличаются от **корреспондентов** — однородных по происхождению звуков, сопоставляемых в области нескольких родственных языков (ср. лат. *pater* и англ. *father*, где чередуются *p//f* в словах, имеющих одно и то же происхождение).

Именно для анализа коррелятивов и корреспондентов, т.е. для исторических чередований, Бодуэн де Куртенэ в казанский период и использует термин *фонема*. Определение фонемы в результате получило этимолого-морфологический характер: «Итак, **фонема** есть сумма обобщённых антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков» («Некоторые отделы «Сравнительной грамматики» славянских языков», 1881). Таким образом, в казанский период Бодуэн разработал учение о фонеме в динамическом (диахроническом) аспекте и рассматривал фонему применительно к динамике языка как **звуковой узел этимологически родственных морфем**. Фонема в его учении о динамике языка — это *фонетический тип*, отвлечённость, результат обобщения, очищенный от положительно данных свойств действительного появления или существования, но связанный со смыслом этимологически родственных морфем (см. «Подробную программу лекций в 1876—1877 уч. г.»).

Идея тесной взаимосвязанности фонемы с морфемой («фонема <...> это подвижный компонент морфемы и признак известной морфологической категории»; «фонемы — составные части морфем», а фонетика — это «история фонем в отношении морфологии») получила дальнейшее развитие в трудах пражских структуралистов, которые заложили основы морфонологии. Кроме того, учение о фонеме как о звуковом узле этимологически родственных морфем сыграло решающую роль в формировании концепции Московской фонологической школы.

Насколько можно судить по его позднейшим работам, от «диахронической» трактовки фонемы Бодуэн не отказался, хотя и занялся разработкой фонемы применительно к статике (синхронии) языка. Так, в блестящей статье «Опыт теории фонети-

ческих альтернатив» (1895), характеризуя два типа фонем — применительно к статике и применительно к динамике языка — Бодуэн углубляет своё учение о фонеме как звуковом узле этимологически родственных морфем, считая сопоставление морфем с точки зрения их формального родства чрезвычайно плодотворным. При этом он ссылается на открытие, сделанное Ф. де Соссюром в «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», где именно учёт чередований в родственных морфемах позволил швейцарскому учёному «вычислить» некоторые праиндоевропейские фонемы.

В этой же статье Бодуэн пишет о **фонеме как о психическом единстве, как образе памяти**, рассматриваемом *независимо* от наделённых значением морфем. «Расщепление» такого рода фонем происходит под влиянием факторов, действующих «на наших глазах». Например, великорусские гласные **а, е, о** имеют различный оттенок в зависимости от природы последующего согласного (ср. *мат* — *мать*, *мел* — *мель*, *закон* — *конь* и т.д.). Такое расщепление психически единой фонемы на две или более (*дивергенция*), происходящее на наших глазах, имеет чисто антропофонический, чисто фонетический характер, ибо оно не зависит от принадлежности к составу родственной морфемы. Описывая различные «положения», благоприятствующие или, напротив, препятствующие проявлению индивидуальных свойств фонемы и ведущие к её «аккомодации», устанавливая причины видоизменения фонемы, фактически уже в этой статье Бодуэн де Куртенэ заложил основы современной (напомним: синхронической!) фонологии. В последующих работах он только уточнял определение фонемы применительно к статике языка: «Это единые, непреходящие представления звуков языка», «Фонема — это психический эквивалент звука» и т.д.

В отличие от звуков, принадлежащих потоку речи, зависящих от индивидуальных речевых способностей говорящего, от обстановки общения, фонема, по мнению Бодуэна, существует вполне объективно, одинаковым образом для всех. В речевом потоке она может выступать в разных звуковых «обличьях», но для носителей языка эти различия несущественны, ибо они воспринимают их как нечто единое. По-разному, например, звучит гласный корня в формах *вода* [*вада*] и *вóды* [*вóды*], но люди, говорящие на русском языке, этого различия не ощущают. Выделяя фонемы в статическом (синхроническом) ас-

пекте, Бодуэн учитывал прежде всего психическую сторону языка и опирался на «языковое чутьё» говорящих. В.М. Алпатов отмечает, что психологическое восприятие фонемы было свойственно и всем создателям алфавитов, которых можно считать «стихийными фонологами». Не случайно ученики Бодуэна де Куртенэ, проводя строгое разграничение букв и звуков, вооружённые учением о фонеме, приняли самое активное участие в создании алфавитов для бесписьменных языков народов СССР.

Учение о фонеме в статическом понимании Бодуэн назвал психофонетикой, учение о звуках, реально проявляющихся в речевом потоке, — антропофоникой. Позднее науку о фонемном строе языка стали называть фонологией, а понятие о фонеме обогатилось (Бодуэн называл фонологией, или фонетикой, науку, которая включает в себя антропофонику, психофонетику и историческую фонетику.) За фонемой закрепилось представление как о кратчайшей единице языка, которая обладает набором дифференциальных признаков и служит для различения слов.

УЧЕНИЕ О ПРИЧИНАХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ

Признав подвижность языка, его изменение во времени (динамику, или диахронию), Бодуэн де Куртенэ должен был ответить на вопрос о причинах этих изменений. Звуковых законов, которые, по мнению младограмматиков, действуют механически и не знают никаких исключений, он не признавал. Неоднократно в работах разных лет Бодуэн повторял: «Нет никаких звуковых законов». Это вовсе не означало, что он отрицал само существование языковых законов. Одной из важнейших задач языковедения он как раз считал определение законов развития и существования языка и отыскание действующих при этом сил («Некоторые общие замечания о языковедении и языке», 1871). В учении о звуковых законах, разработанном младограмматиками, Бодуэна не устраивала односторонность, сведение сложных языковых процессов к механическим, примитивным явлениям, не зависящим от психики говорящего человека. Не принял он и стадиальной теории развития языков, ибо она опиралась либо на представление о первичности

духа народа, либо на натуралистическое представление о языке как естественном организме. Рассуждения об «упадке» языков, об их «дряхлении» на пути к современному состоянию казались Бодуэну абсолютно необоснованными. Компаративисты, по словам Бодуэна, смотрели на живые языки «сквозь санскритские очки», оттого любые отклонения от идеальных, с точки зрения исследователей, древних форм расценивались как «порча» некогда богатого, совершенного праязыка.

Поскольку язык — психо-социальная сущность, причины изменений в языке следует, по мнению Бодуэна, искать в психической и социальной сфере. Общие причины, общие факторы, вызывающие развитие языка и обуславливающие его строй, он называл **силами**. К таковым он причислял: 1) *привычку*, т.е. бессознательную память; 2) *стремление к удобству*; 3) бессознательное *забвение*; 4) бессознательное обобщение, *аперцепцию*; 5) бессознательную *абстракцию*. В работах более позднего периода он называет ещё одну важнейшую причину языковых изменений — «*стремление к экономии сил*» («Об общих причинах языковых изменений», 1890). Той почвой, на которой «происходит действие всех этих сил в языке», Бодуэн считал «два элемента: физический и психический», сочетающиеся в языке «в неразрывной связи».

Глава Казанской лингвистической школы не называет универсальных языковых законов: общее состояние лингвистики не было готово ещё к таким открытиям. Но он вскрыл ряд закономерностей, или тенденций, истинность которых подтвердилась спустя несколько десятилетий. Так, он установил, что развитие славянской звуковой системы идёт по пути сокращения количества гласных и увеличения количества согласных, ибо смысло-различительная функция гласных снижается, а смыслоразличительная функция согласных увеличивается. Ему же принадлежит открытие закономерности, по которой в индоевропейских языках действует тенденция «сокращения основ в пользу окончаний». Как образно выразился Бодуэн де Куртенэ, «на существующей фазе исторического развития ариоевропейских (т.е. индоевропейских. — С.Ш.) языков как фонетическое, так и морфологическое завоевание идёт от конца слова к его началу» («Николай Крушевский, его жизнь и научные труды», 1888).

Гораздо раньше младограмматиков Бодуэн описал тенденцию к аналогии, подчеркивая постоянно, что аналогия действует

параллельно с фонетическими закономерностями и её причина кроется в психической природе языка, в стремлении к обобщению и упрощению. Результатом взаимодействия этих двух сил — фонетических закономерностей и аналогии — следует считать упрощение системы склонения и системы спряжения в индоевропейских языках. Подчеркнём ещё раз: Бодуэн считал, что развитие языка идёт в определённом направлении, в сторону упорядочения, системности. В отличие от большинства своих современников, он допускал возможность сознательного вмешательства в язык: язык «не неприкосновенный идол», он «орудие и деятельность», а потому социальный долг человека — улучшать своё орудие или заменять его другим, лучшим, если в этом возникла необходимость.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ В ТРУДАХ ЕГО УЧЕНИКОВ

Многие идеи Бодуэна де Куртенэ получили дальнейшее развитие в трудах его учеников. К числу наиболее талантливых из них относятся российский учёный польского происхождения Н.В. Крушевский и российско-советский лингвист В.А. Богородицкий.



Николай Вячеславович Крушевский (1851—1887), выпускник Варшавского университета, вынужденный зарабатывать себе на жизнь учительским трудом в маленьком городке Троицке на Южном Урале, получил благодаря самообразованию и общению с Бодуэном де Куртенэ глубокие философские и лингвистические знания. Вопреки тяжёлым жизненным обстоятельствам и болезням за семь лет активной научной деятельности после переезда в Казань Крушевский сумел защитить вначале магистер-

скую, затем докторскую диссертации и внести существенный вклад в историю отечественного языкознания. Самой сильной стороной его дарования была способность к теоретическим обобщениям.

В «Очерке науки о языке» (1883) Крушевский излагает своё видение философии языка. Основополагающим для теории языка

он признаёт выдвинутый Бодуэном де Куртенэ постулат о системности языка. Считая (как и древнегреческие философы), что «слово есть знак вещи», он, намного опередив Соссюра, говорит о том, что «язык есть система знаков». Не проводя чёткой границы между знаком языка и словом, он утверждает, что «всякое слово связано с другими словами узами **ассоциации по сходству**» и **ассоциациями по смежности**. На основании сходства «со своими родичами по звукам, структуре или значению» слова «укладываются в нашем уме в системы или гнёзда». Так, слова *ведение, водить, вождение* образуют гнездо однокоренных слов, благодаря ассоциациям по сходству первой морфемы; а слова *ведёт, несёт, плетёт* и пр., благодаря ассоциации по сходству их окончаний, образуют систему форм третьего лица ед. числа настоящего времени глагола. На основании бесчисленных ассоциаций по смежности «со своими спутниками во всевозможных фразах» те же слова должны строиться в ряды. Так, например, слово *собака* ассоциируется по смежности со словом *лаять*, слово *лошадь* — со словом *ржать, одержать — победу, нанести — оскорбление* и т.д. «Это нам объясняет ту лёгкость, с которой мы запоминаем и вспоминаем слова».

Вслед за Бодуэном Крушевский говорит о том, что системность языка проявляется как в статике, так и в динамике, и связывает это положение с учением об ассоциациях. Он утверждает, что всё старое в языке основано преимущественно на воспроизводстве, на ассоциациях по смежности, тогда как всё новое — на производстве, на ассоциациях по сходству, и делает оригинальный вывод: «Процесс развития языка с известной точки зрения представляется нам как *вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности*».

В отличие от своего учителя Крушевский питал слабость к языковым законам («сыпал ими как из рукава», — шутил по этому поводу Бодуэн). Он писал о фонетических, морфологических и других законах, которые могут скрещиваться и парализовать друг друга. Основным же законом развития языка он считал «соответствие мира слов миру мыслей»: «В самом деле, если язык есть не что иное, как система знаков, то идеальное состояние языка будет то, при котором между системой знаков и тем, что она обозначает, будет полное соответствие. Мы увидим, что всё развитие языка есть вечное стремление к этому

идеалу». В этом выводе можно легко обнаружить талантливую трансформацию идеи Бодуэна де Куртенэ о развитии языка как преодолении хаоса, как движении к большей системности.

Горячо поддержал Крушевский и призыв главы Казанской лингвистической школы изучать живые языки. Он охарактеризовал направление лингвистики XIX в. как «археологическое» и осуждал его за пренебрежение к новым языкам: «Только изучение новых языков может способствовать открытию разнообразных законов языка, теперь неизвестных потому, что в языках мёртвых их или совсем нельзя открыть, или гораздо труднее открыть, нежели в языках новых». Как и Бодуэн, Крушевский считал, что лингвистика XIX в. слишком увлеклась восстановлением праязыка, что она строит классификацию языков на совершенно случайных признаках и напрасно сосредоточила свои усилия на методе сравнения, ибо сравнение — обычный приём, применяемый любой наукой. А потому не лучше ли признать лингвистику чисто индуктивной наукой, ибо сведения, добытые индуктивным путём, могут быть использованы для дедуктивных обобщений.

Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941), один из первых фонетистов-экспериментаторов, специалист в области сравнительно-исторического языкознания, известный русист, приложил немало усилий, чтобы реализовать идеи Казанской лингвистической школы. В работе «К хронологии и диалектологии фонетических процессов в языках ариоевропейского семейства» (1900) он успешно применил предложенный в своё время Бодуэном де Куртенэ метод относительной хронологии, показав историю диалектного членения в области фонетики у отдельных ветвей индоевропейской семьи языков в доисторический период. Блестяще были использованы Богородицким при описании словообразовательных процессов в истории славянских языков принцип экономии и удобства; закономерность, проявляющаяся в сокращении основ в пользу окончаний; тенденция к аналогии. Морфологические преобразования, в ходе которых происходят как смысловые, так и звуковые изменения, он свёл к четырём процессам: 1) опрощению, 2) переразложению, 3) аналогии (включая народную этимологию), 4) дифференциации. Причиной **опрощения** (утраты основной своей изначальной разложимости, ср. *воздух, запад, конец, начало*) Богородицкий считает стремление говорящих к экономии и удобству

в мыслительно-речевой деятельности. **Переразложение** (изменение морфемного членения слова вследствие перемещения морфологической границы; ср. *рыб-ах, рыб-ам, рыб-ами*, где тематический суффикс *а* переместился из основы в окончание) он рассматривает как сложный процесс, вызванный комплексом причин, в том числе фонетическими закономерностями и действием тенденции, отмеченной Бодуэном, — сокращения основ в пользу окончаний. Процесс **аналогии** заключается в том, что значение, ассоциированное с двумя знаковыми комплексами, из которых теснее связано с одним, вызывает этот последний также и вместо второго (ср. *играют, пишут и ходят; пеку и пекёт, берегу и берегёт*). Процесс **дифференциации** состоит в том, что разновидности той или другой морфологической части не вытесняются действием аналогии, но сохраняются, получая различие в оттенках значения (ср. *цвет снега — много снегу намело*).

Большое внимание Богородицкий уделял проблемам практической лингвистики: принимал участие в языковом строительстве, в выработке языковой политики СССР.

В целом Казанская лингвистическая школа оказала огромное влияние на развитие отечественного языкознания и подняла российскую лингвистику на мировой уровень. Вместе с Московской лингвистической школой и Ф. де Соссюром Бодуэн де Куртенэ и его единомышленники помогли преодолеть кризис, который переживало сравнительно-историческое языкознание в конце XIX — начале XX в., и проложили дорогу новому направлению лингвистики XX столетия — структурализму. Многие идеи Бодуэна де Куртенэ нашли воплощение в трудах учёных XX столетия. Указав на смешанный характер ряда языков мира, он предвосхитил учение о языковых союзах Н.С. Трубецкого. Замечания Бодуэна об отклонениях в речевой способности побудили Р.О. Якобсона заняться изучением языковых расстройств (афазий). Сбылись предсказания Бодуэна о математизации лингвистики и о том, что лингвистика XX в. займётся по преимуществу изучением живых языков. То, что достижения Бодуэна де Куртенэ долгое время не получали должного признания вне пределов России и Польши, можно объяснить лишь отсутствием объединяющего фундаментального труда, где все гениальные открытия главы Казанской лингвистической школы были бы изложены не разрозненно, а в системе, и недоступностью для большинства лингвистов Европы и Америки его научных работ.

Вопросы для самоконтроля

1. Что представляла собою Казанская лингвистическая школа? Когда она сформировалась? Кто к ней принадлежал? Перечислите основные постулаты этой школы. Какие из этих постулатов позволяют отнести Казанскую лингвистическую школу к неограмматическому направлению?
2. Какие вехи в биографии И.А. Бодуэна де Куртенэ оказали наибольшее влияние на формирование его лингвистических взглядов?
3. Какова была философская основа лингвистических взглядов И.А. Бодуэна де Куртенэ? Почему большинство исследователей его творчества приписывали ему субъективно-идеалистическое мировоззрение?
4. Чем можно объяснить психологизм главы Казанской лингвистической школы?
5. Что нового внёс Бодуэн де Куртенэ в определение языка как объекта языкознания? Чем оно отличается от определения языка сторонниками натуралистического направления, от толкования языка в трудах младограмматиков?
6. Почему Бодуэн де Куртенэ придавал огромное значение строгому разграничению букв и звуков?
7. В чём заключался новаторский характер магистерской диссертации Бодуэна де Куртенэ? Почему он считал главной задачей языкознания изучение живых языков? Что его не устраивало в компаративистике XIX столетия?
8. Заслугой Бодуэна принято считать отстаивание им системного характера языка, несмотря на то, что о системности писали и до него. Почему именно его позиция была так важна для лингвистики второй половины XIX в.?
9. Чем отличается учение Бодуэна де Куртенэ о статике и динамике языка от учения Ф. де Соссюра о синхронии и диахронии?
10. Сравните два определения фонемы, данные Бодуэном де Куртенэ на разных этапах его научной деятельности. Что объединяет эти определения? Чем они отличаются? Какое из этих определений послужило толчком к зарождению современной морфонологии, а какое — к зарождению современной фонологии?
11. Что нового внёс Бодуэн де Куртенэ в учение о языковых законах? Какие *силы*, по его мнению, служат причинами язы-

ковых изменений? Какие общезыковые законы открыл сам Бодуэн де Куртенэ?

12. Выделите наиболее важные моменты в теории языка Н.В. Крушевского. Какие идеи Крушевского можно считать наиболее ценными для науки о языке? В чём он был оригинален?
13. Дайте общую характеристику лингвистическим взглядам В.А. Богородицкого. Какие процессы, сопровождающие морфологическую жизнь языка в динамике, он описал?
14. Какую роль в истории отечественного и мирового языкознания сыграла Казанская лингвистическая школа?

§ 46. *Московская лингвистическая школа.*

Лингвистическая деятельность

Филиппа Фёдоровича Фортунатова

Московская лингвистическая школа сформировалась в последней трети XIX в. под влиянием трудов, а главное — педагогической деятельности выдающегося русского учёного Филиппа Фёдоровича Фортунатова, который 25 лет (с 1876-го по 1902 г.) преподавал в Московском университете. Эту школу иначе называют по имени её основателя Фортунатовской или «формальной», так как ее сторонники при исследовании всех сторон языка опирались на собственно лингвистические (формальные, реально представленные в языке) факты. Такой подход к языку кардинально отличался от вульгарно-материалистических трактовок жизни языка натуралистической школы А. Шлейхера и от логицизма К. Беккера. Весь пафос Московской лингвистической школы, по справедливому замечанию Луи Ельмслева, заключался в «протесте против смешения грамматики с психологией и логикой». Протест этот был вполне обоснованным, потому что во второй половине XIX в. в морфологии почти все явления компаративистами рассматривались с психологических позиций, в фонетике — с физиологических, а в синтаксисе — с логических.

Ф.Ф. Фортунатов воспитал блестящую плеяду учеников, которые прославили русскую науку и вывели Московскую лингвистическую школу на европейский уровень. Учениками Фортунатова были известные русские лингвисты Алексей Александрович Шахматов (1864—1920), Александр Матвеевич Пешковский (1878—1933), Михаил Михайлович Покровский (1868 или

1869—1942), Вячеслав Николаевич Щепкин (1863—1920), Борис Михайлович Ляпунов (1862—1943), Виктор Карлович Поржезинский (1870—1929), Николай Николаевич Дурново (1876—1937), Дмитрий Николаевич Ушаков (1873—1942), Михаил Николаевич Петерсон (1885—1962), Василий Михайлович Истрин (1865—1937), Евгений Фёдорович Будде (1859—1929), Александр Иванович Томсон (1860—1935) и др.

Основные положения Московской лингвистической школы содержатся в немногочисленных работах самого Ф.Ф. Фортунатова, опубликованных при его жизни; в курсах его лекций (по сравнительному языковедению, по сравнительной фонетике индоевропейских языков, по фонетике старославянского (церковнославянского) языка, по сравнительной морфологии индоевропейских языков), читанных студентам Московского университета и изданных, по преимуществу, после смерти профессора; в трудах учеников Ф.Ф. Фортунатова. В заслугу Московской лингвистической школе следует поставить

1) признание языка не только психическим, но и социальным явлением, тесно связанным с мышлением и подчиняющимся в своём развитии и внешним, и внутренним, собственно языковым законам;

2) строгое разграничение описательного (синхронического) и исторического (диахронического) подхода в изучении языкового материала;

3) признание системного характера языка;

4) разработку теоретической грамматики, опирающейся на конкретные языковые факты (учение о форме слова);

5) создание систематических сравнительных грамматик индоевропейских языков;

6) введение термина *морфология* вместо употреблявшегося ранее термина *этимология*, который допускал смешение истории грамматических форм и их современного состояния;

7) интерес к живым языкам и системное описание народных говоров;

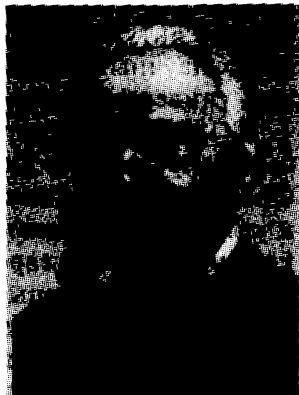
8) уточнение методики сравнительно-исторического анализа;

9) открытия в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских и славянских языков (теория дивергентно-конвергентной эволюции языка, методика установления относительной хронологии, признание диалектного членения индоевропейского праязыка, восстановление ряда элементов

фонологической системы индоевропейского праязыка, открытие важнейших закономерностей праславянского языкового единства и др.).

Ф.Ф. ФОРТУНАТОВ — УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ

Жизнь Филиппа Фёдоровича Фортунатова (1848—1914) — образец высокого служения науке. Один из самых талантливых учеников Фортунатова, А.А. Шахматов, писал, что в его учителе сочеталась «большая умственная сила» с «силой нравственной», а «основные черты его нравственного облика — правдивость и доброта — отпечатывались на всей его деятельности и на всех его отношениях» (Цит. по: *Смирнов С.В.* Отечественные филологи-слависты... 2001, с. 239). Сын педагога (отец



Фортунатова был инспектором губернской гимназии в Вологде, затем — директором народных училищ и Петрозаводской гимназии), он в 1864 г. поступил в Московский университет, где учился на историко-филологическом факультете у блестящих педагогов: Фёдора Ивановича Буслаева, Александра Львовича Дювернуа и др. Ещё студентом Фортунатов увлечённо занимался сравнительно-историческим языкознанием, изучал древнеиндийские памятники письменности, поэтому после окончания университета в 1868 г. был оставлен при кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков для подготовки к профессорскому званию. В 1871 г. вместе с Всеволодом Ф. Миллером молодой исследователь отправился в русские области Литвы, где записывал литовские народные песни, сказки и пословицы, которые затем вместе с русским переводом были опубликованы в «Известиях Московского университета» (1872, № 1—3). Во время этой поездки Фортунатов, воспитанный в компаративистском духе, как специалист по древним языкам, почувствовал вкус к исследованию народных говоров и важность их данных для историко-сопоставительного лингвистического анализа: «Каждые десять, двадцать вёрст можно уже подметить некоторые особенности, интересные в этимологическом, фонетичес-

ком или лексическом отношении. Часто в одной местности сохраняется черта глубокой древности, уже исчезнувшая в других говорах». В живом диалектном материале Фортунатов видел «богатую добычу, драгоценную для филолога», и не одобрял художественной его переработки, ибо она, по мнению Фортунатова, могла бы исказить материал источника. С этих пор литовский язык Фортунатов изучал постоянно и внёс значительный вклад в литуанистику (науку о литовском языке). Результаты своих научных поисков он изложил позднее в фундаментальном университетском курсе литовского языка.

В 1871 г. Филипп Фёдорович сдал магистерские экзамены и был направлен на два года за границу. В Германии, Англии, Франции он продолжает совершенствоваться в знании языков и углублённо изучает древнеиндийские письменные памятники. Знакомство с европейской системой образования, занятия в библиотеках Европы, общение с виднейшими учёными XIX в. — Рудольфом фон Ротом, лучшим знатоком Вед, работавшим над словарём древнеиндийского языка; Августом Лескином, крупнейшим специалистом в области сравнительно-исторической славистики; Мишелем Бреалем, французским философом-социологом; Георгом Курциусом, немецким филологом-классиком, автором труда «Основы греческой этимологии», и др. — были прекрасной школой для начинающего лингвиста.

В 1875 г. Ф.Ф. Фортунатов защитил магистерскую диссертацию, которая представляла собой перевод и критический анализ древнейшего ведического текста — «Самаведы». В том же году диссертация с приложением была опубликована, и достоянием научной общественности стал очерк «Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков», где Фортунатов уже заявил о себе как самобытный учёный.

После защиты магистерской диссертации он был избран профессором кафедры сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков Московского университета и 22 января 1876 г. прочёл свою первую лекцию студентам. За 25 лет педагогической деятельности Фортунатов создал систему преподавания лингвистических дисциплин, реализованную при подготовке специалистов по сравнительно-историческому языковедению. Эта система была признана одной из лучших в мире. В основу её Фортунатов положил требование овладеть «опорными» языками — древнеиндийским, древнегреческим, латинским, старославянс-

ким и литовским. По всем этим языкам со студентами велись специальные занятия. (Сам Фортунатов вёл исследования в области славянских языков, балтийских — литовского и латышского, — древнеиндийского, греческого, латинского, готского, армянского, древнебактрийского.) Кроме того, в программу подготовки лингвистов входило изучение общетеоретических дисциплин: сравнительного языковедения, сравнительной фонетики индоевропейских языков, сравнительной морфологии индоевропейских языков. Практически с Фортунатова началось изучение на филологических факультетах российских университетов курса «Общее языкознание».

Лекции Фортунатова слушали многие выдающиеся русские и зарубежные лингвисты. К нему, автору, который издавался в малотиражных научных журналах или в типографии Московского университета (за 43 года научной деятельности им было написано всего 37 работ), приезжали учиться из Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Франции, Германии, Австрии, Румынии, Сербии. Учениками Фортунатова считали себя норвежский учёный-диалектолог Олаф Брок (1867—1961), шведский славист Торе Торбьёрнссон (1864—1948), датский славист Хольгер Педерсен (1867—1953), голландский славист Николас ван Вейк (1880—1941), немецкий специалист в области славянской этимологии и акцентологии Эрих Бернекер (1874—1937) и другие иностранные учёные.

Причина феноменального успеха российского учёного-педагога кроется в самом подходе его к своей профессиональной деятельности. Обладая фундаментальными знаниями в области сравнительно-исторического языкознания и неустанно пополняя их за счёт знакомства с новейшими достижениями научной мысли России и Европы, он умел подняться над многочисленными разрозненными фактами, теоретически их осмыслить, увидеть причинно-следственные связи, «нащупать» нерешённые проблемы и пробудить научный азарт у своих слушателей. В отличие от своего учителя Ф.И. Буслаева, который выступал на кафедре, как поэт-романтик, Фортунатов был скорее «математиком, строгим и бесстрастным аналитиком». Его лекции всегда были компактными, содержательными и оставляли глубокий след в умах слушателей. Будучи чрезвычайно требовательным к себе как к исследователю и как к лектору, Фортунатов отличался большой деликатностью в общении с друзьями и со студентами, что ста-

новились нормой во взаимоотношениях между его учениками, и эта атмосфера была благодатной для научного взлёта каждого таланта. Образцом для учеников были сами приёмы научного исследования Фортунатова. «В трудах его, — пишет А.А. Шахматов, — нас поражает глубокий, проникновенный анализ: изучаемым им явлениям давалось столь яркое освещение, что оно своею силой озаряло и все смежные области, вызывая стройные научные представления о целых группах соседних явлений» (*Шахматов А.А.* Филипп Фёдорович Фортунатов // Известия Императорской Академии наук, 1914, № 14).

В 1898 г. Ф.Ф. Фортунатов был избран академиком и в 1902 г. переехал в Петербург, где до конца своих дней занимался по преимуществу редактированием научных изданий. Однако школа, созданная им в годы работы в Московском университете, заняла ведущее место в российской науке и шла, по словам А.А. Шахматова, «впереди западноевропейской лингвистики», сделав своим девизом основную идею учителя: **«Лингвистические задачи следует решать лингвистическими методами»**.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА

Ф.Ф. Фортунатов не оставил после себя обобщающего теоретического труда. Свои взгляды на лингвистику он излагал по преимуществу в лекциях для студентов. Как учёный и педагог он исходил из того, что язык должен быть предметом языковедения — развёрнутой системы знаний обо всех сторонах языка, имеющей собственные, лингвистические методы исследования. В вводной лекции к курсу по сравнительному языковедению, прочитанной в 1901 г., он говорил: **«Предметом, изучаемым в языковедении, является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории»**.

Данная установка Фортунатова, поддержанная его учениками, способствовала тому, что языкознание стало осознаться как единая, целостная наука с вполне определённым объектом изучения — языком. Языковедение Фортунатов делил на **части**, или **отделы**. Тот отдел языковедения, в котором изучаются формы слов, или слова в их формах, он назвал **грамматикой**, а учение о словах языка, рассматриваемых без отношения к их формам, — **лексикологией**. В грамматике он различал **морфологию**, которая

рассматривает формы отдельных слов по отношению к отдельным словам (до Фортунатова её называли *этимологией*), и **синтаксис**, который рассматривает формы отдельных слов по отношению к употреблению их в словосочетаниях. Третий отдел языковедения, в котором изучается история значений в данном языке или в данных языках (следовательно, и в человеческом языке вообще), был назван **семасиологией**. (Фортунатов подчёркивал, что все изменения значений в языке являются результатом ассоциации представлений по сходству или по смежности, поэтому объяснения для семасиологических явлений языка следует искать в психологии.) Часть языковедения, которая занимается историей звуковой стороны языка, Фортунатов называл **фонетикой**.

Язык, по мнению Фортунатова, представляет собой **«совокупность знаков» для мышления и «для выражения мысли и чувствований»** («Сравнительное языковедение», 1901). Но мысли и чувствования можно выражать не только языком слов, но и языком жестов и мимики. Языковедение, однако, занимается лишь языком слов, который способен «достигать большего совершенства сравнительно с языком жестов и мимики».

Знаки языка Фортунатов противопоставлял **знакам речи**: «Знаки языка в речи, как в выражении мысли и чувствований, могут заключать в себе такие видоизменения в произнесении их <...> которые сами служат знаками для выражения различий в чувствованиях, соединяющихся с знаками языка в речи...» (Избранные труды, т. 1, с. 122).

Язык, говорил Фортунатов, состоит из слов (ставя, таким образом, в один ряд *знаки языка* и *слова*). Словами же «являются звуки речи как знаки для нашего мышления и для выражения наших мыслей и чувствований». Поскольку отдельные слова в нашей речи вступают в различные сочетания между собою, а с другой стороны, в словах языка могут выделяться для сознания говорящего те или другие *части* слов, «фактами языка являются не только отдельные слова сами по себе, но также и слова в их сочетаниях между собою и в их делимости на те или другие части». Таким образом, к единицам языка Фортунатов относил не только слова, но и словосочетания и части слов.

Под **словом** глава Московской лингвистической школы понимал «всякий звук речи» или «комплекс звуков речи», имею-

щий в языке значение отдельное от других звуков и звуковых комплексов, являющихся словами (Там же, с. 132). Например, звуковой комплекс *книга* есть одно слово, так как не разлагается на какие-либо другие слова. Точно так же звуковой комплекс *неправда* ('ложь') представляет одно слово, хотя это слово по составу не простое, так как будучи разложено на отдельные слова *не* и *правда*, теряет данное значение.

Язык, считал Фортунатов, — **это строгая система**, в которой всё взаимосвязано и взаимообусловлено. Он внушал своим студентам, что изолированное рассмотрение языковых фактов («атомизирование», которое было взято на вооружение младограмматиками) бесперспективно, ибо «каждое явление имеет причины в целом ряде предшествовавших явлений» («Сравнительное языковедение», 1875—1876). Задача языковеда — *понять* язык, узнать *причинную* связь языковых изменений. Внимание к причинно-следственным связям было сильнейшей стороной Московской лингвистической школы.

Оставаясь компаративистом, блестяще владея методом сравнительно-исторического анализа, унаследовав от младограмматиков идеи психологизма и историзма, Фортунатов всё же не вписывался в рамки младограмматического направления, к которому его обычно относят. В период господства немецкой компаративистской школы, с её принципиальным отказом от решения общетеоретических проблем языкознания и возведением в культ отдельных разрозненных фактов, Фортунатов мыслил масштабно. Он был убеждён, что помимо частных языковых законов, открытых компаративистами в индоевропейских языках, должны быть найдены общие закономерности развития для всех языков земного шара, «потому что, несмотря на разнообразие, природа их была одна и та же». Независимость Фортунатова проявилась и в том, что он рискнул вернуться к проблеме взаимоотношения языка и мышления, которая большинством лингвистов была предана забвению к моменту начала его педагогической деятельности.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА

Проблема взаимоотношения языка и мышления волновала многих предшественников Ф.Ф. Фортунатова. Она всегда была в центре внимания сторонников логического направления, ко-

торые видели в любом языке схематичное отражение категорий и понятий логики — науки о мышлении, а отступление от этой схемы расценивали не как своеобразие языка, не как его самобытность, а как «порчу», отклонение от нормы. Оригинальная концепция взаимоотношения языка и мышления в трудах Гумбольдта, несмотря на всю глубину и диалектическую сущность, вылилась в идеалистическое учение о языке как выражении духа народа.

Проблему взаимоотношения языка и мышления Ф.Ф. Фортунатов решал в период, когда лингвистика обогатилась знаниями о психологии и биологии, когда психологизм стал одним из главных принципов ведущего направления компаративистики — младограмматизма, а законы биологии приравнивались к языковым законам в трудах сторонников натуралистического направления. Лекции младограмматика А. Лескина и главы немецкой натуралистической школы А. Шлейхера, которые Фортунатов слушал в годы зарубежной стажировки, не могли не повлиять на его мировоззрение. И всё же у него был собственный взгляд на связь языка и мышления.

Ф.Ф. Фортунатов так же, как и его предшественники, был убеждён в том, что **язык «существует главным образом в процессе мышления»** («Сравнительное языковедение», 1901). «Наше мышление, — говорил он, — состоит из духовных явлений, называемых **представлениями**, в их различных сочетаниях и из чувства соотношения этих представлений» (Там же). **Представлением** же Фортунатов считал «тот след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует уже причина, вызвавшая ощущение, и который впоследствии может воспроизводиться по действию закона психической ассоциации». Фортунатов настаивал на том, чтобы духовные явления не смешивались с физическими. Кроме того, он подчёркивал неоднократно, что «для существования духовных явлений требуются известные физические условия».

Поскольку именно зрительные, слуховые и различные мускульные ощущения относятся к легко воспроизводимым, в нашем мышлении преобладают представления, которые воспроизводят сочетания **зрительных, слуховых и мускульных** ощущений. Звуки речи, являющиеся в словах, представляют собой известные движения органов речи, укрепляемые нашей волей, образование их вызывает в нас известные мускульные ощущение.

ния. Когда слова произносятся вслух с достаточной силой, к мускульным ощущениям добавляются слуховые ощущения. Слуховые ощущения возникают и тогда, когда звуки речи произносятся другим лицом. Слуховые ощущения звуков речи и ощущения движений органов речи легко воспроизводятся, как и все звуковые и мускульные ощущения. А их воспроизведение и составляет то, что «мы называем представлениями звуковой стороны слов». В силу лёгкости и частоты их воспроизводства представления слов в их звуковой стороне «должны занимать выдающееся место среди наших представлений». По закону психической ассоциации (произвольно или с участием нашей воли) устанавливается связь между звуковыми представлениями и мускульными представлениями.

Что же делает эти представления представлениями слов, т.е. представлениями звуков речи как знаков мысли? — задаётся вопросом Ф.Ф. Фортунатов. И отвечает: **«Процесс мышления состоит в образовании чувства соотношения между представлениями как частями одной цельной мысли»**. Фортунатов говорит, что на основании ощущения того или иного предмета могут возникать представления о данном предмете, и тогда в мышлении устанавливаются отношения между этими определёнными предметами мысли. Но вместе с известными представлениями как частями данной мысли могут являться их спутники, связанные с действием психической ассоциации. Роль таких спутников могут играть звуковые представления. Так, когда мы думаем о белизне снега, то вместе с представлениями снега и белого цвета по ассоциации возникают представления звуковых комплексов *снег* и *белый*. Эти звуковые представления в мышлении могут стать заместителями представлений о предметах, явлениях, остающихся не востребованными. Вот почему звуковые комплексы (слова) становятся **знаками мысли**. Они являются знаками того, что даётся для мышления (т.е. знаками предметов мысли), и знаками тех отношений, которые открываются в процессе мышления.

Из данных рассуждений вытекает вполне логичный вывод Фортунатова о том, что **между знаком и тем, что он обозначает, не существует непосредственной связи**. Например, нет ничего общего между ощущениями сладкого и горького вкуса и звуками слов *сладкий* и *горький*. Лишь очень немногие слова в языке, говорил Фортунатов, имеют непосредственную связь их звуков

с обозначаемыми предметами мысли. К ним Фортунатов относил звукоподражательные слова.

Автор книги «Русское языкознание конца XIX — начала XX в.» (1976) Ф.М. Березин упрекает Ф.Ф. Фортунатова в том, что тот при решении проблемы взаимоотношения языка и мышления «ограничивается только чувственно-образной формой мышления, без рассмотрения его абстрактного содержания», что Фортунатов не понимал «роли общего, существенного», что он не смог «подойти к пониманию обобщённого и абстрактного характера мышления в виде понятий» (с. 120—121). Внимательное прочтение работ Фортунатова убеждает нас в том, что эти упреки вряд ли можно принимать безоговорочно, хотя термин *понятие* глава Московской лингвистической школы рядом с термином *представление* действительно не использует.

Ф.Ф. Фортунатов утверждал: «Все наши ощущения, а потому и представления, индивидуальны...». Однако, несмотря на то, что каждый, имеет собственные зрительные ощущения и представления, например, о берёзе и не видит какой-то общей берёзы, представление комплекса звуков *берёза* является в мышлении каждого представлением знака, общего для всех индивидуальных берёз. В другом месте он замечает: «Предметы мысли, обозначаемые словами, частью даются в наших ощущениях, частью *образуются в мысли путём отвлечения и комбинирования между собою принадлежностей, данных в уже известных нам предметах мысли* и т.д.» (выделено нами. — С. III.).

Фортунатов делает очень важный вывод, который делали до него и другие лингвисты, о том, что **«не только язык зависит от мышления, но что и мышление, в свою очередь, зависит от языка**; при посредстве слов мы думаем и о том, что без тех или других знаков не могло бы быть представлено в нашем мышлении, и точно так же при посредстве слов мы получаем возможность думать так, как не могли бы думать при отсутствии знаков для мышления, по отношению именно **к обобщению и отвлечению предметов мысли**» (выделено нами. — С. III.). Но этот вывод сделан на новом витке развития лингвистической и философской мысли, учитывающей достижения компаративистики XIX столетия. Он сделан учёным, который твёрдо стоял на материалистических позициях, ибо объективная реальность для Фортунатова — это не плод мыслительных фантазий индивидуума, а окружающая действительность, которая дана челове-

ку через его ощущения. Мышление в трудах Фортунатова предстаёт как результат деятельности мозга, подчиняющейся психическим законам, а язык, участвующий в процессе мышления, — системой знаков, которые, с одной стороны, психичны, ибо обладают значениями, с другой — материальны (физиологичны), так как представляют собой звуковые комплексы, которые можно воспринимать благодаря слуховым ощущениям. «Звуки речи, — говорил Фортунатов, — дают материал языку, а значения одухотворяют этот материал; первые образуют в языке его физическую, внешнюю сторону, а вторые представляют собой духовную, внутреннюю сторону языка» («Сравнительное языковедение», 1901).

Ф.Ф. ФОРТУНАТОВ — КОМПАРАТИВИСТ

Ф.Ф. Фортунатов был крупнейшим компаративистом своего времени. Его работы посвящены разным областям индоевропеистики — сравнительно-исторической фонетике, сопоставительной грамматике, акцентологии, палеографии, орфографии и т.д. Как и все компаративисты, Фортунатов считал, что предметом языковедения является человеческий язык **в его истории**, и приложил немало усилий к тому, чтобы усовершенствовать саму методику сравнительно-исторических исследований.

В своей первой лекции, прочитанной в 1876 г., Фортунатов настойчиво проводит мысль **о связи языка с жизнью общества**, которому он принадлежит. «Каждый известный нам живой язык состоит из множества диалектов, или говоров, которые более или менее разнятся один от другого, подобно тому, как каждое общество, называемое народом, включает в себе множество отдельных связей, образуемых одним происхождением, совместным жительство, одинаковыми занятиями и т.п. Язык сам и при постепенном развитии этого союза распадается на отдельные говоры, связь между которыми определяется теми отношениями, которые существуют между частями разросшейся семьи или рода».

Уделяя огромное внимание причинно-следственным связям, Фортунатов считал, что в постоянном дроблении языка на диалекты и говоры сказывается жизнь языка, отражающая «те колебания, которые испытывает жизнь самого общества, будь то род, община или народ». Однако история языков — это не

только постоянное их дробление. Параллельно с процессами дифференциации идут процессы интеграции: «Общество также возникает через соединение союзов, первоначально чуждых друг другу, из которых каждый входит в это новое общество своим особым языком или диалектом. И эти диалекты начинают вести общую жизнь, вследствие чего различие, существовавшее между ними, может сглаживаться...» Эта теория, получившая позднее название **конвергентно-дивергентной**, противостояла компаративистскому учению об индоевропейском родословном древе, согласно которому развитие языков идёт только путем дробления языков-предков, а общие черты — это признаки, унаследованные родственными языками от общего праязыка. Гипотеза Фортунатова получила подтверждение в трудах его учеников (особенно Н.С. Трубецкого), посвящённых языковым союзам.

Ряд уточнений внёс Фортунатов и в оценку собственно индоевропейского праязыка. Вслед за А. Шлейхером абсолютное большинство компаративистов полагало, что самым древним из индоевропейских языков является санскрит и чем восточнее живёт тот или иной индоевропейский народ, тем больше древних черт он сохранил в своём языке. Фортунатов уже в 1879 г. утверждал: «Не следует, впрочем, думать, будто санскритский язык во всех частях древнее остальных индоевропейских языков, и при определении фактов общего индоевропейского языка нужно пользоваться всеми древними языками нашей семьи».

Исходя из положения об обязательном диалектном членении каждого языка, Фортунатов подверг острой критике учение о внутреннем единстве, непротиворечивости индоевропейского праязыка, на котором особенно настаивал А. Шлейхер. Поскольку компаративисты восстанавливают индоевропейский праязык того периода, который предшествовал его распаду, они должны учитывать возможность его диалектного членения, ибо многие явления, отличающие индоевропейские языки друг от друга, могли иметь корни ещё в индоевропейских диалектах. Кроме того, Фортунатов считал, что индоевропейский праязык распался не на две ветви, как писал Шлейхер, — северную (славогерманскую) и южную (арио-греко-итало-кельтскую), — а на три: литовско-славянскую, индо-иранскую и греко-италийскую. Очень важным следует признать положение Фортунатова о том, что **генеалогическая классификация языков не связана с делением человечества на расы**. (Например, финны и монголы гово-

рят на родственных языках, но принадлежат к разным расам; племена же Кавказа могут быть отнесены к одной расе с индоевропейскими племенами, но это не значит, что они все должны говорить на языках, родственных с индоевропейскими языками.)

В самом подходе к реконструкции индоевропейского праязыка Фортунатов тоже занимал особую позицию: он полагал, что восстановление индоевропейской звуковой и грамматической системы не должно быть самоцелью. Гораздо важнее, сравнивая данные родственных языков, выявлять закономерности развития живых языков. Однако Фортунатову принадлежит целый ряд открытий, связанных с реконструкцией индоевропейской звуковой и грамматической систем. Так, он описал вокализм индоевропейского языка накануне его распада (одиночные гласные **a, i, ā, ī, ū*; дифтонги **aj, au, āj, āu*; дифтонгоиды с плавными); возражал против трактовки дифтонгов как механического соединения гласных **a + i* и **a + u*, допуская вероятность появления их из долгих гласных **ī* и **ū*; предположил наличие в индоевропейском праязыке, кроме **r* и *l*, третьего плавного согласного — неопределённого **λ* («Индоевропейские плавные согласные в древнеиндийском языке», 1896); описал условия появления слоговых плавных **r, l*; создал оригинальную **теорию сонантов** (сонорных согласных, которые в определённых условиях ведут себя, как гласные, и приобретают способность формировать слоги); провёл чёткое разграничение между дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями.

Особенно большое внимание Фортунатов уделял фонетическим законам, которые обусловлены, по его мнению, «бессознательным стремлением к большему удобству в произношении». В противоположность младограмматикам он всегда отдавал предпочтение фонетическим законам перед аналогией. Ещё в своей магистерской диссертации 1875 г. он писал: «Фонетика не в состоянии оправдать переход звуков какими бы то ни было аналогиями», — а в последующей своей деятельности продолжал верить в «безысключительность» фонетических законов, очень редко прибегал к аналогии и постоянно подчёркивал различие между буквами и звуками.

Работы Ф.Ф. Фортунатова «О сравнительной акцентологии литво-славянских языков» (1880) и «Об ударении и долготе в балтийских языках» (1895) сыграли огромную роль в станов-

лении славяно-балтийской акцентологии. Мысль о связи длины гласных с характером ударения в индоевропейских языках проходит, по справедливому замечанию Ф.М. Березина, через все лекционные курсы основателя «формальной» школы. Фортунатов считал, что изучение фонетических законов в индоевропейских языках невозможно без учёта типа ударения. Ему принадлежит заслуга в описании двух типов ударения — восходящего, или акутового, и нисходящего, или циркумфлексного, — в индоевропейском праязыке (по терминологии Фортунатова, «длительная долгота» и «прерывистая долгота»).

В 1895 г. он открыл **закон о передвижении ударения** в литовско-славянском праязыке от начала к концу слова. Одновременно с Фортунатовым и независимо от него этот закон применительно к литовскому языку был описан Ф. де Соссюром, поэтому в истории языкознания закон получил название закона Фортунатова — де Соссюра. Закон объясняет, почему иногда в современных славянских и в литовском языках у существительных при склонении происходит передвижение ударения с основы на окончание (ср. рус. *водá* — *вóду*, *ногá* — *нóгу*), а в восточнославянских словах с полногласными корнями ударение падает то на первый слог, то на второй (ср. *вóрон* — *ворóна*, *гóлод* — *голóдный* и пр.). Фортунатов установил, что ударение передвигалось с предшествующего слога с «прерывистой долготой» (т.е. если слог произносился с нисходящей интонацией) на последующий, если этот последующий слог был долгим. Так, в именах существительных первого склонения (с основой на **ā*) типа *рука*, *нога* в литовско-славянскую эпоху в им. падеже слог корня произносился с нисходящей интонацией, и ударение передвинулось на окончание, где гласный **ā* был долгим; а в вин. падеже ударение осталось на основе, так как слог основы произносился с восходящей интонацией (т.е. имел «длительную долготу»). Если слог с дифтонгоидом, из которого родилось полногласие, произносился в литовско-славянскую эпоху с восходящей интонацией, то ударение падает в современном полногласии на второй слог (**vort-a* > *ворóта*); если же он произносился с нисходящей интонацией, то ударение в современном полногласии падает на первый слог (**gold-ъ* > *гóлод*).

Усовершенствованную методику сравнительно-исторического анализа Фортунатов применил при изучении частных грамматик ряда индоевропейских языков. Высшим достижением сла-

вистики конца XIX в. стали его «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка», где он проводил чёткую границу между собственно старославянским языком и церковнославянскими языками русской, болгарской и сербской редакций.

Однако Фортунатов не считал сравнительно-исторический метод единственным научным методом и указывал на необходимость сравнивать языки не только на основании их родства, но и по отношению к тем сходствам и различиям, которые зависят от сходных и различных физических и духовных условий существования. Не случайно типологическую классификацию языков мира Фортунатов описывает с точки зрения своего учения о грамматической форме.

УЧЕНИЕ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ

Огромное влияние на развитие грамматической мысли конца XIX — первой трети XX в. оказала грамматическая концепция Ф.Ф. Фортунатова. Это была одна из первых попыток решить грамматические проблемы на собственно языковой основе, без опоры на логику или на психологию. Ядром грамматической концепции Фортунатова является учение о грамматической форме.

Грамматическую форму, по мнению Фортунатова, имеют далеко не все слова. **Форма есть «способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящего формальную и основную принадлежность слова»** («Сравнительное языковедение» // Избранные работы, т. 1, с. 137). Под основной принадлежностью Фортунатов понимал основу слова, под формальной — «аффикс» (окончание, префикс, суффикс, инфикс): *вед-у, нес-у, бер-у, беленьк-ий, красненьк-ий* и пр.). С помощью формальной принадлежности выражается грамматическое значение слова, с помощью основной — лексическое. Присутствие в слове делимости на основу и аффикс даёт слову то, что мы называем формой, говорил Фортунатов. Однако некоторые формы, замечает он, могут не иметь положительно выраженной принадлежности, как например, формы им. падежа ед. числа слов *дом, человек*. Формальной принадлежностью здесь является отсутствие аффикса (т.е. наличие так называемого нулевого аффикса). Формы слов определяются путём сопоставления с другими словами. Так, в слове *несу* формальная принадлежность *-у* устанавливается пу-

тём сравнения со словами *вед-у, бер-у*, основная принадлежность *нес-* — путём сравнения со словами *нес-ёшь, нес-ёт*.

Фортунатов делил все формы на два типа: формы словообразования и формы словоизменения. В зависимости от наличия у слов форм словообразования и форм словоизменения он и делит их на классы — грамматические и неграмматические. Неграмматические классы не имеют ни форм словообразования, ни форм словоизменения. Грамматические же классы могут иметь либо только формы словоизменения, либо только формы словообразования, либо те и другие формы одновременно.

Грамматические классы Фортунатов разделил на две группы: А) слова с формами словоизменения и Б) слова без форм словоизменения. Среди первых он выделил 1) слова спрягаемые (глаголы в узком смысле этого слова); 2) слова, склоняемые без необходимости согласования в роде (существительные; слова, называющие числа); 3) слова, склоняемые с согласованием в роде (прилагательные; причастия; некоторые разряды местоимений — притяжательные, указательные, определительные; слова, называющие порядок предметов при счёте). В склоняемых словах-существительных Фортунатов выделил а) существительные личные (т.е. местоимения 1-го и 2-го лица) и б) существительные неличные, где различаются существительные имена (т.е. слова-названия) и существительные-местоимения неличные (т.е. местоимения с неличными местоимёнными основами типа *кто, что*).

В класс слов без форм словоизменения Фортунатов включил инфинитив, деепричастия и наречия.

Эта классификация должна была заменить традиционную классификацию частей речи, ведущую начало от Аристотеля, и ориентировалась она по преимуществу на индоевропейский язык, поэтому не всегда была применима к живым индоевропейским языкам.

Учение о грамматической форме слова Фортунатов применил к типологической классификации языков мира, которую назвал морфологической. В зависимости от того, как проявляют себя основная и формальная принадлежности (т.е. основа и аффикс) в словах, Фортунатов разделил все языки на пять типов.

1. **Агглютинативные языки**, у которых основа и аффикс остаются по своему значению отдельными, как бы склеенными частями слов (урало-алтайские языки).

2. **Флективно-агглютинативные языки**, у которых основы слов сами имеют формы за счёт внутренней флексии, а отношения между основой и аффиксом такое же, как у агглютинативных языков (семитские языки).

3. **Флективные языки**, представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами (индоевропейские языки).

4. **Корневые языки**, в которых слова соответствуют корням слов в других языках, а форм слов, образуемых аффиксами, нет вообще (китайский, сиамский и другие языки).

5. **Полисинтетические языки**, которые по образованию форм отдельных слов относятся к языкам агглютинативным, но выделяются в особый класс, потому что обладают дополнительно формами, образующими слова-предложения (языки американских индейцев).

Синтаксис, вторая часть грамматики, вырастает у Фортунатова из морфологии. Если основной единицей морфологии он считал слово в его отношении к грамматической форме, то основной единицей синтаксиса он считал словосочетание также в его отношении к грамматической форме. Под **словосочетанием** Фортунатов понимал «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части» («О преподавании грамматики русского языка в средней школе», 1903 // Избр. работы, т. 2, с. 451). Все словосочетания он делил на грамматические и неграмматические. К грамматическим относил такие сочетания слов, связь между которыми выражена либо формами отдельных слов, либо формами словосочетания (порядок слов, частичные слова); к неграмматическим — такие, в которых отношения между словами формами языка не выражены (например, *поэт Пушкин*). Все словосочетания глава формальной лингвистической школы делил на законченные и незаконченные, а **предложение** рассматривал как законченное словосочетание, где одно слово сочетается с другим, «как одна часть психологического суждения с другой частью психологического суждения». В законченном словосочетании должно быть грамматическое сказуемое и грамматическое подлежащее, которые соответствуют психологическому сказуемому и психологическому подлежащему, а если таковых нет, то словосочетание незаконченное и само становится частью законченного словосочетания,

или грамматического предложения. Таким образом, в синтаксическом учении Фортунатова ощущается явное влияние психологического взгляда на язык, унаследованного от младограмматиков.

Грамматическое учение Фортунатова, в котором наиболее ярко проявилось его стремление выявить формальные, собственно языковые критерии лингвистического анализа, его склонность к чёткой систематизации языкового материала, к широким обобщениям и абстрагированию, оказала значительное влияние на развитие русской грамматической мысли, на грамматические исследования учёных Пражского лингвистического кружка.

РАЗРАБОТКА ИДЕЙ ФОРТУНАТОВА В ТРУДАХ ЕГО УЧЕНИКОВ

Ученики Ф.Ф. Фортунатова, развивая идеи своего учителя, добились выдающихся успехов в решении проблем сравнительно-исторического языкознания. Реконструкцией праславянского языка активно занимались Виктор Карлович Поржезинский и Иосиф Юлиус Миккола, реконструкцией древнерусского языка — Алексей Александрович Шахматов и Николай Николаевич Дурново. Использование методики относительной хронологии позволило Николасу ван Вейку выявить две закономерности в развитии праславянского языка: тенденцию к восходящей звучности и принцип слогового сингармонизма. А.А. Шахматов, Н. ван Вейк и Степан Михайлович Кульбакин продолжили разработку праславянской акцентологии; В.К. Поржезинский, Григорий Константинович Ульянов и Борис Михайлович Ляпунов заложили основы праславянской морфологии. Эрих Бернекер прославился своими трудами в области праславянской лексикологии. Издавая древние славянские памятники, Вячеслав Николаевич Щепкин, С.М. Кульбакин, А.А. Шахматов добились строгого разграничения букв и звуков, графики и орфографии, орфоэпии и палеографии; учитывали специфику «книжного наречия» и говора писца. В 1903 г. по инициативе А.А. Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия, которая внесла огромный вклад в развитие русской диалектологии. Михаил Михайлович Покровский и его ученики заложили основы семасиологии.

Учёные Московской лингвистической школы целенаправленно занимались теорией и практикой нормализации и демократизации русского литературного языка, готовили реформу русско-

го правописания. Сравнительно-историческая методика, разработанная Ф.Ф. Фортунатовым на материале литовского, латинского, древнеиндийского, армянского, древнебактрийского и славянских языков, была применена его учениками к финно-угорским, тюркским, кавказским и германским языкам.



Особое место среди учеников Фортунатова принадлежит **Алексею Александровичу Шахматову** (1864—1920), выдающемуся учёному-филологу, автору монументальных работ не только по сравнительно-исторической лингвистике, но и по диалектологии, древней русской литературе, фольклору, истории, этнографии. Интерес к науке Шахматов проявил ещё в гимназические годы, что и привело его к Ф.Ф. Фортунатову, который принял его с отеческой любовью, сразу отметил талант юного исследователя, составил для него

специальную образовательную программу. С 1881 г. 17-летний Шахматов посещал лингвистический семинарий своего наставника и реально участвовал в его научных исследованиях. В 1883 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета и уже на первом курсе опубликовал в академическом издании «Исследование о языке новгородских грамот», а на четвёртом курсе написал кандидатское сочинение «О долготе и ударе в общеславянском языке». Как учёный Шахматов, по справедливому замечанию Ф.М. Березина, «соединил в себе богатое воображение, страсть филолога-исследователя, воспринятые им от Ф.И. Буслаева, со строгой точностью лингвиста, столь характерной для Фортунатова» («Русское языкознание конца XIX — начала XX в.», с. 135). После окончания университета Шахматов был оставлен для подготовки к профессорскому званию, прочитал пробные лекции по составу «Повести временных лет» и в 1890 г. блестяще сдал магистерские экзамены. Но должность приват-доцента не давала ему нужных средств к существованию, и он уезжает в Саратовскую губернию, где три года служит земским начальником и, не оставляя научных занятий, со всею страстью своей натуры погружается в дела общественные, защищая интересы крестьян. В 1893 г. в «Рус-

ском филологическом вестнике» была опубликована работа А.А. Шахматова «Исследования в русской фонетике», а в 1894 г. он защитил по этой теме магистерскую диссертацию. Работа была настолько глубокой и основательной, что Шахматову присвоили сразу степень доктора наук, минуя степень магистра.

Шахматов обладал способностью удерживать в уме огромное количество фактов и одновременно выдвигать гениальные гипотезы. Благодаря ему в научный обиход введено множество древнерусских памятников. Он описал историю создания «Повести временных лет», определил состав многих летописных сводов («Разыскания о древнейших русских летописных сводах», 1908); изучал диалекты, ранее никем не описанные («Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров», 1895; «Описание лекинского говора Егорьевского уезда», 1914); активно исследовал современный русский литературный язык («Очерк современного русского литературного языка», 1913).

С 1894 г. Шахматов начинает работать в Российской Академии наук, где выступает инициатором ряда научных периодических изданий («Известия Отделения русского языка и словесности», «Энциклопедия славянской филологии», «Сборник Отделения русского языка и словесности» и др.); продолжает работать над нормативным словарём русского языка, инициатором которого был Яков Карлович Грот (за 12 лет Шахматов подготовил девять выпусков); способствует укреплению Академии талантливыми исследователями; возглавляет 1-е отделение Библиотеки Академии наук. Своё директорское жалованье Шахматов передавал на нужды библиотеки, приспособил свой директорский кабинет для выдачи книг на дом, открыл библиотеку для всех желающих, и она стала центром распространения знаний и культуры.

В 1908 г. Шахматов занял место профессора кафедры русского языка Петербургского университета, где читал лекции по истории русского языка, русской диалектологии, современному русскому языку, старославянскому языку, белорусскому языку в его современных говорах, сравнительной грамматике славянских языков. Именно благодаря А.А. Шахматову в программу подготовки лингвистов российских университетов был введён курс современного русского языка.

Большой интерес для современного языкознания представляет труд А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка», издан-

ный посмертно (в 1925 и в 1927 гг.), затем дважды переиздававшийся. Как и Ф.Ф. Фортунатов, Шахматов решал проблемы синтаксиса исходя из положения о тесной связи между языком и мышлением. Однако в отличие от своего учителя основной единицей синтаксиса он считал не словосочетание, а предложение. Учение о словосочетании, пишет Шахматов, должно занимать подчинённое положение по отношению к учению о предложении и объясняет свою позицию: «язык в своих элементах зародился и развился в составе предложения, ибо предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове» («Синтаксис русского языка», 1941, с. 573). «В языке, — предполагает Шахматов, — бытие получили сначала предложения; позже путём расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения» (Там же, с. 17).

В отличие от Фортунатова, чья синтаксическая концепция основывалась на психологии, Шахматов опирается еще и на логику. Ядром его синтаксической теории стало учение о коммуникации, которую он понимает как особый акт мышления, имеющего целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений. Коммуникация рассматривается как психологическая основа всех типов предложений. Итак, по мнению Шахматова, предложение имеет логико-психологическую природу. Простейшая коммуникация характеризуется как сочетание двух представлений, приведённых в предикативную связь движением воли. Предложением, по словам Шахматова, является **«воспроизведение коммуникации средствами языка»** (Там же, с. 30). Иными словами, предложение — **«это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления»** (Там же, с. 19).

«Синтаксис русского языка» был только частью большого незавершённого труда по синтаксической структуре русского языка. Шахматов успел разработать учение об односоставных и двусоставных предложениях и учение о словосочетаниях. Для дальнейшего развития грамматической мысли особенно ценными оказались рассуждения Шахматова о типах односоставных пред-

ложений, об их отличии от двусоставных, а также подробный анализ членов каждого из описанных типов предложений. Но главное, конечно, — коммуникативный подход к изучению синтаксиса, который по-настоящему стал использоваться в отечественной лингвистике спустя несколько десятилетий.

А.А. Шахматов и другие представители Фортунатовской школы вместе со своим учителем вполне вписываются в неограмматическое направление, охарактеризованное В.И. Кодуховым. Наряду с Казанской лингвистической школой, Женевской, а также Ф. деСоссюром, Московская лингвистическая школа подготовила переход европейского и американского языкознания от компаративизма к структурализму.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие общие признаки позволяют объединить три школы последней трети XIX-начала XX в. в единое неограмматическое направление? Что это за школы? Кто их возглавлял?
2. Почему Московскую лингвистическую школу называют формальной? Назовите наиболее известных представителей Московской лингвистической школы.
3. Перечислите наиболее важные вехи в биографии Ф.Ф. Фортунатова, повлиявшие на становление его как учёного-лингвиста.
4. Что в Фортунатове-учёном и педагоге кажется наиболее привлекательным для вас? В чём секрет успеха Фортунатова как лектора и как наставника молодых исследователей?
5. Проанализируйте общетеоретические взгляды Фортунатова (на предмет языковедения, сущность языка, методiku языкового анализа, сущность слова, фонетические законы и пр.) и попытайтесь ответить на вопрос: «Были ли основания у автора учебного пособия “История лингвистических учений” В.М. Алпатова причислять Фортунатова к младограмматикам?»
6. Как Фортунатов решал проблему взаимоотношения языка и мышления? На каких позициях он стоял — материалистических или идеалистических? Аргументируйте свой ответ.
7. Охарактеризуйте важнейшие достижения Фортунатова как специалиста в области сравнительно-сопоставительной индоевропеистики. В чём он опередил младограмматиков и сторонников натуралистического взгляда на язык?

8. Почему грамматическое учение о слове Фортунатова вызвало огромный резонанс в научных кругах России и Европы? Изложите суть этого учения. Что Фортунатов понимал под формой слова? Как решал Фортунатов проблему частей речи? Есть ли у этой концепции уязвимые места?
9. Оцените синтаксическую концепцию Ф.Ф. Фортунатова. Почему основной единицей синтаксиса глава Московской лингвистической школы считал словосочетание?
10. Какое развитие синтаксическая теория Фортунатова получила в трудах А.А. Шахматова? Почему Шахматов считал основной единицей синтаксиса предложение?
11. Какие из достижений А.А. Шахматова как ученика Ф.Ф. Фортунатова вы считаете наиболее значительными?
12. Что нового в отечественное и мировое языкознание внесла Московская лингвистическая школа?

ГЛАВА 3

Лингвистическая концепция Фердинанда де Соссюра

§ 47. Истоки соссюрских идей



Фердинанда де Соссюра (1857—1913) называют Коперником современного языкознания. Иногда с его именем связывают начало подлинно научного этапа в лингвистике. Но «попытки представить дело так, будто вся лингвистика началась с Соссюра, и стремление оторвать Соссюра от всякой традиции не имеют никакого оправдания», — справедливо заметил один из его последователей Эуджен Косериу. Истоки соссюрских идей следует искать в социологии Огюста Конта, в философии

Эмиля Дюркгейма, в «Грамматике Пор-Рояля», в учении о статике и динамике И.А. Бодуэна де Куртенэ, в ассоциациях по сход-

ству и по смежности Н.В. Крушевского, в учении о дихотомии Ф. Гегеля. В истории лингвистики делалось немало попыток «развенчать» Соссюра, доказать его неоригинальность. Но если Соссюра разложить, растащить по кускам, как пишет Эмиль Бенвенист, из них не сшить Соссюра. Ему вторит А.А. Холодович: «Соссюр не сложение, а система идей. И проблема источника каждой идеи второстепенна». Сведёние Соссюра к другим авторам не даёт ответа на вопрос, почему именно Соссюр стал «властителем умов» лингвистов XX столетия.

«Пройти мимо Соссюра — это значит пройти мимо языкознания», — справедливо указывает Э. Бенвенист. И продолжает: «Нет лингвиста, который бы не был ему чем-то обязан. Нет такой общей теории, которая бы не упоминала его имени». Соссюр — самый спорный автор в лингвистике XX столетия, но спор с ним — всегда изнутри Соссюра, в пределах поставленных им проблем. Следовательно, Соссюр говорит о самых важных проблемах языкознания. Основные из них:

- 1) противопоставление языка и речи,
- 2) противопоставление синхронии и диахронии,
- 3) противопоставление внешней и внутренней лингвистики.

Эти три соссюровские антиномии зиждутся на идеях знаковой природы языка и системности языка.

В разных комбинациях идеи Соссюра послужили основой для возникновения структурализма XX в., они же помогли в преодолении кризиса мирового языкознания в конце XIX — начале XX в. Часто Ф. де Соссюра называют основоположником Швейцарской, или Женевской, социологической школы, но он не вписывается ни в рамки какой-либо школы, ни в рамки какого бы то ни было направления: он выше их на голову.

Формирование Ф. де Соссюра как лингвиста началось ещё в детстве. Родился он в Женеве, в семье учёного, натуралиста и математика. Среди его предков были физики, химики, естествоиспытатели. В гимназии он овладел латынью и греческим, самостоятельно изучил санскрит и, как всякий житель Швейцарии, с детства говорил на французском и немецком языках. В 12 лет Фердинанд познакомился с Адольфом Пикте (1799—1875), основателем индоевропейской лингвистической палеонтологии, математиком, филологом и поэтом, другом Гегеля, Шлегеля, Шеллинга. Пикте оказал огромное влияние на Соссюра. И в 15 лет Соссюр пишет свою первую лингвистическую работу. Это

была попытка создать «Общую систему языка» («Вы взяли быка прямо за рога», — так оценил этот опыт Пикте).

В 16 лет, занимаясь структурой индоевропейского корня, за три года до К. Бругмана и Г. Остхофа, Соссюр случайно открыл ранее неизвестные индоевропейские сонанты (звуки, которые могли формировать слоги). В 1875 г. Соссюр становится студентом Женевского университета, но учиться здесь ему практически было не у кого, и через год он переезжает в Лейпциг, крупнейший центр компаративистики того времени. С 1876-го по 1878 г. в Лейпцигском университете Соссюр учит древнеирландский и древнеперсидский языки, но избегает курсов, которые вели Бругман и Остхоф (готский язык, санскрит, сравнительная грамматика индоевропейских языков), чтобы чувствовать себя независимым в своих исследованиях. Здесь в 1878 г., в том же году, когда был обнародован «Манифест младограмматиков», Соссюр написал диссертацию «Мемуар (исследование) о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», которая была опубликована в 1879 г.

Соссюру был 21 год. Он был скромным студентом, и профессоров Бругмана и Остхофа возмутила дерзость швейцарца, который в самом центре младограмматизма, с его «атомарной» методикой анализа, с его принципиальным отказом от решения общетеоретических проблем, выступил с необычной, математически выверенной теорией, которая позволяла предугадать структуру праиндоевропейского корня, а также уточнила состав гласных индоевропейского праязыка. Системность языка стала стержневой идеей «Мемуара». Мало того, доказывая системность индоевропейского праязыка, Соссюр выдвинул гипотезу о необычных сонантах, которые затем были утрачены, но косвенно отражаются в чередованиях гласных современных индоевропейских языков. Соссюр сделал важный вывод о системности фонетического и морфологического строя индоевропейского праязыка. Так, он пришёл к выводу, что все индоевропейские корни имели единообразную структуру:

1) каждый корень содержал *e*, за ним мог следовать сонант (*i, u, r, l, m, n*) — сонантный коэффициент (ср. **mer-*, *ber-*, *mel-*, *pei-*, *ken-*);

2) в некоторых условиях *e* чередовалось с *o*, в других *e* исчезало (ср. **mer-* // *mor-*: *умер*, *мор*, *умри*; *ber-* // *bor-*: *беру*, *сбор*, *братъ*);

3) там, где *e* выпало, корень, не содержащий сонантного коэффициента, остался без гласного; в корне же с сонантным коэффициентом этот коэффициент выступает в качестве слогового, когда за ним следует согласный (безразлично, корневой или суффиксальный): ср. **pei-ti* → *ni-ть*.

Важнейший принцип этих правил состоит в том, что при одинаковых морфологических и фонетических условиях огласовка разных корней должна быть одинаковой. Так, например, в первом лице настоящего времени индоевропейских глаголов в корне имеется *e*: нем. *ich gebe* (даю), лат. *lego* (собираю), рус. *несу / веду / везу / плету*; отглагольное имя имеет в корне *o* (лат. *toga*, рус. *ноша / воз / плот*), причастие — нулевую огласовку (*драный*) или содержит гласный, являющийся результатом слияния исконного гласного и сонантного коэффициента (*битый*, ср. *бей!*).

Таким образом, аргументы системного характера обеспечивают надёжность реконструкции праязыка. Благодаря системному анализу Соссюр открыл новые сонанты индоевропейского праязыка. Он не знал ещё, как они звучали, и обозначил их символами *A*, *O*. Только через полвека гипотеза Соссюра нашла реальное подтверждение: там, где он реконструировал свои сонанты, Ежи Курилович в древних хеттских письменах обнаружил фонему *h*.

«Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» — единственная крупная работа Ф. де Соссюра, опубликованная при жизни. Она имела огромный резонанс, но самому автору доставила много горьких переживаний: современники не смогли оценить гениальное прозрение начинающего учёного и подвергли его детище жёсткой критике. Впоследствии Соссюр издавал лишь небольшие заметки и рецензии, на которые не обратили внимания ни в Швейцарии, ни в Германии, ни во Франции.

В 1878 г. Соссюр закончил Лейпцигский университет, потом с 1878-го по 1880 г. стажировался в Берлине. В 1880 г. он защитил докторскую диссертацию по синтаксису и совершил поездку в литовские земли. Тогда же Соссюр отправляется в Париж, представлявший в то время лингвистическую провинцию, живущую идеями философских грамматик XVIII столетия. Здесь он слушает лекции Мишеля Бреалья (1832—1915), который к тому времени успел перевести на французский язык Ф. Боппа и читал курс сравнительной грамматики индоевропейских языков в домладограмматическом духе. Здесь, в Пари-

же, Соссюр познакомился с И.А. Бодуэном де Куртенэ. Потом между ними завязалась переписка. В письмах два великих учёных дали друг другу высокую оценку.

Вплоть до 1891 г. Соссюр работает в Парижском университете, но потом ему пришлось уехать в Женеву, так как в Париже его заставляли принять французское гражданство. Самым плодотворным был Женевский период в жизни Соссюра (1891—1913). Здесь учёный занимался классическими и германскими языками, лингвистической географией древней и современной Европы, отвлёкся на эпос Нибелунгов, замещал профессора литературы, увлекался французским стихосложением и греческой мифологией. Осталось 99 его тетрадей по анаграммам в греческой, латинской и ведийской поэзии. Но Соссюр вёл замкнутый образ жизни; в глазах окружающих он выглядел неудачником, который так и не смог подняться до уровня своей первой талантливой книги. И учёный мир никогда бы не узнал философии языка Соссюра, если бы не одна случайность: после смерти профессора Вертгеймера, который, будучи главным раввином города Женевы, одновременно обучал студентов Женевского университета основам науки о языке, в 1906 г. Соссюру предложили занять его место.

Трижды прочитал свой новый курс Ф. де Соссюр, не оставив ни кратких записей своих лекций, ни их планов, из чего следует, что у него не было намерений его издать. В 1906—1907 гг. лекции Соссюра по теории языка прослушали шесть, в 1908—1909 гг. — 11, в 1910—1911 гг. — 12 человек. Часть студентов вела записи; и уже после смерти профессора конспекты были отредактированы и опубликованы младшими коллегами Соссюра Шарлем Балли и Альбером Сеше в 1916 г. как «Курс общей лингвистики». С этого года началось триумфальное признание концепции Соссюра, оказавшей колоссальное влияние на развитие мирового языкознания. «Курс общей лингвистики» несколько раз переиздавался на французском языке, потом был переведён на другие языки мира, в том числе на русский: в 1930 г. — А.М. Сухотиным, в 1977 г. — А.А. Холодовичем.

§ 48. Лингвистика языка и лингвистика речи

Центральными понятиями «Курса общей лингвистики» стали *речевая деятельность, язык и речь*. Параллельно с учёными Казанской лингвистической школы и несколько позднее Г. Паулем

Ф. де Соссюр пришёл к осознанию необходимости разграничения двух сторон в речевой деятельности: **языка** и **речи**. Это противопоставление можно найти и в трудах В. фон Гумбольдта, но в языкознании XIX в., до появления трудов Г. Пауля и И.А. Бодуэна де Куртенэ, оно не получило признания. Пауль и Бодуэн писали о противопоставлении социального и индивидуального в языке, но лишь Соссюр поставил это различие в центре общей теории языка.

Язык и речь, говорит Соссюр, — две стороны речевой деятельности. Сама речевая деятельность многообразна, она включает социальное и индивидуальное: ведь человек выражает свои мысли, чтобы быть понятым другими. В речевой деятельности выделяется внешняя сторона (звуковая) и внутренняя (психологическая). Они проявляют себя во время говорения и понимания. Из двух сторон речевой деятельности, по мнению Соссюра, язык — одна, но наиважнейшая сторона, определяющая все остальные. Главное различие между языком и речью в том, что **язык социален, а речь индивидуальна**.

Социальность языка состоит в том, что он функционирует лишь в человеческом обществе. Язык — продукт речевой способности (ребёнок усваивает его, живя в человеческом обществе) и совокупность языковых навыков. Язык пассивно регистрируется человеком и навязывается ему. (Соссюр признаёт императивность социальных явлений по Дюркгейму.) Индивид не может ни создать, ни изменить языка (проблемой происхождения языка Соссюр не занимался).

Язык, по Соссюру, — **это код**, образующий средство для речевой деятельности. Но **язык** — и **клад**, практикою речи откладываемый во всех членах данного коллектива. То есть это грамматическая и лексическая система, потенциально существующая в каждом мозгу или, лучше сказать, в мозгу целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе.

Язык — психическое явление, но из области социальной психологии в нём только общее, абстрактное, отвлечённое. Психичность языка не отрицает его реального существования. Доказательством его реальности Соссюр считает возможность графически (на письме) отразить язык. Реальность языка подтверждается возможностью изучать мёртвые языки (латынь, греческий) по памятникам.

Речь целиком **индивидуальна**. Она — акт воли и сознания отдельного человека, ею полностью распоряжается индивид. В речи есть 1) комбинации, которые говорящий образует для выражения своей мысли, используя социальный код; 2) психо-физиологический механизм, с помощью которого мысли объективируются, становятся общим достоянием. К речи относятся звукоподражательство, артикуляция.

Воспроизведённая речь — сумма всего говоримого, следовательно, язык абстрагируется от речи, а не наоборот: «Язык и речь взаимосвязаны, ибо язык есть одновременно и орудие, и продукт речи». Но Соссюр требовал их раздельного изучения. Язык необходим, чтобы понять речь, а речь предшествует языку. Она необходима, чтобы установился язык. Противопоставив язык и речь, Соссюр пишет о том, что язык должен изучаться в лингвистике языка, а речь — в лингвистике речи.

Лингвистика языка / лингвистика речи — первый перекрёсток на пути исследователя, и он должен выбрать одну из дорог. Надо отдельно идти по каждой из них. До начала XX в. лингвисты, считает Соссюр, изучали только речь. Поэтому понятно преимущественное внимание Соссюра к лингвистике языка. Кроме того, ему хотелось дистанцироваться от младограмматиков с их индивидуализмом. Лингвистика речи казалась ему делом второстепенным применительно к тем условиям, в которых он читал свой курс по общей лингвистике. Встать на точку зрения языка и с этой точки зрения рассматривать всё остальное! — вот девиз Соссюра. В этой связи часто цитируют фразу, которой заканчивается «Курс общей лингвистики»: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». Поскольку в студенческих конспектах этой фразы не оказалось, вероятно, редакторы сами её сформулировали, но в принципе она не противоречит общему духу «Курса».

§ 49. Создание семиологии

Соссюр рассматривал язык как **систему знаков**. Собственно, и эта идея не была новой. Системность языка почувствовал Аристотель, системным явлением считали язык авторы знаменитой «Грамматики Пор-Рояля», о том же говорили В. фон Гумбольдт, учёные Казанской и Московской лингвистических школ.

Философы (Бэкон, Декарт, Гоббс, Лейбниц) описали свойства естественных и искусственных знаков, но их интересовала роль знаков в мышлении, а языком как общественным явлением они не занимались. Соссюр первым обособил язык как знаковую систему от других общественных учреждений (юридических, политических) и стал рассматривать его как важнейшую среди других знаковых систем (письмо, азбука глухонемых, формы учтивости, военные сигналы и пр.). Именно он первым предложил выделить науку о жизни знаков в обществе — семиологию (*semeion* — по-гречески ‘знак’).

Семиология, по мнению Соссюра, должна входить в социальную психологию как раздел общей психологии (позднее эту науку стали называть семиотикой).

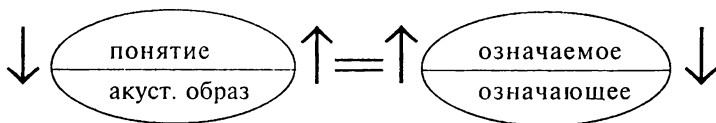
Определение языка как системы знаков было направлено и против индивидуализма младограмматиков, и против понимания языка как организма сторонниками натурализма. Любая лингвистическая проблема, по Соссюру, есть, прежде всего, проблема семиологическая, так как большинство из свойств языка общие с другими знаками и лишь некоторые (во вторую очередь) специфичны. Семиологическое изучение языка, полагает Соссюр, поможет понять обряды, обычаи народов. Но главная цель лингвистики — отделить язык от других семиотических явлений и изучать его специфические свойства.

Таким образом, признав знаковую природу языка, Соссюр заложил основы семиологии — науки, изучающей все знаковые системы, функционирующие в обществе.

§ 50. Лингвистический знак. Теоретическая ценность лингвистического знака

«Язык — это система знаков, в которых единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной степени психичны», — утверждает Соссюр. Оба эти элемента находятся в мозгу, т.е. это психические явления. Они связаны по ассоциации у всех носителей языкового единства, что обеспечивает понимание. Сама вещь и звуки (относящиеся к области речи) не входят в знак. Языковой знак, по мнению Соссюра, соединяет не вещь и имя, но понятие и акустический образ.

Схематично лингвистический знак можно изобразить так:



Изображение показывает, что лингвистический знак двусторонен. Понятие без акустического образа относится к психологии. И только в соединении с акустическим образом понятие становится языковой сущностью. Акустический же образ не есть нечто звучащее, материальное, но лишь его отпечаток в сознании человека. Наиболее существенны в акустическом образе его отличия от других акустических образов. Акустические образы могут быть представлены на письме, знаки которого отпечатываются в сознании в виде зрительных образов, заменяющих акустические.

Языковые знаки, по Соссюру, *реальны*, так как имеют местонахождение в мозгу. Они-то и составляют предмет лингвистики языка. Языковые знаки — это, прежде всего, слова, нечто центральное в механизме языка. Но слова трудно определить, как и их части (в Казанской лингвистической школе их называли морфемами).

Нечёткость понятия *слова* заставила Соссюра сказать: «Не в слове следует искать конкретные единицы языка». Но всё-таки в качестве примеров лингвистических знаков Соссюр использует обычно слова.

Дав определение языковому знаку, Соссюр называет два определяющих признака, отличающих языковую систему от других знаковых систем и от общественных явлений: 1) произвольность и 2) линейность.

Произвольность знака Соссюр понимал широко — и как условность тоже, но чаще как немотивированность. По Соссюру, знак произволен, т.е. условен, не связан внутренними отношениями с обозначаемым предметом (ср. рус. *бык*, нем. *Ochs*). Таким образом, связь означаемого и означающего произвольна. Это проявляется в отсутствии мотивированности.

Значение произвольности, по Соссюру, огромно. Это свойство подчиняет себе всю лингвистику языка (формы учтивости тоже условны, но не в такой степени, как язык в целом). В языке мотивировано лишь небольшое количество звукоподражательных

слов и выражений (ср. рус. *кукареку*, *мяу-мяу*, *гав-гав*). Наличие мотивированных слов помогает в овладении языком.

Соссюр придаёт большое значение мотивированности, так как с нею связана морфологическая характеристика языка. Языки с максимальной морфологической мотивированностью Соссюр называет грамматическими, а с минимальной — лексикологическими. Между ними (двумя крайними полюсами) — два встречных течения. В истории языкознания наблюдаются постоянные переходы мотивированных знаков в произвольные. Языковые знаки отличаются от символов (знаков других семиотических систем) тем, что в символе сохраняется доля естественной связи с обозначаемым (символ справедливости, например, — весы, а не колесница; символ мира — голубь, а не ястреб).

В 1939 г. на страницах журнала «Акта лингвистика» прошла дискуссия о произвольности знака. Против учения о произвольности знака выступил французский учёный Эмиль Бенвенист. Он доказывал, что связь между понятием и акустическим образом не произвольна, а естественна, так как она необходима. Одна сторона знака не существует без другой. Но ученики Соссюра, Альбер Сеше и Шарль Балли, защищая теорию произвольности Соссюра, уточнили её: 1) знак произволен при выражении мысли и непроизволен при выражении чувств и эстетических впечатлений (А. Сеше); 2) при возникновении все слова мотивированы, а потом мотивированность утрачивается (как считает А.А. Потебня).

Споры о произвольности—непроизвольности лингвистического знака продолжаются до сих пор. Следствием произвольности является антиномия изменяемость/неизменяемость знака. Язык навязывается говорящему и даже массе, так как она следует традициям прошлого. И поскольку знак не знает иного закона, кроме закона традиции, он произволен. Однако истории языков дают примеры изменения обеих сторон языкового знака (и смысла, и звукового состава). Таким образом, в языке действуют факторы, приводящие к сдвигу означаемого и означающего именно потому, что между ними нет никакой необходимой связи и знак произволен. Развитие его происходит независимо от воли и сознания говорящего на основе произвольности знака в отличие от развития других социальных учреждений. Итак, в антиномии изменяемость/неизменяемость стихийно проявился диалектический подход Соссюра к языковому знаку.

Соссюр считал характерным признаком лингвистического знака **линейность**. Обозначающее представляет собою протяжённость, которая разворачивается во времени, т.е. линию. Акустические образы следуют один за другим в виде цепи и не могут возникать одновременно, как морские сигналы. Однако это положение Соссюра ещё более уязвимо: 1) линейность характеризует расположение звуков в слове, фразе, а для Соссюра были важны не звуки сами по себе, а их признаки; признаки же звуков предстают одновременно (мягкость, фрикативность, глухость и т.д.); 2) линейность свойственна речи и не может характеризовать знак как член системы. Вполне очевидно, что в учении Соссюра о линейности знака наблюдается смешение лингвистики языка с лингвистикой речи.

Центральное место в соссюровской концепции языка занимает **учение о теоретической ценности лингвистического знака** (или учение о значимости). Оно сложилось под влиянием идей политической экономии Адама Смита, Давида Рикардо, Карла Маркса. Понятие значимости (или ценности) лингвистического знака Соссюр связал с понятием лингвистического тождества, которое является относительным, а не абсолютным. Так, поезд «Женева — Париж» в 8 часов 45 минут для нас один и тот же поезд, говорит Соссюр, при разных составах и бригадах, так как важно для нас функциональное равенство предметов, их относительное тождество. Абсолютное, материальное тождество важно, например, при опознании краденого костюма. Относительное же тождество краденого костюма зависит от рыночных цен.

Слово определяется как лингвистический знак местом и функционированием в системе языка, в зависимости от других элементов системы. «Язык есть система чистых ценностей, ничем не определяемая, кроме как наличным составом членов, входящих в её состав», — утверждает Соссюр. Так, не важен материал, из которого сделаны шахматные фигуры, важна их ценность по условиям игры.

В силу того, что языковой знак произволен и двусторонен, Соссюр говорит о двух типах ценностей: 1) концептуальной и 2) материальной.

Концептуальная (понятийная) **ценность** связана с внутренней стороной знака, с означаемым. Она является лишь частью значения и не совпадает с ним полностью. Так, франц. *mouton* и англ. *sheep* обозначают 'баран' (т.е. значения у них равны), но

концептуальные ценности различны, так как во франц. языке *mouton* = ‘баран’ + ‘баранина’, а в англ. языке для значения ‘баранина’ есть особое слово — *mutton*.

Концептуальная ценность знака выявляется в пределах данной языковой системы с учётом слов того же семантического поля, синонимических и антонимических рядов. Концептуальная ценность характеризует и грамматику. Так, русское мн. число отличается от старославянского, ибо является членом двоичного противопоставления (ед. ↔ мн.), а не троичного (ед. ↔ дв. ↔ мн.). Следовательно, концептуальные ценности чисто дифференциальны, значит, «определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими членами системы», утверждает Соссюр.

Материальная ценность — это различие акустических образов, или означающих (так, в словах *жёны* — *жён* в род. падеже мн. числа нет окончания как положительного материального элемента, а суть постигается сопоставлением с другими формами. (На этом и строятся учение Фортунатова—Уитни о нулевой форме и учение Бодуэна де Куртенэ о морфологическом нуле.)

Противопоставление важно для всех элементов языка, включая фонемы. Так, французское *r* можно произнести и как раскатистое *r*, и как *ch*. В немецком же языке такие вольности недопустимы, ибо там *r* и *ch* — самостоятельные элементы звуковой системы, обладающие смыслоразличительной функцией (ср. *Rabe* — ‘ворон’, *habe* — ‘имею’).

Это учение Соссюра было направлено против младограмматиков, которые всегда устанавливали тождество звуков при сравнительно-историческом исследовании языка. Именно в полемике с младограмматиками Соссюр рассматривает язык как систему чистых ценностей, гипертрофируя одну из сторон этого сложного явления.

Для доказательства своего тезиса «**Язык — система чистых ценностей**» Соссюр обращается к проблеме **язык и мышление**. Мышление, не выраженное словами, смутно, бесформенно, и звуковая цепь не членится без соединения со смыслом. Соединение мышления со звуком приводит к разграничению единиц. Соссюр уподобляет язык листу бумаги, где лицевая сторона — мысль, а оборотная — звук, но они неотделимы друг от друга. Лингвист работает в пограничной области, где сочетаются элементы обоих порядков. И при анализе надо идти от целого к отдельным элементам.

§ 51. Учение о языке как системе

В IV главе 2-й части «Курса общей лингвистики» Соссюра содержится тезис: «**В языке нет ничего, кроме различий**». Это полемическое высказывание было подхвачено многими структуралистами и абсолютизировано. Сам Соссюр признавал и положительные элементы, которые противопоставлены. Так, если и означаемое, и означающее дифференцированы и негативны, то их сочетание — лингвистический знак — есть положительное явление, имеющее место в сознании говорящих.

Стремление Соссюра убедить своих студентов в необходимости нового подхода к языку заставляла его постоянно подчёркивать системность языка и говорить о роли различий в этой системности: «И идея, и звуковой материал менее важны, чем то, что есть кругом него в других знаках». Так, значимость может изменяться при сохранении обеих сторон знака, если изменяется другой член (при утрате дв. числа, например, изменяется значимость ед. числа и мн. числа).

Заслуга Соссюра состоит в том, что он по-настоящему оценил роль отношений в языке: «в каждом данном состоянии языка всё покоится на отношениях». Правда, он преувеличивал их роль, говоря, что отношения, т.е. понятие значимости, «покрывает и понятие единицы, и понятие конкретной языковой реальности». Языковую систему Соссюр рассматривал как математически точную и уподоблял её алгебре, геометрии; он и пользовался терминами математики (*член, элемент*).

Системность языка проявляется, говорит Соссюр, на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Система языка обладает двумя свойствами: она 1) **находится в равновесии** и 2) **замкнута**. В ней обнаруживается два типа отношений: синтагматические и ассоциативные. (Крушевский называл такие отношения ассоциациями по смежности и ассоциациями по сходству.) Эти типы отношений соответствуют двум формам нашей умственной деятельности.

Синтагматические отношения возникают, когда элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяжённость, можно назвать **синтагмами**. Синтагма всегда состоит как минимум из двух следующих друг за другом единиц (морфем, слов, словосочетаний, предложений). В 1940—1950-е гг. к синтагмам стали относить и сочетания фонем. Член синтагмы получает значимость в меру своего

противопоставления тому, что с ним соседствует. Это отношения по смежности.

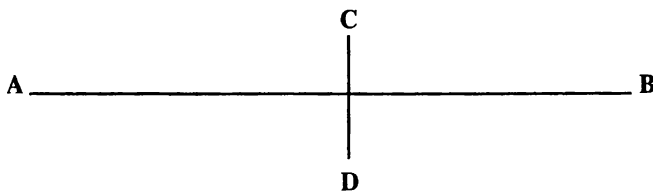
Соссюр понимал, что синтагмы — это факты речи, поэтому говорил, что язык включает лишь «модели» синтагм, наполнение которых зависит от индивида.

Ассоциативные (термин Соссюра), или парадигматические (новый термин) **отношения** возникают вне процесса речи, в мозгу человека на том основании, что слова, имеющие нечто общее, ассоциируются в памяти. По сходным чертам они могут объединяться в группы (например, по общности корня или суффикса; по общности грамматических форм). Эти отношения не опираются на протяжённость, локализуются в мозгу и принадлежат языку.

Синтагматические и ассоциативные отношения в их совокупности, по Соссюру, определяют каждый язык: они объединяют фонетику, лексику, морфологию, синтаксис в единое целое. С этими двумя типами отношений и связана лингвистическая методика Соссюра — целое разлагать на части на основе синтагматического и ассоциативного сравнения.

§ 52. Учение о синхронии и диахронии

Если первый перекрёсток на пути лингвиста — противопоставление лингвистика языка/лингвистика речи, то второй — **синхрония/диахрония**, т.е. изучение языка в момент состояния (покоя) и в развитии (ср. статику и динамику Бодуэна де Куртенэ). Эта двойственность присуща всем наукам, занимающимся значимостями, или ценностями (политэкономии, экономической истории), в том числе и лингвистике. И там, и там речь идёт о системе эквивалентностей между вещами различной природы: в политической экономии — между трудом и заработной платой, в лингвистике — между означаемым и означающим. Соссюр предлагает для наглядности рисунок, на котором пересекаются 1) ось одновременности (AB) и 2) ось последовательности (CD):



Ось одновременности (АВ) касается отношений между сосуществующими последовательностями, где исключено всякое вмешательство времени. На *оси последовательности* (СД) располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями, на ней никогда нельзя рассматривать больше одной вещи сразу.

Понятие системы Соссюра связал только с синхронией, которая совпадает с осью одновременности. В диахронии (совпадающей с осью последовательности), по его мнению, происходят лишь смещения, которые могут привести к изменению системы. Переход от одного состояния системы к другому — результат диахроничных смещений отдельных членов.

Часто Соссюра обвиняют в отрыве синхронии от диахронии (иными словами, в неисторичности его теории). Но Соссюр прекрасно понимал их зависимость и себя называл прежде всего историком языка. На многих примерах он показал самостоятельность синхроничного и диахроничного анализа и их взаимосвязанность, подчёркивая их диалектическое единство и различия. Но при этом он постоянно напоминал студентам, что «современная лингвистика, едва возникнув, с головой ушла в диахронию» и пренебрегла синхронией. Вот почему синхроничный аспект для Соссюра был более важен. К тому же, добавлял учёный, «для говорящих только он (синхроничный аспект) — подлинная и единственная реальность».

Если лингвистика языка находится в области синхронии, говорит Соссюр, то лингвистика речи — в области диахронии. Диахронические исследования возможны в проспективном и ретроспективном планах (можно предсказать развитие языка или заниматься реконструкцией праязыка). Лингвистику, которая должна заниматься состоянием языка, Соссюр предлагает называть статической лингвистикой, или *синхронической*, а науку, которая должна описывать последовательные состояния языка, — эволюционной лингвистикой, или *диахронической*.

§ 53. Учение о внешней и внутренней лингвистике

Третье противопоставление Соссюра — разграничение внешней и внутренней лингвистики. К **внешней лингвистике** Соссюр относил всё то, в чём эта наука соприкасается с этнологией (все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы или цивилизации): отношения, существующие между

языком и политической историей (войны, колонизация, переселения народов); внутреннюю политику государства; уровень культуры; отношения между языком и церковью, языком и школой; географическое распространение языков и их дробление на диалекты. Язык и все эти факторы взаимно влияют друг на друга.

Но внутренний организм языка можно познать и без этих внешних факторов. **Внутренняя лингвистика** как раз изучает только саму языковую систему, отношения внутри неё. Соссюр сравнивает лингвистику с игрой в шахматы. То, что игра в шахматы пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; внутренним является всё то, что касается системы и правил шахматной игры. Если заменить фигуры из дерева фигурами из слоновой кости, такая замена будет безразлична для системы; но если уменьшить или увеличить количество фигур, такая перемена глубоко затронет «грамматику игры».

Каждой из лингвистик присущ свой особый метод, говорит Соссюр. Внешняя лингвистика может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стеснённой тисками системы. В отношении же внутренней лингвистики всё обстоит иначе. Здесь исключено всякое произвольное расположение материала, так как язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку. Соссюр отдаёт предпочтение внутренней лингвистике, ибо её недооценивали современные ему лингвисты.

При издании трудов Соссюра материал о различии внутренней и внешней лингвистики поместили в начале книги, и создалось впечатление, что для Соссюра эта антиномия — главная. Кроме того, Балли и Сеше закончили «Курс общей лингвистики» фразой, упомянутой выше: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассмотренный в самом себе и для себя».

Для Соссюра главным было противопоставление языка/речи, и перевес внутренней лингвистики в его «Курсе...» объясняется тем, что Соссюр начертил схему нового пути, по которому пошло языкознание XX в. Этот путь привёл к углубленному изучению внутренней лингвистики в плане синхронии. С деятельностью Соссюра связаны Женевская (Швейцарская) лингвистическая школа (Ш. Балли, А. Сеше, С.О. Карцевский, Р. Гёдель) и Парижская школа (А. Мейе, Ж. Вандриес, М. Граммон, М. Коэн). Обе эти школы можно назвать соссюрианскими.

С 1928 г. соссюрианство постепенно перерастает в *структурализм*, хотя само это название появляется лишь в 1939 г. На

знамени структурализма — основные тезисы Соссюра: язык/речь, синхрония/диахрония, внутренняя/внешняя лингвистика, системность и знаковость языка.

Вопросы для самоконтроля

1. Можно ли назвать состояние лингвистики в начале XX столетия кризисным? Если да, то почему?
2. Какие школы принято с 1975 г. называть неограмматическими? Что объединяет все эти школы? Какую роль сыграли они в истории языкознания?
3. Обрисуйте жизненный путь Фердинанда де Соссюра. Какие вехи в его судьбе вы считаете наиболее важными для него как лингвиста?
4. Каковы истоки идей Соссюра? Можно ли считать Соссюра компилятором чужих идей?
5. Почему первая книга Соссюра «Мемуар о системе гласных индоевропейского языка» была встречена младограмматиками недоброжелательно? Какое открытие совершил Ф. де Соссюр в своей первой книге?
6. Как появилась на свет книга «Курс общей лингвистики»?
7. Что нового внёс Соссюр в учение о речевой деятельности? В чём состоит суть дихотомии Соссюра язык/речь?
8. Почему Соссюр противопоставил внешнюю и внутреннюю лингвистику? Были ли у него основания отдавать предпочтение внутренней лингвистике?
9. Как Соссюр понимал синхронию и диахронию? Почему он отдавал предпочтение синхронической лингвистике?
10. Что представляет собой система языка в «Курсе общей лингвистики»? Какие отличительные черты приписывает ей Соссюр?
11. Дайте оценку соссюровской концепции языкового знака. Согласны ли вы с тем, что связь между означающим и означаемым языкового знака произвольна?
12. Чем концептуальная ценность языкового знака, по Соссюру, отличается от материальной ценности?
13. Дайте оценку тезису Соссюра «В языке нет ничего, кроме различий». Какие типы отношений в языке различал Соссюр?
14. Чем внутренняя лингвистика, по мнению Соссюра, должна отличаться от внешней?
15. Какие идеи Соссюра были взяты на вооружение структуралистами?
16. Оцените вклад Соссюра в мировое языкознание.

ЛИТЕРАТУРА

Основная

Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999; 3-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 103—150.

Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высш. школа, 1984. С. 6—30.

Виноградов В.В. Бодуэн де Куртенэ // История русских лингвистических учений. М.: Наука, 1978. С. 110—119.

Зубкова Л.Г. В. фон Гумбольдт // Общая теория языка в развитии: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 216—270; 289—400.

Кодохов В.И. Общее языкознание: Учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. С. 111—189.

Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 162—32.

Дополнительная

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: ИЦ «Академия», 2003. С. 405—521.

Березин Ф.М. Русское языкознание конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1976. С. 72—303.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию / Отв. ред. С.Г. Бархударов; Сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Будагов Р.А. Шухардт и проблема закона в лингвистике // Портреты языковедов XIX—XX вв.: Из истории лингвистических учений. М.: Наука, 1988. С. 209—237.

Будагов Р.А. Ф. де Соссюр в разных концепциях языка XX в. // Портреты языковедов XIX—XX вв.: Из истории лингвистических учений. М.: Наука, 1988. С. 177—209.

Зализняк А.А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 289—301.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. 3-е изд. Ч. I. С. 233—464.

Крысин Л.П. И.А.Бодуэн де Куртенэ и отечественная социолингвистика // И.А.Бодуэн де Куртенэ. Учёный. Учитель. Личность: Доклады науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия» / Под ред. Т.М. Григорьевой. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2000. С. 105—109.

Лафарг П. Язык и революция: Французский язык до и после революции / Пер. с фр. А.А. Реформатского. М.: Academia, 1930.

Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990; 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 151—153; 209—210; 273—275; 317—318; 482—483; 561—562; 594—595.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: Изд-во иностр. лит., 1954.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Соцэкгиз, 1938.

Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII — начала XX вв.: Справочное пособие. М.: Флинта: Наука, 2001. С. 201—224; 239—250; 251—276.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 31—274.

Томсен В. История языковедения до конца XIX в. М.: Учпедгиз, 1938. С. 92—108.

Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды: В 2 т. М.: Госучпедгиз, 1956—1957.

Холодович А.А. О «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 9—29.

Хрестоматия по истории русского языкознания: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Под ред. Ф.П. Филина. М.: Высш. школа, 1973. С. 135—160.

Шарадзенидзе Т.С. Лингвистическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и её место в языкознании XIX—XX веков. М.: Наука, 1980.

Шухардт Г. Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию: Пер. с нем. / Ред., предисл. и примеч. Р.А. Будагова. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 23—55.

Шухардт Г. О фонетических законах // Избранные статьи по языкознанию: Пер. с нем. / Ред., предисл. и примеч. Р.А. Будагова. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 23—55.

Щерба Л.В. И. А. Бодуэн де Куртенэ (Некролог) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 381—394.

Энциклопедический словарь юного филолога / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 140—141, 213, 279, 280, 278—279.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Глав. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1998. С. 165—166; 632—641.

РАЗДЕЛ V

СТРУКТУРАЛИЗМ — ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ 1920—1960-х гг.

ГЛАВА I

Возникновение структурализма. Европейские структуральные школы

§ 54. Причины возникновения структурализма. Общие черты структуральных школ

Ю.Д. Апресян начинает свой краткий очерк о структурализме следующим образом: «Существует <...> предание о халифе Омаре, арабском завоевателе XII века. В одном из покорённых городов было найдено великое множество книг. Полководец спросил его, следует ли разделить книги, вместе с другой добычей, среди правоверных. Омар ответил: “Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, они вредны. Поэтому и в том и в другом случае их надо сжечь”» («Идеи и методы современной структурной лингвистики», 1966, с. 3).

Долгое время к структурной лингвистике в нашей стране относились так же, как халиф Омар к найденной библиотеке. Новые идеи структурной лингвистики были объявлены вредными, а все остальные положения — давно известными истинами, облачёнными в другой терминологический наряд. Запрет на структуральные исследования, негативная оценка зарубежных структуральных школ отразились на содержании вузовских учебников 1930—1950-х гг., отрицательно сказались на раз-

витии отечественной лингвистики. Лишь после смерти И.В. Сталина положение изменилось, и в СССР стали возможны структуральные исследования.

Сущность спора между структуралистами и сторонниками традиционного языкознания сводится к вопросу о том, может ли лингвистика стать точной наукой, или же она обречена оставаться гуманитарной дисциплиной. **Внутренней причиной**, породившей структурализм, как раз и была реакция на обычную описательную грамматику. Описательная грамматика накопила богатейший фактический материал, создала многочисленные теории языка, но не дала точных понятий о языковых объектах. Антуан Мейе, основоположник социологического направления во Франции, характеризуя состояние компаративистики второй половины XIX столетия, справедливо заметил: «В лингвистике имеется столько же разных лингвистик, сколько есть лингвистов».

Критический и конструктивный пересмотр оснований описательной сравнительно-исторической грамматики неограмматическими школами (Казанской, Московской, Женевской), Фердинандом де Соссюром, в конце концов, привёл мировое языкознание к структурализму.

Но существовали и **внешние стимулы**, способствовавшие развитию структурной лингвистики. Это крупные технические достижения последних десятилетий XIX — начала XX в., и, прежде всего, создание быстродействующих электронно-вычислительных машин. Эффект этого технического достижения был двойным:

1) возникло так называемое информационное дело, с машинным переводом, автоматическим реферированием текстов, созданием всевозможных каталогов и т.д. Необходимость анализировать, систематизировать, извлекать нужные сведения в огромном информационном потоке, который обрушился на человека в эпоху НТР, поставила перед лингвистикой новые задачи;

2) появилась возможность механизировать трудоёмкие, но не требующие значительных творческих усилий лингвистические работы (сплошное обследование больших массивов текста, составление частотных и обратных словарей, создание баз данных, необходимых для научного анализа, и пр.).

Однако для того чтобы воспринимать, хранить, выдавать или обрабатывать информацию, переводить текст на другой язык,

машина должна знать язык. Иными словами, человек должен был вступить в общение с машиной и научить её языку в понятном для неё виде, т.е. *формально*. И традиционная лингвистика оказалась беспомощной в сложившейся ситуации, ибо её знания о языке не были точными, не были *формальными*. Значит, и **внешние факторы** стимулировали в языкознании более точное описание языка, понятное не только человеку, но и современным компьютерам.

Новос направление лингвистики, пришедшее на смену сравнительно-историческому языкознанию в первой половине XX в., стало называться **структуральным** и отразило тем самым важнейшую, с точки зрения его представителей, сторону языка — его *структуру*, на изучении которой и должно было сосредоточиться языкознание. Это мощное лингвистическое направление представлено несколькими школами, сформировавшимися в разных странах мира. Крупнейшие из них — Пражский лингвистический кружок (ПЛК), иначе называемый Школой функциональной лингвистики; датский, или копенгагенский, структурализм (глоссематика); американская дескриптивная лингвистика (Йельская школа); английский структурализм (Лондонская школа). Советская структуральная школа возникла позже, в 1956 г., и почти сразу слилась с инженерной лингвистикой и математической лингвистикой.

Все структуральные школы взяли на вооружение основные идеи Фердинанда де Соссюра. Именно его структуралисты считают своим предтечей, называя иногда рядом с ним главу Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэна де Куртенэ. Но было бы несправедливо забывать и о других предшественниках структурализма — о российских учёных Ф.Ф. Фортунатове, Н.В. Крушевском, Л.В. Щербе и др., чьи научные труды также готовили почву для возникновения структурального направления.

Несмотря на разные акценты, которые делают представители той или иной структуральной школы в своих лингвистических исследованиях, их объединяет целый ряд установок:

1) все школы структурализма разграничивают *синхронию* и *диахронию* и сосредотачиваются в основном на изучении синхронического состояния языка;

2) все структуральные школы разделяют взгляды Соссюра на *язык* и *речь*, но иногда применяют для этой пары понятий другие термины;

3) все они признают *системность* языка и изучают главным образом *отношения* элементов этой системы;

4) все структуралисты признают *знаковый* характер языка и анализируют единицы языка как знаки;

5) лингвистическое описание они строят на основе общих методологических требований: а) формальности, б) простоты, в) последовательности и г) объективности.

Итак, структуралисты исходят из того, что язык — это система знаков, тесно связанных между собой различными отношениями, и изучать его следует преимущественно в синхроническом плане новыми, формальными методами, совсем не похожими на сравнительно-исторический метод.

§ 55. Пражский лингвистический кружок



Структурализм впервые идейно и организационно оформился в Праге, в столице нынешней Чехии. Его ядром стал Пражский лингвистический кружок, возникший в 1926 г. Главой пражского структурализма стал **Вилем Матезиус** (1882—1945), германист, фонолог, синтаксист, который тесно сотрудничал в это время с русским лингвистом Романом Осиповичем Якобсоном (1896—1982), эмигрировавшим из России в 1921 г. и работавшим в Праге. В кружок вошли ученики В. Матезиуса Йозеф Ва-

хек (1909—1996), историограф школы; фонолог, грамматист Богумил Трнка (1895—1984); стилист Богуслав Гавранек (1893—1978); специалист по типологии языков Владимир Скаличка (1908/09—1991) и другие чешские и словацкие исследователи.

К деятельности Пражского лингвистического кружка примкнули, кроме Р.О. Якобсона, другие учёные-эмигранты из России: Сергей Осипович Карцевский (1884—1955), преподававший с 1925 г. в Женеве, и Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938), который жил в Вене. Школа почти сразу стала интернациональной. Сотрудничали с пражцами австрийский психолог Карл Людвиг Бюлер (1879—1963), англичанин Дэниэл Джоунз (1881—1967), синтаксист из Голландии Алберт

Виллем де Гроот (1892—1963), польский языковед Витольд Ян Дорошевский (1899—1976), французские структуралисты Андре Мартине (1908—1999) и Люсьен Терньер (1893—1954). Поддерживали научные контакты с ПЛК и советские учёные: Григорий Осипович Винокур (1896—1947), Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938), Николай Николаевич Дурново (1876—1937), Юрий Николаевич Тынянов (1894—1943), Борис Викторович Томашевский (1890—1957). Наряду с исследователями из Европы, Англии и Америки, они выступали на заседаниях ПЛК, представляли результаты своих исследований на страницах его периодических изданий — в «Трудах Пражского лингвистического кружка», которые печатались на французском языке, и в журнале «Slovo a slovesnost» (с 1935 г.).

Расцвет научной деятельности кружка приходится на 1930-е гг., и продолжалась эта деятельность до начала Второй мировой войны (к этому времени вышло восемь выпусков «Трудов Пражского лингвистического кружка»). После войны активность Пражской школы угасла, хотя формально кружок прекратил своё существование позднее — в 1952 г.

Открыто о своих взглядах пражские структуралисты заявили на I Международном съезде славистов, к началу работы которого (в 1929 г.) они подготовили «Тезисы», где изложили свои общетеоретические взгляды на язык и предложили собственную, новаторскую программу фонологических исследований. Лингвистическая концепция ПЛК была направлена против принципов и методов младограмматизма. Членов кружка не устраивало то, что все языковые явления в XIX в. лингвисты рассматривали исключительно с исторических позиций. И даже в том случае, когда изучались живые диалекты, итоги наблюдений использовались по преимуществу в историко-сопоставительных целях. Кроме того, серьёзные возражения у членов кружка вызывало изолированное рассмотрение младограмматиками языковых фактов, что не позволяло им, по мнению пражских структуралистов, понять, какие функции выполняет язык в процессе общения.

Своеобразие лингвистической концепции Пражского лингвистического кружка, отличающее его от всех других структуральных школ, заключалось в творческом, не догматическом освоении «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, с одной стороны, и следовании лучшим традициям русской лингвистической мысли, с другой. Идеи, заложенные в трудах И.А. Боду-

эна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, раннего Л.В. Щербы и других русских учёных и развитые пражскими структуралистами, помогли им избежать многих крайностей в решении общетеоретических и частных лингвистических проблем, которыми «переболели» практически все прочие структуральные школы.

Так, признав все соссюровские антиномии: *языка/речи, синхронии/диахронии, внутренней/внешней лингвистики, означающего/означаемого*, — пражские структуралисты не абсолютизировали ни одной из них. На противопоставление *языка и речи* (системы и процесса, нормы и речевой деятельности) Н.С. Трубецкой опирался при создании своей фонологической теории, предопределившей чёткое разделение фонетики и фонологии. Однако сам Трубецкой постоянно подчёркивал тесную связь между этими дисциплинами и единицами, которые эти дисциплины изучают.

Неожиданное развитие получила в трудах пражских структуралистов антиномия *синхронии и диахронии*. Они отвергли положение Соссюра о неизменяемости системы языка в условиях синхронии. В «Тезисах», обнародованных на I Международном съезде славистов, опираясь на учение И.А. Бодуэна де Куртенэ, пражские структуралисты заявили: «Синхроническое описание не может целиком исключить понятие эволюции, так как даже в синхронически рассматриваемом секторе языка всегда налицо сознание того, что существующая стадия сменяется стадией, находящейся в процессе формирования» («Пражский лингвистический кружок», 1964, с. 18). Кроме того, они выдвинули положение о равноправности синхронного и диахронного аспектов изучения языка, хотя и подчёркивали достоинства первого: «Лучший способ для познания сущности и характера языка — это синхронный анализ современных языков. Они являются единственными данными, представляющими исчерпывающий материал и позволяющими составить о них непосредственное представление» (Там же, с. 17—18).

Проблема взаимоотношения *внутренней и внешней лингвистики* связана в трудах пражских структуралистов, по справедливому замечанию Н.А. Кондрашова, с концепцией Соссюра «лишь терминологически» («История лингвистических учений», 1979, с. 120). Они не ставили своей задачей изучать язык только «в самом себе и для себя», признавали связь языка с внеязыковой действительностью, видели в языке его социальную

природу и никогда не забывали о прочной смысловой связи слов и «языковых высказываний» с явлениями действительности.

Учение о языке как знаковой системе тоже было воспринято пражскими структуралистами по-своему. Признание знаковости языковой системы, как правило, сопровождается признанием немотивированности отношений между звуковой формой знака и его значением. Учёные ПЛК делили языковые знаки на произвольные и естественные. У естественных знаков они отмечали внутреннюю мотивировку звуковой формы. Анализ формальной и смысловой стороны языкового знака привёл их к выводу об **асимметричном дуализме** данного явления. Означающее (звучание) и означаемое (функция), считают пражские структуралисты, постоянно стремятся нарушить разделяющую их границу. Означающее стремится приобрести другие функции, а означаемое пытается завладеть другими средствами выражения. Особенно ярко это проявляется через полисемию, омонимию и синонимию. Полисемия и омонимия свидетельствуют о стремлении означающего приобрести новые функции, а синонимия — о стремлении означаемого приобрести новые средства выражения (например, синонимы *посыльный, нарочный, курьер, гонец* обозначают того, кого посылают куда-либо с каким-либо поручением, известием и т.д.; у слова *круг* в четырёхтомном «Словаре русского языка» отмечено восемь значений). Эта асимметричность является стимулом для развития языковой системы, для её функционирования. По мнению пражских структуралистов, функционирование — основная отличительная черта языка как системы знаков. Понятие функции — одно из важнейших в концепции ПЛК. Не случайно Пражский лингвистический кружок иначе называют Школой функциональной лингвистики.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА

В отличие от датских структуралистов и отчасти Соссюра, пражские структуралисты подчёркивают связь языка со всей деятельностью человеческого общества. В «Тезисах» 1929 г. они сформулировали суть своего функционального подхода к изучению языка: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей

чёткостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу надо подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определённой цели» («Пражский лингвистический кружок», с. 17).

В тесной связи с учением о функциях языковых единиц Вилемом Матезиусом разрабатывалось учение об **актуальном членении предложения**. Именно Матезиус первым предложил этот термин, который прочно вошёл в лингвистику XX в. Согласно Матезиусу, **тема** (основа высказывания) выражает то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий, а **рема** (ядро) — то, что говорящий сообщает об основе высказывания. Концепция Матезиуса, изложенная в статье «О так называемом актуальном членении предложения» (см.: сб. «Пражский лингвистический кружок». М.: Прогресс, 1967) и в ряде других работ, была развита учёными-синтаксистами Европы и России (см. труды К.Г. Крушельницкой, О.А. Лаптевой, В.З. Панфилова, И.П. Распопова, Н.А. Слюсаревой и др.).

На знамени Пражского лингвистического кружка можно было бы написать два слова — *структура* и *функция*. Но понятие *функции* у пражских структуралистов было особым. Большинство структуралистов (наиболее ярко это проявилось у глоссематиков) функция языка рассматривалась по аналогии с математической функцией, ибо язык они расценивали как систему чистых отношений, в отвлечении от семантики. Члены ПЛК, напротив, употребляли термин *функция* тогда, когда речь шла о значении или о структуре смысловых единиц. Их интересовали не только отношения, но и сами языковые единицы, существующие в реальной жизни.

Различные цели обуславливают, с точки зрения пражских структуралистов, различные функции языка: социальную, т.е. функцию общения, и экспрессивную, т.е. функцию передачи чувств (ср. междометия, ругательства). Социальная функция может быть а) *собственно социальной*, направленной на содержание, и б) *поэтической*, направленной на форму того, о чём говорится. В общении людям помогает нелингвистический контекст (обстановка, тексты, прошлый опыт). В повседневной жизни мы пользуемся ситуативным, или *практическим* языком. Независимым от ситуации и наиболее полным является *язык науки* (те-

оретический язык, который выполняет научные, теоретические функции). Языковые функции (общения, экспрессии, поэтическая, теоретическая, практическая) могут переплетаться. Пражские структуралисты были убеждены в том, что каждая функция речевой деятельности имеет свою условную систему — язык в собственном смысле (или функциональный язык). Практически они заложили основы функциональной стилистики, которая изучает функциональные стили языка. Если для младограмматиков единственной реальностью был индивидуальный язык, то для ПЛК реальностью являются функциональные языки, и своё второе название — Школа функциональной лингвистики — сподвижники В. Матезиуса, Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого оправдывали в полной мере.

Пражский лингвистический кружок иначе относился и к литературному языку, чем все его предшественники-компаративисты. Если младограмматики считали литературный язык искусственным образованием, недостойным внимания лингвиста, то ПЛК говорит о творческом, прогрессивном характере литературного языка, особенно в синтаксисе и лексике. Литературный язык, утверждали пражские структуралисты, выполняет поэтические, научные, государственные функции; он обслуживает политику, науку, литературу, поэтому он не может быть искусственным, тем более консервативным образованием; литературный язык сложнее народного.

Члены ПЛК интересовались нормой языка. Они отстаивали право лингвистов на сознательное вмешательство в языковое развитие (чего не допускали младограмматики), занимались культурой речи, историей литературных языков. Под влиянием русской формальной школы (преимущественно ОПОЯЗа*) пражцы разработали понятие *автоматизации и актуализации* языковых средств. Так, они обратили внимание на то, что в поэтическом языке актуализируются, т.е. привлекают к себе внимание за счёт пробуждения исконных или этимологических значений, автоматичные (в практическом языке), со стёртыми метафора-

* Общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ) — научное общество, основанное в 1916 г. в Петрограде при участии В.Б. Шкловского, О.М. Брика, Е.Д. Поливанова, Р.О. Якобсона, Л.П. Якубинского и др. Позднее к ОПОЯЗу присоединились Б.М. Эйхенбаум и Ю.Н. Тынянов.

ми, звуковые средства (ср., например, у А.Н. Толстого актуализацию «автоматичного» оборота *берёт за сердце* 'трогает, волнует': «словно *беря рукой за сердце*»; или у А.С. Пушкина актуализацию глагола *заклевать* в словах Кочубея, обращённых к Мазепе из поэмы «Полтава»: «*Голубку нашу ты, старый коршун, заклевал*»).

Поэтический язык, говорили пражские структуралисты, как любой другой язык, — это общественное явление: в нём есть характерные условные средства, приметы эпох и направлений. Благодаря Школе функциональной лингвистики родилась новая наука — история литературных языков, которая достигла особых успехов в чешской и русской лингвистике.

УЧЕНИЕ О ФОНЕМЕ

Пражские структуралисты занимались, прежде всего, фонологией и лишь потом переносили основные теоретические положения из области фонологии в другие лингвистические сферы. Как и сторонники Казанской лингвистической школы, они проводили строгое разграничение между звуком и буквой, с одной стороны, и звуком и фонемой — с другой. Разграничение между звуком и фонемой было естественным следствием признания антиномии *язык и речь*.



Самые значительные фонологические исследования в ПЛК принадлежат **Николаю Сергеевичу Трубецкому** (1890—1938), одному из выдающихся лингвистов первой половины XX столетия. Трубецкого по праву можно назвать отцом современной фонологии. Выпускник Московского университета, воспитанный в традициях Фортунатовской школы, начинал Трубецкой как учёный в Москве, где вёл исследования в области этнографии, изучал кавказские и финно-угорские языки, зани-

мался славистикой. После эмиграции некоторое время он провёл в Болгарии, но в 1922 г. был избран профессором Венского университета, где проработал до конца своих дней, будучи активным участником ПЛК. Уже в 1920-е гг. от сопоставительного

языкознания Н.С. Трубецкой переходит к фонологии. В 1929 г. была опубликована его работа «О морфонологии», а в 1939 г., посмертно, на немецком языке вышла самая знаменитая работа Трубецкого, оказавшая огромное влияние на развитие мировой лингвистики, — «Основы фонологии» (на русский язык она была переведена Александром Александровичем Реформатским в 1960 г.).

Н.С. Трубецкой писал, что в языке есть общее и постоянное, и овладеть языком — значит, с помощью ограниченного числа средств выражать безграничное конкретное содержание и представления. Так и в сфере обозначающего: артикуляционные движения и соответствующие им звучания в речи бесконечно многообразны, а звуковые нормы ограничены. В звуковом речевом потоке нет чётких границ, но благодаря соотносению с элементами языковой системы в звуковой поток вносится порядок.

Науку о звуках речи Н.С. Трубецкой и другие члены ПЛК называли **фонетикой**, науку о звуках языка — **фонологией** (как Б. де Куртенэ, как Л.В. Щерба). Такое разграничение победило в мировом языкознании благодаря именно ПЛК. Оно сыграло положительную роль в развитии обеих наук, причём каждая из них, естественно, пользуется достижениями другой.

Трубецкой настаивал на том, что фонетист должен учитывать все признаки звуков, в то время как для фонолога большинство звуковых признаков совершенно несущественны, так как они не функционируют в качестве различительных признаков слов. Звуки фонетиста не совпадают поэтому с единицами фонолога. Фонолог должен принимать во внимание только то, что в составе звука имеет определённую функцию в системе языка.

Фонетическое описание — исходный пункт и материальная база фонологии, считал Трубецкой. Противопоставления типа *звонкий — глухой*, *твёрдый — мягкий* находятся в сфере фонологии, а сами понятия 'глухой', 'звонкий', 'твёрдый', 'мягкий' — в сфере фонетики. Трубецкой пишет, что контакт фонетики и фонологии необходим, несмотря на их принципиальную независимость. Но этот контакт нужен лишь на начальном этапе фонетических и фонологических описаний. На более высоких ступенях — систематике и комбинаторике — фонология совершенно не зависит от фонетики.

Трубецкой отвергает психологическое определение фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ (фонема — «психический эквивалент звука речи») и Л.В. Щербы («фонема — кратчайшее общее фонетическое представление, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова»). Он считает, что при определении фонемы не следует прибегать к психологии, так как фонема — языковое, а не психологическое понятие. Психологический подход ведёт к смешению звука с фонемой, что нередко наблюдается у Б. де Куртенэ. Но нам даны не звуки, а звуковой поток, и звуки можно выделить, лишь опираясь на фонемы (из которых состоят слова).

Отказавшись от психологического определения фонемы, сам Трубецкой даёт определение фонемы через систему языка. По его представлениям, **фонема — звук языка, а язык — система элементов**, следовательно, фонему надо определять как член системы. Система же покоится на понятии различий (или оппозиций, по Соссюру). И фонему Трубецкой определяет через оппозиции (отношения), т.е. как член фонологической оппозиции: «Звуковые противопоставления, которые могут дифференцировать значения двух слов данного языка, мы называем фонологическими (<...> или смыслоразличительными) оппозициями. Наоборот, такие звуковые противоположения, которые не обладают этой способностью, мы определяем как *фонологически несущественные*, или *несмыслоразличительные*» (Трубецкой Н.С. Основы фонологии, 1960, с. 38). Например, *море* — *Боре* (артикуляционные различия создают и акустические различия); *му́ки* — *муки́* (различия создаются за счёт разной интенсивности и длительности звучания). Каждая оппозиция образуется по крайней мере двумя членами: носовой-неносовой, ударный-безударный и т.д. Члены же фонологических оппозиций Трубецкой называет **фонологическими единицами**. Они могут быть разной длины. Но длинные единицы разлагаются на мелкие и, наконец, на неделимые, дальнейшее членение которых не может быть последовательным, но только одновременным. Так, единицы [n], [o], [g], [a] последовательному членению подвергнуться уже не могут.

Фонологическую единицу, которую с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, Трубецкой называет фонемой (Там же, с. 42). Несколько раньше аналогичное определение фонеме дал

русский учёный Николай Феофанович Яковлев (1892—1974), выдающийся фонолог, создатель письменностей для многих народов бывшего СССР. Однако определение Яковлева не стало достоянием европейской науки.

Признаки, которые входят в состав фонологических оппозиций, называются фонологически существенными. Другие признаки можно назвать фонологически несущественными. Таким образом, **фонему можно рассматривать**, в соответствии с концепцией Трубецкого, **как совокупность существенных фонологических признаков, свойственных данному звуковому образованию, а звук — как совокупность всех (существенных и несущественных) признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема**. Итак, фонема, по мнению пражских структуралистов, абстрактна. Она конструкт, она лишь реализуется в звуках речи, её вариантах.

Трубецкой даёт правила различения фонем и их вариантов, фонем и сочетаний фонем:

1) если два звука замещают друг друга в одной позиции, сохраняя значение слова, то это варианты одной фонемы (*в*лда — *вбды*);

2) если два звука в одной позиции изменяют значение слова, то это фонетические реализации двух разных фонем (*гол* — *кол*, *мол* — *мол*);

3) если два акустически и артикуляционно родственных звука никогда не встречаются в одной позиции, то это комбинаторные варианты одной и той же фонемы. Таковы, например, *г-г'* (ср. *варяга* при невозможности *г'а*); *и-ы* (ср. *игра* при невозможности *ыгра*).

Трубецкой решает трудности с дифтонгами и аффрикатами: они должны входить в один слог, иметь единую артикуляцию и не превышать длительности других фонем. Итак, фонологическое описание опирается на фонетические данные.

Трубецкой первым создал классификацию фонологических оппозиций, которую можно применить и к морфологии.

Оппозиции, по теории Трубецкого, бывают

- **одномерными** (их члены обладают каждый совокупностью только им присущих свойств и противопоставляются только по одному признаку). Ср. *т* ↔ *д* (оба согласных твёрдые, взрывные, зубные и противопоставляются только по одному признаку — глухости-звонкости), *с* ↔ *с'* (оба со-

гласных глухие, щелевые, зубные и противопоставляются только по одному признаку — твёрдости-мягкости);

- *многомерными* (их члены противопоставлены сразу по нескольким признакам, а общие признаки распространяются и на другие согласные. Ср. $\text{в} \leftrightarrow \text{д}$ (у членов оппозиции общий признак — звонкость — распространяется и на другие согласные, а противопоставлены они сразу по нескольким признакам: по способу образования, так как один из них щелевой, а другой — взрывной; по месту образования, так как один из них губно-зубной, а другой — зубной).

Трубецкой различает также **оппозиции**

- *пропорциональные* (когда отношения членов тождественны отношениям между членами других оппозиций той же языковой системы). Ср. $\text{с} \leftrightarrow \text{с}' = \text{т} \leftrightarrow \text{т}' = \text{з} \leftrightarrow \text{з}'$ и т.д., $\text{б} \leftrightarrow \text{п} = \text{в} \leftrightarrow \text{ф} = \text{д} \leftrightarrow \text{т}$ и т.д.;
- *изолированные* (аналогичных которым в системе языка нет). Ср. в русском языке оппозицию $\text{ц} \leftrightarrow \text{ч}$.

По отношениям между членами Трубецкой делил оппозиции на

- *привативные* (отрицающие признак): $\text{д} \leftrightarrow \text{т}$, $\text{д} \leftrightarrow \text{д}'$;
- *ступенчатые* (отражающие интенсивность проявления признака): о.-сл. $*\bar{\text{a}} \leftrightarrow \bar{\text{a}}'$, $\bar{\text{u}} \leftrightarrow \bar{\text{u}}'$;
- *равнозначные* (члены оппозиции равноправны): $\text{б} \leftrightarrow \text{д}$; $\text{ж} \leftrightarrow \text{з}$.

Особенно важны одномерные пропорциональные привативные оппозиции. Они образуют коррелятивные пары, а совокупность пар называется **корреляцией**. Так, в русском языке есть корреляции по глухости/звонкости: $\text{б}:\text{п}$, $\text{б}':\text{п}'$, $\text{в}:\text{ф}$, $\text{в}':\text{ф}'$, $\text{г}:\text{к}$, $\text{д}:\text{т}$, $\text{д}':\text{т}'$, $\text{ж}:\text{ш}$, $\text{з}:\text{с}$, $\text{з}':\text{с}'$ — и по мягкости/твёрдости: $\text{б}:\text{б}'$, $\text{п}:\text{п}'$, $\text{в}:\text{в}'$, $\text{ф}:\text{ф}'$, $\text{д}:\text{д}'$, $\text{т}:\text{т}'$, $\text{з}:\text{з}'$, $\text{с}:\text{с}'$, $\text{м}:\text{м}'$, $\text{л}:\text{л}'$, $\text{н}:\text{н}'$, $\text{р}:\text{р}'$.

Фонологически существенные противопоставления в некоторых позициях могут нейтрализоваться. Трубецкой и другие пражские структуралисты создали целое учение о *нейтрализации* на фонологическом, а затем и на морфологическом уровне. При нейтрализации фонемы перестают различаться, а иногда перестают различаться и целые слова: *розы* — *росы*, но [рос]. Совокупность смыслоразличительных признаков, общих для нейтрализующихся фонем, Трубецкой и Якобсон называли *архифонемой*. Например, з/с — твёрдая, щелевая, зубная архифонема; б/п — твёрдая, губная, взрывная архифонема.

Нейтрализация оказалась актуальной не только для фонологии, но и для морфологии. В русском языке, например, только творительный падеж образует постоянные оппозиции с другими падежами. Все же остальные падежи могут нейтрализоваться. Так, нейтрализуются им. и вин. падежи неодушевлённых существительных муж. и ср. рода во мн. числе (ср. *города разрушены — построить города, звенья не выдержали — укрепить звенья*), род. и вин. падежи одушевлённых существительных муж. рода в ед. и мн. числах (ср. *нет друга, друзей — повстречал друга, друзей; лишился коня, коней — купил коня, коней*). Прилагательные муж. и ср. рода, согласующиеся с одушевлёнными существительными, нейтрализуются в род., вин. и предл. падежах мн. числа (ср. *клетки красивых животных, диких слонов; увижу красивых животных, диких слонов; вспоминаю о красивых животных, о диких слонах*).

Нейтрализация указывает на близость противоположных членов в системе. Так, например, члены оппозиций *глухие/звонкие* и *мягкие/твёрдые* ближе друг к другу, чем члены оппозиции *щелевые/смычные*, которые не могут нейтрализоваться (з:с и з:з' ближе друг к другу, чем з:д, в:п). Почти половина книги Трубецкого «Основы фонологии» посвящена описанию смысловозначительных признаков фонем.

Теоретический прогресс в фонологии 1940—1950-х гг. выразился в переносе центра тяжести на изучение дифференциальных признаков фонем. Значительную роль в развитии фонологии этого периода сыграл другой член Пражского лингвистического кружка — **Роман Осипович Якобсон** (1896—1982). Он начинал как поэт, исследователь народной поэзии; с 1915-го по 1919 г. был членом Московского лингвистического кружка. Исторической фонологией он начал заниматься уже в эмиграции, с 1927 г. Именно благодаря Р.О. Якобсону **фонема** понимается сейчас не как мельчайшая единица фонологической оппозиции, а как **пучок дифференциальных признаков**. После оккупации Чехословакии фашистами Якобсон уехал в США, где в 1941 г. опубликовал работу «Детский язык, афазия и общие звуковые законы», а в 1952 г. — «Введение в анализ речи». В 1956 г. он издал «Основы языка» в соавторстве с Гуннаром Фантом (р. 1919) и Моррисом Халле (р. 1923).

Особый научный и практический интерес представляет **дихотомическая фонология** Якобсона — Фанта — Халле, которые для сопоставления разных фонологических систем создали уни-

версальную систему измерений. Она представляет собой набор универсальных фонологических признаков, которые могут проявляться или не проявляться в различных языках мира. И каждый признак имеет лишь два значения — *да* или *нет* (т.е. либо фонемы с этим признаком в системе есть, либо нет). Комбинации таких универсальных признаков дают любую фонему любого языка. Особенность этой системы-шкалы — двоичность, бинарность, потому-то она и получила название *дихотомической*. Фонологические различительные признаки выделяются на основе артикуляции и особенностей акустики звуков. Теория Якобсона — Фанта — Халле опирается на успехи акустической фонетики 1940-х гг. и теории связи.

Дихотомическая система фонологических измерений выглядит так:

1) *вокальность* — *невокальность* (т.е. является или не является звук гласным, при этом к гласным относятся и плавные согласные, ибо вокальность характеризуется наличием тона);

2) *консонантность* — *неконсонантность* (т.е. присутствует ли шум при образовании звука, иными словами — шумный или нешумный это согласный);

3) *компактность* — *некомпактность*, или *диффузность* (компактные согласные образуются в задней части полости рта, а некомпактные имеют большой ротовый резонатор, ибо образуются в передней части полости рта);

4) *напряжённость* — *ненапряжённость*;

5) *назальность* — *неназальность* (т.е. участвует или нет носовая полость в образовании звука);

6) *звонкость* — *глухость*;

7) *прерывность* — *непрерывность*, иначе: *длительность* — *недлительность* (т.е. взрывность или фрикативность);

8) *глоттализированность* — *неглоттализированность* (т.е. участвует гортань в образовании звука или нет);

9) *низкие* — *высокие* (низкие образуются в большей по объёму и менее расчленённой области, высокие — в меньшей по объёму и более расчленённой области);

10) *бемольные* (губные, лабиализованные) — *простые*;

11) *диззные* — *простые* (мягкие — немягкие);

12) *яркость* — *тусклость*.

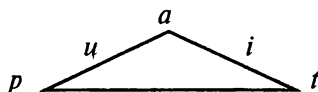
Эти **признаки относятся к внутренним** фонологическим, однако опираются при этом авторы дихотомической шкалы на

акустические признаки звуков, **через** которые фонемы проявляют себя в речевом потоке. Помимо **внутренних** фонологических признаков, пражские структуралисты описывают **внешние признаки** фонем. Иначе их называют просодическими, или ритмико-интонационными признаками. К ним относятся признак тона (музыкальность), признак силы (ударность—безударность), признак количества (долгота—краткость). Якобсон и Фант довели количество дифференциальных фонологических признаков до 16. Все 16 признаков ни в одном языке мира не реализуются. Для описания фонологической системы русского языка, например, вполне достаточно 11 признаков.

Иногда дихотомическую теорию Якобсона — Фанта — Халле оценивают лишь как удобную схему для синхронного описания языковых явлений. Но это несправедливо. Она оказалась практически применимой при объяснении многих фактов диахронической фонологии, при анализе детской речи, при лечении афазии (утраты способности говорить вследствие какой-либо болезни).

Дети на всём земном шаре в возрасте трёх-четырёх лет начинают *лепетать* — произносить самые различные звуки. Детский лепет у всех народов мира одинаков: это шипящие, свистящие, щёлкающие, гортанные, всхлипывающие и прочие звуки — их тысячи. Но проходит время, и дети, которые одинаково лепетали, как сквозь сито, просеивают звуки и начинают говорить на языке своих родителей, т.е. из тысяч звуков отбирают от 12 до 80 (в среднем — 30—40 фонем). Так, в австралийском племени аранта остаётся только 13 фонем — 3 гласных и 10 согласных, в гавайском языке — 12 (5 гласных и 7 согласных), в языке кавказской народности убисов, эмигрировавших век назад в Турцию, 84 фонемы — 2 гласных и 82 согласных. На Кавказе есть языки с множеством придыхательных, гортанных, жужжащих, щёлкающих звуков; в языке бушменов много щёлкающих, «всасывающих», «поцелуйных» звуков. Большинство из них образуется при вдохе. Такие звуки называются *кликсами* (в отдельных говорах их до 30). Международный фонетический алфавит, используемый для транскрипции, насчитывает около 100 знаков. Для описания самых разнообразных звуков, встречающихся в языках мира, используется таблица, в основе которой лежит дихотомическая система Якобсона — Фанта — Халле из 16 признаков. Оказалось, что не существует ни одной фонемы, которая была бы общей для всех языков мира.

По Jakobсону, первая оппозиция в детской речи — *вокальность-невокальность*. Не случайно одна из первых пар фонем, которую усваивают дети всех стран мира $*a \leftrightarrow p$ (т.е. идеальный гласный и идеальный согласный). Затем в детской речи актуализируется пятый признак (*назальность-неназальность*: ротовос), и дети отличают слоги ПА, МА; потом или одновременно с пятым признаком усваивается признак *высокий-низкий*, и появляется первичный треугольник ротовых фонем: [a], [u], [i], [p], [t]:



При афазии более поздние признаки разрушаются гораздо быстрее, а первые признаки сопротивляются дольше. Детская речь также подтверждает распространённость дифференциальных признаков среди языков мира. Первые признаки (вокальность—невокальность, консонантность—неконсонантность, компактность—диффузность, назальность—неназальность) характерны для всех языков мира. Вероятно, исторически они появились раньше.

В учении Трубецкого—Jakобсона применительно к фонологии и морфологии разрабатывалась проблема **маркированности—немаркированности** членов оппозиции. Это естественное развитие идеи нейтрализации фонем. Согласно этому учению звук с наибольшим распространением должен быть немаркированным. Например, оглушение в русском языке происходит чаще, чем озвончение перед шумным звонким согласным. Кроме того, действует закон конца слова (оглушение конечного согласного). Следовательно, применительно к русскому языку глухой согласный — немаркированный член оппозиции *глухой-звонкий*.

ОППОЗИЦИИ В МОРФОЛОГИИ

Основной единицей морфологической системы языка в трудах ПЛК признаётся *морфема*. По аналогии с фонемой, морфема определяется как пучок элементарных морфологических оппозиций, признаков, сем. Так, например, окончание *-им* в гла-

голе *ход-им* разлагается на семы а) числа (ср. *хож-у*), б) времени (ср. *ходи-л-и*), лица (ср. *хóд-ите*) и т.д.

Ещё в 1930-е гг. были сделаны первые попытки перенести учение о дифференциальных признаках фонем в морфологию. Первым решился на это Р.О. Якобсон, опубликовав в 1936 г. «Очерк общего учения о падеже», где к дифференциальным признакам падежа отнёс:

- направленность на предмет или от него;
- объёмность (предмет в разном объёме участвует в действии);
- периферийность (второстепенная роль предмета в высказывании).

Этот компонентный анализ ещё недостаточно объективен и совершенен, так как в грамматике больше единиц, и опора на смысл приводит к субъективности.

Но и в грамматике можно опираться на нейтрализацию и средства грамматического выражения, например, при определении маркированных и немаркированных членов оппозиции. Так, жен. род — маркированный член оппозиции, ибо имеет особый суффикс или встречается в речи реже: *поэт — поэтесса, директор — директриса, секретарь — секретарша, врач — простор. врачиха*. При нейтрализации всегда выступает муж. род. (Ср. *Я был у врача. Она выписала мне новое лекарство*). Немаркированным членом оппозиции является ед. число, а мн. число — маркированным, так как у мн. числа есть особые формальные показатели (*стул — стулья, рог — рога*); кроме того, ед. число может быть безотносительным к числу предметов (например, *Рыба шла косяком*). В оппозиции *совершенный вид — несовершенный вид* маркированным является совершенный вид, ибо обычно он имеет свои формальные показатели и употребляется реже, чем несовершенный вид: *делать — с-делать, толкать — толкну-ть*.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Пражские лингвисты занимались проблемой типологической классификации языков мира. Автором оригинальной типологической классификации стал Вилем Матезиус. Он предлагал выявить наиболее оригинальные черты каждого языка и таким образом создать *характерологическую* классификацию. Эти оригинальные черты можно выявить,

1) сравнивая состав гласных и согласных фонем. При этом сравнении выявляются *вокалические и консонантные языки*. Так, польский, русский, лужицкий — консонантные языки, ибо в польском языке, например, гласные составляют только одну восьмую часть фонологической системы, в русском примерно такое же соотношение. Наиболее яркий консонантный язык — убыйский, где на две гласных приходится 82 согласных. А вот сербский и хорватский относятся к вокалическим языкам, ибо в них из 48 звуков 24 — это гласные или сонорные согласные. К вокалическим относится и гавайский язык, в котором семь согласных (ch, k, l, m, n, p, w) и пять гласных. Вокалическими были индоевропейский и праславянский (начальной эпохи) языки;

2) сравнивая системы словоизменения. При сравнении системы словоизменения В. Матезиус выделил языки *вербальные* (с развитым спряжением) и *невербальные* (с развитым склонением и слабым спряжением). К вербальным, например, относятся болгарский, романские, многие германские языки.

Развивая идеи Матезиуса, американский учёный Джозеф Гринберг выделил третий принцип для обнаружения характерологических черт языков мира — **квантитативный**, с помощью которого выявляется *индекс синтетичности*. При этом число морфем в тексте делится на число слов. Чем больше получится число в результате такого деления, тем более синтетичен язык. Так, например, в строфе из поэмы «Полтава» А.С. Пушкина *«Тиха украинская ночь. / Прозрачно небо. Звёзды блещут. / Своей дремоты превозмочь / Не хочет воздух. Чуть трепещут / Сребристых тополей листы. / Но мрачны странненькие мечты / В душе Мазепы: звёзды ночи / Как обвинительные очи, / За ним насмешливо глядят. / И тополи, стеснившись в ряд, / Качая тихо головою, / Как судьи, шепчут меж собою. / И летней, тёплой ночи тьма / Душна, как чёрная тюрьма»*, подсчитав количество морфем (118) и разделив его на число слов (56), мы получим индекс 2,1. Если взять отрывок больше, то этот индекс уточнится до 3. Значит, русский язык относится к синтетическим языкам. У аналитических языков индекс синтетичности приближается к 1, поскольку количество слов, как правило, совпадает с количеством морфем. К таковым можно причислить, например, китайский и другие изолирующие языки.

Член ПЛК Владимир Скаличка, продолжая характерологическое изучение языков мира, предлагал учитывать системный их характер и наличие взаимосвязанных явлений. Так, если в языке различаются совершенный и несовершенный вид, то непременно будущее время имеет и синтетическую (простую) форму, и аналитическую форму; если есть местоимения 1-го и 2-го лица, то должны быть местоимения 3-го лица.

С 1920-х гг. при описании родственных и неродственных языков пражские структуралисты начинают использовать методы лингвистической географии. Первым выдвинул концепцию *языковых союзов* Н.С. Трубецкой. Он же первым описал балканский языковой союз и евразийский. Его идеи развил Р.О. Якобсон: в 1931 г. вышли его статьи «О фонологических языковых союзах» и «К характеристике евразийского языкового союза».

Языковым союзом Якобсон называет группу родственных по происхождению или неродственных языков, распространённых на смежных территориях. Условием возникновения языкового союза является массовое дву- или трёхязычие, т.е. свободное владение населением двумя или тремя контактирующими языками. В языковом союзе в результате длительных контактов языки приобретают общие черты в лексике, фонетике, грамматике. Самый яркий образец такого языкового союза — **балканский**. Он сложился в результате длительного взаимодействия дальнеродственных языков юго-восточной Европы. Центральную часть балканского языкового союза составляют болгарский, македонский, аромунский (бесписьменный романский язык, близкий к румынскому и молдавскому, распространённый в пограничных областях Албании, Греции, Югославии, отчасти Болгарии), албанский языки и южносербские говоры. К ним примыкают новогреческий язык, румынский, сербский, хорватский, словенский и романские языки (истрорумынский, почти исчезнувший, и далматинский, вымерший в конце XIX в.).

Характерные черты балканского языкового союза — а) отсутствие дательного падежа; б) аналитические формы будущего времени (с глаголом «хотеть»); в) отсутствие инфинитива (в словарях болгарского языка, например, в отличие от словарей русского языка, вместо инфинитива помещаются формы 3-го лица ед. числа настоящего времени глагола: *любя,нося* и т.д.); г) постпозиция определённого артикля, который может быть выражен по-разному (ср. в болгарском языке: *Аз знам Ива-*

на. — ‘Я знаю Ивана’; *Иванът е студент*. — ‘[Этот] Иван — студент’). Материально эти артикли в разных языках разные (в албанском — *i*, в болгарском — *т(a)*, в румынском — *l, a*), но все они находятся в постпозиции, а не в препозиции, как, например, в германских языках. Балканский языковой союз характеризуется общим пластом в лексике (из болгарского, турецких, албанского, романских, греческого языков), что дополняется этнографической, фольклорной общностью, сходством одежды, построек, наличием общих антропологических черт.

К фонологическим языковым союзам Якобсон относит группу смежных неродственных и родственных языков. Он описал несколько языковых союзов:

- *балтийский союз*, который объединяет литовский, латышский, эстонский, шведский, норвежский языки и некоторые северные немецкие диалекты. Их роднит музыкальное ударение;
- *дальневосточный союз*, куда входят китайский, японский, бирманский, таитянский, и вьетнамский языки;
- *евразийский союз*, состоящий из алтайского, украинского, белорусского, русского и польского языков. В этих языках различаются палатальные и непалатальные согласные, что сопровождается или не сопровождается сингармонизмом.

Проблеме типологической классификации языков мира посвящена статья Н.С. Трубецкого «Мысли об индоевропейской проблеме». Здесь автор критикует традиционный взгляд на индоевропейские языки, которые в компаративистике признаются родственными, имеющими общий источник. Трубецкой пытается доказать, что типологическое сходство многих индоевропейских языков объясняется не общностью происхождения, а длительными контактами. Подлинные родственники — славянские языки, романские языки, германские. Между ними существуют резкие границы. Здесь деление кирпичевидное (т.е. жёсткое), а не сетевидное, как должно быть между родственными языками. Значит, заключает Трубецкой, индоевропейские языки — это особый языковой союз, а не языковая семья. При этом индоевропейские языки эволюционируют в сторону уральских и алтайских языков: усиливается чередование согласных, уменьшается использование внутренних флексий. Абсолютное большинство лингвистов не поддержало Трубецкого: родство индоевропейских языков было основательно доказано компаративистами XIX — начала XX в.

Таким образом, первая структуральная школа, следующая за Ф. де Соссюром и опирающаяся на идеи русской лингвистики, не порывает полностью с традиционным языкознанием, создаёт новый метод структурного анализа на фонологическом и морфологическом уровнях. Пражский лингвистический кружок добился особых успехов в изучении фонологии, морфологии и типологической классификации языков мира. Приняв идеи Соссюра, он остается на позициях стихийного материализма, признаёт социальную обусловленность языка, зависимость синхронического анализа от диахронического.

§ 56. Копенгагенский структурализм

Языкознание XX в., в отличие от языкознания XIX в., по преимуществу эмпирического, теоретично. Однако *прикладная лингвистика*, сформировавшаяся в XX в., развивается часто независимо от теоретических концепций. Структуральные школы либо с азартом создают «всеобщие» теории языка, либо, отказываясь от теоретических проблем, решают сугубо практические задачи (это касается машинного перевода, теории связи, ЭВМ, информатики, кибернетики). Завидное исключение составляют пражские структуралисты, которые в решении практических задач опирались на основательные теоретические разработки.

Ярчайшим примером крайнего теоретизирования и полного отрыва от материи языка, от конкретных практических задач является *копенгагенский структурализм*. Копенгагенский кружок появился в начале 1930-х гг. С 1934 г. выходит бюллетень кружка, а с 1939 г. — журнал «Акта лингвистика», пользовавшийся огромной популярностью в Западной Европе. Именно в конце 1930-х гг. была подорвана монополия немецких лингвистов, которые в XIX в. занимали ведущие позиции в языкознании (Ф. Шлегель, В. Гумбольдт, Я. Гримм, А. Шлейхер, К. Беккер, В. Вундт, К. Фосслер и др.). Неожиданно громко заявили о себе датские лингвисты. Один из выдающихся учёных Дании Йенс Отто Харри Есперсен (1860—1943) приводил шутливую статистику, в соответствии с которой в Дании на количество населения приходится больше лингвистов, чем в какой-либо другой стране. Маленькая Дания, подарившая миру Расмуса Раска, основоположника скандинавского сравнительно-исторического языкознания; Вильгельма Томсена (1842—1927), который рас-

шифровал древние тюркские надписи на Енисее; Хольгера Педерсена (1867—1953), разгадавшего тайны хеттских рукописей, прославилась и своей структуральной школой.



Главой Копенгагенского кружка был **Луи Ельмслев** (1899—1965). Ему принадлежат программные работы: «Принципы всеобщей грамматики» (1928), «Языкознание» (1930), «Категория падежа» (т. 1, 2, 1935—1937), «Понятие управления» (1939), «Язык» (1941, опубл. в 1963), «Язык и речь» (1942), «Основы лингвистической теории» (1943), «Метод структурного анализа в лингвистике» (1950). Но основные идеи школы изложены в его кратком исследовании «Пролегомены к теории языка» (1943).

Другими крупными представителями копенгагенского кружка были Вигго Брёндаль (1887—1942), Ханс Йёрген Ульдалль (1907—1957), автор книги «Основы глоссематики», претендовавшей на роль учебника.

Датский структурализм иначе называют **глоссематикой**. Этот термин появился в 1936 г. и восходит к греческому *ἔλωσση* — ‘язык’. Такое необычное название должно было подчеркнуть принципиально новый подход к языку, отличный от традиционного в языкознании, которое, по мнению датских структуралистов, страдает излишним субъективизмом и не может претендовать на научность.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ — ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ГЛОССЕМАТИКИ

Каковы же истоки глоссематики? Какова её философская основа? Сподвижники Ельмслева не скрывали, что они опирались на философию языка В. фон Гумбольдта, на труды формально-грамматической Московской школы и на «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Однако многие идеи своих предшественников глоссематика довела до абсурда, представляя собой самое радикальное из структуралистских учений. Выросшая на учении Соссюра по преимуществу, глоссематика слишком прямолинейно трактовала многие его положения. Так,

1) признав антиномию *язык и речь*, Л. Ельмслев, с одной стороны, отказывается от идеи социальной природы языка и, с другой — от тесной связи между языком и речью;

2) соглашаясь с различием между *синхронией и диахронией*, датские структуралисты игнорируют диахронические аспекты изучения языка, а саму синхронию доводят до панхронии, или ахронии;

3) отталкиваясь от положения Соссюра о *системности языка*, копенгагенская школа свела язык к системе чистых отношений и принципиально не изучала реалии языка, о которых писал Соссюр;

4) приняв безоговорочно положение о *знаковой природе языка*, датские структуралисты посчитали необходимым доказать, что языкознание не должно заниматься ни субстанцией (материей) языка, ни семантикой знака.

Такие взгляды на язык во многом обусловлены философскими пристрастиями Луи Ельмслева и его единомышленников. Все они находились под влиянием *логического позитивизма*, ставшего особенно популярным в конце XIX — начале XX в. Успех этого философского учения объясняется успехами математической логики. Когда физики убедились в том, что мир бесконечен, что атом — делимая частица и самые мельчайшие частицы материи недоступны чувственному опыту, наступил кризис в естественных науках, описанный в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909). На смену стихийному материализму в этой области научных знаний приходит идеализм в форме логического позитивизма или неокантианства.

Все сторонники этих течений отталкивались от Канта, который считал одним из важнейших путей познания установление связей, отношений между предметами. Кант при этом не отрицал существования самих предметов наблюдения. Его последователи, однако, возвели в абсолют отношения. Отношения стали считаться единственно реальными. Неокантианцы и позитивисты признали математическую логику единственным методом научного познания мира. Математика же, как известно, абсолютно безразлична к объективной реальности. Она оперирует числами и символами. Для математической логики, как и для логических позитивистов, важны не сами факты, а логика научного познания — **выработка стройной, непротиворечивой**

теории, с помощью которой можно навести порядок, организовать факты.

Наиболее близкими для Луи Ельмслева оказались взгляды двух английских учёных-философов, логиков и математиков Бертрانا Рассела (1872—1970) и Альфреда Норта Уайтхеда (1861—1947), авторов трёхтомной книги «Принципы математики» (1910—1913). Рассел и Уайтхед сводили проблемы философии к логическому анализу языка, и прежде всего — языка науки. Эта философия была основана на математической логике и рассматривала язык в одном ряду с другими знаковыми системами (азбукой Морзе, азбукой для слепых, морской сигнализацией флажками и т.д.).

В работе «Пролегомены к теории языка» Л. Ельмслев сформулировал **требования, предъявляемые к лингвистической теории**. Сам метод, с помощью которого следует изучать язык, он назвал **методом дедукции**. В соответствии с логическим позитивизмом лингвистическая теория, по Ельмслеву, не может зависеть от фактов. Идеальная лингвистика подобна математике, в которой решение задачи не связано с реальными предметами, а иррациональные числа и вовсе противоречат здравому смыслу. Лингвистическая теория должна подчиняться принципам 1) *произвольности* (независимости от изучаемого объекта) и 2) *пригодности*.

Ельмслев хотел сделать глоссематику теорией научного исследования вообще, т.е. пригодной на все случаи жизни, а это требует опоры на малое количество фактов. Чем больше фактов и предпосылок при рождении теории используется, тем уже возможности применения теории. Поэтому глава копенгагенского структурализма предъявил к лингвистической теории третье требование — *эмпиричности*, которую понимал своеобразно: как а) свободу от противоречий, б) исчерпывающую полноту и в) предельную простоту описания. Непротиворечивость, по Ельмслеву, проверяется в самой теории, а полнота и простота проверяются в связи с объектом.

Описание, с точки зрения копенгагенских структуралистов, является полным, если в конце анализа не остаётся неопищенного остатка. Простота в глоссематике — это сведение сложного объекта к минимальному числу неразложимых элементов.

Ельмслев поставил перед лингвистической теорией следующие **задачи**: 1) создать процедурный метод, с помощью кото-

рого можно дать исчерпывающее, непротиворечивое описание данного текста, но главное — 2) описать систему, язык, на основе которого построены все тексты на любом языке. Лингвист-теоретик должен предвидеть все возможности, даже те, которые не реализуются и не будут реализованы. Но индуктивным путём (т.е. отталкиваясь от отдельных фактов и идя к более общим понятиям и к теории вообще) такую теорию создать невозможно. Понятия, полученные индуктивным путём, не общие и не могут быть вынесены за пределы конкретного языка. Идти, таким образом, в лингвистических исследованиях нужно путём *дедукции*, т.е. от общего к частному.

Следовательно, процедурный метод глоссематики состоит 1) в выработке общей теории (произвольной, независимой от фактов, но пригодной для объяснения любых текстов) и 2) в последовательном расчленении текста до неделимых частей.

ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ И ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ (РАЗВИТИЕ АНТИНОМИИ *ЯЗЫК/РЕЧЬ*)

Лингвистические взгляды Копенгагенской школы формировались под непосредственным влиянием «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, краеугольным камнем концепции которого Ельмслев считал различие *языка и речи*. «Соссюр открыл язык как таковой <...> современная ему лингвистика изучала не язык, а речь и тем самым обходила «свой единственно подлинный предмет», — писал он в работе «Язык и речь» (1942). Но соотношение *язык и речь* Соссюра, утверждает Ельмслев, — лишь первое приближение, исторически важное, но теоретически несовершенное. И он предлагает соссюровское соотношение *язык и речь* заменить своим — *система языка/процесс текста*.

Поскольку язык — это знаковая система, его, по мнению копенгагенских структуралистов, надо рассматривать в *глоссематике*, которая является частью семиотики — науки о знаковых системах. Как любая знаковая система, язык двупланов. Если Соссюр говорит об означаемом и означающем, то Ельмслев — о *плане выражения и плане содержания*, которые связаны между собой различными отношениями.

Планом выражения именуется внешняя сторона языка, т.е. звуковая или иная оболочка воплощаемой мысли; **планом содержания** называется мир мысли, находящий выражение в языке.

В плане выражения Ельмслев выделяет субстанцию и форму. *Субстанция плана выражения* — это все звуки, которые могут произноситься речевым аппаратом людей; *форма плана выражения* — это способ использования звукового материала в данном языке.

В плане содержания также имеются субстанция и форма. *Субстанция плана содержания* — это всё то, что может быть предметом мысли, а *форма плана содержания* — это способ упорядочения и комбинации идей, характерный для данного языка.

Связь между формой выражения и формой содержания осуществляется по принципу *коммутации* или *субституции*. **Коммутация** наблюдается в двух случаях: 1) если различие в плане содержания соответствует какому-либо различию в плане выражения и оно существенно для данного языка; и наоборот (ср. *ром* — *дом* — *ком*, где различие в плане содержания соответствует различию в плане выражения); 2) если различие в плане выражения соответствует какому-либо различию в плане содержания и оно также существенно для данного языка (ср. *нос* — *н'ос*, где различия в плане выражения соответствуют различиям в плане содержания).

Если между различиями двух планов нет коммутации, то возникают варианты одной и той же единицы (ср. [гол] — [уол]). Варианты находятся в отношении **субституции** друг к другу и сохраняют некий инвариант при всех изменениях.

Инварианты плана выражения Ельмслев называет *кенемами* (они могли бы соответствовать фонемам в традиционной лингвистике, но глоссематика отвергла учение о фонеме пражских структуралистов, ибо оно опиралось на акустические свойства звуков, т.е. на материю языка); инварианты плана содержания Ельмслев назвал *плеремами* (они соответствуют значениям в традиционном языкознании).

Таким образом, в плане выражения отказ от субстанции свёлся к отказу от изучения материальных языковых единиц, а отказ от субстанции в плане содержания ведёт к устранению всего «экстралингвистического» в языковых фактах, к отказу от учёта реальных значений языковых единиц. Именно так копенгагенские структуралисты возвели в абсолют принципы Соссюра: «В языке нет ничего, кроме различий» и «Язык — это система чистых отношений». **Языковые единицы**, по Ельмслеvu, **алгебраичны** по своей природе, а глоссематика может претендовать на роль **алгебры языка**.

ФИГУРЫ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ И ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ

Основным отличием знаковой теории Ельмслева от знаковой теории Соссюра является признание, наряду с языковыми знаками, имеющими самостоятельное значение, элементарных единиц, которые сами знаками не являются, но из которых составляются знаки. Эти элементарные единицы Ельмслев называл *фигурами*. Фигуры плана выражения не совпадают с фигурами плана содержания.

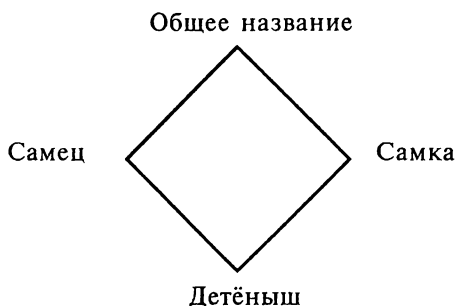
Фигуры плана выражения знаками не являются, так как не соотносятся непосредственно с единицами плана содержания. Например, ничто в плане содержания не соответствует русским звукам [р], [г]. А в случае, например, с [а], [у] (*несла, нес*) с планом содержания связаны морфемы, равные по объёму одной фигуре плана выражения. Итак, фигуры плана выражения, соединяясь в более крупные единицы, образуют означающую сторону знаков, но сами знаками не являются.

Фигуры плана содержания — это элементарные смыслы. Например, смысл русских слов *бык, корова, тёлка, теленок* можно представить как комбинации элементарных смыслов — фигур плана содержания. Так, если А означает ‘животное вида бык домашний’, тогда *бык* — это А + он, *корова* — это А + она, *тёлка* — это А + детёныш + она, *теленки* — это А + детёныш + он. Следовательно, значение каждого из перечисленных слов складывается из нескольких элементарных смыслов — фигур плана содержания.

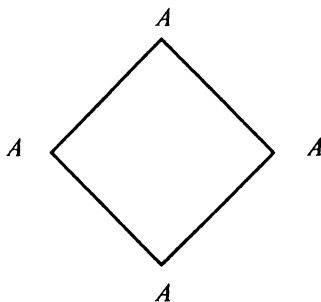
УЧЕНИЕ О ФОРМЕ И СУБСТАНЦИИ

Ельмслев придавал огромное значение *форме* языка и считал, что ни субстанция плана выражения, ни субстанция плана содержания не должны быть предметом изучения в глоссематике. В полном соответствии с философской основой глоссематики он считал, что **форма абсолютно не зависит от субстанции**. Так, русская фраза «Мой кот сыт» может быть передана звуками, буквами, сигналами азбуки Морзе, т.е. разными субстанциями, равно как и абстрактная сущность — форма (например, [m] = [м] = [?]) передаётся в разных субстанциях.

Ельмслев отрицает зависимость формы от субстанции в плане выражения. Такую же независимость формы и субстанции он обнаруживает и в плане содержания. Так, смысл «Я не знаю» может быть передан в разных языках по-разному: ср. нем. *Ich weiß nicht*, англ. *I do not know*. Одна и та же форма содержания, пишет Ельмслев, может накладываться на разные субстанции и внутри одного и того же языка. Возьмём, например, в русском языке схему обозначения живых существ по полу и возрасту. Она состоит из общего названия, названий самца, самки и детёныша:

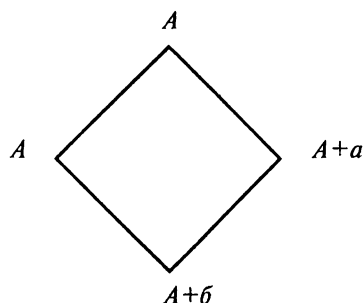


Для заполнения этой схемы можно воспользоваться набором корней *А, Б, В...* и набором аффиксов *а, б, в...*. Поскольку для общего названия насекомого *таракан*, для самца, для самки и для детёныша используется один и тот же корень без особых аффиксов, формула «Таракан» будет выглядеть так:

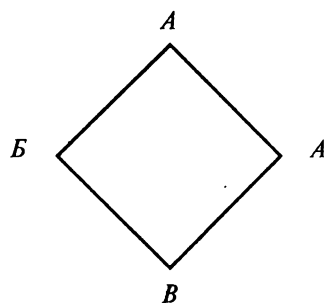


Для общего названия вида животного *волк* и для названия самца этого вида используется один и тот же корень без осо-

бых аффиксов, для названия же самки и детёныша к тому же самому корню добавляются разные аффиксы. Формула в таком случае будет выглядеть иначе:



Совсем по-другому выстраивается формула для животного вида *овца*, ибо для общего названия и для названия самки используется один корень (*овца*), для названия самца — другой (*баран*), для названия детёныша — третий (*ягнёнок*):



По Ельмслеву, для лингвиста важны именно эти схемы, т. е. *форма* (как в плане выражения, так и в плане содержания). Данная концепция отрывает форму от субстанции, а, в конечном счете, ведь именно субстанция определяет форму. Так, в различных языках мира количество фонем приближается обычно к 50. Видимо, это связано с устройством человеческого мозга и слухового аппарата. Языковая форма не может быть независимой от субстанции. Она от неё зависит, ибо ею порождена.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКОВЫМИ ЕДИНИЦАМИ

Исключив из лингвистики субстанцию, Ельмслев делает единственным способом анализа лингвистических единиц изучение отношений этих единиц друг с другом, абсолютизируя девиз Ф. де Соссюра: «**Язык есть система чистых отношений**».

Всё многообразие отношений между единицами Ельмслев сводит к трём основным типам:

1) **интердепенденция** (если одна единица предполагает наличие другой и наоборот). Так, во всех языках гласные предполагают наличие согласных. В лексико-фразеологическом фонде многие пары слов взаимно предполагают наличие друг друга. Например, в русском языке слово *жених* предполагает наличие слова *невеста*, точно так же, как слово *невеста* предполагает наличие слова *жених*. Во фразеологизме *ничтоже сумняшеся* компонент *ничтоже* предполагает *сумняшеся* и наоборот, компонент *сумняшеся* предполагает *ничтоже*;

2) **детерминация** (когда одна сторона предполагает другую, но не наоборот). Так, аффикс предполагает корень, но корень необязательно предполагает аффикс; прилагательное предполагает существительное, но не наоборот; во фразеологизме *точить лясы* компонент *лясы* предполагает *точить*, но *точить* не предполагает *лясы*;

3) **конstellляция** (связанные элементы могут выступать и независимо). Так, в русском языке наречие часто связано с глаголом (*высоко летит, красиво говорит*), но и тот, и другой элемент могут употребляться независимо друг от друга. Аналогичными отношениями связаны друг с другом элементы в образованиях типа *мать-и-мачеха*.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ГЛОССЕМАТИКИ

Луи Ельмслев и его сподвижники по Копенгагенской школе обеднили предмет языкознания, исключив из сферы лингвистического анализа субстанцию. Изучение реальных языков Ельмслев и его сторонники принесли в жертву далёкой цели — изучить «язык вообще». Единственная попытка описать конкретный язык (французский) с использованием метода глоссематики оказалась неудачной. Плюсы глоссематики — в разработке знаковой теории языка, в частности, во введении новых понятий: *план*

выражения, план содержания, фигуры плана выражения и фигуры плана содержания, вариант, инвариант и др. Продуктивной оказалась и дедуктивная алгебра Ельмслева, благодаря которой лингвистика становилась точной наукой. Методика Ельмслева вскрыла в языке то, что до него невозможно было обнаружить. Но, обоснованно сопоставляя язык с другими знаковыми системами, Ельмслев иногда изящно заменял сравнение отождествлением. По Ельмслеvu, азбука Морзе, морские сигнальные флажки, язык жестов глухонемых, светофор и прочие семиотические системы аналогичны естественному человеческому языку. Вопрос о том, как часто азбука Морзе и прочие искусственные знаковые системы используются в общении, каковы функции и возможности каждой из них, Ельмслев намеренно обходил.

Идеи глоссематики были чрезвычайно популярны в 1940—1950-е гг., но после ухода из жизни Л. Ельмслева и Х.И. Ульдалля слава их померкла. Достижения копенгагенских структуралистов нашли применение в составлении кибернетических программ, в машинном переводе, при составлении машинных фондов национальных языков, словарей (частотные, обратные, ассоциативные и пр.). Полезными оказались их идеи и для теории информации. От Ельмслева идёт компонентный анализ, применяемый современными лингвистами при изучении семантики языковых единиц.

Но глоссематика всё же выглядит крайним проявлением структурализма. Она подвергалась критике со стороны представителей других структуральных школ, которые интересовались языковой субстанцией и считали «материю» языка предметом, достойным изучения.

Французский лингвист Андре Мартине считал книгу Ельмслева «Пролегомены к теории языка» «удивительно богатой содержанием, чётко построенной и хорошо написанной», говорил, что она «ясна и строга по мысли». Однако он же отмечал, что эта «стройная система» похожа на башню из слоновой кости, «ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости».

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы были внутренние и внешние стимулы разработки нового, структурального метода в языкознании?

2. Какие научные достижения конца XIX — начала XX в. подготовили почву для структурализма?
3. В чём суть структурального метода? Какие черты объединяют все структуральные школы? Перечислите известные вам структуральные школы.
4. Где и когда сформировалась первая структуральная школа? Кто её возглавил? Почему Пражский лингвистический кружок можно считать интернациональным?
5. Что отличает Пражскую структуральную школу от прочих структуральных школ? Какую роль сыграли в формировании концепции пражских структуралистов традиции русской лингвистической науки?
6. Как трактовали пражские структуралисты сосюрровские антиномии *язык и речь, синхрония и диахрония, внутренняя лингвистика и внешняя лингвистика*?
7. Почему Пражский лингвистический кружок иначе ещё называют Школой функциональной лингвистики? Что понимали пражские структуралисты под термином *функция*?
8. Как учёные Пражского лингвистического кружка пришли к осознанию необходимости изучать функциональные языки? Чем отличается взгляд пражских структуралистов на литературный язык от взгляда на него компаративистов XIX столетия? Какие новые дисциплины появились в лингвистике в связи с изучением в ПЛК функций языка?
9. В чём суть фонологической теории, разработанной Н.С. Трубецким? Какую роль в трактовке фонемы сыграло учение Трубецкого об оппозициях? Какие типы оппозиций им были описаны? Что он понимал под нейтрализацией фонемы, под архифонемой?
10. Как определил фонему соратник Н.С. Трубецкого Р.О. Якобсон?
11. Какое преломление получило в морфологической концепции Пражского лингвистического кружка учение о фонологических оппозициях?
12. Что нового внесли пражские структуралисты в учение о типологической классификации языков мира?
13. В чём состоит суть концепции Трубецкого — Якобсона о языковых союзах? Какие языковые союзы вам известны?
14. Какую роль в истории языкознания сыграл Пражский лингвистический кружок?

15. Почему структурализм Копенгагенской школы называют глоссематикой?
16. Когда сформировалась школа глоссематики? Кто является её основателем? Какие труды легли в основу Копенгагенской структуральной школы?
17. На чьи лингвистические концепции опирались датские структуралисты? Что их не устраивало в компаративистике XIX столетия?
18. Какова была философская основа глоссематики? Что общего видели датские структуралисты в лингвистике и математике, с одной стороны, и в лингвистике и философии, с другой? В чём состоит суть «алгебры языка»?
19. Согласны ли вы с утверждением, что Копенгагенская структуральная школа довела до абсурда основополагающие идеи Ф. де Соссюра? Докажите свою точку зрения, проанализировав взгляды Л. Ельмслева и его сподвижников 1) на язык как на знаковую систему, 2) на синхронию и диахронию, 3) на антиномию *язык и речь*, 4) на взаимоотношение между означаемым и означающим.
20. Как отнеслись копенгагенские структуралисты к тезисам Ф. де Соссюра «Язык есть система чистых отношений» и «В языке нет ничего, кроме различий»?
21. Какие требования предъявлял Л. Ельмслев к лингвистической теории? Какие задачи он ставил перед лингвистикой?
22. В чём состоял метод дедукции, выработанный школой глоссематики? Можно ли назвать этот метод плодотворным?
23. Значительное место в глоссематике занимает учение о плане выражения и плане содержания, о фигурах плана выражения и плана содержания. В чём суть этого учения? Можно ли соотнести его с традиционным учением о форме и содержании языкового знака, о фонеме и прочих языковых единицах?
24. Какие отношения между элементами языковой системы описали копенгагенские структуралисты?
25. В каких областях знаний используются идеи глоссематики?
26. Охарактеризуйте сильные и слабые стороны учения Л. Ельмслева.

ГЛАВА 2

Американское языкознание 1920—1930-х гг.
(I этап дескриптивной лингвистики)§ 57. Характерные черты
американского языкознания XX столетия

Лингвистика в США долгое время развивалась самостоятельно, без тесных контактов с европейской наукой. Однако и в Америке в XIX столетии ведущим было сравнительно-историческое языкознание, а в первой трети XX в. на смену компаративистике пришёл структурализм. Если все европейские структуралисты считают своим предшественником Фердинанда де Соссюра, то сам Соссюр в «Курсе общей лингвистики» в качестве одного из своих предшественников называет выдающегося американского лингвиста Уильяма Дуайта Уитни (1827—1894), который занимался не только сравнительно-историческими исследованиями, но и синхронным анализом языков народов США.

Американский структурализм формировался в необычных условиях. И толчок к его возникновению был дан не Соссюром: значительную роль в появлении нового направления сыграла общественно-политическая ситуация в стране, связанная с необходимостью изучения культуры, традиций и языков аборигенов американского континента. В этих условиях особое место среди наук заняла **антропология**, которая в англо-американской трактовке понималась достаточно широко: антропологи занимались этнографией, фольклористикой, лингвистикой и даже археологией. В задачи антропологов входило изучение языков аборигенов, однако методы, выработанные традиционным языкознанием, для решения этой задачи не годились.

Американское языкознание, как и вся американская наука, *отличается прагматизмом* (т. е. стремлением сочетать чисто научные интересы с практикой). И теоретическое языкознание в Америке уже давно (с XIX в.) было ориентировано на практическое изучение многочисленных индейских языков, ибо «примитивные» племена необходимо было включить в англоязычную культуру, а без знания языков аборигенов, без создания письменности для индейцев решить эту глобальную национальную задачу было невозможно. Во время Второй мировой войны, когда

американским дипломатам и военным понадобилось быстро овладеть «экзотическими» языками Востока (китайским, японским, малайско-полинезийским и др.), стало ясно, что изучать их путём сравнения с родственными языками и нахождения общего предка-праязыка нерационально. Следовательно, для решения конкретных практических задач (социальных, политических, культурологических, образовательных) понадобились новые методы лингвистического анализа. Старые методы оказались непригодными. Почему? В своей книге «История лингвистических учений» В.М. Алпатов называет ряд факторов, предопределивших непригодность сравнительно-сопоставительного языкознания в американских условиях описываемого периода.

1. Индейские языки, которые пришлось изучать американским антропологам, «не имели истории»: от них не сохранилось письменных памятников, никто никогда не записывал индейской речи, поэтому изучать индейские языки можно было только в синхронном состоянии, и споры о преимуществе диахронического анализа перед синхроническим в США были бессмысленны.

2. Американским учёным пришлось разрабатывать процедуру выделения слов в потоке речи индейцев. Европейские лингвисты при выделении слов опирались на интуицию и не задумывались о точных критериях вычленения слова в индоевропейских языках. Американские учёные не могли руководствоваться интуицией, и вопрос о том, что такое слово, стал для них одним из самых важных.

3. Ещё сложнее было постичь семантику индейских языков. В языках Европы значения слов и набор грамматических категорий не всегда полностью совпадали, но были хотя бы совместимы, потому что отражали похожие культуры. В индейских же языках выделенное слово в одних контекстах соответствовало одному английскому слову, в других — другому, и наоборот, одному английскому слову могло соответствовать множество индейских слов, различия между которыми часто не были ясны. Что же касается грамматических категорий, то некоторые привычные для европейцев категории у индейцев вовсе не обнаруживались, а те, что выявлялись, значительно отличались от европейских.

4. При изучении индейских языков американским лингвистам пришлось воспользоваться услугами информантов — лиц, которые владели и изучаемым языком, и английским. Интуи-

ция англоязычного исследователя заменялась в таких случаях интуицией информанта, в то время как лингвист обязан был выработать строгие и проверяемые процедуры описания языка, в который сам он «вжиться» не смог.

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА АМЕРИКАНСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА 1920—1930-х гг.

Американские структуралисты обычно пытаются доказать, что они стоят вне философии, вне материализма и идеализма. Но ни одна наука не обходится без философии. Философскую основу американского структурализма 1920—1930 гг. нельзя оценивать однозначно. Большинство лингвистов Соединённых Штатов Америки признает объективное существование языка и его законов. Они стремятся достоверно рассказать о свойствах языка не в категориях физиологии, психологии, логики, а в лингвистических категориях. В этом проявляется стихийный материализм американских структуралистов. Они остаются стихийными материалистами, наблюдая языковые факты, фиксируя их. Но, когда нужно объяснить эти факты, выявить их сущность, они отказываются выходить за пределы чувственного опыта, ибо, как и все позитивисты, считают, что «вещь в себе» непознаваема. Позитивизм американских структуралистов проявляется также в отказе от изучения значений, семантики, в стремлении избежать глобальных обобщений, не создавать общезыковых теорий. Книги, подобные исследованиям Э. Сёпира и Л. Блумфилда, где ставятся вопросы о сущности языка, его функциях и его законах, в США очень редки.

Таким образом, когда говорят о философской основе американского языкознания XX столетия, то отмечают причудливое сплетение стихийного материализма и позитивизма, которое нередко приводит лингвистов к субъективному идеализму. Ведь чувственный опыт у разных исследователей может быть субъективным, а так как за пределы чувственного опыта, будучи позитивистами, американские лингвисты не выходят, то, истолковывая частные факты, они с материалистической точки зрения переходят на субъективно-идеалистическую.

Американское языкознание называют **дескриптивным**, т.е. описательным. Для дескриптивной лингвистики характерно стремление к простой регистрации фактов. Но «чистое описание», не

стеснённое теорией, свободное от гипотез, является мифом (*Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке*, 1960, с. 339—340).

§ 58. Лингвистические взгляды Франца Боаса

С первым этапом американской структурной лингвистики связана деятельность Франца Боаса, Эдварда Сепира, Бенджамина Уорфа, Леонарда Блумфилда.

Франц Ббас (1865—1942), выдающийся антрополог, этнограф, лингвист, получил университетское образование в Германии. Несколько раз он участвовал в экспедициях в Восточную Гренландию. Именно в Гренландии Боас заинтересовался языками вначале малых народов Севера, в том числе эскимосским, затем стал изучать язык и культуру американских индейцев. Боас решительно выступил против предрассудков об отсталых народах. Он доказывал, что прогресс не исчерпывается техническим превосходством. Например, у австралийских аборигенов традиционно сохраняется сложнейшая система обрядов, свидетельствующая о высоком уровне культуры. Он отрицал наличие «отсталых» народов. Любое общество, существующее сейчас на Земле, является продуктом развития многих тысячелетий. Чтобы доказать свою правоту применительно к культуре и языку, Ф. Боас отказывается признать идею социального прогресса. Это, конечно, было заблуждением. Но нашим современникам особенно должна импонировать непримиримая борьба Ф. Боаса против расизма. Это яркий образец учёного, все труды которого были направлены на защиту языков и культуры угнетенных народов и племен. Не случайно, когда к власти пришли фашисты, книги Ф. Боаса, среди прочих, сжигали на кострах.

Главная заслуга Ф. Боаса как лингвиста-практика состоит в создании «Справочника языков американских индейцев». Боас работал над ним вместе со своими учениками. Наблюдения над индейскими языками привели его к мысли о невозможности изучения их сравнительно-историческим методом. Индейские языки, по мнению Боаса, надо исследовать изнутри, по-новому, т.е. в синхронном их состоянии. В каждом языке существуют комбинации фонетических элементов, которые служат «для передачи идей». Каждая фиксированная комбинация звуков имеет фиксированное значение. И языки отличаются друг от друга «не

только по характеру составляющих их фонетических элементов, но и по группам идей, находящих выражение в фиксированных фонетических группах», отмечает Ф. Боас во введении к «Руководству по языкам американских индейцев» (Цит. по: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, 1960, ч. II, с. 114—115). Общее количество комбинаций фонетических элементов ограничено. В свою очередь, только ограниченное количество этих последних употребляется для выражения идей, заключает Боас. Если бы для каждой мысли, для каждой идеи существовал особый звуковой комплекс, то воспроизводимость и автоматичность речи были бы невозможны. Чрезвычайно большое количество идей посредством классификации сводится к меньшему количеству, которое на основе постоянного употребления установило прочные ассоциации с звуковыми комплексами. Комбинируя идеи и звуковые комплексы, говорящий может передавать всё многообразие идей и чувств.

Каждый язык по-своему классифицирует и идеи, и звуковые комплексы. Так, в английском языке идея воды (*water*) выражается «большим разнообразием форм»: один термин употребляется для обозначения воды как ‘жидкости’ — *liquid*; другой представляет воду в виде большого скопления — *lake* (‘озеро’); третий — в виде текущей в большом (*river* — ‘река’) или в малом (*brook* — ‘ручей’) количестве; ещё другие — в виде *rain* (‘дождя’), *dew* (‘росы’), *wave* (‘волны’), *foam* (‘пены’). В эскимосском языке идея снега также передаётся рядом звуковых комплексов: *aput* — ‘лежащий снег’, *qana* — ‘падающий снег’, *pigsirpoq* — ‘уносимый ветром снег’, *qimuqsuq* — ‘снежные сугробы’; тюлень имеет разные названия: одно слово — общий термин для тюленей, другое обозначает тюленя, греющегося на солнце, третье — тюленя, плывущего на льдине, не говоря уже о множестве имён для тюленей разных возрастов и полов. С другой стороны, некоторые понятия, которые передаются, например, в европейских языках несколькими звуковыми комплексами-словами, в индейских языках передаются одним словом. Так, для понятий ‘брыкать’, ‘связывать в пучки’, ‘быть вблизи’, ‘кусать’, ‘толочь’ в языке индейцев дакота используется одно слово — *xtaka* (‘хватать’) (Там же, с. 115—116).

На основании приведённых примеров Боас делает очень важный вывод: «Совершенно очевидно, что выбор подобных эле-

ментарных терминов должен до известной степени зависеть от основных интересов народа, и там, где необходимо различать определённые явления во многих аспектах, играющих в жизни народа совершенно независимую роль, могут развиваться независимые слова, в то время как в других случаях оказывается достаточной простая модификация единого термина» (Там же, с. 116). Интересно рассуждение Боаса о соотношении звуковых комплексов, выражающих «конкретные идеи», и формальных элементов, определяющих отношения между ними. Если бы каждая идея выражалась отдельным звуковым комплексом, пишет Боас, было бы возможно существование языков без форм. Отсюда следует, что все языки должны обладать формальными элементами и что их количество должно быть тем больше, чем меньше элементарных фонетических групп, определяющих конкретные идеи.

Для Боаса главная единица языка — предложение. Слово, по его мнению, выделяется лингвистами искусственно: «слово как таковое познаётся только в результате анализа» (Там же, с. 117—118). Так, в языках вроде *чинук* предложение состоит из отдельных звуков, объединённых в группу, которая произносится без всякого разделения. Например, слово-предложение *aniā'łōt* — 'Я дал его ей' можно разделить на следующие элементы: *a* ('время'), *n* ('я'), *i* ('его'), *ā* ('ей'), *l* ('к'), *ō* (направление прочь), *t* ('давать'). Слабость составляющих элементов и их тесная фонетическая связь, говорит Боас, не позволяет лингвисту рассматривать их как отдельные слова, и только всё выражение в целом можно квалифицировать как независимую единицу языка.

Лингвистические взгляды Франца Боаса послужили теоретической основой для возникновения двух течений в американском языкознании — этнолингвистики и дескриптивизма. Основателем этнолингвистики стал Эдвард Сепир, основателем дескриптивизма — Леонард Блумфилд. Оба они были учениками Франца Боаса.

Вопросы для самоконтроля

1. Чем американское языкознание XIX — начала XX в. отличалось от европейского?
2. Почему исследования лингвистов США носили по преимуществу прагматический характер?

3. Назовите специфические факторы, заставившие американских лингвистов отказаться от сравнительно-исторического метода и выработать новые приёмы лингвистического анализа.
4. Какую роль в становлении американского структурализма сыграла антропология?
5. Почему индейские языки невозможно было исследовать в рамках компаративистики?
6. Какова философская основа американской лингвистики начала XX столетия?
7. Какая работа Франца Боаса явилась итогом многолетних исследований языка и культуры аборигенов американского континента? Как она создавалась?
8. Можно ли в трудах Ф. Боаса найти лингвистические аргументы, которые были бы уместны в полемике с современными националистами? Если да, перечислите их.
9. В каких работах Ф. Боас изложил свои общетеоретические взгляды на язык?
10. В чём суть лингвистической концепции Ф. Боаса, которую он сформулировал в процессе «пóлевого» изучения индейских языков? Как он решал проблему выделения слова в языках различного типа?
11. Почему Ф. Боас считал не слово, а предложение основной единицей языка?
12. Как вы понимаете положение Ф. Боаса о том, что, *комбинируя идеи и звуковые комплексы, говорящий может передавать всё многообразие идей и чувств?*
13. Каким, по мнению Боаса, должно быть соотношение звуковых комплексов, выражающих «конкретные идеи», и формальных элементов, определяющих отношения между ними?
14. Какие идеи Ф. Боаса легли в основу американской этнолингвистики?

§ 59. Общетеоретические взгляды Эдварда Сепира

Эдвард Сэпир (1884—1939), родившийся в Германии, но получивший образование в США, ещё в студенческие годы, готовя себя к карьере антрополога, увлёкся лингвистикой: вместе со своим учителем Францем Боасом он изучал с помощью «пóлевой методики», предполагающей общение с информантами, индейские языки. Его перу принадлежит несколько работ по языкам

аборигенов Америки, которые до сих пор не утратили своей ценности. Большую часть своей жизни Сепир занимал академические должности, связанные с антропологией, однако подлинной его страстью оставались языки. Фундаментальные антропологические знания наложили определённый отпечаток на все его лингвистические исследования, обогатили теоретические рассуждения, сделали Сепира учёным-энциклопедистом.

Главный вклад Э. Сепира в мировое языкознание — книга «Язык», изданная в 1921 г. в столице Канады Оттаве, где Сепир работал с 1910-го по 1925 г. (На русский язык она была переведена в 1934 г.) Сепир, в отличие от многих своих соотечественников-лингвистов, живо интересовался общетеоретическими проблемами языкознания. Он призывал языковедов отойти от чисто технических позиций к пониманию более широких связей в языке. Основными задачами лингвистики Сепир считал 1) установление изменений языка в пространстве и времени, 2) выявление связей языка с мышлением, с явлениями расы, культуры, искусства.

Сепир признавал язык социальным явлением. Если ходьба, дыхание — врожденные биологические функции, то речь, язык, по его мнению, — чисто историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления.

Сепир был убежден в неразрывной связи языка с мышлением. Язык, считал он, не есть ярлык, налагаемый на уже готовую мысль. Мышление зависит от языка и наоборот, язык зависит от мышления: «Орудие (= мышление) делает возможным продукт (= язык), продукт, способный усовершенствовать орудие» («Язык», 1921).

В статье «Положение лингвистики как науки» (1929) Сепир пишет: «Мысль зависит не просто от факта существования, но от конкретного языка, на котором выражается мысль. «Реальный мир» в значительной степени строится на основе языковых норм данной группы. Миры, в которых живут различные общества, — отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки <...> Мы видим, слышим или иным образом воспринимаем действительность так, а не иначе потому, что языковые нормы нашего общества предрасположены к определенному отбору интерпретаций» (Цит. по: Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, с.177). Нетрудно заметить, что эти строки Сепира связа-

ны с учением В. фон Гумбольдта о языке и духе народа. Сепир говорил о несоответствии языка-расы-культуры, их перекрещивании и обособленном пути развития. Он настаивал на том, что настоящей зависимости между языком и культурой нет, и в особенности недопустимо искать связь культуры с фонетикой, грамматикой языка. С культурой народа непосредственно связана лишь содержательная сторона языка — лексика. Утеря и создание слов зависят от истории культуры. В некоторых языках невозможно, например, указать разницу между «убить» и «совершить убийство», так как наши правовые нормы этим обществам непонятны.

Во взглядах на развитие и взаимодействие языков Сепир во многом следовал младограмматикам (признавал действие фонетических законов, закона аналогии и пр.). Что же касается трактовки языка как знаковой системы, то в этом он был солидарен с Ф. де Соссюром. Но в отличие от него Сепир считал, что синхрония и диахрония взаимно дополняют друг друга.

Сепир создал развёрнутую типологическую классификацию языков мира. Классификации, созданные Ф. Шлегелем, В. фон Гумбольдтом, Г. Штейнталем, А. Шлейхером и другими предшественниками, Сепира не удовлетворяли, ибо, по его мнению, они 1) основывались на непоследовательном наборе признаков; 2) опирались на ограниченное число языков; 3) были созданы в поисках «простой», обычно триединой, как у А. Шлейхера, формулы (отсюда неизбежный произвол); 4) страдали эволюционным предрассудком. Большинство западноевропейских лингвистов говорило на языке определённого типа, напоминал Сепир. Наиболее развитые языки этого типа — греческий и латинский — изучались этими лингвистами в отроческие годы, и привычные языки объявлялись наивысшим достижением в развитии человеческой речи, а прочие рассматривались не более как ступени к этому избранному «флексивному» типу.

Всякая классификация, исходящая из предвзятых оценок или же работающая на удовлетворение чувства, считал Сепир, не может быть научной. Лингвист, настаивающий на том, что латинский морфологический тип «знаменует наивысший уровень языкового развития, уподобляется тому зоологу, который стал бы рассматривать весь органический мир как некий гигантский заговор для выращивания скаковой лошади или джерсейской коровы».

В противовес одномерным классификациям, которые были разработаны в компаративистике и опирались на принцип построения слова, Сепир предлагает три основания для типологической классификации языков мира:

- I) по характеру выражаемых значений;
- II) по технике выражения значений;
- III) по степени синтеза значений.

Согласно I классификации, значения, которые передаются языковыми средствами, делятся на четыре типа:

1) *основные (конкретные) значения*, которые выражаются независимыми словами или корнями (предметы, качества, действия, ср. *дом, ферм-а, нес-у, слаб-ый*);

2) *деривационные значения*, которые выражаются аффиксами, сообщают корню добавочное значение, но не связаны с содержанием значения суждения в целом (ср. *дом-ик, ферм-ер*);

3) *конкретные реляционные значения*, которые с помощью аффиксации или изменения корневых элементов, указывают на отношения, выходящие за пределы слова (ср. категории числа, рода);

4) *чисто реляционные* — самые абстрактные, которые способствуют связи слов и созданию предложений.

Все эти значения отличаются друг от друга степенью абстрактности. Иногда на степень абстрактности указывает удаленность морфемы от корня (ср. в русском языке *домики*, где после корня *дом-*, передающего значение предмета, следует суффикс *-ик-*, передающий значение уменьшительности, и лишь затем идёт флексия *-и*, обозначающая множественность, а множественность абстрактнее уменьшительности).

Так как во всех языках есть понятия 1-го и 4-го типов, то различия между разными типами языков создаются за счет понятий 2-го и 3-го типов.

По отношению ко 2-му типу значений Сепир выделяет:

1) *простые языки*, которые не передают значений 2-го типа специальными средствами (китайский, французский, язык банту и др.);

2) *сложные*, которые передают значения 2-го типа специальными средствами. Это абсолютное большинство языков мира.

По отношению к 3-му типу значений выделяются:

1) *чисто реляционные языки*, которые передают значения 3-го типа специальными средствами (китайский, турецкий, полинезийский, сиу (Дакота) и др.);

2) *смешанно-реляционные*, где нет особых средств для значений 3-го типа (индоевропейские, семитские и др.).

II классификация (по технике выражения значений) напоминает традиционную. Сепир выделяет:

1) *языки изолирующие*, в которых слова, выражающие различные значения, совпадают с корнем (китайский, вьетнамский и др.). Но слова, совпадающие с корнем, встречаются и в языках других типов для выражения чисто реляционных понятий 4-го типа (в английском, французском, полинезийском языках);

2) *языки символические*, в корнях которых находятся постоянные согласные, «разбавляемые» различными гласными. Они характеризуются чередованиями гласных, музыкальностью тона (ср. др.-евр. *ganab* 'он украл', *goneb* 'ворующий', *gnob* 'воровать'). Сепир отмечает, что чисто символических языков не бывает. Даже семитские языки, характеризующиеся 3-согласными корнями, он называет символическо-фузионными;

3) *агглютинативные* (тюркские);

4) *фузионные*, или, по старой классификации, флективные (русский, польский, чешский, часть других индоевропейских языков).

В агглютинативных и фузионных языках используются для выражения грамматических значений аффиксы, но при фузии наблюдается тесное объединение аффиксов с корнями, возможны изменения на стыке корней и аффиксов, чего нет в агглютинативных языках (где морфемы «склеиваются»). Ср. *гребу* — *гresti*, *веду* — *вести* (фузия); *пеку* — *печь* (чистая фузия); *играю* — *играть*, *несу* — *нести* (агглютинация).

По Сепиру, объединение аффикса с корнем — это не только формальное, но и психологическое явление. По закону психологической фузии происходит выбор флексии, например, у существительных муж. рода мн. числа в русском языке: *города*, но *народы*; *острова*, но *рвы*. К чисто агглютинативным языкам относятся турецкий язык, язык банту; к фузионным — английский, французский, язык салина (юго-зап. Калифорния).

III классификация различает языки по степени синтеза в передаче значений. Все значения передаются через элементы речи — единицы языка. Сепир выделяет две полярные языковые единицы — морфему и предложение. Для морфемы характерно ми-

нимальное число выражаемых ею значений, для предложения — максимальное. Слово находится посередине, но оно может приближаться к тому или иному полюсу. Учитывая «тяготение» слова либо к морфеме, либо к предложению, Сепир делит языки на аналитические, синтетические и полисинтетические.

В *аналитических языках* слово стремится к морфеме, так как не включает комбинации грамматических значений (китайский, современный тибетский, английский, французский языки).

В *синтетических языках* слово выражает несколько значений, но стоит между морфемой и предложением (латинский, арабский, турецкий, русский языки).

В *полисинтетических языках* в слове комбинируется очень большое количество грамматических значений, и оно приближается к предложению (язык нутка на острове Ванкувер, язык чинук в Британской Колумбии, яна в Северной Калифорнии).

На основе этих частных классификаций Сепир создает обобщающую типологическую классификацию языков мира. Он отбросил термин *флективный язык*, который объединяет языки с совершенно разнородными признаками. Своей новой классификации Сепир не переоценивал и указывал на необходимость её экспериментальной проверки на более широком материале. Несомненно, его классификация была шагом вперёд, ибо оказалась более гибкой, учитывавшей не один какой-либо признак, а целый комплекс признаков.

В книге «Язык» Сепир выдвинул интересную идею о существовании в языке звуковых и формальных моделей, скрытых от непосредственного наблюдения, но играющих огромную роль в функционировании языка. Он вплотную подошёл к пониманию фонемы как члена фонологической системы и предвосхитил идеи американской лингвистики конца 1930-х гг.

Сепир пишет, что внутренняя звуковая система может долго сохраняться при изменении фонетического содержания. В статье «Звуковые модели в языке» (1925) — до Пражского лингвистического кружка — он различает акустический и лингвистический взгляд на звуки. Например, при шепелявости S можно было бы по акустическим свойствам отнести к шипящим, но с психологической точки зрения это неверно. Индивидуальную вариантность надо устранить, чтобы установить истинную звуковую модель языка. Надо также устранить те звуковые изменения, которые обусловлены позицией и не связаны со смыслом.

Звуковую модель можно определить, изучая параллелизм и контраст, комбинации звуков. Свою статью Сепир заключает словами: «Фонетические факты — не просто физическое явление».

Среди формальных языковых моделей Сепир выделяет: 1) морфологические (связанные со структурой слова); 2) синтаксические (связанные со структурой предложения).

Эдвард Сепир занимает особое положение в языкознании первой половины XX столетия. В то время, когда абсолютное большинство лингвистов стремилось отделить лингвистику от смежных наук, особенно от психологии, этнографии, культурологии, физиологии, физики, он во всех своих работах доказывал плодотворность для языкознания интеграции с другими науками. Почти все структуралисты, отказываясь от наследия компаративистики, настаивали на обособлении лингвистики за счёт вывода её из состава гуманитарных наук и присоединения к естественным, точным наукам, с их строгим терминологическим аппаратом и неукоснительно действующими законами комбинаторики. Сепиру была чужда эта прямолинейность. Лингвистику он видел в числе других гуманитарных наук, которые связаны с изучением человека и всех сфер его деятельности. Правота Сепира по-настоящему ощутима сейчас, когда лингвистика на новом витке развития вернулась к проблемам говорящего и мыслящего человека.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие факты из биографии Эдварда Сепира способствовали становлению его как лингвиста с энциклопедическими знаниями?
2. Назовите основные труды Э. Сепира. В каком из них он изложил свои общетеоретические взгляды на язык?
3. Что роднило Э. Сепира с Ф. де Соссюром и с членами Пражского лингвистического кружка?
4. Учение, которое основал в Америке Э. Сепир, называется этнолингвистикой. Чем занимается этнолингвистика? Случайно ли именно Э. Сепир стал этнолингвистом?
5. Изложите взгляды Э. Сепира на язык, на место лингвистики среди других наук, на соотношение между синхронией и диахронией языка, на связь языкознания с психологией, этно-

- графией, культурологией, физиологией. Чем общетеоретические взгляды Э. Сепира отличались от взглядов его современников — приверженцев сугубо структурального изучения языка?
6. Почему Э. Сепира не удовлетворяли разработанные до него типологические классификации языков мира?
 7. Какие принципы положил Э. Сепир в основу созданной им многомерной типологической классификации языков мира?
 8. Какие четыре типа значений, по мнению Сепира, можно передать языковыми средствами? По какому принципу они выделены? Какие из них наличествуют во всех языках мира?
 9. Какие разновидности языков обнаружил Сепир в своей I классификации а) по отношению к деривационным значениям? б) по отношению к конкретным реляционным значениям?
 10. Чем II классификация языков мира (по технике выражения значений) напоминает традиционную типологическую классификацию? Какой новый тип описал Сепир?
 11. Какие типы языков обнаружил Сепир, создавая III классификацию (по степени синтетичности выражения значений)?
 12. Вы владеете русским языком и изучали один иностранный язык. Пользуясь классификацией Сепира, определите их типы применительно к каждому из трёх оснований.
 13. Какие из идей Сепира, на ваш взгляд, могут с успехом применяться современными лингвистами?

§ 60. Теория лингвистической относительности Бенджамина Уорфа

Идеи Сепира относительно взаимодействия языка и мышления были развиты и окончательно оформлены его учеником **Бенджамином Ли Уорфом** (1897—1941). Инженер по противопожарной технике, Уорф на досуге изучал историю, археологию, антропологию, прослушал несколько лекционных курсов Эдварда Сепира и в течение двух лет досконально исследовал язык малочисленного индейского племени хопи, проживавшего в штате Аризона. При жизни в 1930-е гг. он опубликовал несколько статей, которые после его ранней смерти неоднократно выходили в сборниках и вызвали живой интерес у американских лингвистов, антропологов и философов. Наиболее полный сборник трудов Уорфа «Язык, мышление и реальность» был опубликован в 1956 г. В него вошла и статья «Отношение норм по-

ведения и мышления к языку» (1939), в которой достаточно полно изложена гипотеза, получившая название **теории лингвистической относительности Сепира—Уорфа**.

Язык, по мнению Уорфа, в значительной мере формирует понятия и способствует соединению понятий, предопределяя сам процесс мышления. При изучении чужого языка всегда поражает несоответствие объёма значения, казалось бы, параллельных слов. Например, русскому слову *рука* в немецком языке соответствуют два слова — *Hand* ('кисть руки, ладонь'), *Arm* ('рука', 'плечо'); в английском — тоже два слова: *hand* ('кисть руки'), *arm* ('верхняя конечность от кисти до плеча или вся конечность'). Так же со словом *нога*. В немецком языке ему соответствуют *Fuss*, *Bein*; в англ. — *foot* ('ступня'), *leg* ('нижняя конечность выше ступни'). Русский язык игнорирует это членение. Правда, у нас есть слова *кисть*, *ступня*, но это скорее медицинские термины, чем названия «орудий» еды, ходьбы. Конечно, русский может выразить это различие, даже не зная слов *ступня*, *кисть*, но делает это редко, неэкономно, описательно. Немцу же и англичанину такое различие навязано языком.

Подобное расхождение между языками наблюдается тогда, когда сама действительность нечётко делится на составные части. Логика старших поколений говорили об одинаковом мышлении людей, оперируя названиями человеческих изобретений и продуктов сельского хозяйства. Такие названия обладают особой степенью изоляции. Важнее взять названия не искусственно изолированных предметов, а непрерывно изменяющихся явлений природы в её развитии, бесконечного разнообразия её движения, красок, форм. Как, например, поступают языки с облаками, берегами, полётом птиц? Пробным камнем для лингвиста может стать *цветовой спектр*. Так, слову *blau* в немецком языке и *blue* в английском соответствуют два слова в русском языке — *голубой* и *синий*. Русские во время эксперимента легче отделяют голубые кубики от синих, чем немцы, французы, англичане. Дело не в разном устройстве глаза, а в разном восприятии цвета, навязанном языковой системой.

Но расхождение границ сходных понятий ещё не говорит о различиях в способе мышления. Это различие проявляется в анализе более тонких и неопределённых явлений. Уорф различал в языке явные и скрытые классификации слов. Первые образуют явный класс — *фенотип*, так как имеют морфологические пока-

затели (ср., например, категорию рода в русском, латинском и немецком языках). Скрытые классы — это *криптотипы*. Они не имеют явных показателей. Скрытая лингвистическая классификация осуществляется через невидимую «центральную распределительную станцию». Так, род в английском языке определяется через замену существительного местоимением: *boy* ('мальчик') — *he* ('он'), *girl* ('девочка') — *she* ('она'), *dog* ('собака') — *it* ('оно'), *car* ('автомобиль') — *it* ('оно').

Примером русского криптотипа является употребление предлогов *в* и *на* в пространственном значении. В приведённых ниже рядах это хорошо прослеживается.

на заводе	в школе
на фабрике	в совхозе
на мартене	в кино
на ферме	в библиотеке
на складе	в театре

на Памир	в Альпы
на Алтай	в Хибины
на Яве	в Крыму
на Таймыре	в Италии
на Ямайке	в Германии

Русский язык классифицирует эти существительные по неумовимым признакам: скрытые понятия скорее чувствуются, чем понимаются, но они функционально важны в грамматике. Когда происходит освоение неологизмов, обычно наблюдается варьирование форм, прежде чем новое слово займёт своё место в языковой системе и подчинится определённому криптотипу или фенотипу.

Заслуга Уорфа состоит в том, что он обратил внимание лингвистов на существование скрытых типов классификации — криптотипов. Но он неправ, говоря, что носители языка думают или чувствуют так, как подсказывают криптотипы их языков. Едва ли русские считают, что *мертвец* — одушевлённое существо в противовес *труну* — неодушевлённому существу.

По Уорфу, значения явных и скрытых классов, грамматические категории вместе с лексической системой языка образуют сложную систему основных категорий мышления каждого народа, своеобразную философскую картину мира, сквозь ко-

торую носители языка и воспринимают его: «Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в его повседневной оценке им тех или иных явлений» («Отношение норм поведения и мышления к языку», 1939).

Доказывая свою гипотезу, Уорф сравнивал понятия *количества, времени, пространства и материи* в языке хопи и в языке средневропейского стандарта (SAE — Standard Average European). В SAE, например, множественное число и количественные числительные применяются в двух случаях: 1) когда они обозначают действительно множественное число и 2) при обозначении некой множественности. Мы говорим *десять человек* и *десять дней*. Десять человек мы можем себе представить реально, но десять дней — нет. Мы можем представить только один день, сегодня, а остальные девять (или даже все десять) — только по памяти. В языке хопи множественное число и количественные числительные употребляются только для обозначений тех предметов, которые могут образовать или образуют реальную группу. Иными словами, *десять человек* они скажут, но *десять дней* — нет. В таких случаях используется выражение, отражающее **процесс счёта**: вместо количественного числительного представитель племени хопи употребит порядковое числительное. Фраза европейца *Они прожили десять дней* в устах хопи будет звучать как *Они прожили до одиннадцатого дня*. То же самое касается временных промежутков, которые в SAE объективируются и обозначаются именами существительными: *утро, вечер, лето, осень, зима, весна* и т.д. Эти существительные имеют формы множественного числа и ведут себя, как все прочие существительные. В языке хопи всё обстоит иначе. Временные термины в нём являются не существительными, а особыми формами наречий с общим значением '**когда что-то происходит**': не *лето*, а *когда погода тёплая*, *когда наступает жара* и т.д. В языке хопи нет абстрактного существительного, аналогичного английскому *time* или русскому *время*, потому что ни временные отрезки, ни само понятие времени в этом языке не объективируются. Для носителей языка племени хопи важна последовательность действий, событий, а также их интенсивность и направленность. Существуют многочисленные грамматические и лексические средства, способные передать эти значения: виды глаголов характеризую-

ют длительность и направленность действий, а некоторые формы залогов — интенсивность, направленность и длительность причин и факторов, вызывающих эти действия; целый класс интенсификаторов выражает только интенсивность, направленность и последовательность. Но при этом в языке хопи у глаголов нет категории времени, абсолютно нет метафор, подобных метафорам SAE, какие мы постоянно употребляем. Уорф приводит отрывок, включающий множество лексем, аналогов которым в хопи быть не может вообще: «Я *схватываю нить* рассуждений моего собеседника, но, если их *уровень слишком высок*, моё внимание может *рассеяться* и *потерять связь* с их *течением*, так что, когда мы *приходим* к конечному пункту, мы далеко *расходимся* во мнениях, наши *взгляды* так *отстоят* друг от друга, что *вещи*, о которых он говорит, *представляются* очень условными или даже *нагромождением чепухи*» (Цит. по: Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, с. 210).

Уорф полагает, что различия в языке отражаются на «мыслительном мире» людей. Этот «мыслительный мир» является тем микрокосмом, который каждый человек несёт в себе и с помощью которого он пытается измерить и понять макрокосм («Отношение норм поведения и мышления к языку»). На мир, по мнению Уорфа, хопи смотрят как на нечто находящееся **в процессе** какой-то **подготовки** к чему-то, что должно последовать за происходящим сейчас.

Но как доказать, что люди мыслят под диктовку своего языка? Мы хотим узнать о мышлении, а обращаемся к изучению языка. В языке, в «мыслительном мире» ищет Уорф объяснение поведению хопи в обыденной жизни. Например, хопи очень тщательно готовятся к различным действиям, праздникам, уборке урожая и т.д., строго следя за соблюдением порядка этих приготовлений (ритуальных танцев, молитв, барабанного боя и пр.). Уорф предлагает обратиться к анализу поведения носителей других языков. Он использует свои наблюдения как представителя страховой компании, изучающей причины пожаров. Так, люди, осторожные на складах с наполненными бензином цистернами, ведут себя беспечно на складах с пустыми цистернами из-под бензина, хотя эти склады опаснее из-за паров бензина. Просто в языке *пустой* ассоциируется с безопасностью, ничтожностью.

Уорф также занимался проблемой взаимоотношения мышления, языка, культуры и норм поведения людей. Они, по мнению Уорфа, развиваются вместе, но язык в силу своей системной сложности играет роль тормоза, барьера мышления. Мышление — поток, язык — породы на его пути: твердые породы заставляют менять русло, но и поток может, перенося осадочные породы, менять своё течение. Например, в европейских языках наблюдается опредмечивание абстракций (*религия* — *связь*; *понимать* — *схватывать*, *усекать*; *начать мыслить* — *врубиться*; *влюбиться* — *влипнуть по уши*, *втрескаться*; *опозориться* — *сест в калошу*). Исторически, по Уорфу, этот процесс «опредмечивания» начался ещё тогда, когда неразвитые римляне осваивали греческую культуру и перенимали развёрнутую систему отвлечённых понятий вместе с греческим языком.

Уорф призывал к созданию этнолингвистики, науки, пограничной с этнографией и социологией, которая бы изучала влияние языка на мышление и поведение народа, его носителя. Самому ему реализовать эту идею не удалось. В 1974 г., спустя тридцать с лишним лет после смерти Уорфа, вышла книга «Язык в культуре» — результат дискуссии по теории лингвистической относительности Сепира—Уорфа, в которой участвовали философы, лингвисты, этнографы и культурологи Америки. У теории Сепира—Уорфа нашлись и ярые сторонники, и непримиримые противники. Никто, однако, не смог просто проигнорировать гипотезу Уорфа о взаимоотношении языка, мышления и культуры. Она, несомненно, интересна сама по себе, ибо коснулась таких сторон языка, на которые никто раньше не обращал внимания. Неоднократно лингвисты XX в. пытались экспериментальным путём опровергнуть теорию лингвистической относительности или доказать её правоту. Однако соответствующим инструментом для прямого анализа мыслительной деятельности человека наука не располагает. Следовательно, гипотеза Уорфа пока остаётся гипотезой.

Различие в мышлении людей, говорящих на разных языках, касается понятий, далёких от реальной действительности, их трудно обнаружить в поведении людей. Язык, по-видимому, влияет на выражение понятий: на одном языке легче выразить, например, различные оттенки цветового спектра, на другом — различные состояния воды и снега — льда, на третьем — виды ветров и т.д. Но в принципе каждый язык

способен передать любую сложную мысль, и различия не следует преувеличивать. В какой степени «лёгкость выражения» способствует употреблению одних понятий, а не других, только предстоит изучить.

Критика Уорфа с моральных позиций несостоятельна. Нигде Уорф не говорит о превосходстве одного типа мышления (сформированного под влиянием языковой системы) над другим. Напротив, через все его работы проходит мысль о том, что отсутствующая область в любом языке всегда компенсируется другой областью. К проблемам, поднятым в 1930-е гг. Бенджамином Уорфом, учёные вернулись в конце XX — начале XXI в., когда лингвистика, разочаровавшись в структурализме, снова обратила свой взор на человека, носителя языка. Как бы ни критиковали Уорфа за его теорию, проблема влияния языка на способ восприятия мира, которую поставил в своё время Вильгельм фон Гумбольдт, существует, и она требует своего решения.

Вопросы для самоконтроля

1. Как род занятий Бенджамина Уорфа отразился на формировании его лингвистических взглядов? Почему концепцию Б. Уорфа называют теорией лингвистической относительности? Справедливо ли к имени Б. Уорфа добавлено имя Э. Сепира?
2. В каких работах Б. Уорф изложил свои лингвистические взгляды? Какие проблемы привлекали внимание Уорфа как учёного?
3. На чьи труды опирался Б. Уорф, решая проблему взаимоотношения языка и мышления? Что нового внёс он в общую теорию языка, занимаясь языком индейского племени хопи в рамках этой проблемы?
4. Что такое SAE? Какие отличия в мышлении носителей европейских языков и носителей языка хопи обнаружил Б. Уорф, анализируя понятия количества и времени?
5. Есть ли рациональное зерно в учении Б. Уорфа о фенотипах и криптотипах? Какие криптотипы вам известны в языках, которыми вы владеете?
6. Согласны ли вы с Б. Уорфом, что язык определяет способ восприятия окружающего мира?
7. Какова была судьба гипотезы Б. Уорфа и его трудов? Почему интерес к его концепции вновь пробудился в лингвистике конца XX — начала XXI в.?

**§ 61. Леонард Блумфилд —
основоположник дескриптивной лингвистики**



Американское языкознание 1920—1950-х гг. называют дескриптивной лингвистикой. Но, как свидетельствуют материалы предыдущих параграфов, далеко не все лингвисты Соединённых Штатов Америки были дескриптивистами. Расцвет дескриптивной лингвистики приходится на 1933—1957 гг. Её основы заложил выдающийся американский лингвист **Леонард Блумфилд** (1887—1949). Свои студенческие годы Блумфилд провёл в Европе, где учился у младограмматиков. Вернувшись на

родину, начал в сравнительно-сопоставительном плане изучать одну из самых крупных семей индейских языков Северной Америки — алгонкинскую, однако к началу 1920-х гг. разочаровался в младограмматизме, ибо понял, что бесписьменные языки, не имеющие «истории», исследовать надо иначе. В 1926 г. он опубликовал статью «Набор постулатов для науки о языке», в которой изложил основы своей новой, дескриптивистской концепции, а в 1933 г. вышла его знаменитая книга «Язык», где, помимо глав, отдающих дань младограмматизму, содержалась дескриптивистская программа синхронического анализа языков дистрибутивным методом.

Исследование «Язык» сыграло в языкознании США такую же роль, как «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра в языкознании Европы. Книга эта стала учебником для целого поколения лингвистов Америки, а содержащиеся в ней положения о задачах, принципах и методах лингвистических исследований стали основой развития дескриптивной лингвистики. Сам Блумфилд фактически явился главой и теоретиком этой школы структурализма.

Как и Эдвард Сепир, Блумфилд был специалистом по индейским языкам, но прославился именно теоретическими работами. О личных достоинствах Блумфилда хорошо сказал М. Джуз: «Так же, как слово «гений» приходит в голову при упоминании Э. Сепира, так и слово «классический» характеризует Блумфилда. Здесь естественнее говорить о работе, а не о человеке. После

встречи с ним все начинают меньше ценить себя и больше свою работу, а работу Блумфилда оценивали так высоко, что за нею исчезал человек».

Как и в других странах мира, в Америке 1920—1930-х гг. перед лингвистами особенно остро встаёт проблема *метода*, тесно связанная с определением задач и содержания лингвистики. Американские лингвисты, вынужденные заниматься изучением многочисленных индейских языков, возможно, больше европейских учёных нуждались в новом методе. Непригодность сравнительно-исторического метода для познания живых индейских языков осознавали и Франц Боас, и Эдвард Сепир, и Бенджамин Уорф, но выработать такой метод описания они не смогли. Он был создан Блумфилдом.

Леонард Блумфилд стремился разработать строгий объективный метод анализа и описания языка на основе фактов самого языка, а не путём перенесения в языкознание категорий других дисциплин (психологии, математики, физиологии, логики).

Философской базой для учения Л. Блумфилда стал **бихевиоризм** (от англ. behaviour ‘поведение’) — психологическая школа, сформировавшаяся в США в 1910 г. под влиянием трудов русского ученого **Ивана Петровича Павлова** (1849—1936). Бихевиористы в психологии считали, что о психической деятельности животного или человека можно судить по поведению, т.е. по внешне выраженным реакциям. Так, разъярённая кошка выгибает дугой спину, поднимает дыбом шерсть, возбуждённая собака припадает на передние лапы и бешено лает, показывая свои зубы. Аналогично ведет себя человек: испугавшись, он бледнеет, дрожит; при негодовании повышается его артериальное давление; при смущении человек краснеет и т.д. Поскольку психология XIX в. занималась изучением психической патологии, самоанализом, её методы были субъективными. Изучение поведения человека и животных, анализ их реакций — вот путь, по которому должна была идти психология XX в., претендуя на объективность.

Л. Блумфилд предлагает **рассматривать язык как одну из форм поведения человека**, одну из форм его реакций. А раз так, то язык можно изучать с помощью формализованного анализа, как и другие объективно наблюдаемые реакции. Внешние реакции бихевиористы часто отождествляют с психическими процессами — внутренней речью, мышлением. По сути дела, бихевио-

ризм — это вульгарный материализм, который игнорирует своеобразие нервных и психических процессов, отличающихся от физиологических процессов.

Общую теорию языка, изложенную во 2-й главе книги «Язык», Л. Блумфилд называет материалистической, или механистической, и противопоставляет её менталистским теориям.

Механистическая теория (или лингвистический физикализм) объясняет всё многообразие человеческого поведения, включая речь, тем, что человеческое тело — сложная система, и действия, реакции, поведение человека есть часть процессов или следствие процессов, происходящих в человеческом организме подобно тем, что изучаются в физике и химии.

Менталистская теория мотивирует всё многообразие человеческого поведения вмешательством внефизического фактора — духа, воли, разума (оно подчинено иной или никакой причинности).

Будучи сторонником механистического направления, Блумфилд осуждал менталистов (учёных психологического направления, особенно младограмматиков, К. Фосслера и его последователей) и давал бихевиористское толкование языка.

По мнению Блумфилда, **язык — это особая форма поведения человека**. Коммуникативную функцию языка он расценивал как цепь стимулов и реакций, а социальную природу речевой деятельности приравнивал к биологическим процессам.

Основным объектом лингвистического исследования, по мысли Блумфилда, является речевой отрезок, данный в высказывании, а сам **язык** он определял как **совокупность высказываний**, которые могут быть сделаны в данной языковой группе. Тем самым практически снимается вопрос о рассмотрении языка как системы, возможном только на основе обобщения и интерпретации фактов, полученных при наблюдении.

Таким образом, Блумфилд стремится не выходить за пределы фактов, данных в опыте. **Только наблюдать, но не обобщать!** — его принцип. Такая установка принципиально не противоречит структурализму в целом, но противоречит установкам Ф. де Соссюра. *Описание и классификация* — вот содержание лингвистики как науки, доказывает Блумфилд. Вот почему школу, которую он возглавляет, и назвали *дескриптивной*, что в переводе с английского означает 'описательная'.

Итак, задача лингвиста — рассмотрение речевого акта. Во 2-й главе — «Использование языка» Блумфилд приводит такой пример из английской детской песенки: «Джек и Джил идут вдоль изгороди. Джил голодна. Она видит яблоко на дереве. Она издает звук, в образовании которого участвуют гортань, язык и губы. Джек перепрыгивает через изгородь, влезает на дерево, срывает яблоко, приносит Джил и кладет его ей в руку. Джил ест яблоко».

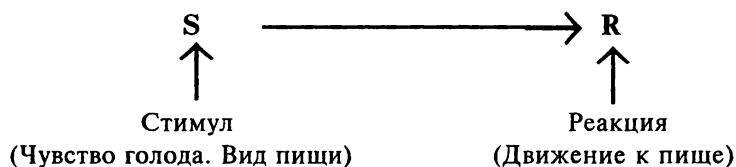
Всё происходящее распадается во времени на три части:

А. Практические события, предшествующие акту речи.

В. Речь.

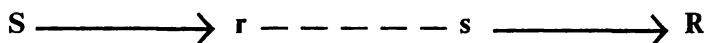
С. Практические события, последовавшие за актом речи.

Если бы Джил была одна или если бы на её месте было животное, то картина бы выглядела так:



Но Джил не лезет через забор, а производит несколько слабых движений горлом и ртом — легкий шум. И теперь уже Джек начинает действовать за неё, а она получает яблоко.

Происходящее можно изобразить так:



Практический стимул (голод, вид пищи) вызвал речевую (замещающую) реакцию, которая для Джека стала речевым (замещающим) стимулом, и он совершает действия, являющиеся практической реакцией. Способность человека говорить — это огромное преимущество перед другими животными. Пользуясь речью, люди могут распределять функции в практической жизни (один может стать охотником, другой рыболовом, третий хорошо карабкается по деревьям и обеспечивает всех плодами).

Практически **S** (стимулы) и **R** (реакции) изучаются в психологии и физиологии. Лингвист имеет дело только с речевыми сигналами, т.е. его интересует только часть происходящего — замещающая реакция и замещающий стимул:

г — — — — s

Лингвист некомпетентен в психологии/физиологии и не должен искажать свой лингвистический анализ. Этим выводом Блумфилд отбрасывает многие проблемы младограмматиков, в том числе проблему взаимоотношения языка и мышления. Как же изучать г (замещающую реакцию) и s (замещающий стимул)? С бихевиористской точки зрения возможны два подхода к лингвистическому материалу.

1. Даны звуки речи, а ситуация и смысл не заданы (например, радиопередача на чужом языке). Какими методами можно описать это сообщение?

2. Даны звуки и ситуация (например, кинофильм на чужом языке). Как описать языковое общение, не прибегая к анализу сообщения?

Эти задачи могут быть и не решены, но они дисциплинируют исследователя, требуют уточнения методов анализа. Наблюдение над речевым актом, его описание и классификация речевого материала должны вестись в *синхроническом* плане и быть *формальными*. В этом формальном методе, основанном на синхроническом *описании*, единицей измерения, по Блумфилду, является *морфема*. Слово практически не берется во внимание как языковая единица. Высказывание или предложение рассматриваются как последовательным образом организованные морфемы. Этот отказ от слова как основной единицы языка характерен для американского языкознания 1940—1970-х гг. Синтаксис у Блумфилда сводится в конце концов к аранжировке морфем и занимает поэтому подчинённое положение по отношению к морфологии.

В процессе анализа (синхронного, статического) Блумфилд игнорирует разницу между словообразованием и словоизменением, что было следствием неукоснительного применения принципов синхронии и статики при линейном анализе речевого акта.

Блумфилда отличает от предшественников не только своеобразное понимание сущности языка и предмета лингвистики, но и *требования*, которые он предъявляет к языку лингвистики. Например, он писал, что неопределённость лингвистических терминов ведет к схоластическим спорам, за которыми исчезает суть явления (так, спор о регулярности фонетических законов — чисто теоретический).

С работ Блумфилда начинается тенденция к строгому определению терминов и способов рассуждения, которые с 1940-х гг. становятся приметой новых направлений в языкознании. Блумфилд выдвигает **метод постулатов**, т.е. очевидных аксиом. Он присущ математике, но может помочь и языкознанию, заставляя всё излагать в явной форме, исправляя ошибки. Но постулаты Блумфилда **индуктивны** (вытекают из описанного материала) и служат для чёткого описания языка, не предопределяя этого описания. Постулаты же Ельмслева не очевидны, являются продуктом абстракции и служат абстрактной схеме «универсального» языка.

В статье, посвящённой «постулатам для науки о языке», Блумфилд, в частности, не различает язык и речь. По Блумфилду, **язык — не устройство, создающее речь, а лишь совокупность актов речи, т. е. сама речь** (ведь истинному бихевиористу дана только речь, а язык не дан в ощущениях). Интересно определяет Блумфилд и другие лингвистические термины: **форма** — это повторяющаяся звуковая черта, обладающая значением; **значение** — это повторяющаяся черта стимулов и реакций, соответствующая определённой форме; **свободная форма** — та, которая может быть свободным высказыванием; **связанная** — та, которая не может быть высказыванием; **минимальная свободная форма** — слово. Однако ни сам Блумфилд, ни его последователи не смогли реально ввести подобное бихевиористское толкование терминов в науку о языке.

Будучи структуралистом и отстаивая синхронический подход к языку, Блумфилд не отказывается от сравнительно-исторического метода. Он сам занимался сравнительно-историческим изучением языков Америки и использовал метод реконструкции. Дескриптивную лингвистику Блумфилд расценивал не как антипод компаративистики, а как одно из предварительных условий сравнительно-исторического и сопоставительного анализа.

Вопросы для самоконтроля

1. Что заставило Леонарда Блумфилда отказаться от младограмматизма? В каких работах он излагает свои структуралистские взгляды на язык?
2. Философской основой учения Л. Блумфилда стал бихевиоризм. В чём состоит суть этого учения? Почему именно оно импонировало Блумфилду?

3. Сопоставьте взгляды на язык младограмматиков, Ф. де Соссюра и Л. Блумфилда. Что кардинально нового внёс в понятие о языке Л. Блумфилд?
4. Как рассматривал Л. Блумфилд антиномию *язык / речь*, антиномию *синхрония / диахрония*?
5. Какие требования предъявлял Л. Блумфилд к языку науки? Что представляет собой метод постулатов, который он обожал?
6. Что понимал Л. Блумфилд под терминами *форма*, *значение*, *свободная форма*, *связанное значение*, *слово*?
7. Есть ли основания считать Л. Блумфилда основоположником дескриптивной лингвистики? Аргументируйте свой ответ.
8. Какое место в истории мирового языкознания занимает Л. Блумфилд?

ГЛАВА 3

Дескриптивная лингвистика конца 1930—1950-х гг. (II этап)

§ 62. Последователи Э. Сепира и Л. Блумфилда. Дистрибутивный метод

С конца 1930-х гг. дескриптивная лингвистика оформилась в типично американское языкознание. Ученики Э. Сепира и Л. Блумфилда в своих теоретических и практических исследованиях способствовали становлению дескриптивной школы. Наиболее ортодоксальными дескриптивистами были последователи Блумфилда по Йельскому университету (Коннектикут) **Бернард Блок** (1907—1965), автор «Очерка лингвистического анализа» (1942); **Зеллиг Заббеган Харрис** (1909—1992), выпустивший книгу «Метод в структуральной лингвистике» (1948); **Чарлз Хоккет** (р. 1916), написавший «Руководство по фонологии» (1955) и «Курс современной лингвистики» (1958); **Генри Глисон** (р. 1917), создавший «Введение в дескриптивную лингвистику» (1955). Они-то и называли свою школу *дескриптивной* (от англ. describe — ‘описывать’). Более менталистские позиции занимали ученые Энн-арборской школы (Мичиганский университет), которые сохраня-

ли этнографическую и этнолингвистическую ориентацию: **Чарлз Карпентер Фриз** (1887—1967), **Юджин Алберт Найда** (р. 1914) и **Кеннет Ли Пайк** (1912—2000), занимавшийся фонологией и просодикой.

К началу 1950-х гг. дескриптивисты добились успехов в описании отдельных языков. Как их предшественники Э.Сепир и Л.Блумфилд, основной своей задачей эти учёные считали *описание* и *классификацию* языковых фактов. Всех дескриптивистов-последователей Л.Блумфилда характеризует невнимание к объяснительной стороне науки о языке. В этом отношении русские лингвисты всегда стояли на противоположной позиции: задачей языкознания они считали объяснение языковых фактов, установление причинных связей.

Установка дескриптивистов на чистое описание обусловила появление **дистрибутивного** (от англ. distributive — ‘распределение’) **метода** лингвистического анализа. Как же осуществляет дистрибутивный анализ?

Дескриптивисты признают только синхронное исследование отрезков речи одного лица или группы лиц, говорящих на одном диалекте или социальном жаргоне. Эти отрезки отделены паузами (молчанием говорящего). Один из американских дескриптивистов, Чарлз Фриз, например, записал 50 подслушанных им телефонных разговоров от 5 до 30 минут и на основе их анализа (25000 слов) написал книгу «Структура английского языка». Речевой отрезок обычно транскрибируется, затем с помощью экспериментальной техники членится на мельчайшие элементы-сегменты. Сегментация высказываний — 1-й этап дистрибутивного анализа. Это членение на мельчайшие элементы высказывания можно производить на разных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Учение о различных языковых уровнях — одно из крупнейших достижений американской дескриптивной лингвистики, идущее от Харриса.

На фонетическом уровне в результате сегментации выделяются мельчайшие единицы — **фоны** (звуки), число которых может достигать нескольких сот. На морфемном уровне выделяются **морфы**. 1-й этап дистрибутивного анализа предусматривает и установление дистрибуции каждого из мельчайших сегментов, т.е. порядка их расположения и совокупности всех окружений, в которых они встречаются. Например, в слове [пр’ишбл] — окру-

жение фона [ó] — [ш] и [л], а в слове [зашóл] окружение морфа -шó- — приставка за- и суффикс -л-. Дистрибуция фона [о] в русском языке почти не ограничена (правда, после гласных он возможен только в иноязычных словах и аббревиатурах: *зоология*, *ООН*). А вот [j] должен стоять рядом с гласным, но невозможен в изолированном положении или между согласными [бју, ја, ој, но не тјк].

В дескриптивной лингвистике выделяется три типа отношений между элементами (сегментами) текста, которые называют **моделями дистрибуции**:

1) **свободное варьирование** (если два элемента заменяют друг друга, а реакция говорящих не изменяется, т.е. смысл остаётся прежним): *горы* — *үры*, *врата* — *ворота*, *год* — *үод*, *играют* — *играють*. Это не значит, что свободные варианты не несут информации. Они могут указывать на социальное положение, место рождения информанта, иногда на стилистические различия (в русском языке вариантами могут быть старославянизмы, архаизмы, жаргонизмы и т.д.). Но для дескриптивной лингвистики эти социальные и стилистические различия не существуют, так как важно лишь лингвистическое тождество свободных вариантов;

2) **контрастная дистрибуция** (если два элемента встречаются в одном и том же окружении и наблюдается различная реакция слушателей, т.е. смысл изменяется). На фонетическом уровне в такие отношения вступают разные фонемы (ср. русск. *пой* — *бой*, *крот* — *грот*);

3) **дополнительная дистрибуция** (если два элемента никогда не встречаются в одном окружении, то это варианты, т.е. аллофоны на фонетическом уровне). Например, в русском языке [и] — [ы] вступают в отношения дополнительной дистрибуции, так как [ы] возможен только после твердых согласных, [и] — в остальных случаях (начало слова, после мягких согласных, после гласных). В такие же отношения вступают [ч] — [д'ж'], ибо [д'ж'] возможен только перед звонким шумным согласным, кроме [в], а в остальных случаях — [ч]: *испечь бы* — *исп'ед'ж'бы*, но *почва* — *[пóч'вə]*, *ночка* — *[нóчкə]*. В литературном корейском языке аллофонами являются звуки [л] и [р]. Звук [р] встречается между гласными и перед звуком [h], звук [л] появляется во всех остальных случаях. Так, *тол* ('камень') в соединении с *умул* ('колодец') образует *торумул*, *кул* ('пещера') + *умул* даёт сложное слово *курумул* ('глубокий колодец').

Группировкой первоначальных сегментов завершается 1-й этап дистрибутивного анализа. При группировке аллофонов учитывается близость артикуляций и удобство описания на морфемном уровне. Вообще дескриптивная лингвистика наиболее подробно методом дистрибуции изучала именно фонетический уровень языка.

На 2-м этапе дистрибутивного анализа изучается *сочетаемость фонев*. Возможны ли, например, в русском языке начальные *рз*, *нр*, *рп* и другие сочетания? При этом выделяются **дистрибутивные классы фонем**. Например, перед паузой в русском языке не встречаются *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*. На этом основании дистрибутивный метод выделяет данные фонемы в особый класс. Эта классификация не совпадает с артикуляционно-акустической. Русский звук *в*, например, в дистрибутивном отношении соприкасается со звонкими шумными (он невозможен перед глухими согласными и в конце слова) и с сонантами (возможен после глухих и звонких согласных), хотя с артикуляционно-акустической точки зрения он не относится к сонантам. Анализ сочетания фонем и выделение дистрибутивных классов — одно из важнейших достижений дескриптивной лингвистики.

Дескриптивная лингвистика, благодаря дистрибутивному анализу, обратила внимание на ряд интересных явлений в речевом потоке. Так, например, охарактеризованы отличия в произношении звуков на стыке слов. Ср. *Письмо от Ани?* *Письмо о Тане*. На стыке слов (*от Ани*) [*t*] произносится как гортанный звук. Стык может выражаться не только появлением особого звука, но и особым поведением сталкивающихся фонем. Так, внутри русских морфем и на границе их с суффиксами, окончаниями невозможны сочетания *кы*, *гы* (*кит*, *руки*, *волоки́та*, *гибель*, *сапоги*). А на границе слов, корней (в сложных словах) возможны *кы*, *гы*: *к Ире* [*к ы́р'ь*], *книгиздат* [*кн'и́гыздáт*]

Выделение сегментов на фонологическом уровне облегчает **дистрибутивный анализ на морфологическом уровне**, который начинается с разбивки текста на морфемные сегменты. Например, *Идём в горы* — *ид'* — *о́м* — *в* — *гор* — *ы*. Затем путём замены морфемных сегментов с использованием множества слов и их форм (ср. *гор-ы*, *мост-ы*, *голов-ы*, *стол-ы* и т.д.; *гор-а*, *гор-е*, *гор-у*, *гор-ами*, *гор-ах* и т.д.) устанавливаются **морфы**. Замена одного сегмента на другой должна производиться не в одном окружении, а в самых разных. Выявив таким образом морфемные сег-

менты, исследователь группирует морфы в классы, даже не обращаясь к значениям.

На морфологическом уровне дескриптивисты обнаруживают такие же модели дистрибуций, какие были установлены на фонетическом уровне:

1) **свободное варьирование**, когда одни и те же морфы имеют различия, не нарушающие их тождества (ср. русск. *калош-а* — *галош-а*, *твѡръгъ* — *твѡръгъ*);

2) **контрастную дистрибуцию**, при которой в отношения вступают разные морфы (ср. *вы-быть*, *от-быть*, *при-быть* и т.д.);

3) **дополнительную дистрибуцию**, которая характеризует отношения между алломорфами — такими разновидностями одного и того же морфа, которые не могут встречаться в одном и том же окружении. Ср. *учу-сь* — *учим-ся*, где алломорф *-сь* возможен только после гласного, а алломорф *-ся* — только после согласного; исключения возможны в поэтической речи или в просторечии: «*Как сходились, собирались удалые бойцы московские...*». Ср. также алломорфы корней *рог-ов* — *рож-ок*; *пастух-ов* — *пастуш-ок* и др., вступающие в отношения дополнительной дистрибуции. В отношения дополнительной дистрибуции вступают и суффиксы-алломорфы *-к-*, *-ок-*, *-ек-* (ср. *сын-ок*, *дочк-а*, *горош-ек*). Для удобства алломорфы с чередующимися фонемами изображают символом **морфонема**: *руК-*, *ноГ-*, *смеХ-*, где К означает к/ч, Г — г/ж, Х — х/ш.

Дескриптивный анализ на морфологическом уровне заканчивается выделением классов морфем, подобно тому как на фонетическом уровне он заканчивается выделением классов фонем. Например, русские морфемы *мал-*, *крут-*, *здоров-*, *нов-*, *син'-* объединяются в один класс не потому, что они обозначают качества, а потому, что у них одинаковая дистрибуция (они встречаются перед *-ой*, *-ый*, *-ий*, в однотипном окружении). В дескриптивной лингвистике классам морфем присвоены символы. Так, морфемы, в которых традиционная лингвистика видит корни прилагательных, обозначены символом А, корни существительных — N, корни глаголов — V, предлоги — Р, корни наречий — D и т.д.

Сумма всех окружений описываемого элемента в дескриптивной лингвистике получила название **дистрибуции**. Используя дистрибутивный метод, можно описать любой текст (в том числе незнакомого языка) и выявить его дистрибутивные свой-

ства, даже не зная его собственных свойств. Именно этот метод использовали учёные, занимаясь дешифровкой хеттской и этрусской письменности. Дескриптивисты, добиваясь предельной формализации лингвистического анализа, приблизились к решению одной из важнейших технических задач современности, — вступить в контакт с машиной. Их достижения успешно используются в информатике, в программировании, в создании машинных фондов словарей, в машинном переводе и т.д. Однако полное игнорирование семантики, характерное для большинства дескриптивистов, сужало горизонты лингвистики. Уже на морфологическом уровне учёные встретились с серьёзными трудностями, которые вынуждали их всё же учитывать значения морфов. Ещё беспомощнее дистрибутивный метод оказался при использовании его на синтаксическом уровне.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие два течения оформились в дескриптивной лингвистике 1940—1950-х гг.? Кто принадлежал к «формальному», ортодоксальному течению? Кто примкнул к «менталистскому» течению?
2. Какие задачи ставили перед собой сторонники дескриптивной лингвистики? Связано ли как-нибудь название этой школы с их научными установками?
3. Какие уровни языка описывали дескриптивисты наиболее основательно?
4. В чём суть дистрибутивного метода? Почему он так называется?
5. Из каких двух этапов состоял дистрибутивный анализ на фонетическом уровне? Какова была конечная цель этого анализа? Как соотносятся термины *фон*, *аллофон* и *фонема* в трудах дескриптивистов?
6. Какие отношения между элементами фонетического уровня обнаружили представители дескриптивной школы?
7. Как с помощью дистрибутивного метода дескриптивисты исследовали морфологический уровень языка?
8. Какова была конечная цель дистрибутивного анализа на морфологическом уровне? Как соотносятся в трудах учёных дескриптивной школы понятия *морф*, *алломорф*, *морфема*, *архифонема*?

9. Что можно поставить в заслугу дескриптивной школе?
10. Какие недостатки дистрибутивного анализа обнаружились при его непосредственном использовании? С чем они были связаны?

§ 63. Кризис дескриптивной лингвистики. Разработка методики анализа по непосредственно составляющим

С середины 1940-х и особенно в 1950-е гг. главной областью исследования дескриптивистов становится синтаксис. Оказалось, что если на морфологическом уровне дистрибутивный метод далеко не всегда удовлетворял исследователя, то на синтаксическом — тем более.

Первым применить дистрибутивный метод для анализа синтаксических явлений попытался **Зеллиг Заббетаи Харрис**, опубликовавший в 1946 г. статью «От морфемы к высказыванию». Для перехода к синтаксическому анализу Харрис вводит важное промежуточное понятие **позиции**. При объединении в классы на морфологическом уровне отбирались наиболее типичные диагностирующие позиции. Для класса N (корней существительных) наиболее типичными в русском языке должны были оказаться позиции после морфем *-ой*, *-ая*, *-ое*; для класса V (глагольных корней) — позиция перед *-ть/ти*. Для синтаксического анализа важна именно позиция. Последовательно заменяя морфемы в позициях, исследователь получает **субституционные классы**. Например, в русском языке после морфемы *-ой* с алломорфами *-ый*, *-ий* обнаруживается субституционный класс Nm (корней существительных муж. рода). Некоторые морфемы могут входить в два субституционных класса (ср. в русском языке *раб-* входит в класс Nm — корней существительных мужского рода и в класс A — корней прилагательных: *покорный раб*, *рабий язык*).

Первый шаг в сторону синтаксиса был сделан, потому что в диагностирующие позиции начали подставлять не только морфемы, но и последовательности морфем, т.е. и слова, и словосочетания. Так устанавливалась синтаксическая эквивалентность многих элементов, и их многообразие сводилось к небольшому числу типов. Например, в русском языке последовательность морфем *по двору* эквивалентна морфеме-наречию *там*. Если

воспользоваться дескриптивной символикой, то формула выглядела бы как $P-Nn = D$, где P — предлог, N — корень существительного, n — морфема (окончание) дат. падежа, D — наречие. Весь процесс синтаксического анализа, по Харрису, подобен сборке сложного целого из деталей: мелкие детали объединяются в крупные, а крупные вставляются в пазы (окружения).

Дистрибутивный анализ морфем показал, что они сначала попадают в некоторые промежуточные объединения, а потом уже создают целые высказывания. Правила соединения элементов очень сложны, и поэтому уже на начальных стадиях применения дистрибутивного метода в синтаксисе была сделана попытка подойти к процессу с обратной стороны: зная правила комбинации отдельных морфем, разбивать целое последовательно на части, чтобы прийти к отдельным морфемам. Убедившись в чрезвычайной сложности дистрибутивного анализа на синтаксическом уровне, дескриптивисты изобрели новый **метод анализа по непосредственно составляющим**.

Первые намёки на анализ по непосредственно составляющим были уже у Л. Блумфилда в 1930-х гг., но окончательно складывается метод лишь ко второй половине 1940-х гг. в работах Рулона Уэллза (р. 1919) «Непосредственно составляющие» (1947) и Юджина Найды «Морфология» (1946). Если дистрибутивный анализ был направлен снизу вверх — от фонетического уровня к синтаксическому, то анализ по непосредственно составляющим направлен сверху вниз — от целой конструкции к её частям. При этом любое высказывание сначала делится обычно на две части, полученные части каждая тоже делятся на две части, и так продолжается деление до морфем. Например, русское предложение *Молодой месяц показался на ясном небе* (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум), следуя методике анализа по непосредственно составляющим, нужно разбить на две части: *Молодой месяц* и *показался на ясном небе*. Затем каждую из полученных частей также разбить на две: *Молодой* и *месяц*; *показался* и *на ясном небе*. Остаётся разбить последнюю часть на две (*на небе* и *ясном*), чтобы достичь цели. В результате такого членения получаются синтаксические деревья, вершинами которых являются нерасчленённые предложения.

Юджин Найда установил принципы, которыми надо руководствоваться, проводя анализ по непосредственно составляющим.

1. Деление должно согласовываться со смысловыми отношениями, но они не должны противоречить структурным отношениям (просто смысловые термины привычнее, потому их и используют). Например, в предложении *Луна спокойно с высоты / Над Белой церковью сияет / И пышных гетманов сады / И старый замок озаряет* (А.С. Пушкин. Полтава) первое деление в соответствии со смыслом пройдёт после слова *Луна*, хотя части окажутся несоизмеримыми по объёму. Лингвист должен быть готов к тому, что в речевом потоке могут оказаться синтаксические конструкции с неясными смысловыми отношениями. Так, в первых строках романа А. Гурилёва на стихи А. Кольцова *На заре туманной юности / Всей душой любил я милую* непонятно, от чего зависит *туманной*: от сочетания *на заре* или от существительного *юности*. В таких случаях деление на части может быть двояким.

2. Деление производится на основе заменяемости более крупных единиц более мелкими. Так, например, сочетание *на заре* можно заменить словом *утром*.

3. Число делений должно быть минимальным; чаще всего это два непосредственно составляющих, реже — три-четыре (если в конструкции есть равноправные элементы типа однородных членов предложения).

4. Деление должно оправдываться всей структурой языка. Так, первое членение *бесполез-н-* предпочтительней, чем *бес-полезн-*, ибо позволяет описать больше фактов, иначе необъяснимы цепочки морфем *без-дарн-*, *бес-покойств-* и пр. с приставкой *беС-*.

Хотя метод анализа по непосредственно составляющим предназначен для более точного, объективного изучения синтаксиса, иногда (особенно если иметь в виду первый принцип Найды) открывается дверь для интуиции и субъективного решения вопроса. Но в целом это первый по-настоящему рабочий метод для изучения последовательности морфем.

Обычно при анализе по непосредственно составляющим в каждой паре выделяются главный и подчинённый компоненты — **ядро** и **спутник**: основа + окончание, существительное + прилагательное, глагол + наречие, главное предложение + придаточное предложение и т.д. (*Питмен. Ядерные структуры в лингвистике*, 1948). Учение о ядре и спутнике способствовало уточнению анализа по непосредственно составляющим. Так, выяснилось следующее:

1) если один из компонентов встречается изолированно, то это и есть ядро (в комбинации морфем *дом-ик* ядром является *дом-*, ибо он может употребляться изолированно);

2) если компонент А входит в класс с большим числом элементов, то это и есть ядро (существительных больше, чем предлогов, поэтому в комплексе с *высоты* ядром является существительное *высоты*; основ больше, чем окончаний, значит, в комплексе морфем *стен-а* ядром является основа *стен-*);

3) если А соединяется с большим числом элементов (окружение разнообразнее), то это ядро. Существительные, например, сочетаются с глаголами, прилагательными, другими существительными, причастиями, наречиями, числительными, а прилагательные — с существительными, наречиями и глаголами-связками, следовательно, в сочетании прилагательного с существительным ядром является существительное.

Тем не менее, конструкции с однородными членами и многие сложные слова придётся признать много- или двудерными (ср. *пароход, лесовоз; лес и степь, война и мир*).

Методика анализа по непосредственно составляющим (НС) далеко не всегда точна и объективна. И хотя методика эта позволила уточнить системный анализ языка, особенно на фонологическом и морфологическом уровнях, лингвисты отмечают следующие её недостатки.

1. Она не выработала инструмента различения похожих синтаксических структур, различных по смыслу. В русском языке, например, структура у предложений *Изучение событий становится интересным* и *Развитие событий становится интересным* с точки зрения анализа по НС совершенно одинаковая. Абсолютно идентично выглядят схемы предложений *Рабочие строят дом* и *Рабочими строится дом*. Методика бессильна отличить объект действия (в первом предложении) от субъекта действия (во втором).

2. Она применима только в рамках простого предложения, и то не во всех случаях; не даёт возможности установить связи между активными и пассивными, утвердительными и отрицательными, утвердительными и вопросительными конструкциями.

3. Руководствуясь этой методикой, лингвист не в состоянии ответить на вопрос о том, что же является элементарной единицей языка на синтаксическом уровне.

Дескриптивная лингвистика переживала кризис. Все недостатки дистрибутивного метода и метода анализа по НС стимулировали поиски нового метода, с помощью которого можно было бы адекватно описывать синтаксическую структуру любого языка.

Вопросы для самоконтроля

1. Какая область исследования стала главной для дескриптивистов в середине 1940-х — 1950-е годы? С какими трудностями встретились они, изучая синтаксис? Почему не «срабатывал» дистрибутивный метод на синтаксическом материале?
2. Как З. Харрис «приспосабливал» дистрибутивный метод для анализа синтаксического уровня языка? Какое отношение имеют субституционные классы в методике, разработанной Харрисом, к диагностирующим позициям?
3. Удалась ли З. Харрису попытка применить дистрибутивный метод на синтаксическом уровне? Если нет, то почему?
4. Кому принадлежит заслуга изобретения методики анализа по непосредственно составляющим? В каких работах изложены основы этой методики?
5. Чем методика анализа по непосредственно составляющим отличается от дистрибутивного метода? Стала ли она шагом вперёд в дескриптивной лингвистике? Какую конечную цель ставили перед собою лингвисты, анализируя текст с точки зрения непосредственно составляющих? Что представляет собой «синтаксическое дерево»?
6. Какими принципами, по мнению Юджина Найды, нужно руководствоваться при анализе синтаксического материала?
7. Выберите из любого художественного текста пять простых предложений и попробуйте проанализировать их, пользуясь методикой НС. Определите, руководствуясь учением о ядре и спутнике, главные и подчинённые компоненты в выделенных вами сегментах текста.
8. Удалось ли Ю. Найде и Р. Уэллзу вывести дескриптивную лингвистику из кризисного состояния благодаря методике НС? Аргументируйте свой ответ.
9. Назовите уязвимые места методики анализа по непосредственно составляющим. Смогла ли она хотя бы выявить основные единицы синтаксического уровня? Какие вопросы она оставила нерешёнными?

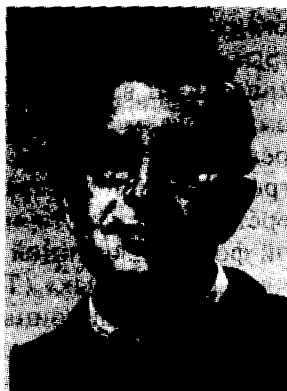
§ 64. Трансформационный метод.

Генеративная грамматика

Нбама Хомского («хомскианская революция»)

В 1950-е гг. структурализм переживает не лучшие времена. И в Европе, и в Америке лингвисты осознавали, что структурный, чисто формальный подход к изучению языка, не учитывающий семантики языковых единиц, себя изживает. Уже было описано много «экзотических» языков, языковая информация начала обрабатываться на электронных машинах автоматически, но дистрибутивный метод, основанный на сегментации и дистрибуции, который был полезен при решении ряда задач в области фонетики и морфологии, ограничивал возможности дескриптивистов в прочих сферах языкознания, и сами они пытались выйти за рамки дистрибутивного анализа.

Представитель ортодоксального, формального течения дескриптивной школы Зеллиг Харрис в работе «Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре» (1957) предложил новый, названный трансформационным метод анализа синтаксических явлений. Но подлинным основателем **трансформационного метода (ТМ)** стал ученик З. Харриса **Нбама Хомский /Чомский/** (р. 1928). Вначале он занимался, как и все дескриптивисты, фонологией и изучал с помощью дистрибутивного метода фонетическую систему иврита. Затем вместе со своим учителем З. Харрисом Хомский увлёкся проблемами синтаксиса и в 1957 г. выпустил книгу «Синтаксические структуры». Именно с этим событием связывают зарождение нового, трансформационного метода.



Работа Хомского кардинально отличалась от трудов его коллег по дескриптивной школе, во-первых, тем, что он преследовал цель **создания общей теории языка**: «...лингвисты стоят перед проблемой определения глубоких, фундаментальных свойств успешно действующих грамматик. Конечным результатом этих исследований должна явиться теория лингвистической структуры, в которой описательные механизмы конкретных грамматик представлялись бы и изучались абстрактно, без обращения

к конкретным языкам» («Синтаксические структуры», 1957). Во-вторых, Хомский поставил перед лингвистикой задачу, противоположную той, которая была свята для каждого дескриптивиста: смысл грамматики он видел не в процедуре открытия речевых регулярностей, а в моделировании деятельности носителя языка. Таким образом, учёный реабилитировал интуицию исследователя, что в конечном итоге должно было привести к необходимости изучать языковую семантику.

Для американских лингвистов это имело ещё один немаловажный результат: от экзотических языков они могли переключиться на родной английский. Однако Хомский пока ещё не был готов отказаться от одного из важнейших постулатов дескриптивизма — семантика для него по-прежнему остаётся за пределами лингвистики. «Я думаю, — пишет он, — мы принуждены сделать вывод, что грамматика автономна и независима от значения и что вероятностная модель не даёт особого проникновения в сущность основных проблем синтаксической структуры» (Там же). Вполне в соответствии с установками дескриптивистов он в работе 1957 г. квалифицирует и язык: «Под языком мы будем понимать множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из множества элементов». А поскольку семантика не берётся в расчёт, то «множество предложений» даже «некоторой формализованной математической теорией может рассматриваться как язык» (Там же).

Трансформационный метод, предложенный Хомским, очень скоро вышел за пределы синтаксиса и стал необычайно популярным, особенно в связи с бурным развитием прикладной лингвистики. Используя трансформационный метод на синтаксическом уровне, лингвисты считают основной единицей языка предложение. Предложения они делят на исходные (элементарные) и производные. К числу исходных относятся активные повествовательные предложения типа *Ребёнок играет, Сосед строит дом*; остальные относятся к производным.

Синтаксическая система любого языка, с точки зрения трансформационного метода, может быть представлена в виде элементарных предложений, которые называются **ядерными предложениями**. Они наиболее устойчивы и относятся к числу древнейших. Это подтверждается историческими фактами и данными детской речи. Так, русский ребёнок сперва усваивает утверди-

тельные двусоставные предложения типа *Собака бежит, Папа пришёл*; затем появляются повелительные, восклицательные, вопросительные и отрицательные предложения, причём безличные появляются позже личных. Предложения с дополнениями (например, *Мама принесла куклу*) появляются на три месяца раньше, чем предложения с согласованными определениями. Таким образом, ядерные предложения всё же существуют, хотя в обычной речи они встречаются очень редко, а в письменных текстах их почти нет.

Из простейших ядерных предложений можно построить путём трансформаций разнообразные производные предложения. При последовательном применении трансформаций получают целые цепочки производных предложений. Для удобства приведём примеры из русского языка: *Мальчик рисует* → *Рисует мальчик?* → *Что касается мальчика, то он рисует* → *Мальчик начал рисовать* → *Начал мальчик рисовать?* → *Что касается мальчика, то он начал рисовать* → *Мальчик хотел начать рисовать* → *Хотел мальчик начать рисовать?* → *Что касается мальчика, то он хотел начать рисовать* и т.д.

Производя подобный анализ (естественно, Хомский оперировал примерами из английского языка), лингвист имитирует поведение носителя языка, который на базе своего опыта способен произвести и понять бесконечное число новых грамматически правильных предложений. Хомский описал 24 типа трансформаций и разработал «алгебру трансформации», отражающую последовательность возможных преобразований, среди которых есть

1) замена одного элемента другим (субституция): *Я увидел, что машина остановилась* → *Я увидел это*;

2) перестановка элементов (пермутация): *Урок начался* → *Начался урок?*;

3) добавление элемента (адъюнкция): *Машина остановилась* → *Машина не остановилась, Машина ли остановилась?*;

4) исключение элемента (эллипсис): *Жители говорили, что ветер был сильный* → *Говорили, что ветер был сильный*.

Среди полученных в результате трансформаций структур могут быть даже странные с точки зрения семантики, но правильные с точки зрения грамматики структуры. Хомский приводит знаменитый пример *Colourless green ideas sleep furiously* ('Бесцветные зелёные идеи спят яростно'), абсолютно бессмысленный,

но с точки зрения грамматики правильный. И, напротив, фраза *Моя твоя не понимай* абсолютно понятна каждому носителю русского языка, но грамматически построена неправильно. Основная проблема лингвистического анализа, по Хомскому, — **отделить грамматически правильные** последовательности, которые являются предложениями языка L, **от грамматически неправильных** последовательностей, которые не являются предложениями языка L. Грамматика языка L представляет собой, таким образом, своего рода «механизм, порождающий все грамматически правильные последовательности L и не порождающий ни одной грамматически неправильной» (Там же).

Для выявления грамматической правильности при использовании трансформационного метода, по мнению Хомского, статистические критерии непригодны. Нужны структурные критерии, а они выводятся из общей теории, которая опирается на интуицию носителя языка.

Трансформационный метод, основы которого были изложены в первой крупной работе Хомского «Синтаксические структуры», сыграл роль подготовительного этапа на пути создания **порождающей (генеративной) грамматики**, идеи которой были сформулированы учёным в книгах «Аспекты теории синтаксиса» (1965), «Язык и мышление» (1968). Эти работы сыграли огромную роль в истории мирового языкознания. Создав порождающую грамматику, Хомский нанёс мощный удар по структурализму. Эффект от новой теории был настолько сильным, что в лингвистике появилось выражение **«хомскианская революция»**. Профессор Гарвардского университета, социолог, политолог, придерживающийся левых взглядов, Нбам Хомски обладает широкой эрудицией, и в рамках, заданных дескриптивной лингвистикой, ему как лингвисту тесно. Полвека структуральная лингвистика, адептами которой были и американские дескриптивисты, почти не занималась проблемами взаимоотношения языка и мышления, не изучала универсальных свойств языков мира, игнорировала самого говорящего человека. Её интересовали только результаты речевой деятельности — бесчисленные линейные ряды высказываний.

Нбам Хомский поставил перед лингвистами вопрос: «Каким образом носитель языка способен «порождать» безграничное количество предложений, которых он никогда не слышал?» Сам Хомский искал ответ на этот вопрос в Грамматике Пор-Рояля

и в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. Позицию компаративистов XIX в., идущую вразрез с учением Гумбольдта и не учитывающую идей универсальной грамматики, а также представление о языке структуралистов XX в. Хомский считает «убогой и совершенно неадекватной концепцией языка» («Язык и мышление», 1967). У В. фон Гумбольдта его особо привлекла идея о творческом характере языка, а у Арно и Лансло — мысль о том, что люди мыслят одинаково, поэтому в основе всех языков лежит единая универсальная грамматика. То общее, что есть в каждом языке, Хомский назвал **глубинной структурой**, которая в результате действия механизма грамматики порождает разнообразные **поверхностные структуры**.

Наибольший интерес для лингвиста, по мнению Хомского, должен представлять сам *процесс порождения предложений*. Этот динамический подход к изучению языка заставил его отказаться от прежних представлений о лингвистических уровнях: теперь для него это не статичные слои, а последовательные этапы порождения. А поскольку центральной фигурой, способной порождать бесчисленное множество предложений, является творящая личность — говорящий человек, то именно с ним связывает учёный важнейшие понятия генеративной грамматики: **компетенция** (реальное знание своего языка) и **употребление** (реальное использование языка в конкретных ситуациях). Компетенция и употребление напоминают как будто бы соссюрговскую антиномию *язык и речь*. Однако сам Хомский возражал против такого уподобления, потому что язык у Соссюра — «только систематический инвентарь единиц», а компетенция динамична и представляет собой «систему порождающих процессов».

Н.Хомский полагает, что лингвист должен заниматься только компетенцией: «Грамматика языка стремится к тому, чтобы быть описанием компетенции, присущей идеальному говорящему-слушающему» («Аспекты теории синтаксиса», 1965). Компетенция предполагает 1) опору на базисный компонент — некоторый набор символов, хранящихся в памяти человека: S — символ предложения, NP — именная группа, VP — глагольная группа и т.д.; 2) неограниченное множество слов и морфем; 3) набор правил, оперирующих этими единицами. Если слова, морфемы — материал, поддающийся и сбору, и описанию, то по поводу базисного компонента и набора правил, оперирующих этими единицами, возникло очень много неясностей. Здесь исследова-

тель сталкивается с значением, с психической реальностью, а в руках Хомского не было адекватного инструмента описания этой реальности. Последующие годы Хомский и его единомышленники описывали порождающие грамматики, пытались, изучая английский язык, создать универсальную грамматику, пригодную для любого конкретного языка, однако пока эти попытки не увенчались успехом.

«Хомскианская революция» оказала «оздоровительное» действие на лингвистику XX столетия. Лингвисты раздвинули рамки своих исследований: отвергнутая когда-то семантика оказалась предметом пристального внимания не только компаративистов, но и структуралистов. Структуралисты даже перешагнули через те границы, которые наметил Хомский, и изучают, наряду со сторонниками традиционного языкознания, *употребление* языковых единиц, обратившись к коммуникативной функции языка, к его социальной природе.

Вопросы для самоконтроля

1. Опишите состояние дескриптивной лингвистики в 1950-е гг. Какие факторы свидетельствовали о кризисе американской структуральной школы?
2. Кто первым применил трансформационный метод? Кого и почему считают основоположником трансформационного метода? В какой книге Н. Хомский изложил сущность нового трансформационного метода?
3. Какие идеи Н. Хомского, отражённые в работе «Синтаксические структуры», противоречили дескриптивистским установкам? В трактовке каких явлений Н. Хомский оставался на позициях дескриптивизма?
4. Какую задачу Н. Хомский считал главной для лингвистики? Что он понимал под термином *язык*?
5. Что с точки зрения трансформационного метода представляет собой синтаксическая система? Как соотносятся, по мнению Н. Хомского, ядерные и производные предложения? Почему метод, изобретённый З. Харрисом и Н. Хомским, называется трансформационным?
6. Как по-вашему, может ли лингвист, пользуясь трансформационным методом, отграничить грамматически правильные и грамматически неправильные конструкции?

7. Правильной или неправильной грамматически является фраза, изобретённая Л.В. Щербой, — *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка*? Приведите аналогичные примеры из произведений русских поэтов В. Хлебникова и В. Маяковского.
8. Сумел ли Н. Хомский с помощью трансформационного метода решить проблемы, стоявшие перед структурной лингвистикой в 1950-е гг.? В чём он допустил просчёт?
9. В каких работах Н. Хомский разработал метод порождающей (генеративной) грамматики? На кого из предшественников он опирался, создавая новый метод?
10. В чём суть генеративной грамматики? Есть ли основания называть то, что сделал в лингвистике Н. Хомский, «революцией»?
11. Что Н. Хомский понимал под глубинными и поверхностными структурами языка? Какую задачу, по его мнению, должен решать лингвист, занимаясь порождающей грамматикой?
12. Как Н. Хомский описывал речевую деятельность говорящего человека? Что он понимал под компетенцией и под употреблением? Что, по Хомскому, должно интересовать лингвиста, изучающего говорящего человека?
13. Удалось ли Н. Хомскому решить проблему создания универсальной грамматики? Какой резонанс имели работы Н. Хомского в американском и европейском языкознании?

ЛИТЕРАТУРА

Основная

Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 168—227.

Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1984. С. 189—263.

Кодухов В.И. Общее языкознание: Учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. С. 78—98.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Прогресс, 1979. С. 117—177.

Тевицкий Ю.А., Боронникова Н.В. История лингвистических учений. Высш. шк., 2005. С. 199—214.

Дополнительная

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. С.Ф. Гончаренко. М.: ИЦ «Академия», 2003. С. 505, 521—604.

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики: Краткий очерк. М.: Просвещение, 1966.

Ахманова О.С. Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания // Вопросы языкознания. 1953. № 3. С. 25—47.

Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 13—57.

Белый В.В. Американская дескриптивная лингвистика // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: Наука, 1977. С. 158—203.

Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.

Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964. С. 46—126.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Даниленко В.П. Лингвистическая характерология в концепции В. Матезиуса // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 120—128.

Звегинцев В.А. Глоссематика и лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 229—234.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 91—281.

Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967.

Кибрик А.Е. Э. Сепир и современное языкознание // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 5—22.

Мельничук А.С. Глоссематика // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: Наука, 1977. С. 125—158.

Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967.

Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Д. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1998. С. 362—363.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 88—92, 300—310.

Языкознание. Русский язык: Энциклопедия для детей. Т. 10. / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта +, 1998. С. 472, 645—647, 650—654, 688.

РАЗДЕЛ VI

СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ 1918—1950-х гг.

ГЛАВА I

Положение в отечественной лингвистике после Октябрьской революции

§ 65. Задачи, стоявшие перед лингвистами в послереволюционной России

После Октябрьской революции большинство учёных России было вовлечено в общественную и политическую жизнь складывающегося социалистического государства. Как и в Соединённых Штатах Америки, где труд лингвистов был востребован в силу необходимости приобщения индейских племён к англоязычной культуре, так и в молодой республике Советов, а затем в СССР перед учёными встали задачи, связанные с «культурной революцией».

До 1917 г. даже в развитых районах Российской империи три четверти населения не знало грамоты, а в Казахстане, Таджикистане и Киргизстане число неграмотных достигало 99 процентов. Необходимо было составлять нормативные грамматики, словари, учебники, создавать азбуки для бесписьменных народностей. Чтобы реализовать эти планы, нужно было сделать резкий поворот от сравнительно-исторического языкознания к описательному, ибо многие народности прежней России, как и американские индейцы, «не имели истории», не знали письменности, а значит, изучать их языки можно было только в синхронном срезе, анализируя живую речь. Кроме того, революция повлекла за собой существенные изменения в языке средств

массовой информации, в публицистических и художественных текстах. Активизация общественной жизни сопровождалась демократизацией русского литературного языка: в него, наряду с неологизмами, широким потоком хлынули не только просторечные, но и вульгарные слова и выражения, диалектизмы, жаргонизмы; грамматические, орфографические и орфоэпические нормы нарушались. Остро встал вопрос о культуре речи, об охране русского литературного языка. Лингвистика в стране Советов оказалась по-настоящему востребованной.

Советское языкознание в описываемый период не было однородным ни по методам лингвистического анализа, ни по взглядам на язык. Некоторые талантливые российские учёные (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, В.К. Поржезинский, Макс Юлиус Фридрих Фасмер (1886—1962), С.О. Карцевский после революции уехали из России. Но в 1920—1930-е гг. ещё возможны были контакты с зарубежными научными центрами. Часть оставшихся учёных поддерживала связи с представителями Пражского лингвистического кружка (по преимуществу, через эмигрантов) и вела исследования в том же ключе, что и первая структуральная школа (Г.О. Винокур, Н.Ф. Яковлев, Е.Д. Поливанов), другие остались верны идеям младограмматизма; третьи увлеклись «новым учением о языке» Н.Я. Марра и составили целое направление, которое на три десятилетия заняло ведущее положение в отечественном языкознании.

Несмотря на идеологическое давление, на вмешательство государства в творческую жизнь интеллигенции, на тяжёлые потери, которые понесла наука в результате репрессий 1930-х, на военную разруху 1940-х гг., послеоктябрьское время отмечено значительными успехами в области лингвистики и многими блистательными талантами, завоевавшими мировое признание. Десятки народностей СССР в 1920—1930-е гг. получили письменность на родном языке, что послужило основой для формирования литературных языков. Среди них были кумыкский, каракалпакский, лезгинский, ингушский, чеченский, хакасский, гагаузский, адыгейский, даргинский, лакский, марийский, удмуртский, коми-пермяцкий, зырянский, эскимосский, калмыцкий, ненецкий, чукотский и другие языки. При государственной поддержке в СССР развернулась огромная работа по изучению диалектов. Продолжала работать созданная в 1903 г. А.А. Шахматовым диалектологическая комиссия; были

заложены основы новых лингвистических дисциплин — нормативной стилистики, истории литературного языка, несколько позднее, в 1940-е гг. — фразеологии; успешно развивалась экспериментальная фонетика; много открытий было сделано в области фонологии и синтаксиса. Труды А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и других учёных 1920—1950-х гг. вошли в золотой фонд русской науки.

Независимо от принадлежности к той или иной школе, отечественных лингвистов данной эпохи объединяли некоторые общие черты.

Во-первых, участвуя в языковом строительстве, они волею неволей признали социальный характер языка и занимались изучением его функциональных свойств.

Во-вторых, различие между статикой и динамикой (или синхронией и диахронией) для них было не умозрачительной антиномией, а реальностью, и они, живя в переломное время, не могли не признать теснейшей связи между состоянием языка в данный момент и его историей.

В-третьих, сама жизнь заставляла советских лингвистов рассматривать языковые единицы не только с материальной (формальной) стороны, но и с точки зрения семантической: именно в эти годы целые лексико-фразеологические пласты, характеризующие уклад дореволюционной России, уходили в пассивный запас (*денщик, пристав, присяжный поверенный, околоток, горничная, земский начальник, губернатор, заводчик* и т.д.), в то время как появлялись новые названия, отражающие советские реалии (*комбед, ревтрибунал, реввоенсовет, наркомпрос, чекист, пятилетка, совет народных депутатов, комсомол* и т.д.), а у многих слов менялись и стилистическая окраска, и сами значения (*советы, бедняк, товарищ* и др.).

В-четвёртых, советские лингвисты жили в предельно политизированном обществе, и философской основой для большинства из них стал диалектический материализм в трактовке классиков марксизма-ленинизма.

§ 66. Философская основа советского языкознания

Трудно встретить среди работ 1920—1950-х гг., опубликованных в нашей стране, такие, которые не содержали бы цитат

из сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. Однопартийная система, сросшаяся с государственной властью, через цензуру обеспечивала «единоверие»: никто не должен был забывать о марксистско-ленинской философии, и каждый пишущий, преподающий, руководящий работник реально вынужден был доказывать свою верность господствующей идеологии. Руководством к действию для партийных и государственных органов служила статья теоретика марксизма, основателя Советского государства **Владимира Ильича Ленина** (подлинная фамилия Ульянов, 1870—1924) «О значении воинствующего материализма», написанная в 1922 г. и в полной мере отражавшая дух своего времени. «Без солидного философского обоснования, — писал Ленин, — никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести её до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.е. должен быть *диалектическим материалистом*». Эти слова, естественно, относились и к лингвистам.

Лингвисту, как и любому исследователю, крайне важно решить для себя основной вопрос философии: «Что является первичным, мышление или бытие?» На этот вопрос прямо или косвенно отвечали представители всех известных лингвистических школ, начиная от древнеиндийской и античной, кончая структуралистскими. Но лингвисту нужно ещё установить, какое место в системе *мышление — бытие* занимает *язык*. Сущность связи между языком и мышлением в рамках диалектического и исторического материализма была сформулирована в работе «Немецкая идеология» (1846) философами, теоретиками научного коммунизма **Карлом Марксом** (1818—1883) и **Фридрихом Энгельсом** (1820—1895).

Маркс и Энгельс настаивают на неразрывной связи между языком и мышлением и подчёркивают коммуникативную функцию языка: «Язык, — пишут они, — так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости

общения с другими людьми» (Соч., 2-е изд., т. 3, с. 29). Они предостерегают исследователей от обособления языка от мышления: **«Язык есть непосредственная действительность мысли.** Так же, как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в форме слов, обладают своим собственным содержанием. Задача спуститься из мира мыслей в действительный мир превращается в задачу спуститься с высот языка к жизни» (Соч., т. 3, с. 448). Маркс и Энгельс утверждают, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они — только *проявления* действительной жизни» (Там же, с. 449). Неразрывную связь между мышлением и языком и материальную основу мыслительной деятельности Маркс и Энгельс выразили в чеканной формуле, ставшей афоризмом: **«На “духе” с самого начала лежит проклятие — быть “отягощённым” материей,** которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков — словом, в виде языка» (Там же, с. 29). В «Подготовительных работах к «Святому семейству» они повторяют эту мысль: **«Даже основной элемент мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли — язык — чувственной природы»** (Соч., т. 3, с. 630). Итак, марксистская философия исходит из признания первичности окружающего нас объективного мира, существующего вне человека и помимо человека, а также из того, что объективная действительность отражается в нашем сознании и обнаруживается через язык.

Дальнейшим развитием философии диалектического материализма применительно к языку была разработка В.И. Лениным **теории познания**, которую взяли на вооружение отечественные лингвисты. *«Абстракции материи, закона природы, абстракция стоимости и т.д., одним словом, все научные (правильные, серьёзные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»,* — замечает В.И. Ленин в «Конспекте книги Гегеля “Наука логики”» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153).

Диалектический материализм учит, что наше познание движется к истине через относительные истины: наши представления и понятия о связях и взаимоотношениях между изучаемы-

ми явлениями всё время уточняются, углубляются: «В теории познания, как и во всех областях науки, следует рассуждать диалектически, т.е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным», — писал В.И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 18, с. 102). Такая установка способствовала движению лингвистической науки вперёд, поощряла новые поиски, проверку уже добытых сведений путём использования новых методов анализа, привлечения дополнительных языковых фактов.

Европейское языкознание усвоило постулат о системности языка, о взаимосвязанности всех языковых элементов во многом благодаря Ф. де Соссюру. Советским языкознанием идея системности языка была унаследована от Ф.Ф. Фортунатова и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Однако советские лингвисты, несомненно, укрепились в убеждении о системности языка благодаря марксистской философии, точно так же, как исторический материализм, столь популярный в СССР, поддерживал объективно взгляд на язык как на динамичную, развивающуюся систему и фактически не позволил до конца свернуть историко-сопоставительные исследования в СССР. Вузовские учебники, статьи о методике преподавания лингвистических дисциплин 1920—1950-х гг., как правило, включали цитату Ф. Энгельса из работы «Анти-Дюринг»: «...“материя и форма родного языка” становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мёртвые языки» (Соч., 2-е изд., т. 20, с. 333—334).

Для К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, учитывая характер их деятельности и политические убеждения, особенно важным представлялся общественный, социальный характер языка. Поэтому из всех языковых функций они выделили две — *коммуникативную* и связанную с нею *функцию воздействия*. Последняя, кстати, культивировалась с подачи В.И. Ленина в советских средствах массовой информации. Следуя за К. Марксом и Ф. Энгельсом, В.И. Ленин в статье «О праве наций на самоопределение» писал: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения...» (Соч., т. 20, с. 368). Во всех своих публичных выступлениях, в статьях, посвящённых экономическим

проблемам, административному и политическому устройству молодого Советского государства, не говоря уже о культурном строительстве, Ленин постоянно напоминал об идеологической силе воздействия слова на массы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что партийные и государственные чиновники в 1920—1950-е гг. особое внимание уделяли именно *функции воздействия*, точнее — *идеологической функции языка*. Отсутствие упоминания об этой функции в общетеоретических трудах лингвистов встречало яростное осуждение не только со стороны чиновников, но и со стороны учёных, воспринявших диалектический материализм как некую догму. Так, например, Г.И. Горбаченко, Н.П. Синельникова и Т.А. Шуб в статье «Вылазка буржуазной агентуры в языкознании», написанной в 1932 г., считают самым страшным грехом Е.Д. Поливанова и В.Н. Волошинова то, что те в своих работах («За марксистское языкознание», «Марксизм и философия языка») «преступно игнорируют неотъемлемую часть единого процесса — *воздействие*», что язык ими «низведён до «условного средства взаимного понимания между людьми» и не больше». Словесные баталии между ортодоксальными марксистами и теми, кто недостаточно старательно цитировал классиков марксизма-ленинизма, нередко заканчивались трагически для последних.

Развитие семасиологии, внимание к семантической стороне языковых единиц, которые характеризуют советскую лингвистику 1920—1950-х гг., тоже находило опору в трудах классиков марксизма-ленинизма. Антиномия *означающего и означаемого* была унаследована отечественными учёными от собственных дореволюционных школ, не через «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, а потому терминологически отличалась от соссюрианской. Самыми распространенными были термины *форма и содержание* языковой единицы, отношения между которыми чаще всего трактовались с опорой на высказывание К. Маркса из «Капитала»: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» (Соч., т. 23, с. 110) и на цитату В.И. Ленина «Всякое слово (речь) уже обобщает» из «Конспекта книги Гегеля “Лекции по истории философии”» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 246).

Диалектический материализм, с одной стороны, стал надёжной методологической базой для молодой советской лингвистической науки. С другой стороны, в условиях жёсткой цензуры со стороны партийно-государственного аппарата, не допускавшего идеологического инакомыслия ни в одной из сфер интеллектуальной деятельности, развитие целых отраслей лингвистических знаний (психолингвистики, структурализма, инженерной лингвистики и др.), представлявшихся «буржуазными», «враждебными» отголосками «старого-мира», тормозилось.

Однако обращение к марксистско-ленинской философии при решении лингвистических проблем для многих учёных послереволюционного периода было не только результатом навязывания сверху господствующей идеологии. «Серьёзность, обдуманность и искренность обращения к марксизму» у большинства из них не вызывает сомнения. Как справедливо пишет А.П. Романенко, лингвистами «двигало интеллигентское стремление послужить трудящимся массам и новому обществу» (Советская философия языка: Е.Д. Поливанов — Н.Я. Марр, 2001). Но в складывающейся новой советской культуре лингвисты, принявшие марксизм в качестве философской основы своих исследований, не образовали единого сплочённого лагеря, о чём речь пойдёт ниже.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие задачи стояли перед отечественной лингвистикой после Октябрьской революции? Что сближало лингвистов Соединённых Штатов Америки 1920—1930-х гг. и лингвистов России послеоктябрьского периода?
2. Какие течения определились в лингвистике послеоктябрьской России? Что объединяло эти разнородные группировки? Были ли они в состоянии выполнить требования, которые предъявило им время?
3. Обозначьте коротко успехи советской лингвистики 1920—1950-х гг.
4. Какова была философская основа советской лингвистики 1920—1950-х гг.?
5. Кто был основоположником диалектического материализма? В каких трудах содержатся основные идеи диалектического материализма, которые стали философской базой советской лингвистики?

6. Как диалектический материализм решает проблему взаимоотношения языка и мышления? Что в своих исследованиях из этого учения с успехом использовали советские лингвисты?
7. Была ли плодотворной для советской лингвистической науки теория познания, разработанная В.И. Лениным? В чём состоит её сущность?
8. Какие функции языка считала важнейшими марксистско-ленинская философия? Почему?
9. Дайте общую оценку философской основе советского языкознания. Каковы её плюсы? Как, на ваш взгляд, развивалась бы советская лингвистика, если бы с марксистско-ленинской философией могли конкурировать другие философские системы?

ГЛАВА 2

Судьба Петербургской лингвистической школы в 1920—1950-е гг.

§ 67. Деятельность учеников *И.А. Бодуэна де Куртенэ*

Ещё в дореволюционное время в России сложились две лингвистические школы: Московская, созданная Ф.Ф. Фортунатовым, и Петербургская, которую возглавлял И.А. Бодуэн де Куртенэ, когда он работал в Петербургском университете. После самоопределения Польши И.А. Бодуэн де Куртенэ уехал в Варшаву, и Петербургскую школу возглавил его ученик Л.В. Щерба. В отличие от периода, когда Казанская школа являла собой собрание лингвистов, тесно связанных не только рядом общих идей и методологических установок, идущих от самого Бодуэна, но и разработкой общих проблем, ученики петербургского периода проявляли большую творческую независимость, и само название *Петербургская* школа скорее свидетельствует о месте полученного образования причастных к ней учёных и об идеях, которые питали их умы в студенческие годы и затем трансформировались в оригинальных концепциях. Так, во многом отошёл от взглядов своего учителя Л.В. Щерба. В силу ряда сло-

жившихся обстоятельств вынужден был в начале 1920-х гг. уехать из Петербурга и работал самостоятельно наиболее близкий Бодуэну по духу Е.Д. Поливанов. Особым путём пошёл и В.В. Виноградов: в конце 1920-х гг. он переехал в Москву и создал там собственную школу, которая занималась по преимуществу грамматикой, стилистикой, лексикой и фразеологией русского языка. Тем не менее, в трудах каждого из учеников Бодуэна де Куртенэ сохранялись основополагающие идеи некогда единой школы. Они все рассматривали статику и динамику языка как две стороны речевой деятельности, сохраняли интерес к живым языкам и их синхроническому описанию, учитывали в своих исследованиях системность языка и двусторонность языкового знака, стремились к теоретическим обобщениям и вскрытию внешних и внутренних закономерностей развития языков, чётко разграничивали буквы и звуки, фонемы и их звуковые варианты. Все ученики Бодуэна отстаивали принципы сравнительно-исторического языкознания, однако активно включились в языковое строительство, которое потребовало от них создания методики работы с живыми языками, к чему они были готовы.

Петербургская (после Октябрьской революции — Петроградская, а после смерти В.И. Ленина и переименования города на Неве — Ленинградская) школа сохранила свой статус ведущей российской лингвистической школы во многом благодаря тому, что возглавил её Л.В. Щерба.

§ 68. Лингвистическая деятельность Льва Владимировича Щербы

С именем **Льва Владимировича Щербы** (1880—1944), выдающегося лингвиста, академика, оригинального мыслителя, связано бурное развитие фонетики и фонологии в СССР. Фонетика и фонология заняли достойное место в лингвистике России ещё до революции, чему способствовал И.А. Бодуэн де Куртенэ, который разработал оригинальную концепцию фонемы и «за-разил» фонетико-фонологической проблематикой своих учеников, в том числе и Л.В. Щербу.

В Петербургский университет на историко-филологический факультет Лев Владимирович поступил после окончания киевской гимназии. Здесь состоялась его встреча с И.А. Бодуэном де Куртенэ, лекции которого не могли не увлечь пытливого сту-

дента. Бодуэн оказал огромное влияние на формирование лингвистических взглядов Л.В. Щербы. После окончания университетского курса Щерба был оставлен при кафедре сравнительной грамматики и санскрита и по рекомендации Бодуэна отправлен в заграничную командировку. В Италии Щерба изучал тосканские диалекты, во Франции, в Париже, занимался в лаборатории экспериментальной фонетики аббата Русло. 1907—1908 годы Л.В. Щерба проводит в Германии, чтобы изучить далеко отброшенный от других славянских языков мужаковский диалект лужицкого языка. Не зная ни слова по-лужицки, он поселился в деревне среди крестьян, прожил среди них две осени, выучил язык, наблюдал за его жизнью, сделал уникальные записи и постиг его структуру. Затерянный славянский диалект, оказавшийся в немецком окружении, давал очень важный материал для обоснования теории смешения языков и языковых контактов. Именно в годы пребывания за границей Щерба особенно последовательно осуществлял свой принцип *изучать живой язык, непосредственно общаясь с его носителями, и описывать только то, что непосредственно доступно наблюдению без заранее составленных схем*. Итогом работы Л.В. Щербы за границей стали магистерская диссертация «Русские гласные в качественном и количественном отношении», защищённая несколько позднее, в 1912 г., спустя три года после начала работы в Петербургском университете, и докторская диссертация «Восточнолужицкое наречие (с приложением текстов)» (1915).

В Петербургском университете ещё до революции Л.В. Щерба открыл кабинет экспериментальной фонетики, а в 1920-е гг. возглавил работу Неофилологического общества, основанного Александром Николаевичем Веселовским (1838—1906) в 1899 г. в целях изучения живых языков и литератур. Члены общества доказывали, что живой язык имеет такое же право на научное исследование, как и история языка. В результате деятельности этого общества в программу подготовки филологов впервые был введён курс современного русского языка, и первым его прочитал А.А. Шахматов (1911—1912 уч. год). В 1914 г. появилась книга А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», а в 1925—1927 гг. — «Синтаксис русского языка» А.А. Шахматова, где давалось синхронное описание синтаксической системы русского языка. Л.В. Щерба всячески способствовал внедрению в учебный процесс подобного рода курсов.

Вокруг Л.В. Щербы объединились многие талантливые учёные: Сергей Игнатьевич Бернштейн (1892—1970), Лев Петрович Якубинский (1892—1945), Виктор Владимирович Виноградов (1894/95—1969), Борис Александрович Ларин (1893—1964), Сергей Петрович Обнорский (1888—1962) и др. Они-то и составили поначалу ядро Петроградской — Ленинградской лингвистической школы советского периода.

Л.В. Щерба проявил себя во многих областях лингвистики. Он занимался общетеоретическими проблемами языкознания, морфологией, синтаксисом, орфографией, орфоэпией, транскрипцией, методикой преподавания иностранных языков, анализом поэтических текстов, лексикографией, словообразованием и т.д.

Антиномия *языка и речи* нашла оригинальное развитие в работе Л.В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», написанной в 1931 г. Вместо двух понятий (*язык и речь*) глава Петербургской-Ленинградской школы называет три: **речевая деятельность**, которая, по его словам, обусловлена психофизиологической организацией человека, носящей социальный характер; **языковая система**, под которой подразумеваются грамматика и словарь, и **языковой материал**, т.е. «совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы». Языковую систему и языковой материал Щерба рассматривает как «разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности». Кроме того, языковая система, в его представлении, — это вовсе не абстракция. Он пишет, что «все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам не даны»; они могут выводиться из процессов говорения и понимания, т.е. из текстов. Языковая система находится в непрерывном движении. Изменения в ней, по мнению Щербы, происходят в процессе речевой деятельности под влиянием внешних факторов. Таким образом, Л.В. Щерба, вполне в духе своего времени, пытался исключить психологизм из трактовки языковых явлений и заменить его социологизмом.

Основной единицей языка Л.В. Щерба считал **слово** (в 1920—1930-е гг. многие лингвисты сходились на том, что основная единица языка — не слово, а предложение). Чёткого определе-

ния термина *слово* он не даёт, замечая, что «в разных языках это будет по-разному», однако предполагает, что в язык как в систему входят слова, образующие в каждом языке свою сложную систему («Очередные проблемы языковедения», 1945). Ему казалось «противоестественным» называть **формой** слова его способность к выделению формальной и основной принадлежности, как это делал Ф.Ф. Фортунатов. Внешние выразители грамматических категорий он называл **формальными признаками** («О частях речи в русском языке», 1928).

На основании своих общетеоретических взглядов Щерба предложил новое членение грамматики: 1) правила словообразования, 2) правила формообразования, 3) активный и пассивный синтаксис, 4) фонетика с изучением стилей речи, 5) лексические и грамматические категории языка. Тщательно разрабатывая вопрос об отличии формообразования от словообразования, Щерба пришёл к выводу о том, что деепричастие, как и причастие, являются не самостоятельными частями речи, а глагольными формами. Занявшись проблемой классификации частей речи, он убедился, что опора на какой-то один признак (например, только на форму, как это делал Ф.Ф. Фортунатов) или только на значение при выделении частей речи не может дать ожидаемого результата.

В своей знаменитой статье «О частях речи в русском языке» Щерба писал: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной связью её смысла и всех формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, а, следовательно — существуют ли они как таковые, и существует ли сама категория». При классификации частей речи он предлагает учитывать сразу три признака: семантику слова, способы его словоизменения и обычную синтаксическую функцию. Это позволило ему теоретически обосновать выделение новой части речи — **категории состояния**. Кроме того, в особый разряд он включил связки, а среди союзов и союзных слов обнаружил четыре категории: 1) союзы сочинительные, 2) союзы присоединительные, 3) союзы слитные, 4) союзы подчинительно-относительные и союзные слова.

Основной единицей синтаксиса Щерба считал не словосочетание и не предложение, а синтагму. Под **синтагмой** он понимал фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи — мысли, которое может состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний.

В статье «Опыт общей теории лексикографии» (1940) Щерба заложил основы научного лексикографирования. Он первым описал различные типы словарей, в том числе разграничил энциклопедические словари и филологические: энциклопедические словари, по словам Щербы, характеризуют явления действительности, названные словом, а филологические толковые словари должны содержать лишь те сведения о значении слова, которые известны обычному носителю языка. «Слово *золотник* (в машине), — пишет Щерба, — всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного технического образования, знает как следует, в чём тут дело? Кто может сказать, что вот это *золотник*, а это нет? Поэтому в общем словаре (филологическом толковом. — С. III.) приходится так определять слово *золотник*: 'одна из частей паровой машины'».

Однако самые значительные достижения главы Петербургской — Ленинградской лингвистической школы связаны с фонетикой и фонологией. Они предопределили формирование особого учения о фонеме, ставшего отличительным признаком *Ленинградской фонологической школы*.

§ 69. Учение о фонеме Ленинградской (Петербургской) фонологической школы

Учение о фонеме Л.В. Щербы легло в основу концепции Ленинградской (Петербургской) фонологической школы. Оно изложено в работах «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912) и «Фонетика французского языка» (1937). У И.А. Бодуэна де Куртенэ, которому принадлежат два определения фонемы — синхроническое и диахроническое, — Щерба заимствует идею синхронического рассмотрения фонемы как звукового типа, способного служить для различения слов. «Реально <...> произносимые различные звуки, — пишет Щерба, — являющиеся тем **частным**, в котором реализуется **общее** (фонема), будем называть **оттенками фонем**». Общее, по словам Щербы, определяется «коммуникацией, которая является основной целью языка, т.е. в конечном счёте смыслом: единый смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же» («Фонетика французского языка»). «Только такое общее и важно в лингвистике, которое дифференцирует данную группу <...> от другой группы, имеющей другой смысл

<...> Вот это общее и называется **фонемой**». Значит, делает вывод Щерба, «фонемами мы называем такие звуковые элементы, или элементы речи, которые способны сами по себе дифференцировать слова». Но при этом не надо думать, что эти элементы всегда одинаково произносятся (ср. фонему [а] корня в разных формах слова: *сад*, *в садах*).

Следует подчеркнуть, что для Щербы фонема — не языковая абстракция: её характеризует «типичный оттенок», который может произноситься в изолированном виде и «сознаётся нами как речевой элемент». Это кардинально отличает учение о фонеме Л.В. Щербы от учения о фонеме пражских структуралистов Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, у которых фонема — это далее неделимый член фонологической оппозиции или пучок дифференциальных признаков. Кроме того, связав понятие о фонеме со смыслом, с социальной природой языка, Щерба рассматривает фонему как один из важнейших элементов языковой системы. Она, в его представлении, лежит в основе иерархии *фонема* — *морфема* — *слово* — *синтагма* и играет огромную роль в речевой деятельности, так как обеспечивает использование материальных явлений (акустических, физиологических) для образования значимых единиц языка. Вот почему такое большое внимание уделяет Щерба, а вслед за ним вся Ленинградская фонологическая школа изучению материальных свойств языковых единиц, материальных свойств фонем. Отсюда и стремительное развитие экспериментальной фонетики, которой прославилась Ленинградская (Петербургская) фонологическая школа.

В этой фонологической школе объединились ученики Л.В. Щербы — Сергей Игнатьевич Бернштейн (1892—1970), Маргарита Ивановна Матусевич (1895—1979), Лев Рафаилович Зиндер (1904—1995). Для них фонологическая система языка — не результат логических построений исследователя, а реальная организация звуковых единиц, которая позволяет каждому носителю языка участвовать в коммуникации: не только говорить самому, но и понимать речь собеседника. Поэтому учёные данной школы так тщательно изучают функции звуковых единиц: подробно описывают фонетическую сторону фонологических систем, звуковой облик слов, интересуются разными стилями речи, разрабатывают теорию слога, интонации. При этом обнаруживаются различные правила использования звуковых типов (их дистри-

буция, зависимость от соседних звуковых типов, положения в слове — стык морфем, конец слова, начало слова и т.д.), чередования.

Одно из важнейших отличий Ленинградской (Петербургской) фонологической школы от Московской состоит в том, что ленинградские (петербургские) фонологи по-особому трактуют изменения звукового облика слова. Они считают, что эти изменения могут быть вызваны двумя причинами — аллофоническими (например, *с[a]д* — *с' [ǣ]ду*, где *[a]* и *[ǣ]* — аллофоны) или фонемными чередованиями (например, *са[m]* — *са[д]а*, где — *[m]* и *[д]* — разные фонемы). Они никак не связывают выделение фонем с членением слова на морфемы, как это делает Московская фонологическая школа. Таким образом, пары слов *под* — *пот*, *роз* — *рос*, *плод* — *плот* содержат, согласно учению Ленинградской фонологической школы, различающиеся морфемы, в то время как фонемный состав у каждой пары слов трактуется как одинаковый. У пражских структуралистов данные явления рассматриваются как позиция нейтрализации *разных фонем*, противопоставленных по признаку глухости-звонкости. Фонологи Московской школы также видят в данных случаях *разные фонемы*, варианты которых совпадают в позиции конца слова.

Результаты наблюдений учёных Ленинградской (Петербургской) фонологической школы используются в кибернетике, в системах связи, в медицине (при лечении нарушений речи — заикании, афазии — тугоухости), в методике преподавания неродного языка.

§ 70. Лингвистические взгляды

Евгения Дмитриевича Поливанова

К числу наиболее талантливых учеников И.А. Бодуэна де Куртенэ, принадлежавших к Петербургской (Ленинградской) лингвистической школе, относится **Евгений Дмитриевич Поливанов** (1891—1938). Он был разносторонне одарённым человеком, полиглотом, знавшим в совершенстве десятки языков, переводчиком, основателем первого в Средней Азии университета, создателем алфавитов для бесписьменных народов. Дворянин по происхождению, он в юности увлёкся революционными идеями, участвовал в Гражданской войне (был командиром

партизанского отряда «красных» китайцев, дипломатом, автором первого варианта Брестского мира, переводил на русский язык по поручению революционных властей секретные документы царского правительства), организовал множество экспедиций, в которых собирал сведения о языках и диалектах Средней Азии.



С первых дней советской власти Поливанов включился в общественную и политическую жизнь страны, но оставался верен своим лингвистическим убеждениям в любых, даже самых сложных обстоятельствах. Одним из первых он выступил с критикой антинаучных идей господствовавшего в 1920—1930-е годы марризма, за что поплатился своей карьерой, а затем и жизнью. В 1929 г. в Коммунистической академии Поливанов сделал доклад, в котором доказал несостоятельность «нового учения о языке» Марра. Реакция не заставила себя долго ждать: он не смог больше оставаться в Москве и вынужден был вернуться в Среднюю Азию. Когда в 1931 г. вышла его книга «За марксистское языкознание», где снова марризм был подвергнут нелицеприятной критике, начались настоящие гонения на учёного; ему не разрешали теперь печататься ни в Москве, ни в Ленинграде.

Е.Д. Поливанов был наиболее последовательным учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ. Так же, как Бодуэн, он смотрел на язык как на социально-психологическое явление, в фонеме видел психологический эквивалент звука, всегда отстаивал равноправие всех языков перед наукой, любое частное явление языка рассматривал с общетеоретических позиций. Ещё будучи студентом Петербургского университета, где обучался общему языкознанию, Поливанов увлёкся японским языком, что привело его в Восточную практическую академию на японское отделение. До революции молодой учёный успел несколько раз побывать в Японии, изучал там диалекты, фонетический строй и ударение в японском языке, подготовил к изданию сравнительную фонетику и грамматику японского языка. Ведущие японские лингвисты признались, что именно Поливанов открыл им характер японского ударения.

До конца своих дней, в условиях резких нападков на индоевропеистику, которая была объявлена, с лёгкой руки Н.Я. Марра, буржуазной наукой, стоящей на службе у фашизма, Поливанов отстаивал принципы компаративистики и доказывал плодотворность использования сравнительно-исторического метода. В статье «Историческое языкознание и языковая политика» (1931) Поливанов писал: «Необходимость упомянуть о компаративном методе объясняется здесь просто и единственно тем, что это самый плодотворный с точки зрения полученных результатов метод и что реальное его значение настолько неоспоримо, что мы именно и позволили себе здесь даже не упоминать о тех элементах конкретной истории языков, которые добыты не сравнительно-историческим путём, а как-либо иначе». Приёмы сравнительно-исторического анализа Е.Д. Поливанов использовал при изучении новых для себя неиндоевропейских языков, определяя их ближайших родственников и принадлежность к языковой семье. С 1921-го по 1926 г. и с 1929-го по 1937 г., до самого ареста Поливанов работал в Средней Азии, где изучал местные языки: узбекский, казахский, дунганский, бухарско-еврейский; он написал грамматику китайского языка, создал дунганский алфавит. Результаты своих научных наблюдений в период работы в Средней Азии он изложил в двухтомном «Введении в языкознание для востоковедных вузов».

Е.Д. Поливанов, активно участвуя в языковом строительстве, продолжал заниматься общей теорией языка. Особенно его интересовала проблема языковых изменений. Индоевропеистика XIX в., изучая языковые законы, не смогла по-настоящему ответить на вопрос о том, почему всё же происходят звуковые и семантические изменения в языке. Структуралисты сосредоточились на синхронном изучении языковой структуры, и динамика языковой жизни их не занимала.

Поливанов, как и Соссюр, видел противоречие в развитии языка. С одной стороны, чтобы старшее и младшее поколения понимали друг друга, язык должен сохранять стабильность. С другой стороны, в языке постоянно происходят сдвиги — многочисленные изменения, которые накапливаются за несколько веков или даже тысячелетий. Причину этих изменений Поливанов видит в коллективно-психологическом факторе — в «лени человеческой», или (что то же) в «стремлении к экономии трудовой энергии». Бодуэн де Куртенэ отвечал на этот вопрос прак-

тически так же: он говорил, что в языке действует тенденция к экономии языковых усилий. Однако Поливанов рассматривал данную проблему более детально: он учитывал не только позицию говорящего, но и позицию слушающего. Поскольку слушающий заинтересован в том, чтобы лучше понять, он ограничивает «лень» говорящего. И всё же изменения происходят: упрощаются система склонения, система спряжения, сокращается протяжённость морфем, утрачиваются одни звуки, появляются другие.

Социально-экономические факторы, полагал Поливанов, могут влиять на язык и вызывать в нём изменения только опосредованно, через лексику и фразеологию. Никаких языковых революций, о которых с такой патетикой писал и говорил Марр, Поливанов не признавал. Точно так же он не мог принять концепцию Марра о смешении языков как единственном факторе их развития. Вслед за Бодуэном Поливанов считал, что возможна не только конвергенция (смешение) языков, но и их дивергенция (расхождение родственных языков).

Изменения в языках, по мнению Поливанова, происходят независимо от воли их носителей и, более того, незаметно для них. Поэтому никакими декретами повлиять на жизнь языка не удастся: «Для того чтобы в языке произошло то или иное фонетическое <...> или <...> морфологическое <...> изменение, совершенно недостаточно декретировать это изменение, т.е. опубликовать соответствующий декрет или циркуляр. Можно, наоборот, даже утверждать, что если бы подобные декреты или циркуляры даже и опубликовывались бы <...> ни один из них не имел бы буквально никакого результата <...> и именно потому, что родной язык выучивается (в основных своих элементах) в том возрасте, для которого не существует декретов и формуляров» («За марксистское языкознание», 1931).

Признавая бессознательность языковых изменений, их «помимовольность», Е.Д. Поливанов не исключает разумного вмешательства в жизнь языка со стороны лингвистов. В работе «За марксистское языкознание» он пишет о том, что лингвистика должна состоять из изучения прошлого (**историологии**), настоящего и будущего (**прогностики**). И если, изучая прошлое, лингвист должен быть предельно объективным, опираться только на факты и не допускать произвольных бездоказательных гипотез (в этом плане Поливанов особенно высоко оценивал ре-

зультаты, добытые сравнительно-историческим языкознанием), то, занимаясь настоящим, лингвист должен вести себя как «реальный строитель», как «эксперт в строительстве» современных языковых и графических культур, а, изучая будущее, лингвист должен быть «языковым политиком», который владеет «прогнозом языкового будущего» в интересах языкового строительства (одной из разновидностей «социальной инженерии» будущего). Будучи реальным участником языкового строительства, языковым политиком, лингвист, таким образом, обязан вмешиваться в языковое развитие там, где это необходимо. Так, в послереволюционные годы необходимо было вмешаться в графику и орфографию, потому что от их рационализации «зависит громадная экономия времени и труда начальной школы, успехи ликвидации неграмотности, а, следовательно, вообще всё дело культуры данной национальности» («За марксистское языкознание»). Сознательное вмешательство, считал Поливанов, допустимо в словарном деле, в формировании норм литературного языка.

Научное наследие Е.Д. Поливанова, необычайно разнообразное и богатое, дошло до нас в усечённом виде: очень многое было безвозвратно утрачено после гибели Поливанова в застенках Лубянки. Однако даже то, что сохранилось, свидетельствует о необыкновенной работоспособности этого мощного таланта, его постоянном стремлении соединить теорию языкознания с практикой языкового строительства.

§ 71. Проблемы лингвистики в трудах Виктора Владимировича Виноградова



Ученик Л.В. Щербы и А.А. Шахматова, **Виктор Владимирович Виноградов** (1895—1969) относится ко второму поколению Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы. Он сумел совместить в своих научных поисках широту охвата фактического материала, свойственную Шахматову, и глубину общетеоретических проблем, которой отличался Щерба.

В.В. Виноградов закончил духовную семинарию в Казани, в городе, где

сформировалась лингвистическая школа И.А. Бодуэна де Куртенэ. Духовная семинария дала ему глубокие знания в области древних языков и всей церковно-книжной литературы. Уже в Казани Виноградов пишет работу о самосожжении старообрядцев. Именно здесь он знакомится с замечательными памятниками русской средневековой литературы. В Петербургском университете он занимается у Л.В. Щербы, слушает вместе с Сергеем Петровичем Обнорским спецкурс «Синтаксис русского языка» у А.А. Шахматова. Любовь к древнерусской истории привела Виноградова в Петроградский археологический институт. И всё же основной его страстью была филология.

С 1920 г. начинается научно-педагогическая и научно-организаторская деятельность Виноградова. В 1920—1929 гг. он преподаёт в Петроградском (Ленинградском) университете. В Петрограде в 1923 г. он публикует работу «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», которая положила начало целому циклу его стилистических исследований. В конце 1920-х гг. В.В. Виноградов переехал в Москву, где создал собственную школу языковедов, которая конкурировала с Московской лингвистической школой.

Виноградов занимался проблемами общего языкознания, стилистики, синтаксиса, морфологии, лексикографии. Он был филологом в самом широком смысле этого слова. Великолепное знание языка русской культуры и особенно русской литературы обеспечили глубину и доказательность всем его работам. Он практически создал курс истории русского литературного языка. До сих пор одним из лучших пособий по этой дисциплине остаётся его монография «История русского литературного языка XVII—XIX в.» (1938). В.В. Виноградов поставил вопрос о происхождении русского литературного языка и предложил оригинальную теорию о двух типах древнерусского литературного языка. Ему принадлежат блестящие исследования по языку Н.В. Гоголя («Этюды о стиле Гоголя», 1923; «Гоголь и натуральная школа», 1925; «Язык Гоголя», 1936), М.Ю. Лермонтова («Стиль прозы Лермонтова», 1941), А.А. Ахматовой («О поэзии Анны Ахматовой», 1925) и др. Лучшие свои книги Виноградов посвятил анализу языка А.С. Пушкина: «Язык Пушкина» (1935), «Стиль Пушкина» (1941). Он показал синтез различных языковых элементов в творчестве основоположника современного русского литературного языка.

Виноградов способствовал становлению стилистики как особого раздела языкознания. Он считал, что стилистика должна отстаивать нормы русского литературного языка, противодействовать засорению русской речи диалектизмами, канцеляризмами, вульгаризмами, заниматься вопросами культуры речи.

Значительный вклад сделан В.В. Виноградовым в лексикологию и в лексикографию. Он разработал стройную теорию о типах лексических значений (свободных, переносных, фразеологически связанных), участвовал в составлении 17-томного академического словаря русского языка, «Словаря языка Пушкина», написал около 200 этимологических заметок, свидетельствующих о доскональном знании истории России, быта и нравов русского народа.

Виноградова по праву считают основоположником советской фразеологии. Его перу принадлежат важнейшие для этой науки работы: «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946) и «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947). Предложенная Виноградовым классификация фразеологических единиц до сих пор не потеряла своей актуальности.

Большой вклад внёс В.В. Виноградов в научную разработку синтаксиса. Он предложил оригинальную теорию словосочетаний, в основе которой лежит разграничение словосочетания и предложения. Словосочетание Виноградов рассматривает как номинативную, а предложение — как коммуникативную единицу речи, обладающую предикативностью.

В области морфологии Виноградов также оказался чрезвычайно тонким и оригинальным исследователем. Его книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947) — фундаментальный труд, оказавший большое влияние на отечественную науку о языке. Идеи этого труда легли в основу академической «Граматики русского языка» (1952—1954). Новыми в морфологии Виноградова были 1) учение о словообразовании в его отношении к грамматике и лексикологии, 2) учение о модальности, экспрессивности и эмоциональности, 3) учение о взаимодействии лексических и грамматических значений, 4) уточнение классификации частей речи и 5) оригинальная трактовка ряда грамматических категорий.

Виноградов бережно относился к лингвистическому наследию русских учёных. Он посвятил специальные работы линг-

вистическим взглядам М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Б.А. Ларина и др.

Ученик В.В. Виноградова Николай Семёнович Поспелов очень точно подметил, что научное зрение В.В. Виноградова всегда было *перспективно*.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие идеи объединяли учёных Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы? Чем Петербургская (Ленинградская) школа отличалась от Казанской?
2. Как формировались лингвистические взгляды главы Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы Л.В. Щербы? Какую роль в его судьбе сыграла встреча с И.А. Бодуэном де Куртенэ? Как повлияла на него заграничная стажировка?
3. Какому принципу следовал Л.В. Щерба, изучая языки и диалекты?
4. Л.В. Щерба создал оригинальную фонологическую концепцию. Отразился ли на этой концепции факт создания им лаборатории экспериментальной фонетики?
5. В каких областях лингвистики проявился талант Л.В. Щербы как учёного?
6. В чём состоит сущность теории речевой деятельности, которую разработал Л.В. Щерба? Как она соотносится с учением Ф. де Соссюра о языке и речи?
7. Как Л.В. Щерба трактовал фонему? Чем его точка зрения на фонему отличается от учения о фонеме пражских структуралистов? Связано ли учение о фонеме Л.В. Щербы с концепцией его учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ? В каких работах Л.В. Щерба изложил своё понимание фонемы?
8. Кто из учеников Л.В. Щербы развивал его фонологические идеи? Какие стороны фонологической системы изучает Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа?
9. Как Петербургская фонологическая школа трактует изменение звукового облика слова?
10. Почему учёные Петербургской (Ленинградской) фонологической школы так много внимания уделяют экспериментальной фонетике? Где используются достижения Петербургской (Ленинградской) фонологической школы?

11. Е.Д. Поливанова считают самым близким по духу учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ. В чём это проявилось?
12. Как сформировались лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова? Сыграли ли какую-нибудь роль в судьбе этого гениального учёного его политические убеждения?
13. Как Е.Д. Поливанов оценивал компаративистику? Какую позицию он занял по отношению к марризму?
14. Какой вклад внёс Е.Д. Поливанов в языковое строительство?
15. В чём Е.Д. Поливанов видел причины изменений в языках?
16. Допускал ли Е.Д. Поливанов вмешательство в жизнь языка? Если да, то в каких случаях?
17. Какие задачи ставил перед лингвистом Поливанов в работе «За марксистское языкознание»? Что принципиально нового содержится в этой установке в сравнении с задачами, которые ставила перед учёными лингвистика первой половины XX в.?
18. Какое образование получил В.В. Виноградов? Как это отразилось на формировании его лингвистических взглядов?
19. В каких областях знаний проявил себя В.В. Виноградов? Основателем каких лингвистических дисциплин можно его считать?
20. Назовите основные труды В.В. Виноградова. Что нового внёс Виноградов в морфологию? в синтаксис? в лексикологию? в лексикографию?
21. Дайте общую оценку деятельности Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы 1920—1950-х гг.

ГЛАВА 3

Московская лингвистическая школа в 1920—1950-е гг.

§ 72. Деятельность старшего поколения учёных Московской лингвистической школы

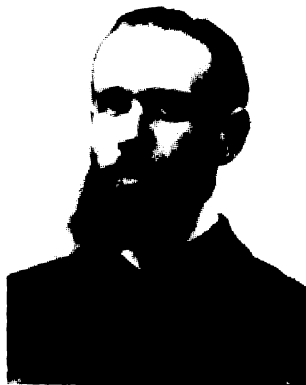
Московская лингвистическая школа, поддержавшая идеи Ф.Ф. Фортунатова, объединяла после Октябрьской революции ряд учёных, которые преподавали в высших учебных заведениях (по преимуществу в МГУ, МГПИ) и работали в научно-ис-

следовательских институтах Москвы. Лингвистические взгляды некоторых из них сформировались ещё в дореволюционное время. К ним относятся Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурнов, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон.

Дмитрий Николаевич Ушаков (1873—1942), более всего известный как автор четырёхтомного Толкового словаря русского языка (1935—1940), где отразилось состояние русского литературного языка от А.С. Пушкина до М. Горького (85000 слов), свято хранил традиции своего учителя Ф.Ф. Фортунатова. Он был замечательным педагогом, великолепно знавшим историю русского языка и его современное состояние, занимался фонетикой, лексикой, диалектологией, орфографией, орфоэпией; написал ряд учебников по русскому языку, опубликовал книгу «Русская орфография» и «Орфографический словарь» (совместно с С.Е. Крючковым), который выдержал десятки изданий. Вместе с Николаем Николаевичем Дурновым и Николаем Николаевичем Соколовым Д.Н. Ушаков создал «Диалектологическую карту русского языка в Европе» (1914), способствовал введению русской диалектологии в программы высших учебных заведений России, разработал классификацию русских говоров и заложил основы методики сбора диалектных материалов.



Член-корреспондент АН СССР **Николай Николаевич Дурнов** (1876—1937) — крупный специалист по истории славянских языков, автор около 200 работ по лингвистике, преподавал в Московском университете, в котором сам в своё время учился у Ф.Ф. Фортунатова. Он тесно сотрудничал с Пражским лингвистическим кружком, развивал и обогащал идеи дореволюционной Московской лингвистической школы в области грамматики и общей теории языка, создал первый русский «Грамматический словарь» (1924).



Дурновó проводил чёткую границу между статическим и историческим изучением языка, настаивая на том, что история языка «не наука об отдельных сепаратных изменениях в языке, а наука об изменении самого языка как системы». Тщательно и с любовью изучал Дурновó старославянские и древнерусские памятники. Свои наблюдения над древними языками он изложил в книге «Введение в историю русского языка» (1927). Будучи человеком независимых убеждений, Н.Н. Дурновó, как и Е.Д. Поливанов, был репрессирован и погиб в 1937 г.

Наиболее последовательно идеи Фортунатова развивал **Михаил Николаевич Петерсон** (1885—1962) — специалист в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, общего языкознания, грамматики русского языка. Многие годы он преподавал в Московском университете, обучая студентов санскриту, литовскому, французскому языкам, читал курсы общего языкознания, введения в языкознание и воспитал целые поколения русских учёных. В истории отечественной лингвистики он более всего известен работами «Очерк синтаксиса русского языка» (1923) и «Русский язык» (1925). В них Петерсон последовательно применяет формальный принцип классификации языковых явлений, предложенный в своё время Фортунатовым, строго придерживаясь разграничения синхронии и диахронии, учитывая системность языка и применяя статистические подсчёты для доказательства продуктивности тех или иных конструкций.

М.Н. Петерсон создал оригинальное синтаксическое учение. Единицей синтаксиса он считал словосочетание, а сам синтаксис рассматривал как учение о формах словосочетаний и их функциях. Выделение типов словосочетаний основывалось у него только на учёте форм словоизменения компонентов и на учёте служебных слов, выполняющих роль «сцепки» в словосочетании. Классификация эта была сугубо формальной (Петерсон практически не изменил своих взглядов до конца жизни), и часто в один тип попадали очень разнородные языковые факты. Так, к разряду словосочетаний, в которых отношение между словами выражено родовыми окончаниями, отнесены *Время летело; Маша остолбенела; Она высока и стройна, и её цветущее тело прекрасно; обе ноги перебиты* и др. Петерсон отказался рассматривать предложение как один из видов словосочетаний, на чём настаивал Ф.Ф. Фортунатов. Но он абсолютно не принимал и

определения предложения как выражения логического суждения. Критические высказывания Петерсона способствовали развитию синтаксической мысли в России. Однако его концепция оказалась очень уязвимой. О предложении Петерсон делает эпизодические замечания, подобные тому, что встречаются в «Очерке синтаксиса русского языка»: «Под предложениями лучше разуметь только такие слова и словосочетания, которые выражают психологическое суждение, что соединено с особым характером интонации». Но единство интонации — слишком поверхностная трактовка предложения, а сам формальный принцип построения синтаксиса исключал возможность полноценного рассмотрения предложений наряду со словосочетаниями. И синтаксис Петерсона без предложения, «этой основной смысловой ячейки коммуникации и основной формы словесного мышления», оказался, по словам В.В. Виноградова, «лишённым внутренне-го стержня».

Александр Матвеевич Пешковский (1878—1933), хотя и принадлежал к Московской лингвистической школе, в своих исследованиях опирался не только на труды Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова: на него оказали существенное влияние взгляды А.А. Потебни. В его работах всегда слышится особая «учительская интонация». Он начинал свою преподавательскую карьеру так же, как Ф.И. Буслаев: восемь лет вёл уроки словесности в московских гимназиях и каждую свою книгу, каким бы серьёзным про-



блемам лингвистики она ни была посвящена, писал так, как будто вёл диалог не только с учёными, но и с пытливыми подростками. Самая значительная работа Пешковского — «Русский синтаксис в научном освещении», опубликованная в 1914 г., а затем неоднократно переиздававшаяся. Она предназначалась для школьников, школьных учителей и для всех, кого интересовали проблемы языковедения. В то время школьная грамматика полностью находилась под влиянием Ф.И. Буслаева, чьи идеи часто упрощались и вульгаризировались. Части речи выделялись только на основании вещественных значений слов, предложение рассматривалось как мысль, выраженная словами; не проводилось

чёткой границы между устной и письменной речью, между историей языковых явлений и их современным состоянием.

Л.В. Щерба справедливо назвал «Русский синтаксис в научном освещении» «сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком». За два года до выхода в свет «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра Пешковский представил *синхронное* описание *грамматической системы* русского языка и при этом попытался через грамматику показать «духовную сущность языка». Не случайно «Русский синтаксис в научном освещении» в научной и педагогической среде встретили чрезвычайно доброжелательно. Он был образцом соединения передовой научной мысли с практикой языка. На многочисленных примерах А.М. Пешковский показал, как тесно переплетаются лексические («вещественные») и формальные значения в слове: «...сила вещественного значения слова, подобно течению реки, увлекающей какой-нибудь предмет, будет очевидна, а сила формального значения, подобно ветру, дующему против течения и удерживающему тот же предмет, потребует специальных приёмов исследования...». (Понятия *грамматической категории* и *грамматического значения* Пешковский ввёл в последующие издания книги под влиянием трудов А.А. Шахматова.) Используя приём лексического эксперимента (показывая, например, почему нельзя слово *умываться* заменить словосочетанием *умывает себя*, почему невозможно вместо *повесился* употребить *повесил себя*, вместо *броситься* — *бросил себя* и т.д.), автор последовательно проводит принцип: «Всё дело здесь в этих «почти» и «как бы», на которых зиждится вся грамматика».

В.В. Виноградов, отмечая необыкновенное фактическое богатство этой книги, не без основания называет грамматическую концепцию А.М. Пешковского эклектичной. Основными единицами грамматики Пешковский считает слово и словосочетание. Точно так же, как Ф.Ф. Фортунатов, он полагает, что предметом изучения морфологии должны быть *формы слов*, а предметом изучения синтаксиса — *формы словосочетаний*. Предложение он выводит из понятия словосочетания. Однако Пешковский прекрасно знал, что в русском языке существует множество однословных предложений, и, чтобы остаться в рамках своей концепции, он решил объявить слова-предложения особым типом словосочетаний. Отказавшись от трактовки предложения как выражения логического или психологического суж-

дения, Пешковский считает основным признаком предложения *сказуемость*, нередко ставя знак равенства между глаголом и сказуемым. Предложения Пешковский понимает как «словосочетания, имеющие в своём составе сказуемое, или указывающие своим формальным составом на опущенное сказуемое, или, наконец, состоящие из одного сказуемого». Однако теоретические «неувязки» в «Синтаксисе...» Пешковского компенсируются филигранным описанием тончайших нюансов грамматических значений слов, словосочетаний и предложений, которое, в отличие от схематичных построений Соссюра и структуралистов первой трети XX в., представляет грамматическую систему языка как живую, полнокровную, с «огромным количеством переходных ступеней», как структуру, множеством нитей связанную с лексической системой.

А.М. Пешковский был чрезвычайно озабочен уровнем преподавания русского языка в средних и высших учебных заведениях страны, поэтому написал немало работ методического характера и несколько учебников. Как и другие представители Московской лингвистической школы, он стремился всеми силами защитить русский литературный язык от засорения вульгаризмами и диалектизмами, от грамматических и орфоэпических ошибок. В работе «Объективная и нормативная точки зрения на язык» (1923) он проводит чёткое разграничение между нормированным литературным языком и обыденной речью.

Лингвистику Пешковский относит не к гуманитарным, а к естественным наукам в том смысле, что она должна быть «объективно-познавательной». (Кстати, до первого исключения из Московского университета за участие в революционных выступлениях студентов он учился на естественном отделении.) Для лингвиста, считает Пешковский, нет *в процессе изучения* ни «правильного» и «неправильного» в языке, ни «красивого» и «некрасивого», ни «удачного» и «неудачного» и т.д. «В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых. Как пушкинский «дьяк, в приказах поседельный», он «спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева...» с той лишь разницей, что и в конечном итоге он ни одного факта не осудит, а лишь *изучит*». Анализируя диалекты, живые говоры, учёный постигает тайны языковой жизни, они представляют для него «главный и наиболее захватывающий <...> объект исследования». Но в школьной

практике мы «стремимся творить суд, суд «скорый» и зачастую немилостивый». Мы или признаём за фактом «право гражданства», или присуждаем его сурово к вечному изгнанию из языковой сферы». Таким образом мы оберегаем литературный язык. Он нормативен, он консервативен, он стремится к постоянству. Языковой консерватизм «объединяет народ во времени», а «равнение на языковой центр (Москва, Париж и т.д.) объединяет народ территориально», утверждает А.М. Пешковский. И продолжает: «Притягивая ребёнка, посредством нормирования его языка, к национальному центру — Москве, школьный учитель охраняет внутреннее, духовное единство нации, как солдат на фронте охраняет территориальное единство её». В отличие от учения о предложении, эти слова Пешковского звучат необыкновенно свежо и по-настоящему актуально в наши дни.

Старшее поколение Московской лингвистической школы активно сотрудничало с Московской диалектологической комиссией (1903—1931), которая разрабатывала программы для изучения говоров, организовывала диалектологические экспедиции, занималась созданием диалектологических карт, обсуждала проблемы диалектологии и лингвистической географии, а также с Московским лингвистическим кружком (1915—1924), идеи которого затем были развиты Пражской лингвистической школой.

§ 73. Деятельность молодого поколения Московской лингвистической школы

Из молодого поколения лингвистов СССР к Московской лингвистической школе принадлежали Г.О. Винокур, Н.Ф. Яковлев, П.С. Кузнецов, Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров. Как и их старшие коллеги, они в основном преподавали в вузах Москвы, посещали заседания Московской диалектологической комиссии, Московского лингвистического кружка, вели огромную просветительскую работу и отличались широтой научных интересов.

Григорий Осипович Винокур (1896—1947) сформировался как учёный в Московском университете, где учился вместе с Р.О. Якобсоном, посещал сразу несколько семинариев. Долгие годы он сотрудничал со своими учителями Д.Н. Ушаковым и М.Н. Петерсоном, возглавлял кафедру русского языка и посто-

янно поддерживал связи с Пражским лингвистическим кружком через Р.О. Якобсона. Не случайно именно Г.О. Винокур первым сделал доклад о только что вышедшем «Курсе общей лингвистики» Соссюра, чем способствовал распространению структуральных взглядов на речевую деятельность в России; именно он горячо поддержал идеи первой структуральной школы. Особенно близким для Г.О. Винокура оказалось учение пражских структуралистов о функциональных стилях: он разработал нормативную стилистику, вместе с В.В. Виноградовым создал историческую стилистику (историю литературного языка).

Свои взгляды на стили языка и стили художественной литературы Г.О. Винокур изложил в книге «Русский язык. Исторический очерк» (1945), а общетеоретические взгляды отразил в статье «О задачах истории языка» (1941). Начав с тезиса о том, что «всякое изучение языка неизбежно имеет предметом самоё культуру, иначе говоря, есть изучение историческое», Винокур выступает против жёсткого соссюрианского противопоставления синхронического и диахронического изучения языка: «...мало открыть систему языка в один из моментов его исторического существования. Нужно ещё уяснить себе закономерные отношения этой системы к той, которая ей предшествовала, и к той, которая заступила её место». Системность языка Винокур видел не только в его современном, но и в прошлом состоянии, поэтому критиковал компаративистов за то, что они занимались судьбой изолированных элементов языка, «а не всего языкового строя в целом».

Винокур был необыкновенно разносторонним человеком. Он проявил себя как блестящий переводчик, журналист, редактор, литературный критик, лектор-пропагандист, преподаватель многих филологических дисциплин. Со студенческих лет Г.О. Винокур делал доклады на заседаниях Московской диалектологической комиссии, в Московском лингвистическом кружке, печатался в сборниках футуристов, в журналах ЛЕФа. Будучи филологом в подлинном смысле этого слова, он создал для студентов курс «Введение в изучение филологических наук», где называл филологию содружеством наук, имеющих общую заботу — чтение и истолкование текста. Толкуя текст, филолог должен, по мнению Винокура, безупречно знать язык на уровне века и самых передовых достижений лингвистической науки, глубоко постичь культуру и литературные пристрастия той эпохи, в которую

появился текст. Винокур сам показывал образцы виртуозной филологической работы, анализируя тексты А.С. Пушкина, готовя академическое издание собрания сочинений русского национального поэта, разрабатывая программу «Словаря языка Пушкина» (словарь вышел уже после смерти его инициатора).

Г.О. Винокур остался в истории отечественного языкознания как основатель науки о русском словообразовании. В исследованиях «Глагол или имя» (1928), «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» (1939) и «Заметки по русскому словообразованию» (1946) он изложил принципы разграничения этимологического и словообразовательного анализа, разработал приёмы различения формообразования и словообразования, усовершенствовал терминологический аппарат морфемики.

Николай Феофанович Яковлев (1892—1974) вошёл в историю лингвистики как талантливый кавказовед и специалист по теоретической и прикладной лингвистике. Он закончил историко-филологический факультет Московского университета по славяно-русскому отделению, где занимался под руководством А.А. Шахматова и сдружился с Н.С. Трубецким и с Р.О. Якобсоном. Судьба Н.Ф. Яковлева во многом напоминает судьбу Е.Д. Поливанова. Он тоже с воодушевлением принял Октябрьскую революцию, активно участвовал в языковом строительстве.

Начинал Н.Ф. Яковлев как этнограф и фольклорист: совершил несколько экспедиций в Московскую, Архангельскую, Саратовскую и Вологодскую губернии. Его отчёты по этим поездкам в Московской диалектологической комиссии и в Московском лингвистическом кружке оказались настолько глубокими и основательными, что сразу обратили на себя внимание языковедов Н.Н. Дурновó и Д.Н. Ушакова. А.А. Шахматов посоветовал молодому учёному заняться языками и этнографией народов Северного Кавказа, которые в то время практически никто в стране не изучал. С 1920 г. начались регулярные этнолингвистические экспедиции в Кабарду, Абхазию, Чечено-Ингушетию, Дагестан, Адыгею. По материалам, собранным на Северном Кавказе, Н.Ф. Яковлев написал свыше 80 работ, в том числе 15 книг, каждая из которых была серьёзным вкладом в кавказоведение.

В 1923 г. была опубликована работа Н.Ф. Яковлева «Таблицы фонетики кабардинского языка», где автор подробно описал

звуковой строй одного из кавказских языков. Именно в этой книге, за несколько лет до Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, Яковлев излагает новое учение о фонеме, которое стало надёжной базой для создания алфавитов бесписьменных народов Кавказа. Авторитет Н.Ф. Яковлева в области языкового строительства был настолько высок, что его избрали председателем Технографической комиссии Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (1925—1937), где он все годы, вплоть до ликвидации структуры, руководил работой по созданию новых алфавитов.

Фонологическая концепция Н.Ф. Яковлева наиболее полно была изложена в статье «Математическая формула построения алфавита» (1928). Яковлеву хотелось дать в руки энтузиастов, намеренных изобрести алфавиты для народов Крайнего Севера, Северного Кавказа, для финно-угорских, монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских народов, надёжную научную «формулу»: «Только тогда можно говорить о научно обоснованном построении алфавита, когда теоретическая лингвистика сумеет дать необходимые элементы и даже формулы для решения этого вопроса так же, как теоретическая механика даёт их для постройки инженерных сооружений». Ни историко-сравнительное языкознание, ни традиционная фонетика, которая используется в диалектологии и стремится зафиксировать всё богатство звуковых оттенков живой речи, не могут по-настоящему помочь в создании алфавитов, ибо количество реально произносимых звуков намного больше того количества звуков, которые могут различить говорящие. А именно это небольшое количество звуков и важно для создания практической письменности. Не случайно попытка Н.Я. Марра внедрить изобретённую им азбуку из 80 транскрипционных знаков потерпела неудачу. Все древние изобретатели алфавитов были стихийными фонологами. И научной основой для создания алфавита должна быть структурная фонология. Н.Ф. Яковлев пишет, что в каждом языке существует строго ограниченное количество фонем. Он называет **фонемами** «те звуковые отличия, которые выделяются в речи как её кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка». Это определение фонемы очень близко к определению, данному Н.С. Трубецким в «Основах фонологии» спустя десять лет. Оно не стало достоянием европейской науки, зато сыграло огромную роль в практике языкового строительства нашей страны.

Если древние составители азбук интуитивно определяли количество фонем в языке и для каждой фонемы изобретали особую букву, то, вооружившись учением о структурной фонологии, полагал Н.Ф. Яковлев, количество букв можно установить не интуитивно, а пользуясь изобретённой им формулой:

$$A = C + Г - (\pm C' \pm Г') + 1,$$

где А — общее число букв; С — число согласных фонем; Г — число гласных фонем; С' — число согласных фонем, противопоставленных по твёрдости-мягкости; Г' — число сочетающихся с ними парных вариантов гласных фонем; 1 — дополнительная буква, например, мягкий знак, необходимая для разграничения твёрдых и мягких фонем не перед гласными. Эта формула, а также её вариант, отражающий экономию на количестве гласных, были опробованы при создании десятков алфавитов. И она срабатывала!

Вокруг Н.Ф. Яковлева собрались талантливые лингвисты: специалист по кавказским и иранским языкам Лев Иванович Жирков (1885—1963), по финно-угорским языкам Дмитрий Владимирович Бубрих (1890—1949), по монгольским Николай Николаевич Поппе (1897—?), тюркологи Константин Кузьмич Юдахин (1890—1975) и Николай Константинович Дмитриев (1898—1954). Все они были близки к структурализму, увлекались синхронным описанием живых языков, разделяли фонологические взгляды Н.Ф. Яковлева. Перед ними встала сложная задача — облегчить процесс обучения грамоте населения, которое пользовалось до революции арабской, старомонгольской или другими письменностями, не приспособленными к фонетическим системам соответствующих языков. Под руководством Н.Ф. Яковлева, при его участии или при использовании его методик Технографическая комиссия создала для этих народов около восьмидесяти алфавитов на латинской основе. В конце 1930-х гг. по указу сверху латинские алфавиты были заменены кириллическими, и в этой работе Н.Ф. Яковлев тоже участвовал.

Фонологическая теория Н.Ф. Яковлева оказалась востребованной не только в практике языкового строительства, она оказала существенное влияние на формирование Московской фонологической школы (МФШ), которая сложилась в начале 1930-х гг. в недрах Московской лингвистической школы.

§ 74. Московская фонологическая школа

МФШ объединила учёных третьего поколения Московской лингвистической школы. Большинство из них работало в Научно-исследовательском институте языкознания в Москве, который был основан в 1931 г. при Наркомпросе и стал на короткое время ведущим научным центром столицы. Просуществовал этот институт недолго и был закрыт по требованию марристов, так как многие его сотрудники входили в организацию «Языко-фронт», вступившую в непримиримую борьбу с марризмом.

В Московскую фонологическую школу вошли ученики учеников Ф.Ф. Фортунатова, закончившие МГУ после революции: Рубен Иванович Аванесов (1902—1982), Пётр Саввич Кузнецов (1899—1963), Александр Александрович Реформатский (1900—1978), Владимир Николаевич Сидоров (1903—1968). К ним присоединился уже зрелый лингвист Алексей Михайлович Сухотин (1888—1942), который сотрудничал с Н.Ф. Яковлевым в деле создания новых алфавитов и известен как переводчик «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра (1933). Все они преподавали в МГУ или в МГПИ (Московском городском педагогическом институте). Каждый из членов МФШ занимался, помимо фонологии, и другими лингвистическими проблемами. Так, Р.И. Аванесов внёс огромный вклад в дело становления орфоэпических норм русского литературного языка и в развитие русской диалектологии; В.Н. Сидоров, прекрасный диалектолог, сумевший разгадать тайну одного из типов умеренного яканья, является автором оригинального исследования по русской морфологии; П.С. Кузнецов, полиглот, изучавший французский, сербохорватский, праславянский, суахили и другие языки, написал целый цикл книг по истории русского языка и русской диалектологии, в том числе «Историческую грамматику русского языка» (1953); А.А. Реформатский вошёл в историю отечественного языкознания как автор великолепного вузовского учебника «Введение в языкознание», несколько раз переиздававшегося. Однако самым значительным достижением этой группы учёных было **фонологическое учение**, которое они отстаивали в своих работах 1930—1940-х гг., противопоставив его учению о фонеме Петербургской (Ленинградской) фонологической школы.

Формировалась московская фонологическая концепция в особых условиях: в это время в Западной Европе необыкновенной по-



пулярностью пользовался «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра; под влиянием идей Соссюра уже возникли первые структуральные школы, достигшие наибольшего успеха именно в фонологии; в СССР шла активная работа по созданию новых алфавитов на базе фонологической теории Н.Ф. Яковлева; в Ленинграде интенсивно развивалась экспериментальная фонетика, ставшая практической базой для фонологической школы Л.В. Щербы и его учеников.

Члены Московской фонологической школы (не забудем, что один из них, А.М. Сухотин, перевёл «Курс общей лингвистики» на русский язык) признали все три антиномии Соссюра (*языка и речи, синхронии и диахронии, внутренней и внешней лингвистики*), а также учение о языке как *системе знаков*. Однако они не были согласны с швейцарским лингвистом, когда тот утверждал, что системность свойственна языку лишь в его синхронном состоянии. Русские лингвисты были убеждены в том, что системность языка проявляется и в диахронии. Недостаточно ясным представлялось московским фонологам и то содержание термина *фонема*, которое вкладывал в него Соссюр. Разрабатывая своё учение о фонеме, они опирались на труды Н.Ф. Яковлева и Н.С. Трубецкого, отталкиваясь при этом от чересчур «физикалистской» и недостаточно функциональной, по их мнению, точки зрения Ленинградской фонологической школы.

При определении фонемного состава языка Московская фонологическая школа последовательно применяет **морфемный критерий**. В этом состоит главное её отличие от Ленинградской школы. Данная особенность свидетельствует о влиянии

на МФШ учения о фонеме, разработанного И.А. Бодуэном де Куртенэ применительно к динамике языка (см. § 45), в то время как Ленинградская фонологическая школа опиралась на учение о фонеме, разработанное применительно к статике языка (см. § 45).

Наиболее чётко фонологическая концепция московских лингвистов была изложена в статье П.С. Кузнецова «Об основных положениях фонологии» (1959). МФШ исходит из того, что «каждый язык или диалект обладает определённым числом отличных друг от друга фонем». Фонемы, как единицы и других языковых уровней, образуют систему, в которой все элементы связаны между собой самыми различными отношениями. Фонологическая система реализуется в речевом потоке, в котором лингвист наблюдает множество звуков — *звуков речи*. Не все различия между звуками речи значимы для лингвиста и для говорящего человека. Так, например, в словах *сóда* и *сáда* первый звук [с] произносится по-разному перед [ó] и перед [á], но различие это не ощущается говорящим и безразлично для фонолога. Различие же между [ó] и [á] значимо и для говорящего, и для фонолога. Здесь мы имеем дело с разными фонемами.

У фонемы есть две основные функции: 1) способность отождествлять одни и те же слова и морфемы (**перцептивная функция**) и 2) способность различать слова и морфемы (**сигнификативная функция**). Каждая фонема, пишет П.С. Кузнецов, «представляет собой некоторый класс звуков речи». А выделение фонемы связывается с положением в морфеме и со смысло-различительной функцией: «Принадлежность различных звуков речи к одной фонеме определяется не артикуляторно-акустической близостью их <...> а положением звуков речи в морфеме».

Итак, с точки зрения МФШ, фонема представлена всем рядом позиционно чередующихся звуков. Среди них могут быть звуки, очень далёкие акустически и артикуляционно (ср. *смыть, стереть, сдуть, сделать, сшить, считать, сжечь*, где фонема [с] выступает в зависимости от разных позиций в одной и той же приставке как *с, с', з, з', ш, ш', ж*). Вот почему, например, МФШ не признаёт наличия в русской фонологической системе фонемы [ы]: она рассматривается как позиционный вариант фонемы [и], так как появляется на месте [и] в положении после

твёрдого согласного (ср. *игла*— *сыглой*). Подобно пражским структуралистам, МФШ тщательно изучает *сильные и слабые позиции* фонем, а также явления *нейтрализации* фонем.

МФШ ввела понятие **гиперфонемы**, которая сначала обозначала единицу, выступающую в позиции нейтрализации, или группу нейтрализующихся фонем. Затем под гиперфонемой стали понимать слабую фонему, которая в данной морфеме не может быть однозначно определена как одна из нейтрализующихся фонем, так как у этой морфемы нет вариантов, где бы данная фонема выступала в сильной позиции. Так, в слове *собака* гласный первого слога является гиперфонемой, ибо в предударном слоге фонемы *[a]* и *[o]* звучат одинаково, и установить, какая всё же здесь должна быть фонема, возможности нет: первый слог морфемы не бывает под ударением, и фонема всегда находится в слабой позиции.

Фонологическую модель языка, по мнению лингвистов МФШ, можно построить только с учётом всех слов, всех грамматических форм и морфем данного языка и всех фонетических реализаций фонологических единиц.

Достижения МФШ широко используются в графике и орфографии, при создании алфавитов, в транскрипции при изучении диалектов и иностранных языков, в транслитерации при освоении иноязычных слов.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие научные традиции Ф.Ф. Фортунатова были поддержаны старшим (вторым) поколением учёных Московской лингвистической школы? Кого из них вы бы назвали самым последовательным «фортунатовцем»? Докажите свою точку зрения.
2. Можно ли связать факты биографии А.М. Пешковского с содержанием его научной деятельности? Если да, то как вы могли бы это доказать?
3. В чём проявился новаторский характер книги А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении»? Были ли основания у В.В. Виноградова обвинить А.М. Пешковского в теоретическом эклектизме?
4. Сопоставьте сферы лингвистической деятельности старшего (второго) и младшего (третьего) поколений учёных Московской лингвистической школы. В чём вы обнаружили разницу?

5. Что можно поставить в заслугу Г.О. Винокуру как лингвисту? Какую роль в его судьбе сыграл МГУ? Каким он был человеком?
6. Какие факты из биографии Н.Ф. Яковлева показались вам наиболее значимыми для него как для лингвиста?
7. На ранних этапах своей деятельности Н.Ф. Яковлев увлёкся «новым учением о языке» Н.Я. Марра, за что после осуждения марризма в 1950 г. был отстранён от дел, серьёзно заболел и уже не вернулся к научной работе до самой смерти. Если бы вам представилась возможность защитить доброе имя Н.Ф. Яковлева и не допустить расправы над ним, какие аргументы вы бы привели?
8. В чём сущность фонологической теории Н.Ф. Яковлева? Приведите формулу, которую он придумал для составителей алфавитов?
9. Каковы истоки учения о фонеме Московской фонологической школы?
10. Чем принципиально отличается фонологическая концепция Московской фонологической школы от концепции Ленинградской фонологической школы? Какая концепция кажется вам более убедительной? Аргументируйте свою точку зрения.
11. Представьте себе, что вы лингвист и вам нужно создать алфавит для одного из бесписьменных агглютинативных языков. Какая из фонологических теорий оказалась бы для вас более подходящей? А если бы этот бесписьменный язык был флективным, с развёрнутой системой чередований, какую концепцию вы бы предпочли тогда?
12. Где используются результаты разработок Московской фонологической школы?

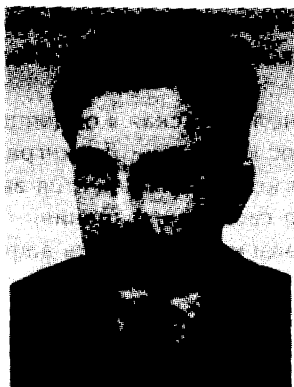
ГЛАВА 4

Новое учение о языке

§ 75. Николай Яковлевич Марр и его лингвистические взгляды

Специфическим явлением советского языкознания 1920—1950-х гг. было «новое учение о языке», которое в многочисленных отечественных публикациях обычно называется *мар-*

ризмом по имени его основателя Н.Я. Марра. Это учение было доступно и непрофессионалам, и тому поколению лингвистов, которое сформировалось в советских условиях, когда лингвистика из науки для немногих стала, по словам Ф.П. Филина, «наукой для масс». Пропагандировалось «новое учение о языке» на смеси научного, делового и публицистического стилей, с вкраплениями политических лозунгов типа «Долой Милоскую Венеру, да здравствует мотыга!», «Омолодим старушку грамматику!», «Будущее за нами — и, значит, за теорией Марра», что было созвучно понятиям складывающейся советской массовой культуры.



Николай Яковлевич Марр (1864—1934), по словам его ученика Василия Ивановича Абаева, — «если не самое знаменитое, то самое “шумное” имя советской науки». С ним связана целая эпоха в истории отечественного языкознания, которую составители антологии «Из истории отечественной лингвистики» (2001) назвали «сумерками лингвистики». Одни считали Марра гением, сравнивали его с Коперником, Дарвином, Менделеевым, другие видели в нём шарлатана, чьи достижения в лингвистике равны нулю. Человеком

он был действительно необычным, как необычной была судьба созданного им «нового учения о языке». Сын 80-летнего шотландца, создателя Кутаисского ботанического сада, и юной грузинки из знатного рода, он вырос в семье, где родители не знали общего языка: отец говорил по-французски и по-английски, а мать — только по-грузински. С детства Марр говорил на грузинском языке, а в Кутаисской гимназии выучил ещё семь языков: русский, немецкий, французский, английский, латинский, древнегреческий и турецкий. О Марре-полиглоте ходили легенды. Ученик Марра, Федот Петрович Филин (1908—1982) пишет, что Марр знал 60—70 языков и свободно переходил в беседах с иностранными учёными с турецкого на персидский, с персидского на армянский.

Закончив в 1884 г. гимназию с единственной «четвёркой» по русскому языку, Марр в качестве кавказского стипендиата

поступает на восточный факультет Петербургского университета, где изучает по четырём разрядам все языки Кавказа и Ближнего Востока, которые тогда преподавались. С 1888 г. Марр начинает вести занятия на восточном факультете Петербургского университета, где к 1911 г. уже дослужился до должности декана. Его дореволюционные работы к лингвистике почти не имели отношения, потому что российское востоковедение в тот период занималось по преимуществу историей культуры, этнографией восточных народов.

В год окончания университета в одном из тифлисских книгохранилищ Марр обнаружил уникальный памятник — перевод на грузинский язык не сохранившегося в оригинале «Толкования на Песнь песней Соломона» христианского писателя III в. н. э. Ипполита Римского. После публикации этого памятника Марр стал знаменитостью. Памятник был переведён на европейские языки, имя удачливого молодого учёного узнали за рубежом. На родине же памятник «обеспечил» ему в 1900 г. звание профессора Петербургского университета, а в 1902 г. после защиты диссертации «Ипполит. Толкование “Песни песней”» — степень доктора наук. Затем последовало открытие нескольких ценнейших грузинских и армянских памятников, часть из которых Марр обнаружил во время экспедиций на Синай и в Палестину. Найденные рукописи он опубликовал с научными комментариями. По его инициативе начали издаваться серии «*Bibliotheka Armeno-Georgica*» и «Христианский Восток». Марр стал основателем кавказской археологии, энергичным и необычайно деятельным; несколько десятилетий он возглавлял русское кавказоведение и сформировал собственную школу. В 1912 г. Марр был избран в академики. Не принимавший «нового учения о языке», но умевший быть объективным в полемике, Е.Д. Поливанов говорил, что «остаётся очень много материала, который делает Марра великим учёным» и «вполне оправдывает звание академика».

Все реальные заслуги Марра относятся к сфере филологии и археологии. Из лингвистических работ Марра дореволюционного периода научную ценность представляют капитальная древнеармянская грамматика (1903) и грамматика чанского (лазского) языка (1910) — «прелестная книга», которой Е.Д. Поливанов советовал подражать. В послеоктябрьский период научные поиски Марра приняли необычный поворот. О прежних линг-

вистических интересах напоминают, пожалуй, только две его книги: древнегрузинская грамматика (1925) и абхазско-русский словарь (1926).

Большинство учёных, оценивающих наследие Марра, сходится в том, что он не получил серьёзного лингвистического (следовало бы уточнить — общетеоретического) образования, о компаративистике имел поверхностное представление, а сравнительно-исторической методикой владел слабо. В отличие от известных лингвистов дореволюционной России, он не стажировался по несколько лет в научных центрах Европы и до конца жизни с пренебрежением относился к «индоевропеистам», считая, что ему незачем и нечему у них учиться. Тем не менее, до 1923 г. Марр оставался в рамках компаративистской проблематики. Он сравнивал «изолированный» грузинский язык с армянским и другими кавказскими языками, на основании чего и пришёл к выводу о существовании **яфетической языковой семьи** (названной так по имени третьего сына библейского Ноя — Яфета). Вначале Марр включил в яфетическую семью, помимо грузинского, некоторые другие кавказские языки, но с течением времени стал присоединять к яфетическим всё новые и новые языки (средиземноморские, турецкий, баскский, семитские), а когда увидел, что его гипотеза расходится с результатами компаративистики, решил окончательно порвать с традиционной наукой.

Следует помнить, что компаративистика в конце XIX — начале XX в. переживала кризис. Младogramматиков вообще не интересовали глобальные проблемы языкознания: о происхождении языка, о связи языка и мышления, о роли языка в экономической, социальной и идеологической жизни общества, об общих закономерностях развития языков мира. А именно на эти глобальные проблемы переключился «грандиозный, бурный, беспредельный темперамент» Марра, «вечный гейзер», «вулкан, действовавший в едином огне и сотрясавший всё вокруг» (В.М. Алексеев, 1934). Вероятно, в других условиях над фантастическими построениями Марра специалисты поиронизировали бы, да постепенно и забыли о них. Но «новое учение об (так у Марра!) языке» попало на благодатную почву: в СССР вся жизнь общества, в том числе и научная, была подчинена марксистско-ленинской идеологии. Большевики жили в предчувствии мировой революции, верили в братство всех народов и рас, мечтали

о скором установлении коммунизма на планете. Марр задумал сплавить свои грандиозные научные планы с утопическими идеями господствовавшей в стране философии. Кроме того, реальная жизнь заставляла советских лингвистов изучать неиндоевропейские языки, подступаться к которым с историко-сравнительными мерками индоевропейцев было бесполезно. Не случайно не только молодёжь, выдвиженцы из рабочей и крестьянской среды, но и многие маститые учёные были увлечены перспективами «нового учения о языке», особенно после 1925 г., когда Марр соединил своё детище с марксизмом-ленинизмом.

Суть «нового учения о языке» условно можно свести к двум блокам положений: 1) «отрицающим достижения традиционной индоевропеистики» и 2) «отражающим контуры новой науки о языке».

Несмотря на то, что историзм и сравнение оставались для Марра ведущими принципами лингвистического анализа, острый «нового учения о языке» было направлено против компаративистики. Марр всегда открыто об этом говорил, а на заре своей научной карьеры даже называл себя «диссидентом индоевропеизма». Марр отрицал практически все знания, добытые компаративистами XIX в. в индоевропеистике.

1. Марр заявил, что индоевропейской языковой семьи не существует, потому что не было никогда единого индоевропейского праязыка, который якобы распался на ряд родственных языков. Не было, по его мнению, общего праязыка у русского, украинского и белорусского народов. Армянский язык, который давно был признан индоевропейским, Марр сближал с яфетическим грузинским. Термин «родство», считал Марр, без всяких оснований используется индоевропейцами в биологическом смысле, в то время как родство — это «социальное схождение», а «неродство — социальное расхождение» («Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком», 1928).

2. Классификации языков мира, предложенные компаративистами XIX в., говорил Марр, не могут быть приняты современной пролетарской лингвистикой. Индоевропеистика занималась «изучением исключительно языков позднейшей системы, *прометеидской* (по имени *Прометей*), т.е. языков так называемой индоевропейской семьи, да притом с выбором в первую голову письменных языков, часто мёртвых, языков господствующих и, особенно, господствовавших народов...» («Язык», 1927).

Все классификации компаративистов основаны на неравенстве народов, на искусственном возвышении индоевропейских языков с их флективным морфологическим строем.

3. Индоевропеистика не даёт удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении языков и о закономерностях их развития, ибо отталкивается «от изолированного изучения подсудных ей языков и от отрешённости норм развития речи от истории мировой культуры, норм развития мирового хозяйства и мировой общественности» («Язык»).

4. Индоевропейская лингвистика «работает формальным методом и, сосредоточивая своё внимание на фонетике и морфологии, отводит словарь на второстепенное место, абсолютно не учитывая явлений семантики, учения о значении слов, закономерно вытекающих из связи языка с этапами развития хозяйственно-общественной жизни» («Язык»).

Что же предлагает «новое учение о языке» взамен дискредитированной индоевропеистики?

Поставив перед собой задачу обогатить языкознание марксистско-ленинской философией, Марр воспринял положения исторического и диалектического материализма прямолинейно, в вульгарно-социологическом ключе. Язык он рассматривал в одном ряду с материальной и духовной культурой: «Язык создан человеческим коллективом так же, как <...> памятники материальной культуры, предметы первой необходимости <...> и другие категории общественных ценностей» («Язык»). Наряду с идеологией, искусством, наукой, Марр относил язык к **надстроечной категории**, из чего вытекает тезис о **классовом характере** языка. Так, например, он считал, что народные языки грузин и армян обнаруживают типологически больше сходений друг с другом, чем народный язык грузинский с грузинским же древнелитературным или народный язык армянский с армянским же древнелитературным. Марр убеждённо заявляет: «...не существует национального, общенационального языка, а есть *классовый язык*. И языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации» («Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком»). Признав классовый характер языка, его теснейшую связь с экономическим базисом, Марр довёл своё учение о языке до

логического конца: если классы совершают революции, то и **языки**, на которых говорят классы, переживают **революционные скачки**.

Эти основополагающие теоретические установки, одобренные яфетидологическими фантазиями и высокими словами о равенстве всех языков и народов, обусловили другие компоненты «нового учения о языке». Назовём важнейшие из них.

1. **Положение о единстве глоттогонического процесса.** «Языки всего мира, — пишет Марр, — представляют продукты одного глоттогонического (от греч. *glōtta* ‘язык’) процесса, в зависимости от времени возникновения принадлежа к той или иной системе, сменявшей одна другую...» («Язык»). У всех языков мира одно происхождение, но это не означает, что у всех языков был один праязык: вначале, наоборот, господствовало многоязычие, которому предшествовал язык жестов — кинетический.

2. **Основной закон развития языков мира — движение от многоязычия к единству через скрещение:** «...как человечество от кустарных, разобщённых хозяйств и форм общественности идёт к одному общему мировому хозяйству и одной общей мировой общественности <...> так язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку...» («Язык»). Не было никаких языковых семей, считает Марр, и расщепления родственных языков не было. *Языки могут только скрещиваться*. Именно через это скрещение и уменьшается количество языков мира на пути к единому мировому языку.

3. **Стадиальный характер развития языков.** Историческое развитие языков Марр представляет как смену стадий (состояний) универсального характера. Стадиальная теория впервые чётко была сформулирована в середине XIX в. А. Шлейхером на основе учения В. фон Гумбольдта о строении и совершенстве языков. По Шлейхеру, три морфологических типа — изолирующий, агглютинативный и флективный — отражают три последовательные ступени в развитии языка, после чего начинается период его разложения. Марр трансформирует эту гипотезу, сделав её ядром концепции единого глоттогонического процесса. Три стадии — *аморфная, яфетическая, флективная* — рассматриваются им в прямой связи с социально-экономическими формами развития человечества и формами мировоззрения: «Так называемые се-

мы языков <...> представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и общественности, и в процессе смены одной культуры другой одна система языков преобразалась в другую». Переход от одной стадии к другой происходит через революционный скачок, после чего язык меняется до неузнаваемости. Так, например, Марр считал, что немецкий язык — это «преобразованный революционным взрывом» сванский (один из кавказских языков). С этих позиций яфетическая стадия предшествовала флективной. Отсюда следует вывод Марра о том, что все индоевропейские (прометеидские, по терминологии создателя «нового учения») языки пережили яфетическую стадию. К аморфным Марр относил изолирующие языки, «не имеющие морфологии», в том числе китайский язык, который, по мнению Марра, «остановился на той ступени развития, когда в языке человечества не было ещё никаких служебных форм, взаимоотношения слов определялись не окончаниями, как в русском языке, а расположением слов». Таким образом, китайцы попадали в «народы, отпавшие от общего мирового движения». Вершину стадияльной пирамиды составляют, по Марру, флективные индоевропейские языки с развитой системой склонения и спряжения вроде латинского. Романские и германские языки вовсе не деградировали, утратив свою древнюю систему склонения, как утверждали компаративисты, а, напротив, ещё не достигли флективной стадии.

4. Методика четырёхэлементного анализа. Содержанием «нового учения о языке» должна была стать реконструкция стадий единого глоттогонического процесса и прогнозирование единого языка будущего бесклассового общества. Марр исходил из того, что звуковой язык пришёл на смену ручному, «линейному» языку жестов, который вполне удовлетворял людей «технически и идеологически», когда они ещё мыслили «дологическим мышлением». Звуковой язык начинался с цельных слов, представлявших собой каждый диффузный звук, «в коллективном трудовом процессе, имевшем магически-производственное значение, в комплексном действе «пляске — музыке — пении», неразлучном с эпосом». Эти диффузные звуки постепенно разложились на первичные односложные элементы. Их Марр насчитывал четыре: *сал, бер, йон, рош*. Выбор был сделан по созвучию с племенными названиями: «сар-мат» → *сал*, «и-бер» → *бер*, «йон-яне» → *йон*, «эт-руск» → *рош*. Эти четыре лингвисти-

ческих элемента, писал Марр, «обща у всех народов, они присущи каждому языку». Слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, «состоят всего-навсего из четырёх элементов <...> в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх всё тех же четырёх элементов». Становление элементов словами совпадает со стабилизацией племенных образований. Но словам предшествовали предложения, из которых вначале выделялись имена, а уже в последнюю очередь глаголы («Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком»).

Методика четырёхэлементного анализа и состоит в поисках данных четырёх элементов в языках любых систем. Марр писал: «Мы теперь орудуем возведением всей человеческой речи к четырём звуковым элементам». Такое «орудование» и составляет сущность *лингвистической палеонтологии*, по Марру, хотя традиционная лингвистическая палеонтология (от греч. *palaiós* ‘древний’, *ontos* ‘существо’ и *lógos* ‘учение’) — это наука, которая выявляет и истолковывает наиболее архаичные элементы в языках. В сущности, Марр был одержим идеей поиска в каждом языке следов яфетической стадии. Сравнивая похожие по звучанию или по значению слова из самых разнообразных языков, Марр без особых доказательств находил яфетические реликты почти в каждом языке, который попадал в сферу его внимания. Так, например, элемент *бер* Марр усматривает в грузинском *del* ‘дерево’, в русском *бор* ‘лес’, в латинском *ar-bor*, в русском *дереву* и т.д.; элемент *сал* он видит в грузинском *sa-m* ‘три’ (2+1), в чанском *ти-т*, в языке суоми финской системы *kol-me* (2+1) и т.д. («Язык»). В принципе любое слово любого языка Марр возводил к одному из четырёх элементов или к их комбинациям. Так, у слова *красный* отсекались *к-* и *-н-*, а оставшееся *-рас-* рассматривалось как элемент *рош* и сопоставлялось с русскими словами *рыжий*, *русый*, французским *rouge*, немецким *roth* ‘красный’, названиями народов *русы* и *этруски*.

В.М. Алпатов справедливо называет «новое учение о языке» «причудливой смесью» из идей В. фонГумбольдта о стадильности, Х. Шухардта — о скрещении языков, мыслителей XVII—XVIII вв. — о происхождении языка и будущем мировом языке, ранних идей самого Марра — о яфетических языках, а также революционных идей, которыми жила страна в послеоктябрьский период.

Объявив «новое учение о языке» марксизмом в языкознании, Марр стал добиваться его монопольного положения в советской науке. Сторонники Марра заняли ключевые позиции в Институте языка и мышления, в Санкт-Петербургском университете. На XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. Марр выступил с докладом от имени учёных всей страны и закончил свой доклад здравицей в честь И.В. Сталина. Марр был награждён самым почётным в то время орденом Ленина, что было равнозначно официальному признанию правоты его учения. Соратники Марра постепенно отвоёвывали все руководящие посты в научных учреждениях и в вузах. Они требовали преподавать языкознание только «по Марру». Началась настоящая травля учёных, не согласных с этим учением. Труды специалистов в области сравнительно-исторического языкознания, славистов объявлялись «научной контрабандой», «вредительством в науке», «социал-фашизмом» и даже «троцкизмом в языкознании». Наконец, в первой половине 1930-х гг. были закрыты все отделения славистики в русских университетах, учёных-немарристов изгоняли из партии, лишали научных званий, пошла волна арестов. В ссылках и лагерях побывали многие талантливые отечественные лингвисты: Афанасий Матвеевич Селищев (1886—1942), Виктор Владимирович Виноградов (1894/95—1969), Иван Григорьевич Голанов (1890—1967), Владимир Николаевич Сидоров (1903—1968) и др. Были расстреляны Николай Николаевич Дурнов (1937), Евгений Дмитриевич Поливанов (1938), Григорий Андреевич Ильинский (1937). В самый разгар травли учёных, направленной против антимарристов, Марр скончался (1934). Место директора Института языка и мышления и главы сторонников «нового учения о языке» занял ученик Марра И.И. Мещанинов.

§ 76. Развитие идей Н.Я. Марра в трудах Ивана Ивановича Мещанинова

Иван Иванович Мещанинов (1883—1967) начал заниматься лингвистикой по рекомендации Н.Я. Марра в 1919 г., когда ему было около сорока лет. К этому времени он уже успел закончить юридический факультет Петербургского университета, пройти стажировку в Гейдельбергском университете, получить диплом Археологического института, стать крупным специалистом по

археологии и истории Юга России и Закавказья. Тем не менее, в течение четырёх лет он как вольнослушатель посещал университетские занятия по халдскому (урартскому), грузинскому, хеттскому и семитским языкам. С Н.Я. Марром он сблизился потому, что сферы научных интересов — востоковедение — у них совпали. Н.Я. Марр был интересен И.И. Мещанинову и как «комплексный учёный», и как историк в широком смысле этого слова («Новое учение о языке на современном этапе развития», 1947). Сам Мещанинов был убеждён в том, что археология, этнография, языкознание и другие гуманитарные науки должны тесно взаимодействовать в процессе познания истории культуры. В 1927 г. он защитил докторскую диссертацию «Халдоведение. История древнего Вана, включающая древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтения клинописных текстов халдов-урартов». Публикации по этой теме обеспечили Мещанинову международное признание, однако в истории отечественного языкознания он более известен как сподвижник Н.Я. Марра, который попытался вывести «новое учение о языке» из создавшегося тупика.



Приняв некоторые положения своего учителя (о социальной сущности языка, о стадийном характере развития языков мира, о необходимости введения в научный оборот как можно большего числа неиндоевропейских языков и т.д.), И.И. Мещанинов проявил себя как оригинальный исследователь. Занимался он по преимуществу сравнительно-типологическим описанием разносистемных языков, справедливо упрекая компаративистов в том, что они, строя свои типологические классификации, оперировали недостаточно широким кругом языков мира и учитывали только морфемное строение слова. К наиболее известным работам Мещанинова можно отнести «Новое учение о языке. Стадийная типология» (1936), «Общее языкознание. К проблеме стадийности в развитии строя предложения» (1940), «Члены предложения и части речи» (1945), «Глагол» (1949). Основной сферой интересов И.И. Мещанинова-лингвиста были лексика и синтаксис, ибо основными единицами языка он считал слово и

предложение. Лексика, по его мнению, должна изучать форму и содержание слова, включая словообразование, а синтаксис — форму и содержание предложения.

Значительное влияние на развитие советского языкознания оказала стадияльно-синтаксическая концепция И.И. Мещанинова. Приняв учение Марра о единстве глоттогонического процесса, он на основании изучения многочисленных языков Кавказа, Крайнего Севера, Дальнего Востока пришёл к выводу о том, что языки мира в своём развитии проходят определённые синтаксические стадии. Смену синтаксических стадий Мещанинов связывает с изменяющимся характером взаимоотношений между словом и предложением. В работе «Общее языкознание...» он пишет: «...оба они, и слово, и предложение, в том виде, в каком мы их знаем, сами в свою очередь являются историческими категориями, значит и не неизменяемыми в своих взаимоотношениях». Все определения слова и предложения, замечает Мещанинов, были сформулированы на основании изучения изолирующих, агглютинативных и флективных языков. Но этими типами не ограничивается языковое разнообразие. В мире есть языки без чёткого разграничения между грамматическими категориями, без жёстких границ между словом и предложением. Это инкорпорирующие языки индейцев Америки и североазиатских народов СССР. Они и отражают первую стадию развития синтаксической структуры языков мира.

Первая стадия может быть названа условно **аморфной** (мы сохраняем здесь для удобства термин Н.Я. Марра, который И.И. Мещанинов не употребляет). Для аморфной стадии характерно отсутствие границ между словом и предложением. Предложение строится по принципу инкорпорации, путём сочетания примыкающих друг к другу корней, совокупность которых оформляется служебными элементами. Такие предложения нельзя разделить на отдельные слова. Это слова-предложения. Так, в колымском диалекте одульского (юкагирского) языка комплекс *Asayolsoromoh*, состоящий из *asa* ‘олень’, корня *yuol* (откуда глагол *yuodin* ‘увидеть’) и *soromoh* ‘человек’, буквально означает ‘оленивидение-человек’, что соответствует русскому ‘Человек увидел оленя’. То же в чукотском языке: *Ты-ата-каан-мы-ркын* буквально означает ‘Мною жирного оленя убивание’, что соответствует русскому ‘Я жирного оленя убиваю’. В инкорпорирован-

ном комплексе нет ни членов предложения, ни частей речи. Частично инкорпорирующие языки (нивхский, гиляцкий и др.), отражая дальнейшее развитие аморфного структурного типа, уже выделили из слова-предложения инкорпорирующие комплексы — главные члены предложения (ср. гиляцкое *pilagan tuznid*, где первый блок подлежащего *pilagan* означает ‘большая собака’, а второй блок сказуемого *tuznid* означает ‘мясо ест’). Здесь пока нет частей речи, но это уже залог будущего выделения и членов предложения, и частей речи. Характерной особенностью мышления ранних стадий развития языков мира, отмечал И.И. Мещанинов, «является коллективное восприятие, ведущее к объединению (обобщению) существ и предметов по группам, каковым в лингвистической литературе обычно приписывается наименование “классов”» («Общее языкознание...»). В таком состоянии логический субъект и объект сливаются в речи и представляются пассивными, так как человеческое сознание якобы создаёт мифологический субъект, действующий через человека. На пассивной стадии глагол не знает переходности/непереходности, а словесный комплекс включает в себя лишь зачатки различных частей речи.

Когда в результате эволюционного скачка предложение начало члениться на слова, синтаксическая структура предложения ещё мало походила на ту, которая свойственна индоевропейским языкам. На пути к так называемому номинативному, активному строю, по мнению Мещанинова, языки прошли ещё три стадии, важнейшей из которых была **эргативная**. Эргативом называют форму падежа в некоторых языках, которая указывает на источник действия при пассивном глаголе. Синтаксической основой языков на этой стадии является эргативная конструкция. В этой конструкции, свойственной для иберийско-кавказских языков (грузинского, абхазского, адыгейского, лезгинского и прочих), баскского и некоторых языков Азии и Америки, субъект действия стоит в особом эргативном падеже. Зачатки синтаксиса, которые находились в скрытом виде в инкорпорирующих языках, «выступают наружу» на эргативной стадии. Наиболее типичными языками эргативной конструкции являются, по мнению И.И. Мещанинова, яфетические языки Северного Кавказа. В предложениях языков этого типа субъект обозначен именем, которое стоит всегда в орудийном (эргативном) падеже, а объект обозначен именем, которое стоит в аб-

солютном (именительном) падеже. Глагол всегда согласован с именем, обозначающим объект. Например, в даргинском языке фраза *д-иштӕл хунуй б-иштӕл галга ха-б-уши-б* означает 'Маленькой женщиной маленькое дерево срублено', а фраза *нуни б-иштӕл галга ха-б-уши-ра* означает 'Мною маленькое дерево срублено'.

В эргативной стадии инкорпорация ослабевает, субъект действия выделяется, разбивая фразу-слово на составные части. Члены предложения называют логический субъект и логический объект действия. Сказуемое уже выражается глаголом. Однако эргативная конструкция, по мнению И.И. Мещанинова, несовершенна, так как в ней наблюдается «разрыв между смысловым значением фразы и её выражением в предложении <...> Глагол указывает на действующее лицо, тогда как само действующее лицо сохранило форму косвенного падежа». На смену эргативному строю должен был прийти другой строй, и он обнаруживается в индоевропейских языках. Мещанинов установил, что в картвельских языках, которые сблизились с индоевропейскими, уменьшилось число эргативных предложений за счёт появления активных конструкций.

Активная стадия — последняя стадия развития языков мира, где подлежащее всегда стоит в именительном (абсолютном) падеже, независимо от переходности/непереходности глагола. Такие синтаксические конструкции в индоевропеистике принято называть **номинативными**. Они, по словам И.И. Мещанинова, характерны для индоевропейских, урало-алтайских и семито-хамитских языков. Для активного номинативного строя обычны двусоставные предложения с глагольным сказуемым. И.И. Мещанинов постоянно подчёркивал, что в мире нет языков, которые во всех своих синтаксических структурах соответствовали бы одному какому-то строю. В каждом языке можно найти реликтовые образования, напоминающие о предшествующих стадиях, а в некоторых языках вообще трудно установить, какой строй является ведущим. Так, например, случаи инкорпорации встречаются в индоевропейских языках (ср. рус. *Покаму-горошек, не разлей вода*; нем. *Kindergarten, Zeitschrift, Tagesordnung*), а эргативные конструкции есть и в германских, и в славянских языках (ср. *Дом строился рабочими*).

Сама идея о многообразии синтаксического строя языков мира была чрезвычайно плодотворна для отечественной и мировой

лингвистики. Кроме того, И.И. Мещанинову удалось поколебать представление учёных о номинативном строе как единственно возможном. Противопоставление номинативного строя эргативному вошло в мировое языкознание; лингвисты согласились также с тем, что в одном и том же языке могут сосуществовать конструкции разных типов.

И.И. Мещанинов выступил с рядом новых идей в книге «Члены предложения и части речи». В языках мира он описал не только известные синтаксические отношения (согласования, управления и примыкания), но и инкорпорацию. Он сделал попытку анализа систем частей речи в разноструктурных языках мира и пришёл к выводу о том, что основные принципы деления по частям речи универсальны, но конкретные системы могут очень отличаться в разных языках или в одном и том же языке на разных этапах его развития.

Много споров вызвало учение И.И. Мещанинова о понятийных категориях, изложенное в книге «Члены предложения и части речи». Под **понятийными категориями** вслед за Отто Эсперсеном Мещанинов понимал смысловые компоненты общего порядка, которые «не описываются при помощи языка, а выявляются в нём самом, в его лексике и грамматическом строе». Этими понятиями, по словам Мещанинова, «передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде». К числу понятийных категорий он относил субъект и предикат, деление на мужчин и женщин, которое проявляется в грамматической категории рода и т.д. Понятийные категории, по мнению Мещанинова, универсальны. Они встречаются во всех языках, хотя и проявляются по-разному. Часть понятийных категорий находит конкретное выражение в лексике языка (*человек, мужчина, женщина* и пр.). Те понятийные категории, которые получают в языке морфологическое или синтаксическое оформление, становятся грамматическими категориями. Так, понятийная категория предметности передаётся грамматической категорией существительного, категория атрибутивности — грамматической категорией прилагательного.

Таким образом, в то время, когда основные структуральные школы занимались по преимуществу формальной стороной языка, И.И. Мещанинов стремился связать все свои грамматические исследования с семантикой слов и предложений.

§ 77. Дискуссия 1950 г. на страницах газеты «Правда»

В 1950 г. на страницах газеты «Правда» развернулась дискуссия по вопросам языкознания, в которой принял участие сам И.В. Сталин. «Аракчеевский режим» в лингвистике, установленный марристами, был подвергнут жёсткой критике. Тон дискуссии задавала статья грузинского учёного, специалиста по кавказским языкам и общему языкознанию **Арнольда Степановича Чикобава** (1898—1985), ученика учеников Н.Я. Марра. Особо остро обсуждались учение Н.Я. Марра о классовости языка и методика четырёхэлементного анализа, которую А.С. Чикобава назвал «универсальной отмычкой», открывшей путь многим другим абсурдным идеям «нового учения о языке». Чикобава говорил, что элементный анализ «загнал в тупик» советское языкознание и мешает решать задачи языкового строительства. Он отметил путаницу в стадияльной теории Марра, абсурдность призыва к искусственному созданию единого мирового языка. Он постарался развеять миф о Н.Я. Марре как о великом учёном, подчеркнув бесплодность его попыток участвовать в языковом строительстве.

После статьи А.С. Чикобава «Правда» опубликовала ещё около двадцати статей, авторами которых были как сторонники Марра, так и его противники. Но окончательную точку в дискуссии поставила статья И.В. Сталина, написанная в форме ответов на четыре вопроса «группы товарищей из молодёжи». Отвечая на два первых вопроса, Сталин выступил как теоретик марксизма. Он опроверг тезисы Марра о классовости языка и его надстроечном характере как противоречащие марксизму. Язык, писал Сталин, «коренным образом отличается от надстройки. Язык порождён не тем или иным базисом <...> а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Именно поэтому он создан как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка как средства общения людей состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать всё общество, все классы общества» («Относительно марксизма в языкознании», 1950). Резко отрицательно Сталин оценил и идею революционных перево-

ротов в языке: «В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это обычно бывает с надстройкой? <...> Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить её новой можно и нужно <...> но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества? Кто же, кроме донкихотов, могут ставить себе такую задачу?» (Там же). Сталин заявил, что «сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьёзные недостатки, всё же лучше, чем действительно идеалистический четырёхэлементный анализ». Статья заканчивалась недвусмысленной фразой: «Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н.Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание — таков, по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание».

Несмотря на то, что лингвистические проблемы в статье Сталина и в его ответах на вопросы читателей изложены упрощённо, а иногда неточно (например, Сталин почему-то посчитал, что в основу русского языка лёг курско-орловский диалект; социальные разновидности языка свёл к жаргонам; выразил негативное отношение к изучению праязыка; скептически отозвался об изучении семантики), в целом его вмешательство в советскую лингвистику сыграло позитивную роль. Появилась возможность возобновить сравнительно-исторические исследования, развивать славистику (И.В. Сталин говорил о необходимости изучения родственных славянских языков), смело опираться на достижения дореволюционной отечественной науки. Не обошлось, правда, и без «перегибов»: многие марристы, в том числе И.И. Мещанинов, потеряли свои посты, некоторые (Н.Ф. Яковлев и др.) пострадали невинно; труды Сталина по вопросам языкознания, заменив «новое учение о языке», вошли в учебные планы всех вузов страны; языкознание встало под новое знамя — сталинское, и практически не было с этого момента ни одной лингвистической работы, которая не пестрела бы сталинскими цитатами.

Вопросы для самоконтроля

1. Как в отечественной и зарубежной лингвистике оценивается научная деятельность Н.Я. Марра? Что необычного было в его человеческой судьбе и в научной карьере?
2. Какое влияние на лингвистические взгляды Марра оказали его происхождение и полученное образование?
3. К какой научной сфере относятся реальные научные достижения Марра? Какие открытия он сделал в области филологии и археологии?
4. Какие лингвистические труды Н.Я. Марра, написанные в дореволюционный период, заслуживают внимания лингвистов?
5. Н.Я. Марр считается основателем яфетидологии. Были ли у Марра субъективные и объективные причины, которые побудили его создать учение о яфетических языках? Изложите суть этого учения и определите роль яфетидологии в «новом учении о языке».
6. «Новое учение о языке» было создано Н.Я. Марром после Октябрьской революции. Почему Н.Я. Марр разочаровался в индоевропеистике и начал поиски собственного пути в науке о языке? Как положение в европейской компаративистике и политическое положение в послереволюционной России повлияли на характер «нового учения о языке»?
7. В чём состоит суть «нового учения о языке»? Что отрицал Н.Я. Марр в индоевропеистике? Какие позитивные цели ставил он перед «новым учением о языке»?
8. Как марксистско-ленинская философия была приспособлена Н.Я. Марром к «новому учению о языке»? Как вы относитесь к положению о классовом характере языка? Почему язык нельзя считать надстроечным явлением? Возможны ли в языке революционные скачки?
9. Что понимал Марр под единством глоттогонического процесса?
10. Как звучит основной закон развития языков мира, провозглашённый Н.Я. Марром?
11. В чём состоит сущность стадияльной теории развития языков мира, предложенной Н.Я. Марром? Как она соотносится со стадияльными теориями, известными в компаративистике XIX столетия? Какие стадии в развитии языков мира выделил Марр?

12. Методика четырёхэлементного анализа, предложенная Н.Я. Марром, вызвала больше всего нареканий в отечественной и зарубежной лингвистике. Почему? Есть ли какое-то рациональное зерно в этой методике?
13. Какова была судьба «нового учения о языке» после смерти Н.Я. Марра? Оцените роль этого учения в истории отечественного языкознания. Почему не только революционно настроенная молодёжь, но и некоторые зрелые лингвисты перешли в лагерь марристов?
14. Что привело юриста, археолога и историка И.И. Мещанинова в лингвистику?
15. Какие работы И.И. Мещанинова оказали значительное влияние на советское языкознание 1930—1940-х гг.?
16. И.И. Мещанинов известен прежде всего как создатель синтаксической типологической классификации языков мира. Каким принципом он руководствовался, описывая различные типы языков мира? Какое влияние на него оказала стадиальная теория Н.Я. Марра, когда он разрабатывал синтаксическую типологию языков мира?
17. Чем синтаксические структуры аморфной, эргативной и активной (номинативной) стадий в учении И.И. Мещанинова отличаются друг от друга?
18. Какие компоненты синтаксической типологии И.И. Мещанинова оказались продуктивными?
19. Содержалось ли рациональное зерно в учении И.И. Мещанинова о понятийных категориях? Аргументируйте свой ответ.
20. В 1950 г. на страницах газеты «Правда» развернулась дискуссия по вопросам языкознания. Какие лингвистические проблемы она затрагивала?
21. В чём обвиняли сторонников «нового учения о языке» антимарристы?
22. Какую позицию занял в дискуссии И.В. Сталин? Какие положения Марра он подверг критике?
23. Оцените роль дискуссии 1950 г. в развитии отечественной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Основная

Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 228—266.

Березин Ф.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1984. С. 264—287.

Кодухов В.И. Общее языкознание: Учебник для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. С. 99—116.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1979. С. 178—212.

Дополнительная

Абаев В.И. Н.Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 90—99.

Алпатов В.М. Истории одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991.

Березин Ф.М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия. М.: Высш. шк., 1988. С. 6—34; 386—392, 398—405, 441—443.

Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 535—544.

Будагов Р.А. Из истории советского языкознания // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 520—535.

Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. школа, 1947.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / Коммент. В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993 (Серия «Бахтин под маской». Маска 3).

Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. Ч. II. М.: Госучпедгиз, 1960. С. 231—329.

Марр Н.Я. Язык // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / Сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 177—187.

Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Госучпедгиз, 1958.

Поливанов Е.Д. Избранные труды по общему и восточному языкознанию. М.: Наука, 1991.

Романенко А.П. Советская философия языка: Е.Д. Поливанов — Н.Я. Марр // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 110—122.

Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Д. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1998. С. 214—215, 248—250, 252—253.

Сталин И.В. Относительно марксизма в языкознании // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания: Антология / Сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 385—404.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 17, 274, 288—289, 295, 319, 327.

Языкознание. Русский язык: Энциклопедия для детей. Т. 10. / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта +, 1998. С. 96—97, 160, 642—645, 660.

Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока: Сб. Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. М.: Центральное изд-во народов СССР, 1928. Кн. 1. С. 41—64.

РАЗДЕЛ VII

ЛИНГВИСТИКА 1970-х гг. — начала XXI в.

ГЛАВА I

Кризис структурального направления. Поиски новых подходов к изучению объекта лингвистического исследования

§ 78. Причины, вызвавшие разочарование в структуральных приёмах лингвистического анализа

Вторая мировая война не прошла бесследно для мирового языкознания. СССР, Западная и Восточная Европа не сразу оправились от ран, нанесённых гитлеровской экспансией. Некоторые европейские лингвисты погибли в годы фашистской оккупации, часть эмигрировала в Соединённые Штаты Америки, у оставшихся на родине были не самые лучшие условия для занятия наукой. В 1950—1960-е гг. центр лингвистики переместился в США, где так же, как в Европе, уже несколько десятилетий (с 1920-х гг.) ведущим направлением был структурализм. Структурализм привлекал лингвистов строгостью, точностью лингвистического анализа, близкого к математическому; сужением предмета исследования (либо, как у американских дескриптивистов, — только реально звучащая речь, которую можно зафиксировать, а затем членить до более неделимых единиц, описываемых с помощью различных процедурных приёмов; либо, как у глоссематиков, — только язык, рассматриваемый в самом себе и для себя в отрыве от речи). По словам

В.М. Алпатова, структурализм представлял собой переход от «уютного» традиционного антропоцентризма к «холодному» модернистскому системоцентризму, сопровождаемый ревизией и деконструкцией традиционных категорий» (*Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку, 1993, с. 15*).

Отход от гумбольдтовского взгляда на язык как на «постоянно возобновляющуюся деятельность духа», как на «энергейю», в которой проявляется творческая сила народа, вылился в крайний схематизм большинства структуральных теорий. Соссюровская антиномия *язык / речь* в трудах структуралистов чаще всего фигурирует не как *единство* противоположностей, а как две не соприкасающиеся друг с другом «автономные сферы». Лингвистика, созданная структуралистами, по справедливому замечанию современного французского учёного Клода Ажежа, оказалась «лишённой социального содержания» (*Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки, 2003, с. 216*).

Тем не менее структуралисты достигли значительных успехов при изучении фонологии и морфологии различных языков мира. Они успешно справлялись с задачами по описанию бесписьменных экзотических языков Америки, Азии, Африки в их синхронном состоянии. Структуралисты научили электронно-вычислительные машины распознавать вербально выраженную информацию, классифицировать эту информацию, хранить в закодированном виде и выдавать в форме, удобной для пользователя; переводить тексты узко специального содержания с одного языка на другой; систематизировать языковые факты как банки данных для различных областей знаний, включая лексикографию. Однако постепенно даже сами структуралисты начинали осознавать ограниченность и догматичность своих методов изучения языка. Выходя за пределы фонологии и морфологии, пытаясь применить свои методы в области синтаксиса или семасиологии, структуралисты неизменно сталкивались с огромными трудностями.

Самым уязвимым местом всех структуральных школ, исключая Пражский лингвистический кружок, был намеренный отказ от решения общетеоретических проблем языкознания. Ставя перед собой конкретные практические задачи, структуралисты не считали для себя актуальными проблемы взаимоотношения языка и

мышления, происхождения языка, взаимосвязи индивида и общества в речевой деятельности; они не занимались всерьёз анализом семантики языкового знака. Всё, что не поддавалось механической, формальной обработке, исключалось структуралистами из сферы лингвистического исследования. Язык в работах большинства приверженцев структурализма предстаёт как статичная система. Но «в рамках подобной концепции нет возможности описать те структурные характеристики языка, которые указывают на развёртывание коммуникативной ситуации во времени <...> язык <...> оказывается призраком, лишённым не только плоти, но и скелета» (*Живов В., Тимберлейк А.* Расставаясь со структурализмом, 1997, с. 3). Такая позиция не могла не привести к игнорированию человеческого фактора в речевой деятельности, и лингвистика в её структуральном выражении стала терять свои позиции среди гуманитарных наук: она постепенно превращалась в науку прикладную. Такова была плата структурализма за стремление к точности методов лингвистического анализа.

Кризис структурализма, наметившийся в 1950-е гг., особенно остро проявился в 1960-е гг., когда в мировой лингвистике развернулись дебаты вокруг работ создателя порождающей (генеративной) грамматики, американского учёного-структуралиста Нбоама Хомского (Чомского) «Аспекты теории синтаксиса» (1965), «Язык и мышление» (1968). Хомский нанёс решительный удар по структурализму (см. о нём § 64). Вопреки всем структуралистским установкам он вернулся к общетеоретическим проблемам языкознания, провозгласил лингвистику «особой ветвью психологии познания», всячески подчёркивал творческий характер языковой деятельности, поставил вопрос об учёте «человеческого фактора» в изучении языка. Выход в свет новаторских работ Хомского и полемика, развернувшаяся вокруг них, теоретиками языкознания были расценены как научный переворот, или как «хомскианская революция». Исследователь Елена Самойловна Кубрякова полагает, что «ни один серьёзный лингвист нашего времени не может считать себя полностью свободным в своих исследованиях от прямого или косвенного воздействия учения генеративистов <...> И если даже не признавать того, что с обсуждением этих работ (Н.Хомского. — *С. III.*) были далее связаны магистральные пути лингвистики, как это делают зарубежные исследователи, то, что с этого

времени начинается новый, постструктуральный период в истории языкознания, сомнения не вызывает» (*Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века, 1995, с. 152, 173*).

Специалисты, занимающиеся историей языкознания, период с 1964-го по 1975 г. иногда называют генеративным, хотя, конечно, далеко не все лингвисты этого времени в своих трудах опирались на идеи Н. Хомского. Думается, 1964—1975 гг. — это годы «хомскианской революции». Успех генеративной грамматики объясняется тем, что многие идеи, с которыми выступил в 1960-е гг. Н. Хомский, уже давно вынашивались в недрах других школ, в том числе в советском языкознании, и генеративизм просто сыграл роль «пускового механизма», который способствовал поступательному развитию мировой лингвистики и преодолению недостатков структурализма. Как писал Ф. Ньюмейер, в истории лингвистики Н. Хомский оказался самым «атакуемым лингвистом», но в спорах с ним рождались оригинальные теории, и многие видные учёные признаются, что написанием своих работ они обязаны Н. Хомскому и его стимулирующим идеям (Там же, с. 153).

К середине 1970-х гг. популярность генеративной грамматики упала. Мировое языкознание вступило в новый этап развития. Мы условно назвали его современным. В трудах специалистов по истории лингвистических учений его иногда называют ещё постгенеративным. Но этот термин не совсем точно отражает состояние дел в современном мировом языкознании. Оно представлено самыми разнообразными школами и течениями, которые далеко не всегда отталкиваются от идей генеративизма или следуют за Н. Хомским. Точнее было бы говорить о **постструктуральном** развитии мировой науки о языке, которому положила начало «хомскианская революция».

Лингвисты 1960—1970-х гг. осознали, что кризис можно преодолеть только в том случае, если в центре внимания исследователей окажется «сам говорящий субъект, производящий и толкующий смыслы в конкретном социальном окружении, образующем его естественную среду» (*Ажеж К. Человек говорящий, с. 221*). Подлинное отличие между структуральным этапом развития мирового языкознания и его современным этапом состоит как раз в возвращении к проблемам, связанным с человеком как носителем языка.

**§ 79. Путь к современному этапу
истории лингвистических учений
как смена парадигм научных знаний**

Современный этап в развитии мирового языкознания пока должным образом не описан в вузовских учебниках. Объясняется это тем, что в лингвистике произошли радикальные перемены, и теоретики языкознания ещё не пришли к единому мнению в квалификации этих перемен. Сейчас идут активные поиски путей и форм описания нового этапа в истории лингвистических учений. Это описание могло бы представлять собой перечень достижений различных лингвистических школ или анализ вклада в мировую науку о языке отдельных выдающихся учёных. В историю языкознания новый этап мог бы войти и как система выдвинутых в 1970—2000-е гг. теорий, отвечающих на «вечные вопросы» философии языка. Но многие исследователи склоняются к мысли о том, что необходимые сведения о новом этапе развития мирового языкознания разумнее всего было бы связать с понятиями **парадигмы научных знаний и научной революции**. Оба эти понятия были введены в научный оборот в начале 1960-х гг. американским учёным Томасом Сэмюэлом Куном (1922—1996), автором книги «Структура научных революций» (1962, рус. пер. 1977). Под **парадигмой** Т. Кун подразумевает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун Т. Структура научных революций, 1977, с. 11).

Е.С. Кубрякова уточняет формулировку Т. Куна, включая в понятие парадигмы три следующих звена: 1) установочно-предпосылочное, 2) предметно-познавательное и 3) процедурное, или «техническое» (Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века, 1995, с.167).

Первое звено парадигмы предполагает наличие признаваемых научным сообществом предпосылочных знаний, т.е. знаний, добытых предшественниками, а также соблюдение научным обществом ряда ограничений в сфере лингвистических исследований. Предпосылочные знания могут быть обусловлены общественной и культурной средой, в которой работает лингвист. Так, например, все представители компаративистской парадигмы XIX в. сформировались в условиях, когда ведущим направлением в культурной жизни Европы был романтизм с

его интересом к истории национальных культур и национальных языков; они были воспитаны на сочинениях древнегреческих и древнеримских философов-грамматистов, на философских и сравнительных грамматиках эпохи Возрождения и Нового времени, на Всеобщей рациональной Грамматике Пор-Рояля. Открытие санскрита убедило компаративистов в том, что родственные языки восходят к одному и тому же предку-праязыку. Сферу лингвистических исследований компаративисты ограничивали письменными памятниками различных исторических эпох, найденными на территории Европы, России и Индии.

Второе звено парадигмы — предметно-познавательное — очерчивает непосредственную область лингвистического анализа. Так, для компаративистской парадигмы XIX в. это были, прежде всего, история звукового и морфологического строя индоевропейских языков.

Третье звено парадигмы — «техническое», или процедурно-оперативное, — область выбираемых методик и конкретных процедур анализа. Для компаративистской парадигмы XIX столетия это был сравнительно-исторический метод.

Воспользовавшись понятием *парадигма*, историю лингвистических учений можно было бы представить как последовательность парадигм научных знаний. Попытки такого рода предпринимались неоднократно, и в каждом случае история языкознания высвечивалась разными гранями, а в качестве ведущих для соответствующих эпох назывались разные научные парадигмы. Так, Юрий Николаевич Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» (1987) пишет о четырёх научных парадигмах мирового языкознания: *исторической, психологической, системно-структурной и социальной*. За первыми двумя парадигмами нетрудно усмотреть компаративизм, за системно-структурной — структурализм; что же касается 4-й, социальной, парадигмы, то она отражает одну из особенностей современного этапа языкознания, в котором социолингвистика действительно заняла прочные позиции.

Юрий Сергеевич Степанов, рассматривая семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства («В трёхмерном пространстве языка», 1985), предложил свою классификацию научных парадигм: *философия имени, философия предиката, философия эгоцентрических слов*. Эта оригинальная классификация, которая успешно используется её создателем в лингво-

культурологии, вряд ли может быть положена в основу истории лингвистических учений вообще, ибо она создана без ориентации на основные методы, применявшиеся в языкознании XIX — первой половины XX столетий.

Анатолий Михайлович Ломов называет три парадигмы научных знаний в истории лингвистики: *элементарно-таксономическую, системно-структурную, номинативно-прагматическую* (Типология русского предложения, 1985). Первая парадигма, выделенная А.М. Ломовым, подчёркивает описательный характер языкознания в период господства сравнительно-исторического метода; системно-структурной названа парадигма, которая соответствует структурализму; третья, номинативно-прагматическая, парадигма отражает одну из черт современного этапа языкознания — его прагматическую направленность.

Е.С. Кубрякова в привычную классификацию научных парадигм истории языкознания (*компаративизм, структурализм, постструктурализм*) вносит свои коррективы применительно к современному, постструктуральному, этапу: она подразделяет его на *генеративизм и постгенеративизм*.

Научная парадигма современного языкознания в работах отечественных лингвистов фигурирует под множеством наименований: антропологическая (Е.А. Попова), постгенеративная (Е.С. Кубрякова), социальная (Ю.Н. Караулов), когнитивная (Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др.), теоантропокосмическая = трансцендентальная (В.И. Постовалова), интерпретирующая (В.З. Демьянков) и т.д. В защиту каждого из этих названий можно было бы найти немало аргументов. Однако состояние науки о языке 1970—2000-х гг. не укладывается в прокрустово ложе ни одной из перечисленных здесь частных парадигм. Дело в том, что в современном языкознании невозможно пока выделить единую ведущую парадигму лингвистических знаний, оно переживает **полипарадигмальную стадию** (термин Е.С. Кубряковой). Этим оно кардинально отличается от предыдущих этапов истории лингвистических учений, где ведущая научная парадигма определяется без особого труда (**компаративизм, структурализм**). Реальное положение вещей в истории науки о языке таково: первой ведущей научной парадигмой языкознания, выделившегося в самостоятельную область знания, была **компаративистская парадигма**; её сменила **структуральная**

парадигма, которая была вытеснена в 1970-е годы **полипарадигмальной системой**.

Смена одной парадигмы научных знаний другой парадигмой, по Т. Куну, происходит через научный переворот (через **научную революцию**). Научную революцию Т. Кун рассматривает как выход из кризиса, как необходимый этап в преодолении чисто кумулятивного (‘суммарного’ от лат. *sumulatio* ‘увеличение, скопление’) накопления сведений об объекте. Новая парадигма, зарождающаяся в недрах старой, должна обладать психологической привлекательностью, являть собой надежду на выход из тупика и кризисного состояния. «В каждом случае, — пишет Т. Кун, — новая теория возникла только после резко выраженных неудач в деятельности по нормальному решению проблем» (*Кун Т. Структура научных революций*, с. 110). Е.С. Кубрякова полагает, что важным компонентом новой парадигмы является также её направляющая роль. Она «сразу же предлагает новые решения ставящим в тупик проблемам, — она определяет скорее перспективные пути анализа, связанные с виденьем объекта в ином по сравнению с прошлым ракурсе» (*Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века*, с. 165—166). Кроме того, для того, чтобы новая парадигма действительно победила в результате научной революции, она должна опираться на достаточно солидный багаж объективных знаний («предпосылочных знаний»), доступных членам научного сообщества.

Классическими примерами научных революций можно признать победу идей «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, проложившего дорогу структурализму, а также упомянутую выше «хомскианскую революцию», повлекшую за собой смену структурализма полипарадигмальной системой, знамением которой стало возвращение к проблемам говорящего человека.

§ 80. Отличительные черты современного этапа развития мирового языкознания

Языкознание 1970—2000-х гг. не может быть обозначено именем какой-либо одной научной парадигмы. «Хомскианская революция», длившаяся около полутора десятилетий, не обеспечила генеративизму и его методу ведущей роли в мировом языкознании. Именно поэтому связывать современный этап истории

лингвистических учений только с судьбой генеративной грамматики было бы некорректным. Вернувшись к проблеме говорящего человека; пытаясь изучать язык не как готовый продукт, а как язык в действии, как «энергейю»; сосредоточив своё внимание на семантической и функциональной сторонах языка, лингвисты не выработали адекватной предмету своего исследования процедуры анализа, не создали нового метода, аналогичного сравнительно-историческому методу. Павел Борисович Паршин в статье «Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века» утверждает, что «большого метода» для изучения «энергейи» не существует и поныне; что частичным субститутом его служат теоретические инновации, вводящие в рассмотрение всё новые **модельные конструируемые** (Вопросы языкознания, 1996, № 2, с. 28). Эту мысль в иной форме высказала в 1999 г. Ревекка Марковна Фрумкина: «...в отличие от представителей точных и естественных наук, гуманитарии не часто обременяют себя размышлениями о методах и процедурах, которыми сами они постоянно пользуются» («Самосознание лингвистики — вчера и завтра», с. 29).

И всё же, при огромном многообразии школ и направлений, о которых речь пойдёт ниже, при отсутствии единого общепризнанного метода, языкознание 1970—2000-х гг. обнаруживает некие общие свойства, которые свидетельствуют об интеграционных процессах в мировой лингвистике.

Самая характерная черта современного языкознания — **антропоцентризм**. Человек стал центром координат, определяющих предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики (*Попова Е.А.* Человек как основополагающая величина современного языкознания, 2002, с. 69). Возвращение к человеку как творцу языка в лингвистике начинается спустя целый век после публикации работ В. фон Гумбольдта, который писал о языке как о «мире, лежащем между миром внешних явлений и внутренним миром человека». В 1960-е гг. к идее В. фон Гумбольдта обращается глава французской лингвистики **Эмиль Бенвенист** (1902—1976).

В 1966 г. он опубликовал книгу «Общая лингвистика», один из разделов которой носит символическое название «Человек в языке». Здесь речь идёт об отражении человека в языке, которое определяется языковыми формами «субъективности» и категориями лица, местоимения и времени. Субъективность Бен-

венист понимал как *присутствие автора и адресата* в качестве необходимых компонентов системного описания языка (Бенвенист Э. Общая лингвистика, 2002, с. 259—328). Во вступительной статье к русскому переводу «Общей лингвистики» (1974) Ю.С. Степанов вполне определённо называет антропоцентризм, свойственный концепции Э.Бенвениста, главным принципом, которому лингвисты должны следовать на новом, только что начавшемся этапе мирового языкознания: «...язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлён в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своём главном створе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной, словом, такой, какой мы находим её в книге Бенвениста, не столько завершающей, сколько открывающей новый этап — 70-е годы нашего века» (с. 15).

В начале 1980-х гг. известный специалист в области истории лингвистических учений Владимир Андреевич Звегинцев (1910—1988), оценивая состояние мирового языкознания, уже пишет о том, что человек *стал* главной величиной не только в социолингвистике, одном из разделов языкознания, но *становится* главной величиной и в лингвистике в целом. В отечественной науке принцип антропоцентризма в полную силу проявился в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда с учётом человеческого фактора стали решаться конкретные лингвистические проблемы.

Именно в эти годы были опубликованы монографии Юрия Николаевича Караулова «Русский язык и языковая личность» (М., 1987) и Леонида Петровича Крысина «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (1988), исследования Бориса Александровича Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» (М., 1988) и Елены Андреевны Земской «Словообразование как деятельность» (М., 1992). Тогда же были изданы фундаментальные сборники научных работ, подготовленные Лабораторией теоретического языкознания Института языкознания РАН: «Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи» под редакцией Е.С. Кубряковой (М., 1991); «Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности» под редакцией Вероники Николаевны Телии (М., 1991); «Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис» под редакцией Татьяны Вячеславовны Булыгиной (М., 1992) и др.

В 1990-е гг. антропоцентризм реально становится одним из ведущих принципов мирового языкознания, что дало основание ряду учёных называть современный этап лингвистики антропоцентрическим, или антропологическим. Антропоцентризм роднит лингвистику со многими другими науками, и не только гуманитарными, потому что во всех областях знаний, включая фундаментальные естественные науки, наблюдается переориентация на человека, взгляд на него как на центр вселенной. «Антропоцентризм как особый тип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Он знаменует, иными словами, тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» (Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века, с. 212).

В лингвистических исследованиях 1970—2000-х гг. антропоцентризм проявляется по-разному. Так, в генеративной грамматике это изучение языковой способности говорящего, апелляция к интуиции говорящего; в ономазиологическом направлении — внимание к творческой (лингвокреативной) мыслительной деятельности человека при изучении актов речи. Антропоцентризм является ведущим методологическим принципом для целого ряда современных направлений лингвистики:

- *лингвогносеологии*, которая изучает познавательные функции языка;
- *социолингвистики*, изучающей взаимоотношение человека и общества;
- *психолингвистики*, которая исследует взаимоотношение языка и индивида;
- *лингвопраксиологии*, интересующейся ролью языка в практическом поведении человека;
- *лингвокультурологии*, предметом которой является взаимоотношение языка и культуры;
- *лингвоэтнологии* (этнолингвистики), анализирующей взаимосвязь языка и духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества;

- *лингвопалеонтологии*, в центре внимания которой связь истории языка с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием;
- *лингвистической аксиологии*, занимающейся различными аспектами системы ценностей этноса и способов их репрезентации (представления) в языке и духовной культуре.

С антропоцентризмом связаны другие принципы, характерные для современного этапа языкознания как системы знаний о человеке: экспансионизм, функционализм (или неофункционализм) и экспланатарность (объяснительный характер).

Экспансионизм (стремление расширить область исследований) в качестве принципа современной лингвистической науки впервые стал предметом обсуждения на XIV Международном лингвистическом конгрессе, который проходил в Берлине в 1987 г. Выступившие на конгрессе чехословацкий лингвист Франтишек Данеш и финский учёный Нильс Эрих Энквист противопоставили экспансионизм редуccionизму (намеренному сужению области исследования). Правда, при этом они имели в виду прежде всего лингвистику текста. Редуцируя, сокращая область исследования, учёный рискует упустить важные признаки описываемого объекта.

Независимо от того, когда и где обсуждался сам термин *экспансионизм*, лингвистика в постструктуральный период, будто навёрстывая упущенное за десятилетия господства структурализма, до предела сузившего предмет лингвистического исследования, стихийно расширяла свои горизонты и практически превратилась, по словам Е.А. Поповой, в науку «с безграничными перспективами» (2002, с. 72). Экспансия лингвистики обнаруживается в возникновении новых лингвистических школ и направлений, которые рассматривают старые проблемы с новых позиций, изобретают новые методы и приёмы анализа; в обнаружении новых граней объекта исследования-языка; в интеграции лингвистики с другими науками. В результате экспансии лингвистики сформировались междисциплинарные науки, занимающие промежуточное положение между гуманитарными и негуманитарными сферами знаний: математическая лингвистика, инженерная лингвистика, лингвофольклористика, лингвопоэтика, лингвокультурология, социолингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и др. Эти

интеграционные процессы, естественно, способствуют получению таких знаний о языке, которые невозможно было бы добыть в рамках традиционного языкознания. Однако экспансионизм науки, сопровождающийся непомерным расширением предмета анализа, вплоть до размывания его границ, не всегда благотворно влияет на качество самой исследовательской работы. Он опасен кажущейся лёгкостью достижения новых знаний о языке в пограничных сферах и привлекает в наиболее «модные» интеграционные области науки дилетантов, не имеющих серьёзной лингвистической подготовки.

Третья характерная черта современного языкознания — **функционализм**, или **неофункционализм** (термин Е.С. Кубряковой). Функциональные свойства языка издавна интересовали отечественных и зарубежных лингвистов. Одна из первых структуральных школ — Пражский лингвистический кружок — не случайно называлась Школой функциональной лингвистики. При традиционном функциональном подходе центральной проблемой лингвистики становится изучение каждого языкового явления по выполняемой им функции в системе языка и по цели, с которой оно используется в процессе общения.

Неофункционализм как принцип современной лингвистики, по мнению Е.С. Кубряковой, опирается на более сложное понимание функций языка и целей высказывания. Так, пражские структуралисты ставили перед собой задачу приписать выделяемым минимальным единицам языка (по преимуществу фонеме и морфеме) определённые функции и оправдать выделение фонем и морфем функциональными критериями. В современных же функциональных школах, наоборот, вначале определяется сам набор возможных функций, а затем выявляются те языковые единицы и конструкции, которые служат для выражения установленных функций. При этом разрабатываются развёрнутые классификации функций, особенно — функций коммуникативного акта, создаются различные теории относительно возможных целей высказывания. Выделение исходного набора функций (семантических, синтаксических, прагматических и прочих) способствует фундаментальному изучению употребления языка в различных условиях общения и одновременно помогает объяснить устройство языка.

Неофункционализм проявляется наиболее активно в ряде направлений современного языкознания:

- *функциональной грамматике,*
- *лингвистике текста,*
- *коммуникативном (динамическом) синтаксисе,*
- *нарративной лингвистике (изучающей нарративы — повествовательные тексты),*
- *функциональной лексикологии и фразеологии.*

Четвёртый принцип современного языкознания — **экспланаторность**, т.е. объяснительный характер. Уместно было бы напомнить, что установление причинно-следственных связей, стремление не только описать, но и объяснить языковые факты всегда было сильнейшей стороной русских лингвистических школ, в то время как многие зарубежные учёные (например, младограмматики XIX в. и структуралисты первой половины XX в.) считали, что дело лингвиста — констатировать то, что есть, а не объяснять. Преодоление кризиса в мировом языкознании, связанного с крайностями структурализма, как раз сопровождалось изменением соотношения между описанием и объяснением языковых явлений. Попытки внести объяснения в анализ языка неизбежно должны были сопровождаться созданием гипотез об устройстве языка, выработкой теорий, объясняющих его глубинные, недоступные для непосредственного наблюдения структуры. Не случайно именно поиски выхода из сложившегося тупика заставили лингвистов вернуться к «вечным проблемам» языкознания; в антиномии *описание / объяснение* акцент переместился на *объяснение*, а в антиномии *индукция / дедукция* на *дедукцию*.

Объяснительность, или экспланаторность, современного языкознания проявляется всесторонне. *Во-первых*, лингвистика объясняет свой объект исследования, свои собственные цели и задачи, определяет ориентиры и конечный результат исследовательской деятельности. Для современного состояния науки о языке этот объяснительный компонент оказывается особенно актуальным. При непомерном расширении сферы лингвистических исследований и появлении множества «гибридных» наук типа социолингвистики, психолингвистики, лингвофольклористики, лингвокраеведения и т.д. границы собственно лингвистики размываются. Возникает необходимость ответить на самый важный вопрос: «Что же остаётся на долю подлинной лингвистики, если «вычесть», по выражению Е.С. Кубряковой, то, что приходится на долю «сдвоенных» дисциплин?» Ответ напрашивается сам собой. Теоретическая лингвистика должна интегрировать данные,

полученные в рамках других научных дисциплин, и объединять их «в единую систему взаимосвязанных знаний» (*Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века, с. 224).

Таким образом, развитие современной лингвистики обусловило необходимость более строго очертить её предмет исследования, объяснить изучаемый ею объект — язык, но не только язык «в самом себе и для себя». Тут возникает *вторая сторона* объяснительности, или экспланатарности, которой характеризуется современное языкознание: через связи с другими науками, а также через познание собственного объекта лингвистика объясняет самого человека-носителя языка и мир, в котором человек обитает.

В поисках объяснений второго рода лингвистика вторгается в социологию, и социолингвистика объясняет человека через те отношения, в которые он вступает, будучи членом определённой социальной группы. Сведения, добытые в сфере психолингвистики, дают возможность объяснить причины речевых нарушений у детей, вскрыть закономерности речевого воздействия на носителей языка через средства массовой информации, решать проблемы обучения иностранным языкам и т.д. Этнолингвистика помогает с помощью языковых данных воссоздать духовную культуру этноса. Тайны познавательной деятельности человеческого мозга можно постичь, используя результаты, полученные когнитивной лингвистикой.

Таким образом, современная лингвистика ориентирована на говорящего человека и изучает язык в действии, как «энергейю». Несмотря на то, что она не выработала единого процедурного метода и характеризуется многообразием школ и направлений, в ней действуют мощные интеграционные процессы, позволяющие выделить самые существенные свойства современных лингвистических исследований: антропоцентричность, экспансионизм, функциональность (или неофункциональность) и экспланатарность (объяснительность).

Вопросы для самоконтроля

1. После Второй мировой войны центр лингвистических исследований переместился в Соединённые Штаты Америки. С чем это было связано?

2. Каковы были причины, вызвавшие кризис структурализма? Назовите наиболее уязвимые места структуральных методов лингвистического анализа.
3. В чём состояла суть «хомскианской революции»? Какие идеи Н. Хомского помогли мировому языкознанию преодолеть кризис?
4. Учёные признали реальность научных революций в лингвистике. Правомерно ли говорить о революционных переворотах в самом объекте исследования лингвистики — языке?
5. Существуют разные возможности описания современного этапа мирового языкознания. Какой из них вы считаете наиболее разумным? Почему?
6. Как определяет парадигму научных знаний американский учёный Томас Кун? Считаете ли вы необходимыми уточнения, внесённые в это определение российской исследовательницей Е.С. Кубряковой?
7. В § 79 даётся характеристика компаративной парадигмы с учётом 3-х звеньев научной парадигмы, предложенных Е.С. Кубряковой. Опишите структуральную парадигму по такой же схеме: 1) установочно-предпосылочное звено, 2) предметно-познавательное звено, 3) процедурное, или «техническое» звено.
8. Чем, на ваш взгляд, объясняется «многоимённость» современного этапа мирового языкознания? Какого звена недостаёт системе современных лингвистических знаний, чтобы признать её единой парадигмой?
9. В чём состоит сущность научной революции? При каких условиях научная революция одерживает победу?
10. В трудах теоретиков языкознания обычно говорят лишь о «хомскианской» научной революции в истории лингвистических знаний. Правомерно ли говорить о «соссюрианской» революции? Обоснуйте свой ответ.
11. Как можно было бы представить историю лингвистических учений, опираясь на понятия *научной парадигмы* и *научной революции*?
12. В чём состоит сущность *антропоцентризма* современной лингвистики? В каких сферах он проявляется наиболее полно?
13. Что кроется за понятием *экспансионизм науки*? Как экспансионизм отразился на современном состоянии лингвистики?

14. Функциями языковых единиц лингвистика занималась и до 1970-х гг. Что принципиально нового появилось в изучении функциональной стороны языка в постструктуральную эпоху?
15. Как вы понимаете выражение *экспланатарность современного языкознания*? В чём проявляется экспланатарность лингвистики 1970—2000-х гг.?
16. Суммируя сведения 1 главы VII раздела, попытайтесь сжато дать общую характеристику современному состоянию языкознания.

ГЛАВА 2

Компаративистика и структурализм на современном этапе развития мирового языкознания

§ 81. Сравнительно-историческое направление в 1970—2000-е гг.

Современный этап языкознания характеризуется большим разнообразием методов и лингвистических теорий. Как справедливо пишет Владимир Викторович Колесов, в мировой науке о языке увеличивается число «конкурирующих вариантов знания в виде научных школ, каждая из которых, иногда безосновательно, претендует на обладание истиной в последней инстанции, пренебрегает достижениями других школ» («Жизнь происходит от слова...», 1999, с. 274). Но в этой пестроте теоретических концепций и процедурных приёмов заметное место по-прежнему занимает сравнительно-историческое языкознание. Причина жизнеспособности данного направления кроется в том, что «историческое познание более насыщено деталями и частностями, оно способно дать глубинную картину системы, одновременно соединяя в диалектическом единстве самые разные изменения, уровни языка, постигая причинно-следственные отношения между его элементами, признаками и единицами (которые могут зеркально меняться местами)» (Там же, с. 279).

Сильной стороной компаративистики XIX столетия было то, что она изучала объект *во времени*. Обладая огромным багажом добытых в XIX в. сведений, сравнительно-историческое направле-

ние XX в. сумело выстоять в годы господства структурализма и в годы кризиса структурального направления. Именно в 1960-е гг., когда синхронное описание языка «позитивистски расплылось в энциклопедизме частностей» (Там же, с. 341) и структурализм низвёл лингвистику до уровня прикладной науки, сравнительно-историческое языкознание заимствует некоторые идеи и процедурные приёмы структуралистов и укрепляет свои позиции.

Вторая половина XX в. отмечена крупными достижениями компаративистики. Так, наряду с германскими, романскими, славянскими языками, компаративисты начали описывать языки других групп индоевропейской семьи (анатолийские, индоиранские, памирские, фракийский, македонский и др.), что позволило уточнить знания о структуре индоевропейского праязыка. Кроме того, были созданы сравнительно-исторические грамматики языков неиндоевропейских семей: финно-угорских, алтайских, дравидских, семитских, индийских и пр.

В недрах сравнительно-исторического языкознания к началу 1950-х гг. сформировалась новая дисциплина — **глоттохронология** (от греч. *glōtta* ‘язык’ и *chrónos* ‘время’), которая занимается выявлением скорости языковых изменений и установлением на этом основании времени разделения родственных языков. Создатель глоттохронологии, американский учёный Моррис Сводеш [Свадеш] (1909—1967) предположил, что основная часть словаря любого языка, которая нужна для обслуживания наиболее часто встречающихся и существенных ситуаций общения, изменяется с одинаковой скоростью. Базовую часть словаря составляют исконные, незаимствованные слова, обозначающие универсальные, общечеловеческие понятия; они не связаны ни с природными условиями, ни с типом культуры. Базовый список Сводеша включал 100 слов: личные, указательные и другие местоимения (*я, ты, мы, тот, весь...*), числительные (*один, два, три...*), некоторые названия частей тела человека и животных (*голова, рука, нога, глаз, ухо, сердце, хвост...*), названия элементарных действий (*есть, пить, слышать, видеть, ходить, лететь, стоять, спать, умереть...*), термины родства (*мать, брат, сестра...*) и пр. Внутри группы из 100 слов такого списка за тысячу лет сохраняется около 86% слов. Поэтому, подсчитав процент сохранившихся родственных слов в основных списках двух языков одной семьи, можно установить время их разделения. Так, пользуясь методом глоттохронологии, учёные установи-

ли, что русский и украинский языки разошлись между 1311-м и 1581 гг., русский и польский — между 935-м и 1289 гг., русский и литовский — во второй половине I тысячелетия, русский и английский — более 5,5 тысяч лет назад. Естественно, выводы, добытые глоттохронологией, касаются только лексики, и её данные надо проверять через другие свидетельства.

В 1960—1970-е гг. получила дальнейшее развитие **ностратическая теория** (теория ностратической макросемьи языков). Сам термин *ностратический* (от лат. *noster* ‘наш’) был предложен ещё в 1903 г. датским учёным Хольгером Педерсеном (1867—1953), который, подытожив результаты наблюдений компаративистов XIX в. над парами языков разных семей, впервые сформулировал положение о родстве нескольких языковых семей: урало-алтайской, индоевропейской и афразийской. Молодой советский учёный Владимир Маркович Иллич-Свитыч (1934—1966) расширил круг ностратических языков, отнеся к ним не только индоевропейские и урало-алтайские, но и дравидские, картвельские и семито-хамитские языки. Кроме того, он занялся реконструкцией ностратического языка. К сожалению, эта работа не была завершена из-за ранней смерти автора: В.М. Иллич-Свитыч успел написать три тома сравнительного словаря ностратических языков (опубл. в 1971—1984 гг.).

Крупнейшим достижением сравнительно-исторического языкознания современного этапа следует признать работу советских учёных Тамаза Валерьевича Гамкрелидзе и Вячеслава Всеволодовича Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры» (1984). Используя процедурные приёмы системно-типологического анализа при сравнении индоевропейских и других ностратических языков, привлекая археологические, культурологические и прочие данные, авторы высказали оригинальную гипотезу о прародине индоевропейцев (междуречье Тигра и Евфрата), об их образе жизни, хозяйственном и социальном устройстве, материальной и духовной культуре (см. § 30 данного пособия).

Во второй половине XX в. компаративисты совершили несколько значительных открытий в области дешифровки забытых письменностей. Большинство из них принадлежит нашим отечественным учёным. Так, Юрий Валентинович Кнорóзов (1922—1997) сумел прочесть рукописные книги и надписи на языке

мая, высеченные на камнях в руинах индейских городов, найденных в джунглях Южной Америки. Изобретённый Ю.В. Кнорозовым структурно-комбинаторный (позиционно-статистический) метод был применён при исследовании протоиндийских надписей и ряда других письменностей. Ирина Константиновна Фёдорова (р. 1931), ведущий научный сотрудник Кунсткамеры, разгадала тайну рапануйского письма, сохранившегося на дощечках, привезённых Н.Н. Миклухо-Маклаем с острова Пасхи и подаренных Санкт-петербургскому музею. Георгий Андреевич Климов (1928—1997) дешифровал агванское письмо, письмо древней Кавказской Албании — Агвании. Метод, разработанный российскими учёными Борисом Викторовичем Сухотиным (р. 1937) и Виталием Викторовичем Шеворошкиным (р. 1932), позволил дешифровать письмо древнего индоевропейского народа, проживавшего в Малой Азии, — карийцев. Мировую известность принесла дешифровка парфянских текстов города Нисы (в современной Туркмении), резиденции парфянских царей Аршакидов, Игорю Михайловичу Дьяконову (1915—1999).

Наибольших успехов за четыре истекшие десятилетия сравнительно-историческое направление добилось в области **славяноведения**. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, слависты СССР и Восточной Европы не порывали с традициями Московской и Казанской лингвистических школ, представители которых, оставаясь в рамках компаративизма, руководствовались принципами системности языка, признавали антиномии *язык/речь*, *синхрония/диахрония* и, не пренебрегая семантикой языковых единиц, последовательно изучали материальную сторону языка, его форму. Во-вторых, огромную роль в развитии сравнительно-исторической славистики сыграли международные съезды славистов, которые собираются обычно каждые пять лет поочерёдно в одной из славянских стран, начиная с 1929 г. Прошло уже 13 съездов славистов: три — до Второй мировой войны (в Праге — в 1929 г., в Братиславе — в 1934 г., в Белграде — в 1939 г.); остальные — с 1955 г. (в Белграде — в 1955 г., в Москве — в 1958 г., в Софии — в 1963 г., в Праге — в 1968 г., в Варшаве — в 1973 г., в Загребе — в 1978 г., в Киеве — в 1983 г., в Софии — в 1988 г., в Братиславе — в 1993 г., в Кракове — в 1998 г., в Любляне — в 2003 г.). Съезды славистов играют цементирующую, объединяющую роль в научном сообществе, которое занимается проблемами изучения славянских языков. Здесь обсуждается обширный круг проблем: эт-

ногenez славян, прародина славян, праславянский язык и его диалекты, языковые контакты славян, методология сравнительно-типологических исследований, языки славян за пределами славянского мира, ареальные исследования славянских диалектов, новейшие языковые изменения в славянстве, история литературных славянских языков, социолингвистические проблемы славистики, славянская мифология, славянский фольклор, Библия в культуре славян и т.д. С трибун съездов, по справедливому замечанию Олега Николаевича Трубачёва (1930—2002), исходят «импульсы, побуждающие дальнейшее развитие целых дисциплин» («Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду», 1998, с. 7).

Самые значительные достижения славистики на современном этапе языкознания связаны с сравнительно-исторической лексикологией и этимологией. Благодаря принятым на съездах славистов решениям в славянских странах идёт активная работа по изданию исторических и этимологических словарей. Именно слависты впервые в мировой науке вторглись в неисследованную область праязыковой лексикографии. В Западной Европе, в германистике, такие попытки ещё не предпринимались. Так, с 1974 г. в СССР под редакцией О.Н. Трубачёва в Институте русского языка имени В.В. Виноградова начал выходить «Этимологический словарь славянских языков» (Праславянский лексический фонд). В Чехии издан фундаментальный толковый словарь старославянского языка, который содержит сравнительно-сопоставительные материалы по славянским, древнегреческому, латинскому и немецкому языкам; опубликовано несколько выпусков этимологического словаря старославянского языка. В 1998 г. в Белграде начал издаваться новый этимологический словарь сербского языка.

Особенно успешно развивается российская историческая лексикография. В научно-исследовательских институтах ведётся работа над тремя крупнейшими историческими словарями. С 1975 г. выходит многотомный толково-переводной диахронический «Словарь русского языка XI—XVII вв.», в котором предполагается описать свыше 60000 слов. С 1984 г. Институт лингвистических исследований РАН издаёт «Словарь русского языка XVIII в.», который охватывает период с 1690-х гг. (начало Петровской эпохи) до 1810-х гг. С 1988 г. выходит толково-переводной «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.», где на

материале двухмиллионной картотеки, составленной по 784 источникам (летописям, хроникам, житиям, поучениям, грамотам, включая вновь открытые новгородские берестяные документы, надписи на предметах материальной культуры), предполагается представить 30000 слов древнерусского языка. В 1993 г. уже после смерти автора увидел свет двухтомный «Историко-этимологический словарь современного русского языка» Павла Яковлевича Черных (1896—1970), где излагается история возникновения и этимология 13560 слов современного русского языка.

В конце XX — начале XXI в. появляются историко-этимологические словари сверхсловных образований. В 1998 г. издательство «Фолио-Пресс» выпустило «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник», авторы которого А.К. Бирих, В.М. Мокиенко и Л.И. Степанова подвергают этимологическому анализу 2500 русских образных выражений. Значительный вклад в изучение этимологии сверхсловных образований внёс Валерий Михайлович Мокиенко, автор историко-этимологических очерков «От Авося до Ятя. Почему так говорят?» (1998), «Историко-этимологического словаря воровского жаргона» (1999, в соавторстве с М.А. Грачёвым) и ряда других исследований.

Таким образом, сравнительно-историческое языкознание на новом этапе истории лингвистических учений доказало свою жизнеспособность и внесло весомый вклад в мировую науку о языке. Наконец, в недрах сравнительно-исторического языкознания сформировалось новое направление, получившее название **этнолингвистика**.

§ 82. Судьба структурального направления

Структурализм в СССР по-настоящему начал развиваться только после смерти И.В. Сталина с 1950-х гг., и его расцвет пришёлся на время, когда в Европе и в Соединённых Штатах Америки это направление переживало кризис. В 1960-е гг. ведётся активная работа по переводу на русский язык трудов зарубежных представителей структурализма: с 1960-го по 1965 г. увидели свет четыре тома сборников «Новое в лингвистике». В работах Ольги Сергеевны Ахмановой (1908—1991) («О точных методах исследования языка», 1961), Юрия Дерениковича Ап-

ресяна («Идеи и методы современной структурной лингвистики: краткий очерк», 1964) была дана объективная оценка достижений зарубежных структуральных школ, а в 1965 г. в крупнейших университетах СССР состоялся первый выпуск лингвистов, владеющих методами структурального анализа.

Свой вклад в развитие отечественного структурализма внесли многие учёные, в том числе Игорь Александрович Мельчук (р. 1932), автор фундаментальной работы «Опыт теории лингвистических моделей “Смысл-Текст”» (1974) и «Толково-комбинаторного словаря современного русского словаря» (издан в Вене соавторстве с А.К. Жолковским в 1984 г.); Исаак Иосифович Ревзин (1923—1974), автор книги «Современная структурная лингвистика» (опубл. после смерти автора в 1977 г.), который занимался общей теорией моделирования и применял структуральные приёмы анализа в области фонологии и грамматики; Борис Андреевич Успенский (р. 1937), изучавший языковые универсалии и опубликовавший книгу «Структурная типология языков» (1965); Андрей Анатольевич Зализняк (р. 1935), автор «Грамматического словаря русского языка» (1977) и монографии «Русское именное словоизменение» (1967); Нина Давидовна Арутюнова (р. 1923) и Е.С. Кубрякова, занимавшиеся проблемами синтагматической и парадигматической идентификации морфем; Игорь Павлович Распопов (1925—1982), одним из первых исследовавший актуальное членение предложения («Очерки по теории синтаксиса», 1973).

Замечательных результатов добился Никита Ильич Толстой (1923—1996), применивший методику лингвистического моделирования при изучении славянских языков и их диалектов. Центральным в его концепции было положение о необходимости выделения **микрополя**, которое заключало бы в себе не только однокоренные слова (гнезда слов и т.п.), но и было бы построено на формально-лингвистических, а не логических основаниях. Выделенные на таком основании поля служили Н.И. Толстому основой для сравнения фрагментов близкородственных диалектов или родственных языков. Данный метод типологического изучения лексико-семантической сферы был применён при изучении 12 говоров Полесья, при создании Карпатского диалектологического атласа.

После короткого расцвета советская структуральная школа слилась с инженерной лингвистикой. С конца 1970-х гг. структурная лингвистика, в отличие от сравнительно-исторического языкознания, пере-

стаёт существовать как самостоятельное направление, противостоящее «традиционному» языкознанию. Разработанные структурной лингвистикой методы исследования наряду с другими методами применяются в «гибридных», междисциплинарных науках (психолингвистике, когнитивной лингвистике, этнопсихологии, социолингвистике) и в собственно лингвистических науках (фонологии, морфологии, синтаксисе и др.).

Структурная лингвистика повлияла на развитие структурных методов исследования в других, нелингвистических гуманитарных науках — литературоведении, искусствознании, этнологии, истории, социологии, психологии. Именно на почве этих гуманитарных наук сформировался структурализм как философско-методологическая основа конкретно-научных гуманитарных исследований. Эта разновидность структурализма известна также под названием «французский структурализм», поскольку он был создан во Франции усилиями учёных Клода Леви-Строса (1908—1990), Ролана Барта (1915—1980), Мишеля Поля Фуко (1926—1984), Жака де Лакана (1901—1981).

В новом своём обличье структурализм испытал влияние различных философских учений: **неокантианства**, которое призывало вернуться назад к Канту, но критиковало Канта с позиций более последовательного идеализма, отрицая объективное существование «вещи в себе»; **феноменологии** Эдмунда Гуссерля (1859—1938), который считал, что в основе любого научного конструирования понятий лежит созерцание феноменов как очевидных данностей, выработанных интуицией; **логического позитивизма**, который сочетал субъективно-идеалистический эмпиризм с методами математической логики. Структурализм как методологическую основу конкретно-научных гуманитарных (нелингвистических) исследований нельзя путать со структурной лингвистикой. В 1970-е гг. чёткие контуры лингвистического структурализма как особой системы научных знаний о языке оказались уже размытыми, а основные понятия и принципы структурной лингвистики стали составной частью общей теории языка (см. Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 497).

Вопросы для самоконтроля

1. Почему сравнительно-историческое языкознание остаётся одним из самых жизнеспособных направлений в мировом языкознании?
2. Какие из достижений сравнительно-исторического языкознания 1970—2000-х гг. вы считаете самыми значительными?
3. В чём состоит суть глоттохронологии? Если бы вам предстояло составить основной список слов русского языка, который должен остаться неизменным в течение будущего тысячелетия, какие 20—30 из них вы бы включили в первую очередь?
4. Когда-то Н.Я. Марр считал, что история языков мира — это постепенный переход от многоязычия к единому мировому языку, который осуществляется путём скрещивания. Могут ли данные глоттохронологии служить аргументом, опровергающим гипотезу Н.Я. Марра?
5. Как теория ностратических языков соотносится с учением компаративистов о языковых семьях? Может ли ностратическая теория ответить на вопрос о происхождении языков мира?
6. Прочитайте в 10-м томе Энциклопедии для детей «Языкознание. Русский язык» (М.: Аванта+, 1998) раздел «Загадочные письмена» (с. 559—589). Какие открытия в области дешифровки древних письменностей, совершённые в 1970—2000-е гг., кажутся вам наиболее впечатляющими? Почему они стали возможными?
7. Какие обстоятельства способствовали расцвету славяноведения в 1970—2000-е гг.? Оцените достижения славянской этимологической и исторической лексикографии.
8. Структурная школа сформировалась в СССР только в 1950-е гг. Почему? В каких сферах лингвистики проявили себя отечественные структуралисты?
9. Какова была судьба структурализма в СССР?
10. Как трансформировался структурализм в Западной Европе?

ГЛАВА 3

Краткая характеристика некоторых новых направлений в языкознании 1970—2000-х гг.

Современный этап мирового языкознания вызвал к жизни целый ряд новых направлений, обладающих некоторыми общими свойствами (см. § 80). К описанным выше объединяющим чертам (антропоцентризм, экспансионизм, функционализм и экспланатарность) следует добавить то, что все новые научные направления используют богатейшие знания, добытые лингвистами на предшествующих этапах развития науки о языке. Обычно новая концепция — это «скачок к предкам», возвращение к проблемам лингвистики прежних эпох с учётом накопленного за долгие годы опыта лингвистического анализа. Представители сформировавшихся в 1970—2000-е гг. направлений заимствуют проверенные компаративистами и структуралистами процедурные приёмы и методы анализа языкового материала и комбинируют их с методиками анализа смежных наук.

К числу наиболее авторитетных направлений современного языкознания относятся когнитивная лингвистика, функциональная лингвистика, этнолингвистика и социолингвистика. Краткая характеристика двух первых из них дана ниже. Более подробный анализ современных направлений и школ содержится в третьей части курса «Общее языкознание», специально посвящённой методам и приёмам лингвистического анализа.

§ 83. Когнитивная лингвистика

Термины *когнитология*, *когнитивная наука* появились в середине 1970-х гг. в связи с формированием области науки, которая изучала процессы усвоения, накопления и использования информации человеком. Когнитивной лингвистике предшествовал двадцатилетний период поисков выхода из кризиса мирового языкознания. Если раньше лингвисты по преимуществу имели дело с языком как результатом языковой деятельности, внешне обнаруживаемым в речевом потоке или в самых разнообразных текстах, то теперь возникла необходимость изучать язык «внутри нас», тот самый язык, который хранится в мозгу человека и который служит средством получения, обра-

ботки и хранения информации. Это заставило лингвистов ещё в 1950-е гг. прибегнуть к услугам психологии, изучающей мыслительные процессы. В итоге возникла «гибридная» наука — **лингвопсихология**, или **психолингвистика**. Термин *психолингвистика* был введён в научный обиход в 1954 г. американскими исследователями. Психолингвистика изучает процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносённости с системой языка. В СССР психолингвистика начала развиваться с середины 1960-х гг. как **теория речевой деятельности**. Помимо разработки общих проблем порождения речи, отечественные психолингвисты создали несколько словарей ассоциативных норм, изучали факторы распознавания речи, особенности детской речи. Психолингвистические исследования и достижения генеративной грамматики подготовили почву для возникновения когнитивной лингвистики, которая обязана своим рождением знаменитому американскому психологу Джорджу Армitedжу Миллеру и главе генеративной школы Но́а́му Хо́мскому.

Когнитивная наука попыталась объединить, с одной стороны, несколько старых фундаментальных дисциплин (математику, философию, психологию и лингвистику), с другой — новые и даже параллельно с когнитивизмом развивающиеся науки и теории (моделирование искусственного интеллекта, теорию информации, разные методы математического моделирования, компьютерные технологии, нейронауки).

Когнитивная наука посягнула на исследование исключительно сложных явлений — человеческого разума, ментальных (мыслительных) процессов, выделивших человека из животного мира как разумное существо, — и на постижение результатов этой деятельности — знания. Поскольку исследовать ментальные процессы без языка абсолютно невозможно, лингвистика должна была занять одно из центральных мест в когнитивной науке, и сам язык должен был стать эпицентром её интересов.

Объект когнитивной науки по-настоящему не очерчен и определяется по-разному. Большинство когнитологов **объектом когнитивной науки** называет информацию, обработку информации и её переработку, причём не только человеком, но и компьютером. **Предметом же когнитивной науки** признаются все виды деятельности с информацией. Меньшая часть учёных называет объектом когнитивной науки общие принципы, управляющие

ментальными (мыслительными) процессами. Таким образом, предмет когнитивной науки настолько широк, что она может расцениваться как обширная программа научных исследований, объединяемых связующим их признаком — когницией.

Когниция — важнейшее понятие когнитивной науки, трудно переводимое на русский язык. Оно сочетает в себе значения двух латинских слов — *cognito* ‘познание’ и *cogitato* ‘познавание’, а также смыслы ‘мышление’ и ‘размышление’.

Когнитивная лингвистика — один из разделов когнитивной науки. Как особое направление отечественного языкознания когнитивная лингвистика сформировалось к 1980-м гг. под влиянием когнитивных концепций Джорджа Лакоффа (р. 1941), Чарлза Филмора (р. 1929), Рональда Уэйна Лангакера (р. 1942), Уоллеса Чейфа (р. 1929) и др., по преимуществу, американских исследователей. Рождение когнитивной лингвистики связано с поисками новых подходов к изучению языка после разрушения «идеологии» структурализма. **Объектом когнитивной лингвистики** является язык в действии. **Предмет** же её исследования, как и в целом у когнитивной науки, у когнитивной лингвистики, бурно развивающейся и в России, и за рубежом, определяется в разных источниках по-разному.

В «Очерках по когнитивной лингвистике» (2002) Зинаида Даниловна Попова (р. 1929) и Иосиф Абрамович Стернин (р. 1948), суммируя различные точки зрения, приходят к выводу, что **предмет когнитивной лингвистики** — особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков. Что же касается метода или процедурных приёмов когнитивной лингвистики, следует согласиться с теми учёными, которые полагают, что **особого когнитивного метода не существует**. Когнитивисты используют метод лингвистического эксперимента, обычный в традиционном языкознании, метод компонентного анализа, выработанный генеративной лингвистикой, и обращаются к методикам, которые были созданы в психологии (например, к методике ассоциативного эксперимента).

Когнитивная лингвистика возвращается к важнейшей проблеме философии языка — взаимоотношению языка и мышления. Эта проблема решалась В. фон Гумбольдтом (см. § 20), в трудах А.А. Потебни (см. § 34), И.А. Бодуэна де Куртенэ (см. § 45) и многих других лингвистов XIX столетия. Но в конце XX — начале XXI в. когнитивная лингвистика решает проблему

взаимоотношения языка и мышления на очередном витке развития научной мысли, используя новейшие достижения компаративистики, структурализма, психологии, логики и других дисциплин.

Круг проблем, которые интересуют когнитивную лингвистику, необычайно широк. Он свидетельствует о вторжении этой науки в различные смежные области знаний. Так, в 1990—2000-е гг. на конференциях, семинарах, симпозиумах, которые собирали приверженцев когнитивной науки, предметом обсуждения были самые разнородные вопросы: методология когнитивных исследований, когнитивные аспекты грамматики, когнитивные аспекты номинации и словообразования, категории языковых единиц в системе и функционировании, концептуализация в историческом аспекте, концептуализация в ментальных пространствах текста и дискурса, природа концепта и концептуальный анализ, языковая концептуализация мира, концептуальный анализ грамматических категорий, вербализация концептов, национальный менталитет и языковая личность, языковое сознание, картина мира и пр.

Как справедливо пишут авторы «Очерков по когнитивной лингвистике» З.Д. Попова и И.А. Стернин, вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг её **основных категорий** — *концепт, концептуализация, концептосфера (картина мира) и категоризация*.

Концепт — это оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания.

Концептуализация — осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта.

Концептосфера — термин, введённый в 1993 г. академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым (Концептосфера русского языка // Известия РАН — СЛЯ, 1993, № 1, с. 3—9). Под концептосферой (или **картиной мира**) понимают совокупность концептов нации, которая образована всеми потенциями концептов носителей языка. И концепт, и концептосфера — ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые сущности. Концептосфера носит системный характер, так как концепты связаны друг с другом, вступают в различные отношения.

Концепт как элемент концептосферы (картины мира) может быть выражен, а может и не быть выражен словесно (вербально). Обнаружить невербализованные концепты очень лег-

ко, если заняться контрастивным сравнением разных языков. Например, в русском языке нет слов, соответствующих английским *adust* 'выжженный солнцем', *flap* 'всякий нависающий над краем чего-либо предмет', *pet* 'животное, которое держат дома для забавы'; зато в английском нет обозначения для таких русских концептов, как *сутки*, *кипяток*, *борщ*, *щи*, *дача*, *форточка*, *погорелец* и т.д. В русском языке нет эквивалентов немецким концептам, выраженным словами *Berufsverbot* 'запрет на профессию', *Stocken* 'идти на высоких каблуках, постукивая ими', *Feierabend* 'вечер после работы', *Seitensprung* 'одноразовая супружеская измена' и т.д., а в немецком языке нет слов для выражения русских концептов *квас*, *лапти*, *добрый*, *погреб*, *сладко-ежка*, *ласковый*, *позёмка*, *сутки*, *здоровяк*, *сухостой*, *смекалистый*, *беспризорник* и т.д.

К числу достижений отечественной когнитивной лингвистики можно отнести определение лингвистического подхода к осмыслению символа (Е.В. Шелестюк, 1977); выработку когнитивного подхода к изучению словообразования (Г.В. Аликаева, 1999; О.В. Равевская, 1991); когнитивную трактовку грамматических категорий (Н.Н. Болдырев, 1998) и фразеологических единиц (Н.Ф. Алефиренко, 2000—2003 гг.); описание синтаксических концептов разных типов (И.П. Сусов, 1998); когнитивное изучение текстов (А.А. Кибрик, 1994); исследование художественных текстов сквозь призму национальной концептосферы (В.В. Красных, 2000; А.М. Мелерович, 2000; С.М. Карпенко, 2000; Н.С. Болотнева, 2002 и др.); разработку категории когнитивной метафоры (О.В. Орлова и Н.С. Болотнова, 2000; В.Ф. Новодранова и Л.М. Алексеева, 2000; Л.А. Шестак, 2003 и др.).

Наиболее ощутимые результаты когнитивных исследований достигнуты в описании самих концептов. Значительный вклад в разработку этой области когнитивной лингвистики внесли московские учёные под руководством Н.Д. Арутюновой, а также волгоградские исследователи, работавшие под руководством Николая Фёдоровича Алефиренко, организатора ряда когнитивных симпозиумов. В сборнике «Логический анализ языка. Культурные концепты» (М., 1991) описаны концепты *истина*, *правда*, *ложь*, *долг*, *причина*, *судьба*, *добро и зло*, *закон и порядок*, *человек и личность*, *уныние*, *меланхолия*, *задумчивость*, *забвение*, *радость*, *удовольствие* и др. Самым значительным достижением в этом плане следует признать фундаментальный труд Ю.С. Степа-

нова «Константы. Словарь русской культуры» (1997), где на обширном материале исследуются целые блоки концептов русской концептосферы: *Вечность, мир, менталитет мира; Слово, вера, любовь, радость, воля; Правда, истина, партийность; Число, счёт, алфавит; Закон, власть; Свои, чужие; Русь, Родина* и некоторые другие. В 1990—2000-е гг. вышли уже сотни работ, посвящённых изучению отдельных концептов или их групп, что даёт возможность представить фрагменты картины мира (концептосферу) русского языка. В этой области исследований когнитивная лингвистика теснейшим образом связана с этнолингвистикой и лингвокультурологией.

Когнитивная лингвистика до сих пор не может быть признана наукой с чёткой терминологией, ясно очерченным предметом исследования и адекватным методом анализа своего неоднозначно трактуемого объекта. Отсюда постоянная путаница между понятиями *концептосфера и языковая система, концепт и значение слова*, с одной стороны; и отсюда смешение когнитивно-лингвистических и психолингвистических, когнитивно-лингвистических и социолингвистических (а также лингвокультурологических и этнолингвистических) явлений. Для того, чтобы это чрезвычайно модное, привлекательное для множества, особенно молодых, учёных лингвистическое направление выдержало испытание временем, оно должно «самоопределиться»: установить границы собственно лингвистики внутри когнитологии, уточнить свои основные понятия, сузить и конкретизировать предмет исследования, выработать адекватные своему объекту процедурные приёмы анализа, «выяснить отношения» с психолингвистикой, лингвокультурологией, этнолингвистикой, функциональной лингвистикой и другими смежными науками.

§ 84. Функциональная лингвистика

Функциональная лингвистика — одно из направлений современного языкознания, которое характеризуется преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения. Она возникла на базе структурной лингвистики и представляет собой совокупность разнородных школ, объединённых общим подходом к языку: все представители функционального направления считают, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без учёта его функций.

Исследователи современного состояния мирового языкознания отмечают разное положение функциональных школ, с одной стороны, в Соединённых Штатах Америки, с другой — в России и в Европе. Американское функциональное направление родилось в противовес дескриптивной лингвистике и развивается в условиях жёсткого противостояния генеративизму, формальному направлению, которое по-прежнему занимает ведущие позиции в науке США. Как известно, основной постулат генеративизма состоит в том, что универсальная грамматика (компетенция) является врождённой и потому не нуждается в объяснении через изучение функций. В Европе же и в России функциональный подход к исследованию языка был естественным продолжением традиций, заложенных в трудах Ф. де Соссюра, О. Есперсена, русских лингвистов (А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова, В.В. Виноградова). Основным принцип функциональной лингвистики — понимание языка как *целенаправленной системы средств выражения* — был сформулирован в Тезисах Пражского лингвистического кружка.

Возрождение интереса к функциональной стороне языка объясняется рядом причин.

1. К 1970-м гг. уже стало ясно, что дескриптивная лингвистика (особенно дистрибутивный метод) и генеративная школа, игнорирующие значение языковых знаков, сковывают возможности исследователей.

2. Лингвисты осознали неадекватность трактовки языкового значения через неизменные универсальные логические категории, через бихевиоризм, а также через изменчивые психологические представления и исторические изменения, которые выявлялись в рамках сравнительно-исторического языкознания.

3. Стало ясно, что семантика не должна ограничиваться только лексикой, что в её сферу должен войти синтаксис и шире — сам текст.

Сторонники функционального подхода к языку изучают и устную, и письменную речь в **коммуникативном** плане, т.е. как средство человеческого общения, учитывая и намерения говорящего субъекта, и реакцию адресата. Характерными чертами функциональной лингвистики являются 1) отказ от априорных аксиом при изучении структуры языка и интерес ко всему объёму естественного языка; 2) эмпиризм, оперирование очень

большими корпусами данных; 3) использование количественных подсчётов.

Вначале функциональная лингвистика развивалась как **структурная лексическая семантика**, затем возникли **синтаксическая семантика** и **функциональная грамматика**. Процедурные приёмы и методы функциональной лингвистики формировались под влиянием оппозиционного анализа пражских структуралистов и методики компонентного анализа генеративной грамматики. Именно в функциональной лингвистике окончательно оформилась методика полевых анализа языкового материала, когда языковые единицы рассматриваются как члены групп, объединённые сквозными семами, а их различия выявляются через анализ их оппозиционных свойств. Так, например, семантическое поле «Любовь», выявленное в русских словарях, содержит в ядерной зоне группы языковых единиц, объединённых сложными семами «Родственная любовь», «Половая любовь» и «Духовная близость».

Одним из наиболее активно развивающихся разделов функциональной лингвистики в России является **функциональная грамматика**, которая изучает 1) функции единиц языка, относящихся к его строю, и закономерности функционирования их в высказываниях и в целостных текстах; 2) семантические категории и их варианты, выражаемые взаимодействующими разнородными средствами (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими, фразеологическими). Как и в любой из функциональных школ, в функциональной грамматике существуют два направления анализа: 1) исходно-формальное (от средств к функциям) и 2) исходно-семантическое (от функций к средствам). Под **функцией** понимается назначение языковой единицы. Например, функция выражения *Иди с миром* — служить прощальным приветствием.

Функциональную лингвистику не случайно в последние годы называют **системно-функциональным направлением**. Александр Владимирович Бондарко (р. 1930), создатель функциональной морфологии русского языка, подчёркивает, что «разработка проблем семантики требует особого внимания к различным аспектам системности. Речь идёт не только об анализе средств формального выражения языковых значений, но и о системном анализе семантических категорий и единиц, семантического содержания высказывания и целостного текста» («Функциональная грамматика: проблемы системности», 2002).

Перу А.В. Бондарко принадлежат фундаментальные работы по системно-функциональному описанию русского грамматического строя: «Функциональная грамматика» (1984), «Проблемы функциональной грамматики» (1985), «Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис» (1987), «Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект» (1989), «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» (1990), «Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость» (1991), «Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определённость / неопределённость» (1992) и др. Проблемы функционального синтаксиса основательно разработаны в трудах Галины Александровны Золотовой (р. 1924): «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1973) и др. работы.

Исследования в области функциональной грамматики опираются на понятие функционально-семантического поля. **Функционально-семантическое поле (ФСП)** — это система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, фразеологических, лексико-синтаксических и т.д.), основывающихся на общности их функций. Сами же функции базируются на определённой семантической категории. Так, например, в русской функциональной грамматике выделяют функционально-семантические поля аспектуальности (видовая категория), темпоральности (временная категория), залоговости и т.д. Структура этих полей может быть различной: строго центрированной, с чётко определяемым ядром и периферией (ср. русское поле аспектуальности, охватывающее все глагольные формы) или слабо центрированной, полицентричной, опирающейся на некоторую совокупность языковых средств, которые не образуют единой системы форм (ср. русское поле определённости / неопределённости, не подкреплённое системой артиклей, как в немецком языке).

Функциональная лингвистика имеет много точек соприкосновения с когнитивной лингвистикой. Ведь когнитивная лингвистика не может обходить вопросы функционирования языковых знаков, участвующих в получении, переработке и хранении информации. Однако проблема взаимоотношения когнитивной и функциональной лингвистики всерьёз пока не ставилась, и оба направления существуют параллельно, часто занимаясь одними и теми же проблемами.

Вместо заключения

Лингвистика, «изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания» (*Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки*, с. 279). Не случайно последняя треть XX столетия стала временем формирования смежных наук, в которых язык изучается вместе с различными социальными, культурными, психическими, этническими явлениями. Необычайно востребованными в 1970—2000-е гг. стали социолингвистические исследования (см. *Земская Е.А., Крысин Л.П. Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы исследований*, 1998). Проблемы, которыми занимается социолингвистика (языковая ситуация, билингвизм, языковая политика, взаимоотношение государственного языка и языков национальных меньшинств), после распада многоязычных государств (СССР, Югославии, Чехословакии, ряда африканских и азиатских стран) стали особенно актуальными. От их решения во многом зависит стабильность мирового сообщества. В тесной связи с социолингвистикой развиваются этнолингвистика, имеющая давние традиции, и лингвокультурология. В большинстве мире, который населён людьми, говорящими на разных языках, хранящими разные культурные традиции, находящимися на разных ступенях общественного развития, лингвистика всегда будет востребована, и в этом залог её дальнейшего развития.

Вопросы для самоконтроля

1. Когда и почему начинает формироваться когнитивное направление в лингвистике?
2. Какую роль в становлении когнитивной лингвистики сыграли психолингвистика и генеративная грамматика?
3. Что является объектом когнитивной науки вообще и когнитивной лингвистики в частности?
4. Существует ли у когнитивной лингвистики свой процедурный метод? Если нет, то как это можно объяснить?
5. Какие проблемы решает когнитивная лингвистика?
6. Как вы понимаете суть основных терминов когнитивной науки *концепт, концептуализация, концептосфера, категоризация*?
7. Любой ли концепт имеет вербальное (словесное) выражение? Приведите примеры концептов, которые не имеют вербально-го выражения в русском языке.

8. В каких сферах когнитивная лингвистика достигла заметных успехов? В чём вы видите достоинства когнитивной лингвистики, а в чём — уязвимость?
9. Каковы истоки функционального направления в Соединённых Штатах Америки? Как сформировалось функциональное направление в Западной Европе и в СССР?
10. Чем можно объяснить возрождение интереса к функциональной стороне языка? Какие проблемы решает функциональная грамматика?
11. Какие процедурные приёмы используются в функциональной грамматике? Что представляет собою функционально-семантическое поле?
12. Что можно поставить в заслугу отечественным учёным, работающим в сфере функциональной грамматики?
13. Чем можно объяснить востребованность лингвистики в наше время? Есть ли у лингвистики будущее?

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15—26.

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 58. № 4. 1999. С. 39—53.

Бенвенист Э. Человек в языке // Общая лингвистика: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С.Степанова. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. С.259—328.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика: проблемы системности // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва. 8—10 июня 2002 г.) / Сост. Н.К. Онипенко. М.: ИРЯ РАН, 2002.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: Сб. науч. ст. / Под ред. акад. Ю.С.Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239—320.

Дигоева Э. Язык и наука XX века. [http:// www.darial-online.ru/1999_5/digoeva.shtml](http://www.darial-online.ru/1999_5/digoeva.shtml).

Земская Е.А., Крысин Л.П. Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы. М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 1998.

Живов В., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 3—14.

Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 1999.

Ковалёв С.В. Введение в современное НЛП. Психотехнологии личностной эффективности: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Московский психолого-социальный ин-т: Флинта, 2004.

О'Коннор Дж., Сеймор Дж. Введение в нейролингвистическое программирование: Пер. с англ. Челябинск: Версия, 1997.

Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 60. № 5. 2001. С. 3—13.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: Сб. науч. ст. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144—238.

Кубрякова Е.С. Дискурс и когнитивная грамматика // Русистика на пороге XX века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 8—10 июня 2002 г.). М.: Науч. совет РАН, МГЛУ, ИРЯ РАН им. В.В.Виноградова, 2003. С. 12—15.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977.

Лингвистический этимологический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Никитин М.В. Предел семиотики // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 3—14.

Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 19—41.

Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69—77.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. 2-е изд., стереотип. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001.

Радченко О.А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 96—125.

Селивёрстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12—54.

Современная американская лингвистика: Фундаментальные на-

правления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века: Сб. науч. ст. / Под ред. акад. Ю.С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 7—34.

Сусов И.П. Некоторые направления и школы в языкознании последних десятилетий 20 в. // Сусов И.П. Истории языкознания: Учеб. пособие для студентов старших курсов и аспирантов. Тверь: Тверской ун-т, 1999. С. 177—201.

Трубачёв О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Филологические науки. 1998. № 3. С. 3—14.

Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики — вчера и завтра // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 58. № 4. 1999. С. 28—38.

Шелякин М.А. О понятии и типах функциональной грамматики // Русистика на пороге XX века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 8—10 июня 2002 г.). М.: Науч. совет РАН, МГЛУ, ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, 2003. С. 31—34.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 62—64; 214—216; 226—228; 339—341.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1998. С. 479—486; 658—659.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Указатель имён

- Абаев** Василий Иванович (1900—2001), рос. лингвист 330, 348
- Абеляр** Пётр (Пьер) (1079—1142), фр. философ, теолог и поэт 32—33, 47
- Аванесов** Рубен Иванович (1902—1982), сов. лингвист 320, 325
- Августин** Блаженный Аврелий (354—430), христ. богослов, отец Церкви 29
- Аделунг** Иоганн Кристоф (1768—1843), нем. лингвист 42, 57
- Ажеж** Клод (р. 1936), фр. лингвист 351, 353, 384, 385
- Александров** Александр Иванович (1864—1917/1918), рус. лингвист 149
- Алефиренко** Николай Фёдорович (р. 1946), рос. лингвист 13, 127, 379
- Алпатов** Владимир Михайлович (р. 1945), рос. лингвист 3, 12, 15, 18, 46, 47, 50, 77, 126, 139, 162, 191, 209, 247, 289, 337, 348, 351, 385
- Ансельм** Кентерберийский (1033—1109), англ. теолог-схоласт 31, 32
- Амр ибн Усман ибн Канбар Сиба-вейхи** (?— ок. 793), араб. учёный, филолог 37
- Апресян** Юрий Дереникович (р. 1930), рос. лингвист 211, 290, 371, 385
- Аристарх Самофракийский** (II в. до н.э.), александрийский грамматист 25
- Аристотель** (384—322 до н.э.), др.-греч. философ 22, 23, 27, 31, 33, 34, 37, 94, 143, 185, 198
- Арно** Антуан (1612—1694), фр. лингвист 43—47, 94
- Арутюнова** Нина Давидовна (р. 1923), рос. лингвист 372, 379
- Асколи** Грациаджо Изае (1829—1907), ит. лингвист 151
- Ахманова** Ольга Сергеевна (1908—1991), рос. лингвист 290, 371
- Балли** Шарль (1865—1947), фр. лингвист 140, 196, 201, 207
- Баранников** Алексей Петрович (1890—1952), сов. лингвист 149
- Барт** Ролан (1915—1980), фр. учёный 373
- Бахтин** Михаил Михайлович (1895—1975), сов. филолог 97

- Беккер** Карл (1775—1849), нем. лингвист 94—96, 99, 102, 169, 233
- Белинский** Виссарион Григорьевич (1811—1848), рус. революционер-демократ, лит. критик 97, 106
- Бенвенист** Эмиль (1902—1976), фр. лингвист 137, 193, 201, 358, 359, 385
- Березин** Фёдор Михайлович (р. 1930), сов., рос. лингвист 3, 12, 46, 78, 126, 127, 154, 155, 179, 183, 188, 209, 289, 348
- Бернекер** Эрих (1874—1937), нем. лингвист 173, 187
- Бернштейн** Сергей Игнатьевич (1892—1970), сов. лингвист 302, 305, 348
- Бертони** Джулио (1878—1942), ит. лингвист 140
- Блок** Бернард (1907—1965), амер. лингвист 272
- Блумфилд** Леонард (1887—1949), амер. лингвист 248, 249, 251, 266—273, 279, 296
- Боас** Франц (1858—1942), нем. лингвист 249—252, 267
- Богородицкий** Василий Алексеевич (1857—1941), рус., сов. лингвист 100, 149, 164, 166, 167, 169
- Бодуэн де Куртенэ** Иван Александрович (1845—1929), рус.-польск. лингвист 119, 139, 147—165, 167—169, 192, 196, 197, 203, 205, 209, 213, 215, 216, 221, 222, 292, 299, 300, 301, 304, 306, 307, 309, 311, 313, 314, 326, 377, 381
- Бондарко** Александр Владимирович (р. 1930), рос. лингвист 382, 383, 385
- Бопп** Франц (1791—1867), нем. лингвист 52—56, 58, 60, 63, 65, 73, 79, 85, 95, 97, 98, 125
- Бозций** Дакийский (XIII в.), христ. философ, грамматист 33
- Бреаль** Мишель Жюль Альфред (1832—1915), фр. философ-социолог 119, 131, 172, 195
- Брёндаль** Вигго (1887—1942), дат. лингвист 234
- Брик** Осип Максимович (1886—1945), сов. писатель, литературовед 219
- Брок** Олаф (1867—1961), норв. лингвист 173
- Бругман** Карл (1849—1919), нем. лингвист 119, 120, 122, 129, 194
- Бубрих** Дмитрий Владимирович (1890—1949), сов. лингвист 324
- Будде** Евгений Фёдорович (1859—1929), рус. лингвист 170
- Булаховский** Леонид Арсеньевич (1888—1961), сов. лингвист 69
- Булич** Сергей Константинович (1859—1921), рус. лингвист 149
- Булыгина** Татьяна Вячеславовна (р. 1929), рос. лингвист 290, 359
- Бунге** Марио (р. 1919), аргент. физик, философ 249
- Буслаев** Фёдор Иванович (1818—1897), рус. лингвист 63, 95—101, 111, 127, 128, 171, 173, 188, 317
- Бэкон** Роджер (ок. 1214—1292), англ. философ и естествоиспытатель 33

- Бэкон** Фрэнсис (1561—1626), англ. философ-материалист 42, 199
- Бюлер** Карл Людвиг (1879—1963), герм.-австр.-амер. лингвист 214
- Вайсгербер** Лео (1899—1985), нем. лингвист 69
- Вандриес** Жозеф (1875—1960), фр. лингвист 137—139, 146, 207
- Вараручи** Катьяна (III в. до н. э.), др.-инд. филолог 18
- Варрон** Марк Теренций (116—27 до н.э.), др.-рим. грамматист 23, 25
- Василий Великий** Кесарийский (ок. 330—379), христ. богослов, отец Церкви 29
- Вахек** Йозеф (1909—1996), чехо-словацкий лингвист 214
- Вейк** Николас ван (1880—1941), нидерл. лингвист 173, 187
- Веселовский** Александр Николаевич (1838—1906), рус. филолог 301
- Вико** Джамбаттиста (1668—1744), ит. философ 42, 131
- Виноградов** Виктор Владимирович (1894/1895—1969), сов. лингвист 127, 209, 293, 300, 302, 310—314, 317, 318, 321, 328, 348, 381
- Винокур** Григорий Осипович (1896—1947), сов. лингвист 215, 292, 293, 320—322, 329
- Владимирцов** Борис Яковлевич (1884—1931), рус., сов. лингвист 149
- Волошинов** Валентин Николаевич (1895—1936), сов. лингвист 105, 297, 348
- Востоков** Александр Христофорович (1781—1864), рус. лингвист 52, 61—63, 78, 79
- Вундт** Вильгельм (1832—1920), нем. психолог, физиолог, лингвист 114—120, 126, 131, 140, 141, 144, 154, 233
- Гавранек** Богуслав (1893—1978), чехословацкий лингвист 214
- Гамкрелидзе** Тамаз Валерьевич (р. 1929), рос. археолог, лингвист 92, 94, 127, 368
- Гегель** Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), нем. философ 67, 76, 84, 93, 106, 140, 193
- Георгиев** Владимир (1908—1986), болг. лингвист 91
- Гёдель (Годель)** Роберт (р. 1902), австр.-швейц. лингвист 207
- Гераклит Эфесский** (ок. 540—475 до н. э.), др.-греч. философ 6, 19, 20, 22, 23
- Герbart** Иоганн Фридрих (1776—1841), нем. философ-идеалист 102, 103, 144
- Гердер** Иоганн Готфрид (1744—1803), нем. философ-просветитель 42
- Глисон** Генри (р. 1917), амер. лингвист 272, 290
- Гоббс** Томас (1588—1679), англ. философ-материалист 199
- Голанов** Иван Григорьевич (1890—1967), сов. лингвист 338
- Граммон** Морис (1866—1960), фр. лингвист 207
- Граур** Александр (1900—1988), рум. лингвист 139
- Греч** Николай Иванович (1787—1867), рус. лингвист 96

- Григорий Нисский** (ок. 335—394), христ. богослов, отец Церкви 29
- Гримм Вильгельм** (1786—1859), нем. писатель-романтик, лингвист 58, 59
- Гримм Якоб** (1785—1863), нем. писатель-романтик, лингвист 52, 58—60, 63, 65, 79, 97, 111, 233
- Гринберг Джозеф Харолд** (1915—2001), амер. лингвист 230
- Гроот Алберт Виллем де** (1892—1963), нидерл. лингвист 215
- Грот Яков Карлович** (1812—1893), рус. лингвист 189
- Гумбольдт Вильгельм фон** (1767—1835), нем. философ, языковед 9, 11, 42, 65—79, 82, 83, 92, 94, 97, 102—106, 109, 111, 117, 122, 127, 131, 135, 140, 143—146, 157, 197, 198, 233, 234, 287, 335, 337, 358, 377
- Гуссерль Эдмунд** (1859—1938), нем. философ-идеалист 373
- Давыдов Иван Иванович** (1794—1863), рус. лингвист 96
- Даль Владимир Иванович** (1801—1872), рус. писатель, лингвист 7
- Данеш Франтишек** (р. 1919), чехословацкий лингвист 361
- Дарвин Чарлз Роберт** (1809—1882), англ. естествоиспытатель 6, 80—82, 84, 85, 93, 330
- Декарт Рене** (1596—1650), фр. философ, физик, математик 199
- Дельбрюк Бертольд** (1842—1922), нем. лингвист 119, 120
- Демокрит из Абдер** (ок. 460 до н.э. — ?), др.-греч. философ 20, 32
- Джоунз Дэниэл** (1881—1967), англ. лингвист 214
- Джоунз Уильям** (1746—1794), англ. путешественник, востоковед 51
- Дидро Дени** (1713—1784), фр. философ-материалист 131
- Диоген Лаэртский (Лаэртий)** (1-я пол. III в.), др.-греч. историограф философии 20
- Дионисий Фракийский** (170—90 до н.э.), др.-греч. философ, грамматист 25
- Дип Фридрих Кристиан** (1794—1876), нем. лингвист 80, 110
- Дмитриев Николай Константинович** (1898—1954), сов. лингвист 324
- Добровский Йозеф** (1753—1829), чехословацкий общественный деятель, лингвист 52, 60, 61, 63
- Добролюбов Николай Александрович** (1836—1861), рус. революционер-демократ 106
- Дорошевский Витольд Ян** (1899—1976), польск. лингвист 215
- Дурново Николай Николаевич** (1876—1937), рус., сов. лингвист 170, 187, 215, 315, 316, 322, 338
- Дьяконов Игорь Михайлович** (1915—1999), рос. лингвист 369
- Дювернуа Александр Львович** (1840—1886), рус. лингвист 171
- Дюркгейм Эмиль** (1858—1917), фр. социолог-позитивист 133, 134, 146, 192, 197

- Ельмслев** Луи (1899—1965), дат. лингвист 7, 71, 169, 234—243, 245, 271
- Есперсен** Йенс Отто Харри (1860—1943), дат. лингвист 100, 153, 233, 343, 381
- Жильерон** Жюль (1854—1926), швейц. лингвист 140, 157
- Жирков** Лев Иванович (1885—1963), сов. лингвист 324
- Жолковский** Александр Константинович (р. 1939), рос. лингвист 372
- Зализняк** Андрей Анатольевич (р. 1935), рос. учёный 209, 372
- Звегинцев** Владимир Андреевич (1910—1988), сов. лингвист 47, 56, 76, 78, 93, 107, 127, 135, 141, 209, 250, 253, 263, 290, 348, 359
- Земская** Елена Андреевна (р. 1926), рос. лингвист 359, 384, 385
- Зиндер** Лев Рафаилович (1904—1995), рос. лингвист 305
- Золотова** Галина Александровна (р. 1924), рос. лингвист 383
- Иванов** Вячеслав Всеволодович (р. 1929), рос. лингвист 92—94, 127, 368
- Илич-Свитыч** Владимир Маркович (1934—1966), сов. лингвист 368
- Ильинский** Григорий Андреевич (1876—1937), рус., сов. лингвист 338
- Истрин** Василий Михайлович (1865—1937), рус., сов. лингвист 170
- Йордан** Йоргу (1888—1986), рум. лингвист 139
- Кант** Иммануил (1724—1804), нем. философ 66, 106, 235, 373
- Караулов** Юрий Николаевич (р. 1935), рос. лингвист 355, 356, 359
- Карцевский** Сергей Иосифович (Осипович) (1884—1955), рос.-швейц. лингвист 207, 214, 292
- Килвордби** Роберт (XIII в.), христ. философ, грамматист 33, 34
- Кирилл** (ок. 827—869) и **Мефодий** (ок. 815—885), братья из Солуни, слав. просветители, создатели слав. азбуки 29
- Климов** (1928—1997) Георгий Андреевич, рос. лингвист 369
- Кнорбзов** Юрий Валентинович (1922—1999), рос. лингвист 368, 369
- Кодухов** Виталий Иванович (р. 1919), рос. лингвист 3, 13, 46, 78, 126, 147, 191, 209, 289, 348
- Колесов** Владимир Викторович (р. 1934), рос. лингвист 63, 78, 106, 127, 209, 366, 386
- Коллиндер** Бьёрн (1894—1983), шв. лингвист 149
- Кондрашов** Николай Андреевич (р. 1919), рос. лингвист 3, 13, 47, 78, 127, 216, 289, 348
- Конт** Огюст (1798—1857), фр. философ-позитивист 133, 134, 146, 192
- Косериу** (**Косерию**) Эуджен (Эухенио) (р. 1921), рум.-ит.-португ. лингвист 192
- Коэн** Марсель (1884—1975), фр. лингвист 137—139, 146, 207

- Кроче** Бенедетто (1866—1952), ит. философ-идеалист 140—142
- Крушевский** Николай Вячеславович (1851—1887), рус.-польск. лингвист 149, 157, 163—166, 169, 193, 204, 213
- Крушельницкая** Клара Григорьевна (р. 1905), рос. лингвист 218
- Крыкин** Леонид Петрович (р. 1935), рос. лингвист 209, 359, 384, 385
- Крючков** Сергей Ефимович (1897—1969), сов. лингвист 315
- Кубрякова** Елена Самойловна (р. 1927), рос. лингвист 352—354, 356, 357, 359, 360, 362—365, 372, 386
- Кузнецов** Пётр Саввич (1899—1968), сов. лингвист 320, 325, 327
- Кульбакин** Степан Михайлович (1873—1941), рус., сов. лингвист 187
- Кун** Адальберт (1812—1881), нем. лингвист 80
- Кун** Томас Сэмюэл (1922—1996), амер. учёный 354, 357, 365, 386
- Курилович** Ежи (1895—1978), польск. лингвист 139, 195
- Курциус** Георг (1820—1885), нем. лингвист 122, 172
- Лакан** Жак де (1901—1981), фр. учёный 373
- Лакофф** Джордж (р. 1941), амер. учёный 377
- Лангакер** Рональд Уэйн (р. 1942), амер. учёный 377
- Ланслб** Клод (1616—1695), фр. филолог, грамматист 43, 45—47, 94
- Лаптева** Ольга Алексеевна (р. 1931), рос. лингвист 218
- Ларин** Борис Александрович (1893—1964), сов. лингвист 149, 302, 313
- Лафарг** Поль (1842—1911), деятель фр. и междунар. рабочего движения 132, 139, 146, 210
- Лацарус** Мориц (1824—1903), нем. философ, этнопсихолог 104, 114
- Леви-Строс** Клод (1908—1990), фр. учёный 373
- Лейбниц** Готфрид Вильгельм (1646—1716), нем. философ-идеалист 199
- Ленин (Ульянов)** Владимир Ильич (1870—1924), теоретик марксизма, философ 131, 235, 294—298
- Лерх** Эуген (1888—1953), нем. лингвист 140
- Лескин** Август (1840—1916), нем. лингвист 119, 121, 123, 151, 172, 177
- Лихачёв** Дмитрий Сергеевич (1906—1999), рос. лингвист 378
- Локк** Джон (1632—1704), англ. философ-просветитель 106, 131
- Ломов** Анатолий Михайлович (р. 1935), рос. лингвист 356
- Ломоносов** Михаил Васильевич (1711—1765), рус. учёный-энциклопедист 51, 313
- Лосев** Алексей Фёдорович (1893—1988), сов. философ и филолог 26, 29, 47
- Ляпунов** Борис Михайлович (1862—1943), рус., сов. лингвист 170, 187

Маркс Карл (1818—1883), философ, создатель диалектического и исторического материализма 42, 131, 132, 202, 294—297

Марр Николай Яковлевич (1864/1865—1934), рус., сов. археолог, филолог, лингвист 292, 298, 307—309, 323, 329—340, 344, 346, 347, 349, 374

Мартин Андре (1908—1999), фр. лингвист 215, 243

Матезиус Вилем (1882—1945), чехословацкий лингвист 214, 218, 219, 229, 230

Матусевич Маргарита Ивановна (1895—1979), сов. лингвист 305

Махмуд аль Кашгари (XI в.), араб. учёный-тюрколог 38—40

Меджд ад-Дин Мохаммад ибн Якуб Ширази Фирузабади (1329—1414), араб. учёный, лексикограф 37

Мейе Антуан (1866—1936), фр. лингвист 54, 58, 134—140, 146, 152, 207, 210, 212

Мельчук Игорь Александрович (р. 1932), сов., канад. лингвист 372

Мерингер Рудольф (1859—1931), австр. лингвист 130

Мефодий см. **Кирилл и Мефодий** 29

Мещанинов Иван Иванович (1883—1967), сов. лингвист 100, 338—343, 381

Миккола Иосиф Юлиус (1866—1946), фин. лингвист 187

Миклошич Франц (1813—1891), австр.-словенский лингвист 63

Миллер Всеволод Фёдорович (1848—1913), рус. лингвист 171

Миллер Джордж Армитедж, амер. психолог 376

Мокиенко Валерий Михайлович (р. 1940), рос. лингвист 371

Мюллер Макс (1823—1900), нем. лингвист 92

Найда Юджин Алберт (р. 1914), амер. лингвист 273, 279, 281, 282

Никбёль Пьер (1625—1695), фр. философ 43, 45, 46

Ньюмейер Фред (р. 1923), амер. учёный 353

Обнорский Сергей Петрович (1888—1962), сов. лингвист 302, 311,

Остхоф (Остгоф) Георг (1847—1909), нем. лингвист 119, 120, 122, 130, 194

Павлов Иван Петрович (1849—1936), рус., сов. физиолог 267

Пайк Кеннет Ли (1912—2000), амер. лингвист 273

Паллас Петр Симонович (1741—1811), рус. естествоиспытатель 41

Панини (V—IV вв. до н.э.), инд. грамматист 15—20, 26, 27, 37

Панфилов Владимир Зиновьевич (1928—1997), рос. лингвист 218

Паршин Борис Павлович (р. 1961), рос. лингвист 358, 386

Пауль Герман (1846—1921), нем. лингвист 115, 119—121, 129, 141, 143, 144, 151, 196, 197

Педерсен Хольгер (1867—1953), дат. лингвист 173, 233, 368

- Перевлесский** Пётр Миронович (? — 1866), рус. лингвист 96
- Петерсон** Михаил Николаевич (1885—1962), сов. лингвист 170, 315—317, 320
- Пешковский** Александр Матвеевич (1878—1933), рус., сов. лингвист 169, 216, 293, 313, 315, 317—320, 328
- Питмен** Исаак (1813—1897), амер. лингвист 280
- Платон** (427—347 до н.э.), др.-греч. философ 20—22, 27, 31
- Покровский** Михаил Михайлович (1868 или 1869—1942), рус., сов. лингвист 169, 187
- Поливанов** Евгений Дмитриевич (1891—1938), сов. лингвист 215, 219, 292, 293, 297, 298, 300, 306—310, 314, 316, 322, 331, 338
- Попова** Зинаида Даниловна (р. 1929), рос. лингвист 377, 378, 386
- Поппе** Николай Николаевич (1897—?), рус. лингвист 324
- Поржезинский** Виктор Карлович (1870—1929), рус., сов. лингвист 170, 187, 292
- Поспелов** Николай Семёнович (1890—1984), сов. лингвист 313
- Потебня** Александр Афанасьевич (1835—1891), рус.-укр. лингвист 105—114, 116, 117, 119, 120, 124—128, 201, 313, 317, 377, 381
- Потт** Фридрих (1802—1887), нем. лингвист 79
- Присциан** (кон. V—нач. VI в.), рим. грамматист 25, 30
- Радлов** Василий Васильевич (1837—1918), рус. лингвист 149, 158
- Раск** Расмус (1787—1832), дат. лингвист 52, 55—58, 63, 79, 85, 92, 233
- Распопов** Игорь Павлович (1925—1982), сов. лингвист 218, 372
- Рассел** Бертран (1872—1970), англ. философ, математик 236
- Ревзин** Исаак Иосифович (1923—1974), сов. лингвист 372
- Реформатский** Александр Александрович (1900—1978), рус., сов. лингвист 221, 320
- Рикардо** Давид (1772—1832), англ. экономист 202
- Рот** Вальтер Рудольф фон (1821—1895), нем. лингвист 172
- Руссо** Жан Жак (1712—1778), фр. философ 42, 137
- Сводеш** Моррис (1909—1967), амер. лингвист 367
- Селищев** Афанасий Матвеевич (1886—1942), рус., сов. лингвист 338
- Сепир** Эдвард (Эдуард) (1884—1939), амер. лингвист 69, 248, 249, 251, 252, 260, 264—267, 272, 273, 290
- Серебренников** Борис Александрович (1915—1989), сов. лингвист 359
- Сеченов** Иван Михайлович (1829—1905), рус. физиолог 155
- Сеше** Альбер (1870—1946), швейц. лингвист 139, 196, 201, 297
- Сибавейхи** (см. Амр ибн Усман ибн Канбар Сибавейхи) 37

Сидоров Владимир Николаевич (1902/1903—1968), сов. лингвист 320, 325, 338

Симон Дакийский (XIII в.), христ. философ, грамматист 33

Скаличка Владимир (1908/09—1991), чехословацкий лингвист 214, 231

Слюсарева Наталья Александровна (р. 1918), рос. лингвист 218

Смит Адам (1723—1790), шотл. экономист и философ 202

Соколов Николай Николаевич (1875—1923), рус., сов. лингвист 315

Соммерфельт Альф (1892—1965), норв. лингвист 139

Соссюр Фердинанд де (1857—1913), швейц. лингвист 7, 16, 45, 48, 71, 119, 138—140, 144, 148, 152, 157, 159, 165, 167, 168, 183, 191—208, 235, 237—239, 242, 245, 246, 254, 258, 266, 268, 272, 287, 296, 297, 308, 313, 318, 319, 321, 326, 381

Срезневский Измаил Иванович (1812—1880), рус. лингвист 7, 63, 92, 151

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953), теоретик марксизма-ленинизма 294, 344, 345, 347, 349, 371, 379, 380

Степанов Юрий Сергеевич (р. 1930), рос. лингвист 355, 356, 359, 387

Стернин Иосиф Абрамович (р. 1948), рос. лингвист 377, 378, 386

Сухотин Алексей Михайлович (1888—1942), сов. лингвист 196, 325, 326

Сухотин Борис Викторович (р. 1937), рос. лингвист 369

Тард Габриель (1843—1904), фр. лингвист 133, 134, 146

Телия Вероника Николаевна (р. 1930), рос. лингвист 356, 359

Терньер Люсьен (1893—1954), фр. лингвист 215

Толстой Никита Ильич (1923—1996), рос. лингвист 372

Томас Эрфуртский (конец XIII — XIV вв.), христ. философ, грамматист 33, 36

Томашевский Борис Викторович (1890—1957), сов. филолог 215

Томсен Вильгельм Людвиг (1842—1927), дат. лингвист 18, 48, 65, 77, 78, 119, 210, 233

Томсон Александр Иванович (1860—1935), рус., сов. лингвист 170

Торбьёрнссон Торе (1864—1948), швед. лингвист 173

Трнка Богумил (1895—1984), чехословацкий лингвист 214

Трубачёв Олег Николаевич (1930—2002), рос. лингвист 370, 387

Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938), рус. лингвист 167, 181, 214, 216, 219—225, 228, 231, 232, 244, 292, 305, 322, 323, 326

Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943), сов. филолог, писатель 215, 219

Уайтхед Альфред Норт (1861—1967), англ.-амер. философ, математик 236

- Уитни** Вильям Дуайт (1827—1894), амер. лингвист 119, 203, 246
- Ульдалль** Ханс Йёрген (1907—1957), дат. лингвист 234, 243
- Ульянов** Григорий Константинович (1859—1912), рус. лингвист 187
- Уорф** Бенджамин Ли (1897—1941), амер. лингвист 69, 259—265, 267
- Успенский** Борис Андреевич (р. 1937), рос. учёный 372
- Ушаков** Дмитрий Николаевич (1873—1942), рус., сов. лингвист 170, 315, 320, 322
- Уэллз** (Уэллс) Рулон (р. 1919), амер. лингвист 279, 282
- Фалес** (Талес) из Милета (640—522 ? до н. э.), др.-греч. философ 6
- Фант** Гуннар (р. 1919), шв. учёный 225—227
- Фасмер** Макс Юлиус Фридрих (1886—1962), рус.-швед.-герм. лингвист 292
- Фатер** Иоганн Северин (1771—1826), нем. учёный 42
- Фёдорова** Ирина Константиновна (р. 1931), рос. этнограф 369
- Филин** Федот Петрович (1908—1982), сов. лингвист 128, 330
- Филмор** Чарлз (р. 1929), амер. учёный 377
- Фирузабади** (см. Меджхад-Дин Мохаммад ибн Якуб Ширази) 37
- Фихте** Иоганн Готтлиб (1762—1814), нем. философ 66, 76
- Фортунатов** Филипп Фёдорович (1848—1914), рус. лингвист 119, 148, 169—188, 191, 192, 203, 210, 213, 216, 296, 299, 303, 314—318, 325, 328
- Фосслер** Карл (1872—1947), нем. филолог 130, 140—145, 146, 147, 233, 263
- Фриз** Чарлз Карпентер (1887—1967), амер. лингвист 273
- Фрумкина** Ревекка Марковна (р. 1931), рос. лингвист 356, 368, 387
- Фуко** Мишель Поль (1926—1984), фр. учёный 373
- Халле** Моррис (р. 1923), амер. лингвист 225—227
- Харрис** Зеллиг Заббетаи (1909—1992), амер. лингвист 272, 273, 278, 279, 282, 283
- Хирт** Герман (1865—1936), нем. лингвист 87, 91
- Хоккет** Чарлз (р. 1916), амер. лингвист 272
- Холодович** Александр Алексеевич (1906—1977), сов. лингвист 193, 196, 210
- Хомский** (Чомский) Нбам (р. 1928), амер. лингвист 45, 283—289, 352, 353, 365, 376
- Хрисипп из Солы** (ок. 280—208? до н.э.), др.-греч. философ 23
- Хроленко** Александр Тимофеевич (р. 1938), рос. лингвист 3, 13
- Царнке** Фридрих (1825—1881), нем. лингвист 118, 119
- Чейф** Уоллес (р. 1927), амер. учёный 377
- Черных** Павел Яковлевич (1896—1970), сов. лингвист 371
- Чернышевский** Николай Гаврилович (1828—1889), рус. револю-

- ционер-демократ, философ, писатель 75, 106, 155
- Чикобава** Арнольд Степанович (1898—1985), сов. лингвист 128, 344
- Шафарик** Павел Йозеф (1795—1861), чехословацкий лингвист 80
- Шахматов** Алексей Александрович (1864—1920), рус. лингвист 97, 100, 153, 169, 171, 174, 187—192, 216, 292, 301, 310, 311, 313, 317, 318, 322
- Шеворошкин** Виталий Викторович (р. 1932), рос.-ит.-амер. лингвист 369
- Шеллинг** Фридрих Вильгельм Йозеф (1770—1831), нем. философ 66, 193
- Шкловский** Виктор Борисович (1893—1984), сов. писатель, литературовед 219
- Шлегель** Фридрих фон (1772—1829), нем. филолог, философ 52, 73, 83, 85, 90, 93, 122, 193, 233, 254
- Шлейхер** Август (1821—1868), нем. лингвист 59, 79—94, 99, 102, 111, 121, 122, 130, 132, 150, 154—155, 169, 177, 181, 233, 254, 335
- Шмидт** Иоганнес (1843—1901), нем. лингвист 88, 90
- Шпитцер** Лео (1887—1960), австр. лингвист 140
- Шредер** (Шрадер) Отто (1855—1919), нем. лингвист 91
- Штейнталь** Гейман (Хейман, Гуго) (1823—1899), нем. лингвист 101—106, 109, 112, 114, 116, 117, 119, 120, 126, 132, 153, 154, 157, 254
- Шухардт** Гуго (Хуго) (1842—1927), герм.-австр. лингвист 130
- Щепкин** Вячеслав Николаевич (1863—1920), рус. лингвист 170, 187
- Щерба** Лев Владимирович (1880—1954), сов. лингвист 149, 210, 213, 216, 221, 222, 293, 299, 300—306, 310, 311, 313, 318, 326, 349, 381
- Эйхенбаум** Борис Михайлович (1886—1952), сов. литературовед 219
- Энгельс** Фридрих (1820—1895), нем. философ, теоретик научного коммунизма 42, 131, 294—296
- Энквист** Нильс Эрих, фин. лингвист 361
- Юдахин** Константин Кузьмич (1890—1975), сов. лингвист 324
- Ягич** Игнатий Викентьевич (Ватрослав) (1838—1923), австр.-венг., рос. лингвист 153
- Якобсон** Роман Осипович (1896—1982), рос.-амер. лингвист 167, 214, 219, 224—229, 231, 232, 244, 292, 305, 320—323
- Яковлев** Николай Феофанович (1892—1974), сов. лингвист 223, 292, 293, 320, 322—326, 329, 349
- Якубинский** Лев Петрович (1892—1945), сов. филолог 219, 302

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение. История лингвистических учений</i>	
как учебная дисциплина	3
§ 1. Место истории лингвистических учений среди других лингвистических дисциплин и её учебно-методическое обеспечение	3
§ 2. Предмет и задачи курса «История лингвистических учений»	5
§ 3. Периодизация истории лингвистических учений	10

Раздел I

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Глава 1. Зарождение знаний о языке, формирование лингвистических традиций (VI в. до н.э. — 476 г.)</i>	<i>15</i>
§ 4. Веды и грамматика Панини	15
§ 5. Древнегреческая философия и вопросы языкознания	19
§ 6. Александрийские грамматики	24
<i>Глава 2. Языкознание средних веков</i>	<i>27</i>
§ 7. Языкознание в Средневековой Европе	27
§ 8. Арабское языкознание	36
§ 9. Некоторые замечания по поводу языкознания эпохи Возрождения (XIV—XVI в.)	40
<i>Глава 3. Языкознание Нового времени (XVII—XVIII вв.)</i>	<i>41</i>
§ 10. Задачи, стоявшие перед лингвистами в XVII—XVIII вв., и их решение	41
§ 11. Грамматика Пор-Рояля	43

Раздел II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (конец XVIII — начало XIX в.). ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ВИЛЬГЕЛЬМА фон ГУМБОЛЬДА

<i>Глава 1. Возникновение сравнительно-исторического языкознания</i>	<i>49</i>
§ 12. Предпосылки возникновения сравнительно-исторического метода и его сущность	49
§ 13. Санскрит и сравнительная грамматика Франца Боппа	52
§ 14. Зарождение скандинавского сравнительно-исторического языкознания. Лингвистические взгляды Расмуса Раска	55

§ 15. Зарождение германского сравнительно-исторического языкознания. Лингвистическая деятельность Якоба Гримма	58
§ 16. Зарождение славянского сравнительно-исторического языкознания. Лингвистическая деятельность Й. Добровского, А.Х. Востокова	60
<i>Глава 2. Философия языка Вильгельма фон Гумбольдта</i>	<i>65</i>
§ 17. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник философии языка	65
§ 18. Учение В. фон Гумбольдта о «языке» и «духе»	67
§ 19. Проблема «Индивид — народ — язык» в философии В. фон Гумбольдта	68
§ 20. Решение Гумбольдтом проблемы «Объективная действительность — мышление — язык»	68
§ 21. Решение В. фон Гумбольдтом проблемы «Язык как система»	70
§ 22. Учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка	70
§ 23. Учение В. фон Гумбольдта о строении и совершенстве языков	72
§ 24. Общая оценка философии языка В. фон Гумбольдта	75

Раздел III

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XIX столетия

<i>Глава 1. Натуралистическое направление.</i> Лингвистическая деятельность Августа Шлейхера	79
§ 25. Предпосылки возникновения натуралистического направления	79
§ 26. Учение Августа Шлейхера о лингвистике как естественной науке	81
§ 27. Типологическая классификация языков. Концепция развития языков А. Шлейхера	83
§ 28. Август Шлейхер — компаративист. Реконструкция индоевропейского праязыка	84
§ 29. Учение А. Шлейхера о родословном древе	87
§ 30. Вопрос о прародине индоевропейцев	90
<i>Глава 2. Логико-грамматическое направление в языкознании XIX в.</i>	<i>94</i>
§ 31. Зарождение немецкой логико-грамматической школы. Лингвистическая деятельность Карла Беккера	94

§ 32. Русская логико-грамматическая школа. Лингвистические взгляды Фёдора Ивановича Буслаева	96
<i>Глава 3. Психологическое направление в языкознании середины XIX столетия</i>	<i>101</i>
§ 33. Предпосылки возникновения психологического направления. Гейман Штейнталь — основоположник психологического направления	101
§ 34. Лингвистические взгляды Александра Афанасьевича Потебни	105
§ 35. Психология народов Вильгельма Вундта	114
<i>Глава 4. Младограмматизм — ведущая школа сравнительно-исторического языкознания XIX столетия</i>	<i>118</i>
§ 36. Возникновение младограмматической школы	118
§ 37. Историзм и психологизм — основные принципы младограмматической школы	119
§ 38. Учение младограмматиков о языковых законах	121

Раздел IV

КРИТИКА МЛАДОГРАММАТИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ конца XIX — начала XX в. СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА, ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ, НЕОГРАММАТИЗМ

<i>Глава 1. Социологическое и эстетическое направления в языкознании конца XIX — начала XX в.</i>	<i>129</i>
§ 39. Poleмика с младограмматиками	129
§ 40. Предпосылки зарождения социологического направления ..	131
§ 41. Зарождение социологического направления. Философская основа французской социологической школы	132
§ 42. Основоположник социологического направления Антуан Мейе и его ученики	134
§ 43. Эстетическое направление в языкознании начала XX в. Школа эстетического идеализма Карла Фосслера	140
<i>Глава 2. Формирование неограмматического направления. Казанская и Московская лингвистические школы</i>	<i>147</i>
§ 44. Общая характеристика неограмматического направления ..	147
§ 45. Казанская лингвистическая школа. Лингвистические взгляды Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ	148
§ 46. Московская лингвистическая школа. Лингвистическая деятельность Филиппа Фёдоровича Фортунатова	169

Глава 3. Лингвистическая концепция

Фердинанда де Соссюра	192
§ 47. Истоки соссюрровских идей	192
§ 48. Лингвистика языка и лингвистика речи	196
§ 49. Создание семиологии	198
§ 50. Лингвистический знак. Теоретическая ценность лингвистического знака	199
§ 51. Учение о языке как системе	204
§ 52. Учение о синхронии и диахронии	205
§ 53. Учение о внешней и внутренней лингвистике	206

Раздел V**СТРУКТУРАЛИЗМ — ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ЛИНГВИСТИКЕ 1920—1960-х гг.***Глава 1. Возникновение структурализма.*

Европейские структуральные школы	211
§ 54. Причины возникновения структурализма. Общие черты структуральных школ	211
§ 55. Пражский лингвистический кружок	214
§ 56. Копенгагенский структурализм	233

Глава 2. Американское языкознание 1920—1930-х гг.

(I этап дескриптивной лингвистики)	246
§ 57. Характерные черты американского языкознания XX столетия	246
§ 58. Лингвистические взгляды Франца Боаса	249
§ 59. Общеетеоретические взгляды Эдварда Сепира	252
§ 60. Теория лингвистической относительности Бенджамина Уорфа	259
§ 61. Леонард Блумфилд — основоположник дескриптивной лингвистики	266

Глава 3. Дескриптивная лингвистика

конца 1930—1950-х гг. (II этап)	272
§ 62. Последователи Э. Сепира и Л. Блумфилда. Дистрибутивный метод	272
§ 63. Кризис дескриптивной лингвистики. Разработка методики анализа по непосредственно составляющим	278
§ 64. Трансформационный метод. Генеративная грамматика Нбама Хомского («хомскианская революция»)	283

Раздел VI

СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ 1918—1950-х гг.

<i>Глава 1. Положение в отечественной лингвистике</i>	
после Октябрьской революции	291
§ 65. Задачи, стоявшие перед лингвистами	
в послереволюционной России	291
§ 66. Философская основа советского языкознания	293
<i>Глава 2. Судьба Петербургской лингвистической школы</i>	
в 1920—1950-е гг.	299
§ 67. Деятельность учеников И.А. Бодуэна де Куртенэ	299
§ 68. Лингвистическая деятельность Льва Владимировича Щербы ..	300
§ 69. Учение о фонеме Ленинградской	
(Петербургской) фонологической школы	304
§ 70. Лингвистические взгляды	
Евгения Дмитриевича Поливанова	306
§ 71. Проблемы лингвистики в трудах	
Виктора Владимировича Виноградова	310
<i>Глава 3. Московская лингвистическая школа</i>	
в 1920—1950-е гг.	314
§ 72. Деятельность старшего поколения	
учёных Московской лингвистической школы	314
§ 73. Деятельность молодого поколения	
Московской лингвистической школы	320
§ 74. Московская фонологическая школа	325
<i>Глава 4. Новое учение о языке</i>	329
§ 75. Николай Яковлевич Марр	
и его лингвистические взгляды	329
§ 76. Развитие идей Н.Я. Марра	
в трудах Ивана Ивановича Мещанинова	338
§ 77. Дискуссия 1950 г. на страницах газеты «Правда»	344

Раздел VII

ЛИНГВИСТИКА 1970-х гг. — НАЧАЛА XXI в.

<i>Глава 1. Кризис структурального направления. Поиски новых подходов</i>	
к изучению объекта лингвистического исследования	350
§ 78. Причины, вызвавшие разочарование	
в структуральных приёмах лингвистического анализа	350
§ 79. Путь к современному этапу истории	
лингвистических учений как смена	
парадигм научных знаний	354

§ 80. Отличительные черты современного этапа развития мирового языкознания	357
<i>Глава 2. Компаративистика и структурализм на современном этапе развития мирового языкознания</i>	<i>366</i>
§ 81. Сравнительно-историческое направление в 1970—2000-е гг.	366
§ 82. Судьба структурального направления	371
<i>Глава 3. Краткая характеристика некоторых новых направлений в языкознании 1970—2000-х гг.</i>	<i>375</i>
§ 83. Когнитивная лингвистика	375
§ 84. Функциональная лингвистика	380
<i>Вместо заключения</i>	<i>384</i>
<i>Приложение. Указатель имён</i>	<i>388</i>

Учебное издание

Шулежкова Светлана Григорьевна

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебное пособие для студентов
филологических факультетов

Подписано в печать 08.07.2008. Формат 60×88/16. Печать офсетная.
Гарнитура TimesET. Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 22,9.
Тираж 1000 экз. Заказ 1555. Изд. № 1760.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 345.
Тел.: (495)336-03-11; тел./факс: (495)334-82-65. E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru
WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.

ООО «Великолуцкая городская типография»
182100, Псковская область, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12
Тел./факс: (811-53) 3-62-95
E-mail: zakaz@veltip.ru